ISSN 2412-8562(print)
ISSN 2658-7777(online)
doi: 10.32603/2412-8562

ДИСКУРС

Том 12. № 3/2026

DISCOURSE

Volume 12. No. 3/2026

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Saint Petersburg
ETU Publishing house

2026

ДИСКУРС

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-62347 от 14.07.2015.
Подписной индекс по каталогу «Почта России» П4332.
Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)» (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).
Издается с сентября 2015 г., выходит шесть раз в год.
Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, индексируется и архивируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) и CrossRef.
Языки: русский, английский.
Редакция журнала: 197022, Санкт-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф,
тел. / факс: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru,
http://discourse.etu.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
А. Ф. Иванов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Заместитель главного редактора
Н. К. Гигаури, канд. техн. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Ответственный секретарь
М. Ю. Лютиков, канд. ист. наук, Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Г. А. Баева, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
Е. В. Боднарук, д-р филол. наук, доц., Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия
А. О. Бороноев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
С. С. Бразевич, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
А. В. Волков, д-р филос. наук, проф., Петрозаводский государственный ун-т, Петрозаводск, Россия
П. П. Дерюгин, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
Д. Ю. Дорофеев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский горный ун-т, СПб., Россия
С. М. Елисеев, д-р полит. наук, проф., Ун-т при Межпарламентской ассамблее ЕврАзЭС, СПб., Россия
В. И. Игнатьев, д-р филос. наук, проф., Новосибирский государственный технический ун-т, Новосибирск, Россия
А. А. Изгарская, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный ун-т, Новосибирск, Россия
Н. В. Казаринова, канд. филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия
И. В. Кононова, д-р филол. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный экономический ун-т, СПб., Россия
Е. Н. Лисанюк, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
Т. В. Мельникова, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия
В. П. Милецкий, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
С. И. Росенко, д-р социол. наук, проф., Национальный государственный ун-т физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, СПб., Россия
Р. В. Светлов, д-р филос. наук, проф., Балтийский федеральный ун-т им. И. Канта, Калининград, Россия
Е. Г. Соколов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
А. В. Солдатов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный морской технический ун-т, СПб., Россия
А. Ю. Сторожук, д-р филос. наук, вед. н. с., Ин-т философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия
Е. В. Строгецкая, канд. полит. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия
Н. А. Трофимова, д-р филол. наук, доц., Высшая школа экономики, СПб., Россия
В. В. Тузов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия
С. В. Чебанов, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
С. И. Черных, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный аграрный ун-т, Новосибирск, Россия
А. А. Шумков, д-р филол. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия
С. В. Шустова, д-р филол. наук, доц., Пермский государственный национальный исследовательский ун-т, Пермь, Россия
В. В. Щербина, д-р социол. наук, проф., Российский государственный гуманитарный ун-т, Москва, Россия
Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom
Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia
Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic
Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

---

Цели и тематика:
Журнал «ДИСКУРС» – периодическое международное рецензируемое научное издание – представляет результаты научных исследований российских и зарубежных ученых и ориентирован на социогуманитарные проблемы развития общества. Материалы публикуются по трем направлениям, соответствующим группам научных специальностей:
• Философские науки (онтология и теория познания; история философии; эстетика; этика; логика; философия науки и техники; социальная и политическая философия; философская антропология, философия культуры; философия религии и религиоведение).
• Социологические исследования (теория, методология и история социологии; социальная структура, социальные институты и процессы; политическая социология; социология культуры; социология управления).
• Теоретическое и прикладное языкознание (языки народов зарубежных стран; теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика).
Цель журнала – создание и развитие профессиональной коммуникационной платформы для междисциплинарного диалога и дискуссий по актуальной социогуманитарной проблематике. Публикации в журнале бесплатны.
Задачи:
• публикация оригинальных результатов научных исследований по различным вопросам философского, лингвистического, культурологического и социологического характера, полученных широким кругом авторов – как признанных ученых и специалистов, так и начинающих свой путь в профессии молодых исследователей из научных организаций России и зарубежных стран;
• осуществление коммуникации между российскими и зарубежными специалистами – философами, социологами, лингвистами, работающими в научных организациях разных ведомств;
• интеграция возможностей мультидисциплинарного подхода к гуманитарным исследованиям;
• усиление возможностей интеграции отечественных научных школ в международное научное сообщество.
Полные сведения о журнале, его редакционной политике, принятых этических стандартах, требования к подготовке статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте https://discourse.etu.ru

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

© Оформление. СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2026

DISCOURSE

The Journal is registered by Federal Service for Supervision of Communication, Information Technology and Mass Media (PI No FS77-62347 of 14.07.2015).
Subscription index in "The Post of Russia" catalogue П4332.
Founder and publisher: Saint Petersburg Electrotechnical University
Founded in 2015. Issued 6 times a year.
Accepted Languages: Russian, English.

The Journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. Indexed and archived in the Russian Science Citation Index (RSCI). It is a member of the Association of Scientific Editors and Publishers and CrossRef.
Editorial adress: Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Prof. Popov Str., St Petersburg 197022, Russia.
Tel.: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, http://discourse.etu.ru

THE EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Andrey F. Ivanov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Deputy Editor-in-Chief
Nina K. Gigauri, Can. of Sci. (Eng.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Executive Secretary
Mikhail Yu. Lyutikov, Can. of Sci. (History), Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Galina A. Baeva, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia
Elena V. Bodnaruk, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Northern (Arctic) Federal University Named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia
Asalkhan O. Boronoev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia
Svyatoslav S. Brazevich, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia
Aleksey V. Volkov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia
Pavel P. Deryugin, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia
Daniil Yu. Dorofeev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint-Petersburg Mining University, St Petersburg, Russia
Sergei M. Eliseev, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., University associated with IA EAEC, St Petersburg, Russia
Vladimir I. Ignatyev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia
Anna A. Izgarskaya, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia
Nadezhda V. Kazarinova, Can. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia
Inna V. Kononova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia
Elena N. Lisanyuk, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia
Tatyana V. Melnikova, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
Vladimir P. Miletskiy, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia
Svetlana I. Rosenko, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St Petersburg, Russia
Evgeniy G. Sokolov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia
Alexander V. Soldatov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., State Marine Technical University, St Petersburg, Russia
Anna Yu. Storozhuk, Dr. of Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia
Elena V. Strogetskaya, Can. of Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia
Roman V. Svetlov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia
Nella A. Trofimova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Higher School of Economics, St Petersburg, Russia
Victor V. Tuzov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia
Sergei V. Chebanov, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia
Sergei I. Chernykh, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia
Andrei A. Shumkov, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia
Svetlana V. Shustova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Perm State University, Perm, Russia
Vyacheslav V. Shcherbina, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom
Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia
Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic
Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

---

Aim and scope: DISCOURSE The Journal is a periodical international peer-reviewed scientific publication. The Journal presents the results of scientific research of Russian and foreign scientists and is focused on the publication of materials on the socio-humanitarian problems of the development of society. The Journal publishes papers in three areas for the corresponding groups of scientific specialties:
• Philosophical sciences (ontology and theory of knowledge, history of philosophy; aesthetics; ethics, logic, philosophy of science and technology, social and political philosophy; philosophical anthropology; philosophy of culture; philosophy of religion and religious studies);
• Sociological research (theory, methodology and history of sociology, social structure, social institutions and processes, political sociology, sociology of culture, management sociology);
• Theoretical and applied linguistics (languages of the peoples of foreign countries; theoretical, applied and comparative linguistics).
The goal of the Journal is the establishment and development of a professional communication platform for interdisciplinary dialogue and discussions on actual socio-humanitarian issues within the thematic areas of the Journal.
All publications in the Journal are free.

Mission of the Journal:
• Publication of the original results of scientific research on various issues of a philosophical, linguistic, cultural and sociological nature, received by a wide range of authors – both recognized scientists and specialists, and starting their career in the profession of young researchers and scientific organizations in Russia and foreign countries.
• Communication between Russian and foreign specialists – philosophers, sociologists, linguists working in scientific organizations of various departments;
• Integration of the capabilities of a multidisciplinary approach to humanitarian research;
• Strengthening the integration of domestic scientific schools in the international scientific community.
Full information about the Journal, its editorial policies, accepted ethical standards, requirements for the preparation of papers, an archive and additional information are available at https://discourse.etu.ru

All the materials of the journal are available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

© Design. ETU, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

ФИЛОСОФИЯ

Бакин С. А. Принципы конструирования знания в системах искусственного интеллекта: философско-методологический аспект 5
Владимиров Д. С. Топография свободы в оптике гуманистических концепций: Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер и П. Слотердайк 16
Хайруллина Н. В. Проблема критериев высказываний о вымысле 24
Куликов П. В. Как возможен театр: к метафизике присутствия 36
Ермаков А. А. Феноменология и конвенционализм: сущность и идеализация 56

СОЦИОЛОГИЯ

Бояркина С. И. Метафорическая репрезентация проблем здравоохранения США в постсобытийном пользовательском онлайн-дискурсе 69
Дерюгин П. П., Камышина Е. А., Эсселевич Э. А., Павлов А. В. Алгоритмические детерминанты социального неравенства: проблематизация исследований в социологии 83
Курапова А. С., Курапов С. В. Религиозность и репродуктивные установки в системе ценностей современной студенческой молодежи (на примере студентов технического вуза) 109
Нархов Д. Ю. Научно-образовательные общности вузов как субъект развития науки: специфика Уральского федерального округа 127

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Киселева С. В., Туманян Д. В. Перевод в эпоху цифрового многоязычия: сохранение лингвокультурной идентичности как вызов глобализации 141
Аль-Баяти Я. Ш. С., Кочетова Л. А. Специфика англоязычных коммуникативных практик в цифровой коммуникации 152
Заалишвили И. В. Отражение образа страны и власти в публичном дискурсе чилийского президента Габриэля Борича в лингвопрагматическом аспекте 166
Чалова О. Н. Стратегия тематического контроля в англоязычном научном диалоге 179
Голованов Е. О., Шамина Е. А. Разработка инструмента автоматизации перевода английских звукоизобразительных единиц на русский язык 189
Ульяницкая Л. А., Московчук Л. С., Гусев О. Н., Шумков А. А. Языковая ситуация и культурная идентичность Русского Севера: перспективы междисциплинарного исследования 204

Правила представления рукописей авторами 220

CONTENTS

Original papers

PHILOSOPHY

Bakin S. A. Principles of Knowledge Construction in Artificial Intelligence Systems: Philosophical-Methodological Aspect 5
Vladimirov D. S. Freedom Topography in the Optics of Humanistic Concepts: J.-P. Sartre, M. Heidegger and P. Sloterdijk 16
Khairullina N. V. The Problem of Criteria for Statements about Fiction 24
Kulikov P. V. How Theater is Possible: Towards a Metaphysics of Presence 36
Ermakov A. A. Phenomenology and Conventionalism: Essence and Idealization 56

SOCIOLOGY

Boyarkina S. I. Metaphorical Representations of United States Healthcare Problems in Post-Event User-Generated Online Discourse 69
Deriugin P. P., Kamyshina E. A., Esselevich E. A., Pavlov A. V. Algorithmic Determinants of Social Inequality: Problematization of Research in Sociology 83
Kurapova A. S., Kurapov S. V. Religiosity and Reproductive Attitudes in the Value System of Contemporary Student Youth (Based on the Example of Technical University Students) 109
Narkhov D. Yu. Scientific and Educational Communities of Universities as a Subject of Science Development: Specificity of the Ural Federal District 127

LINGUISTICS

Kiseleva S. V., Tumanyan Jo. V. Translation in the Age of Digital Multilingualism: Preserving Linguistic and Cultural Identity as a Challenge to Globalization 141
Al-Bayati Ya. Sh. S., Kochetova L. A. Linguistic Specificity of English-Language Communicative Practices in Social Media and Messaging Platforms 152
Zaalishvili I. V. Reflecting the Image of the Nation and Authority in the Public Discourse of Chilean President Gabriel Boric: a Linguopragmatic Approach 166
Chalova O. N. The Thematic Control Strategy in the English Scientific Dialogue 179
Golovanov E. O., Shamina E. A. Development of an Automation Tool for Translating English Phonosemantic Lexis into Russian 189
Ulianitckaia L. A., Moskovchuk L. S., Gusev O. N., Shumkov A. A. The Linguistic Situation and Cultural Identity of the Russian North: Prospects for Interdisciplinary Research 204

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 5–15
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 5–15

Философия
Philosophy

Оригинальная статья
УДК 165.9
http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-3-5-15

Принципы конструирования знания в системах искусственного интеллекта: философско-методологический аспект

Сергей Анатольевич Бакин

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
sirius.bakin@gmail.com, https://orcid.org/0009-0003-5626-251X

Введение. Статья посвящена актуальным философским проблемам постнеклассической науки, связанным с анализом интеллектуальных систем на основе машинного обучения, и содержит сравнительный анализ конструктивистского и реалистического подходов для выявления эвристического потенциала радикального конструктивизма в построении гибкой функциональной архитектуры ИИ.

Методология и источники. В основу исследования положен сравнительный анализ реалистического и конструктивистского подходов, методологический аппарат которого включает принципы операциональной замкнутости и когнитивного конструирования реальности, разработанные в трудах Э. фон Глазерсфельда, Ж. Пиаже и их последователей. Центральным тезисом выступает трактовка знания не как отражения объективной реальности, а как конструкции, критерием которой является функциональная пригодность для решения задач, что находит отражение в современных концепциях машинного обучения, таких как обучение с подкреплением.

Результаты и обсуждение. Продемонстрировано, что ключевые принципы конструктивизма – операциональная природа знания, итеративное построение когнитивных структур и прагматический критерий жизнеспособности – предлагают пути решения проблем ИИ, таких как проблема «черного ящика», статичность моделей и контекстуальная зависимость данных, через переосмысление машинного обучения как процесса активного построения функциональных репрезентаций и смещения акцента с точности на функциональную адекватность в конкретных прикладных контекстах.

Заключение. Разработанные положения радикального конструктивизма помогают переосмыслить природу данных и моделей в машинном обучении, а также открывают перспективы для более глубокого анализа требований к итеративным и адаптивным архитектурам обучения и развитию систем с искусственным интеллектом.

Ключевые слова: конструирование знания, радикальный конструктивизм, постнеклассическая наука, методология, машинное обучение, философия искусственного интеллекта

Для цитирования: Бакин С. А. Принципы конструирования знания в системах искусственного интеллекта: философско-методологический аспект // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 5–15. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-3-5-15

© Бакин С. А., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 5–15
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 5–15

Original paper

Principles of Knowledge Construction in Artificial Intelligence Systems: Philosophical-Methodological Aspect

Sergei A. Bakin

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St Petersburg, Russia
sirius.bakin@gmail.com, https://orcid.org/0009-0003-5626-251X

Introduction. The article addresses current philosophical problems of post-nonclassical science related to the analysis of machine learning-based intelligent systems. It contains a comparative analysis of constructivist and realistic approaches to identify the heuristic potential of radical constructivism in building a flexible functional architecture for AI.
Methodology and sources. The research is based on a comparative analysis of realistic and constructivist approaches. Its methodological apparatus includes the principles of operational closure and cognitive construction of reality, developed in the works of E. von Glasersfeld, J. Piaget, and their followers. The central thesis is the interpretation of knowledge not as a reflection of objective reality, but as a construction, the criterion of which is functional suitability for solving problems. This is reflected in modern machine learning concepts, such as reinforcement learning.
Results and discussion. It is demonstrated that the key principles of constructivism – the operational nature of knowledge, the iterative construction of cognitive structures, and the pragmatic criterion of viability – offer solutions to AI problems such as the "black box" problem, static nature of models, and contextual data dependency. This is achieved by rethinking machine learning as a process of active construction of functional representations and shifting the focus from accuracy to functional adequacy in specific applied contexts.
Conclusion. The developed tenets of radical constructivism help to rethink the nature of data and models in machine learning and open up prospects for a deeper analysis of the requirements for iterative and adaptive learning architectures and the development of artificial intelligence systems.

Keywords: knowledge construction, radical constructivism, post-nonclassical rationality, methodology, machine learning, philosophy of artificial intelligence

For citation: Bakin, S.A. (2026), "Principles of Knowledge Construction in Artificial Intelligence Systems: Philosophical-Methodological Aspect", *DISCOURSE*, vol. 12, no. 3, pp. 5–15. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-3-5-15

Введение. Актуальные проблемы постнеклассической науки в условиях современной цифровой цивилизации связаны с развитием смарт-систем, которые интенсивно внедряются в прагматику социальной жизни, создавая новые формы когнитивной практики в профессиональных и повседневных взаимодействиях. Технологии создания интеллектуальной системы, способной к обучению подобно человеку, непосредственно связаны с процессами конструирования знания и моделированием когнитивных ориентаций в семантических средах. В центре внимания научного сообщества оказывается осмысление процессов конструирования знания в системах искусственного интеллекта (ИИ) на основе машинного обучения.

Специфика конструктивистского подхода постнеклассической науки связана с принципами создания динамических моделей знания, основанных на процессах понимания и трансляции смысла. В технологии когнитивного моделирования смысл и понимание рас-

сматриваются как процессы, которые зависят от рекурсивных взаимодействий между информацией, которая поступает извне, и циклически обновляющимися имеющимися знаниями и представлениями. Так, С. Ф. Сергеев сравнивает разные виды конструктивистских моделей знания [1]. В модели знания как процесса смысл выступает результатом активного взаимодействия индивида с окружающим миром, подчеркивая его зависимость от уникального опыта и субъективных представлений. В модели знания как продукта акцентируется социально-когнитивное взаимодействие, в результате которого смысл объективируется в виде конкретных конструкций, абстрактных математических операций, концептуальных систем и теорий. Таким образом, если первая модель делает основной упор на активную роль субъекта в непрерывном процессе осмысления, то вторая фокусируется на итоговых результатах этого процесса – порождаемых объяснительных системах. Общей чертой является ограниченность этих подходов в вопросах достижения объективной истины, поскольку оба они признают смысл конструкций, а не отражение независимой реальности.

В этой связи для создания гибкой функциональной архитектуры интеллектуальной системы практическое значение приобретает содержательный философский анализ принципов конструктивизма в построении моделей знания. Обращение к философии радикального конструктивизма представляется особенно перспективным, так как предлагается альтернативная эпистемологическая модель, где знание не суть отражение реальности, а адаптивная конструкция, обусловленная опытом и целями познающего субъекта. Иначе говоря, утверждается, что человеческие знания создаются в результате взаимодействия ментальных моделей человека и его опыта. Этот принцип был реализован в практике обучения с использованием системы Logo, благодаря которой прямое визуальное представление и обратная связь с помощью графики turtle graphics позволяли начинающим программистам «ощутить» результаты своего программного кода, увеличив площадь взаимодействия их идей и опыта для создания новых ментальных моделей [2]. В дальнейшем, идея была усовершенствована и объединена с принципами блочного программирования и множественного представления в создании сложных конструктивистских сред. Примерами реализации стали проекты Alice, Scratch и DrawBridge [3].

Целью автора является содержательный анализ принципов конструирования знания в контексте междисциплинарных установок технонауки, выявление эвристического потенциала методологических установок радикального конструктивизма для развития технологии создания гибкой функциональной архитектуры интеллектуальной системы. Для достижения поставленной цели автор проводит сравнительный анализ применения принципов конструктивистского и реалистического подходов в технологии машинного обучения.

Методология и источники. Философские основания радикального конструктивизма восходят к работам Дж. Вико, С. Чеккато и Ж. Пиаже, но получили свою наиболее последовательную разработку в трудах Э. фон Глазерсфельда. Центральным тезисом этого направления является утверждение о принципиальной невозможности доступа к онтологически заданной реальности: познание понимается как процесс построения жизнеспособных моделей, организующих опыт субъекта. В работе «Введение в радикальный конструктивизм» Глазерсфельд подчеркивает, что знание представляет собой не зеркальное отражение независимой реальности, а организацию мира опыта, позволяющую субъекту действовать целесообразно [4].

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 5–15
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 5–15

При этом Э. фон Глазерсфельд исходит из принципиального рассмотрения познающего субъекта как биосистемы, а не только рефлексирующего сознания. В своих рассуждениях он ссылается на генетическую теорию познания Ж. Пиаже, эволюционные представления (Ч. Дарвин, К. Поппер, К. Лоренц, Д. Кэмпбелл) и современную нейрокибернетику (Х. фон Форстер, У. Матурана) [5].

Существует определенное отличие конструктивизма от радикального конструктивизма. Так И. Т. Касавин уточняет, что конструктивизм суть «направление в эпистемологии и философии науки, в основе которого лежит представление об активности познающего субъекта, который использует специальные рефлексивные процедуры при построении (конструировании) образов понятий и рассуждений» [6, с. 6].

По выражению В. С. Степина, роль научной картины мира в развитии знания, которая связана с выявлением универсальных принципов и фиксацией общих черт, характерных для всех наук, предполагает также конструирование новых концептов и методологических установок в поле междисциплинарных исследований. Для нашего рассуждения важно отметить, что ключевое отличие радикального конструктивизма от других его форм заключается именно в полном отказе от идеи соответствия знания объективной реальности. Как отмечает Глазерсфельд, традиционная эпистемология сталкивается с принципиально неразрешимой дилеммой: чтобы проверить соответствие знания реальности, необходимо сравнить это знание с самой реальностью, что невозможно, так как любое наше восприятие реальности уже опосредовано нашими когнитивными структурами. Этот парадокс, восходящий еще к античным скептикам, получает в радикальном конструктивизме оригинальное решение через переосмысление самого понятия знания [7]. Глазерсфельд предлагает заменить традиционное понимание знания как отражения реальности на концепцию знания как жизнеспособной (англ. *viable*) конструкции. В биологическом контексте жизнеспособность означает способность организма успешно функционировать в своей среде. Перенося это понятие в эпистемологию, Глазерсфельд определяет знание как такую организацию опыта, которая позволяет субъекту эффективно действовать в мире. Таким образом, критерием истинности становится не соответствие объективной реальности, а функциональная пригодность знания для решения конкретных задач. Важным аспектом радикального конструктивизма является акцент на операциональной природе знания [8].

Результаты исследований (Дрешер, Шапю, Коэн и др.) демонстрируют возможность частичной реализации конструктивных принципов в ИИ, моделируя ранние стадии развития (например, формирование сенсомоторных схем, восприятие причинности, обучение через активное восприятие) [9]. Однако ни одна из существующих систем не реализует полностью описанный Пиаже путь, в котором конструирование пространственных представлений и сложных инструментальных действий происходит за счет умозаключений по аналогии, т. е. переноса отношений из одной знакомой ситуации в новую, структурно подобную.

Результаты и обсуждение. Глазерсфельд вслед за Пиаже подчеркивает, что знание возникает не из пассивного восприятия, а из активного взаимодействия с окружающей средой. Познание понимается как процесс проб и ошибок, в котором субъект создает и корректирует свои когнитивные структуры на основе опыта успешных и неуспешных действий. Эта идея находит свое отражение в современных концепциях машинного обучения, особенно в подходах, основанных на обучении с подкреплением [10].

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 5–15
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 5–15

Особую значимость приобретает междисциплинарный характер концептуализации методологических подходов в технологии машинного обучения. Принцип организации знания в данном случае характеризуют термином трансдисциплинарность. В отличие от меж- и мультидисциплинарности, трансдисциплинарность предполагает не просто объединение методов, а конвергентное взаимодействие дисциплин, приводящее к рождению принципиально новых общих понятий и практических подходов. Это порождает особый тип научного производства, синтезирующий ориентацию на фундаментальное познание и прикладную целесообразность. Трансдисциплинарность преодолевает дихотомию истины и пользы, выступая формой организации знания, которая изначально нацелена на решение комплексных проблем, лежащих на стыке различных дисциплин и социальных практик [11].

Трансдисциплинарность перестает быть абстрактной категорией и становится рабочим инструментом, когда, к примеру, разработка алгоритма компьютерного зрения требует создания общей онтологии для специалиста по обработке сигналов, нейрофизиолога и инженера-робототехника. В таких проектах исчезает сама возможность провести четкую границу между фундаментальным вкладом (уточнение математической теории сверточных сетей) и прикладным результатом (создание системы автономного вождения). Таким образом, машинное обучение служит наглядным примером того, как трансдисциплинарность в организации знания определяет его содержание, порождая гибридные концепты и методы, не сводимые к сумме вкладов отдельных дисциплин.

Сравнительный анализ реалистической и конструктивистской установок в технологии машинного обучения. Говоря о сравнительном анализе рассматриваемых подходов, прежде всего следует отметить, что среди исследователей бытует однозначное понимание, которое сводится к существованию разрыва между реалистической и радикально-конструктивистской установками в машинном обучении [12]. Так, утверждается, что реалистическая установка, доминирующая в традиционном основании методологии машинного обучения, исходит из предпосылки о существовании объективной, независимой от наблюдателя реальности, которую можно смоделировать сбором репрезентативных данных. Формируемая же модель обучения воспринимается как приближенное, но статичное отражение этой реальности, а ее качество зависит от полноты и неизменности начального набора данных.

Отметим, что современные подходы машинного обучения, основанные на реалистической установке, характеризуются тремя фундаментальными ограничениями. Первое ограничение заключается в недостаточном учете природы исходных данных, включая их зависимость от выбора сенсоров, методов предварительной обработки и культурных контекстов, в рамках которых происходил сбор. Второе ограничение проявляется в неспособности моделей адаптироваться к изменениям в поступающих данных с течением времени без необходимости полного переобучения. Третье существенное ограничение связано с техническими требованиями к производительности вычислений и масштабируемости алгоритмов, которые зачастую приводят к созданию сложных систем с низкой объяснимостью внутренних процессов, что затрудняет содержательную интерпретацию их решений человеком-экспертом [13].

Особенно важно отметить, что связь между «непрозрачностью» моделей и реалистической установкой является не прямой, а опосредованной. Критика направлена на нерефлексивные формы, которые, игнорируя теоретическую нагруженность и культурную обусловл-

енность данных, могут способствовать некритическому восприятию датасетов. В этом контексте конструктивистский подход позволяет сместить акцент с поиска идеального отражения реальности на оценку практической эффективности моделей и анализ того, как они конструируют знание для решения конкретных задач. Конструктивистский подход предлагает принципиально иную перспективу, используя машинное обучение в процессе построения функциональных репрезентаций – внутренних моделей данных, которые не являются зеркальным отражением реальности, но эффективны для решения конкретных задач (классификация, кластеризация, прогнозирование). Ценность создаваемой модели определяется не соответствием ее гипотетической объективной реальности, а способностью обеспечивать целесообразное поведение в конкретных условиях. Такой подход в конструировании модели интеллектуального поведения предполагает переосмысление природы данных, критериев успешности моделей и роли предварительного знания в процессе обучения. Для радикального конструктивизма знание – не отражение реальности, а результат операционной активности агента по выявлению закономерностей в получаемых с разных сенсоров данных.

Ключевым следствием для методологии машинного обучения является переход от пассивного обучения на заранее собранном наборе данных к непрерывному обучению, где модель постоянно обновляется на основе обратной связи от пользователя (внешнего агента), которая может служить источником пертурбаций данных, заставляющих систему пересматривать и адаптировать свои когнитивные схемы [14].

Некоторые исследователи указывают, что наиболее последовательным воплощением конструктивистских принципов в области искусственного интеллекта можно считать интерактивное машинное обучение, где реализуется цикличный процесс взаимодействия системы и окружения. В отличие от классических подходов, этот метод предполагает постоянную корректировку моделей на основе новых данных и обратной связи, что ближе к пониманию познания как непрерывного процесса адаптации.

Однако, как показывает анализ интерактивных систем [15], многие современные реализации интерактивного обучения наследуют ограничения реалистического подхода, трактуя обратную связь от пользователя как объективный и однозначный «сигнал», а не как социально и контекстуально обусловленный акт коммуникации. Это приводит к тому, что алгоритмы недостаточно учитывают, что критерии адекватности модели (например, метки в данных) формируются в конкретной социальной среде и зависят от интерпретирующих схем пользователя.

Введение принципов радикального конструктивизма в методологию машинного обучения и в целом искусственного интеллекта открывает новые возможности для создания более адаптивных и интерпретируемых систем, чья «прозрачность» заключается не в иллюзии объективного отражения реальности, а в доступности понимания исследователем их внутренних рабочих гипотез и путей конструирования знания.

Особый интерес представляют разработка методов, учитывающих когнитивные искажения в данных, реализация механизмов динамической адаптации к изменяющимся условиям, а также проектирование архитектур, имитирующих поэтапное развитие когнитивных способностей. В практическом плане принципы радикального конструктивизма позволяют сместить фокус с задачи построения точной модели «реальности» на задачу обеспечения

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 5–15
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 5–15

непрерывной со-адаптации человека и машины в процессе когнитивного взаимодействия. Эти направления исследований могут существенно обогатить как практику искусственного интеллекта, так и философское осмысление его возможностей и ограничений.

Эвристический потенциал методологических установок радикального конструктивизма для проектирования архитектуры ИИ. Традиционные подходы к ИИ и машинному обучению часто основываются на предпосылке, что данные отражают объективные закономерности реального мира, а задача алгоритма – выявить эти закономерности.

Предложенный взгляд открывает новые перспективы для осмысления ключевых проблем машинного обучения. Проблема интерпретируемости моделей (черного ящика) предстает не просто технической сложностью, но следствием реалистического допущения о возможности прямого доступа к объективной реальности.

Конструктивистский подход к машинному обучению и развитию ИИ таким образом предполагает установление ряда фундаментальных принципов. Центральным является признание данных не в качестве объективных фактов, а как результата целенаправленного конструктивного процесса. Следствием этого становится необходимость смещения акцента с абстрактных формальных метрик точности на оценку функциональной адекватности моделей в конкретных прикладных контекстах. Неотъемлемым компонентом данного подхода выступает также разработка механизмов непрерывного обучения, обеспечивающих адаптацию моделей в процессе их эксплуатации. Такая адаптация происходит как в архитектуре (например, путем добавления новых нейронов или модулей), так и в параметрах (путем тонкой настройки весов), что позволяет системе ассимилировать новый опыт без утраты ранее усвоенных знаний.

Конструктивистский подход заостряет внимание на важном ограничении: ИИ не может начать обучение с чистого листа. Существует объективная необходимость в наделении системы валидированными человеком когнитивными схемами. Эти схемы, являясь продуктом культурного опыта, задают первичный концептуальный каркас, который определяет саму возможность для алгоритма распознавать структуры в данных. Валидация в этом контексте – это придание схемам статуса интерсубъективно разделяемой и операционально эффективной основы для дальнейшего обучения [16].

Радикальный конструктивизм позволяет переосмыслить начальные настройки модели машинного обучения не как исключительно технический аспект, а как основополагающее внедрение исходной когнитивной схемы. Эта схема, закладываемая человеком-разработчиком, выполняет роль эпистемологического каркаса: она структурирует воспринимаемый данные, формирует познавательные ожидания системы и определяет траекторию ее дальнейшего обучения и адаптации.

Принципы радикального конструктивизма применительно к проектированию ИИ позволяют говорить об исключительной важности дизайна самого процесса человеко-машинного взаимодействия как неотъемлемой части архитектуры ИИ-системы. Это включает в себя разработку интерфейсов, которые учитывают ограниченность возможностей внимания и скорость обработки информации человеком, но повышают эффективность диалога между живым пользователем и ИИ, а также, семиотическое конструирование смыслов и ролей, и учет субъективного опыта пользователя.

Интеграция принципов радикального конструктивизма в методологию машинного обучения формирует несколько перспективных исследовательских векторов. Так, актуальной задачей становится создание адаптивных архитектур, способных к непрерывному обучению и ревизии собственных когнитивных структур при взаимодействии с другими моделями и, что критически важно, с человеком. Важным направлением развития является оценка моделей по принципу функциональной адекватности, т. е. по их способности решать конкретные задачи в условиях реального мира, т. е. в целевой среде. В данном контексте «целевая среда» – это конкретная область применения (например, медицинская диагностика или автономное вождение) со свойственными ей искажениями, неполнотой данных и необходимостью взаимодействия с человеком-экспертом. Соответственно, функциональная адекватность – это адекватность именно этим комплексным требованиям, а не абстрактным метрикам на идеализированном наборе данных.

Синтез идей фон Глазерсфельда с нейроконструктивизмом, предложенный Токухама-Эспинозой в концепции «радикального нейроконструктивизма» [17], задает перспективное направление развитию современного искусственного интеллекта. Этот подход предлагает комплексную основу для объяснения механизмов обучения, объединяя динамический итеративный процесс взаимодействия индивида со средой и моделью постоянного конструирования нейросетевых архитектур, отражающих естественную иерархию концептуального знания. Этот синтез находит свое практическое воплощение в таких направлениях, как интерактивное обучение и обучение с подкреплением, которые естественным образом операционализируют ключевой тезис фон Глазерсфельда о познании как активном процессе построения и постоянного пересмотра когнитивных структур. Эвристическая ценность этих идей подтверждается, в частности, исследованиями в области онтогенеза математического мышления [18], которые демонстрируют, как базовые нейронные паттерны, соответствующие операции сложения, становятся основой для построения более сложных операций, что служит яркой иллюстрацией конструктивистского принципа поэтапного построения когнитивных структур.

Заключение. Выполненное исследование показывает возрастающую роль и практическую значимость философского анализа процессов конструирования знания в системах искусственного интеллекта на основе машинного обучения. Выделенные принципы радикального конструктивизма – активное построение когнитивных структур, интерактивный характер познания и прагматический критерий жизнеспособности – позволяют переосмыслить традиционные подходы к разработке и оценке поведения искусственных обучающихся систем.

Эвристический потенциал радикального конструктивизма заключается в переходе от проектирования моделей машинного обучения и систем ИИ как изолированных вычислительных модулей в фиксированной, статической базе знаний к проектированию целостной интерактивной системы, встроенной в цикл совместного конструирования знания с человеком-пользователем.

Анализ установок конструктивистского подхода в развитии методологии машинного обучения открывает новые перспективы для решения актуальных проблем, таких как интерпретируемость моделей, адаптивность к изменяющимся условиям и учет контекстуальной обусловленности данных. Принцип конструирования знаний в системах ИИ, ориентирующий на непрерывный пересмотр и обновление данных, и их содержание на основе опыта взаимодей-

ствия с окружением, наиболее полно воплощается в разработке интерактивных систем обучения. Перспективным направлением дальнейших исследований представляется синтез философских идей радикального конструктивизма с современными технологическими подходами, включая нейроконструктивизм, методы обучения с подкреплением, создания интеллектуальных адаптивных систем. Такой междисциплинарный синтез требует тесного сотрудничества специалистов в области искусственного интеллекта, когнитивных наук и философии, что позволит создать более совершенные системы машинного обучения, воплощающие всю сложность и многогранность современной системы познания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сергеев С. Ф. Постнеклассическая наука: рекурсия смысла в сетевых языковых моделях // Третьи Степинские чтения. Перспективы философии науки в современную эпоху: сб. материалов Междунар. конф., Москва, 20–21 июня 2023 г. / Институт философии РАН, 2023. С. 390–396.

2. Семенов А. Л. Симор Паперт и мы. Конструкционизм – образовательная философия XXI века // Вопросы образования. 2017. № 1. С. 269–294. DOI: 10.17323/1814-9545-2017-1-269-294

3. Weintrop D., Wilensky U. Between a block and a typeface: Designing and evaluating hybrid programming environments // IDC '17: Proc. of the 2017 Conf. on Interaction Design and Children. 2017. P. 183–192. DOI: 10.1145/3078072.3079715

4. Von Glasersfeld E. An introduction to radical constructivism // The invented reality: how do we know what we believe we know? Contributions to constructivism / ed. by P. Watzlawick. NY: W. W. Norton & Co., 1984. P. 17–40.

5. Баксанский О. Е. Радикальный конструктивизм и знание // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2022. № 5-1. С. 1000–1002.

6. Касавин И. Т. Конструктивизм: заявленные программы и нерешенные проблемы // Эпистемология и философия науки. 2008. Т. XV, № 1. С. 5–14.

7. Von Glasersfeld E. Cognition, construction of knowledge, and teaching // Synthese. 1989. Vol. 80, № 1. P. 121–140.

8. Янченко А. А. Методологический потенциал эпистемологического конструктивизма для разработки теории искусственного интеллекта // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 1 (39): в 2 ч. Ч. II. С. 210–215.

9. Johnston J. W. The Construction of Reality in an AI: A Review: arXiv:2302.05448 // Arxiv.org. 2023. URL: https://arxiv.org/pdf/2302.05448 (дата обращения: 17.08.2025). DOI: https://doi.org/10.48550/arXiv.2302.05448

10. Bishop C. M. Pattern recognition and machine learning. NY: Springer, 2006.

11. Черникова И. В., Черникова Д. В. Методологические и структурные трансформации в развитии современной науки // Вестн. ТГУ. Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 60–68. DOI: 10.17223/1998863X/49/7

12. Nowak M., Castellini C., Massironi C. Applying radical constructivism to machine learning: a pilot study in assistive robotics // Constructivist Foundations. 2018. Vol. 13, № 2. P. 250–262.

13. Li X., Huan J. Constructivism learning: A learning paradigm for transparent predictive analytics // Proc. of the 23rd ACM SIGKDD Int. Conf. on Knowledge Discovery and Data Mining, Halifax, Canada, 13–17 Aug. 2017. P. 285–294. DOI: http://dx.doi.org/10.1145/3097983.3097994

14. Mathewson K. W., Pilarski P. M. Reinforcement learning based embodied agents modelling human users through interaction and multi-sensory perception // AAAI spring symposium on interactive multi-sensory object perception for embodied agents, Stanford, 27–29 March 2017 / Stanford Univ. Stanford, 2017. P. 477–481. DOI: 10.48550/arXiv.1701.02369

15. Sarkar A. Constructivist design for interactive machine learning // CHI EA '16: Proc. of the 2016 CHI Conf. Extended Abstracts on Human Factors in Computing Systems, San Jose, 07–12 May 2016. P. 1467–1475. DOI: https://doi.org/10.1145/2851581.2892547

16. Fails J. A., Olsen D. R. Interactive machine learning // IUI '03: Proc. of the 8th Int. Conf. on Intelligent user Interfaces, Miami, 12–15 Jan. 2003 / Association for Computing Machinery. NY, 2003. P. 39–45. DOI: 10.1145/604050.604056

17. Tokuhama-Espinosa T., Borja C. Radical neuroconstructivism: a framework to combine the how and what of teaching and learning? // Frontiers in Education. 2023. Vol. 8: 1215510. DOI: 10.3389/feduc.2023.1215510

18. Exposing Piaget's scheme: Empirical evidence for the ontogenesis of coordination in learning a mathematical concept / D. Abrahamson, S. Shayan, A. Bakker et al. // ICLS 2016: Proc. of the 12th Int. Conf. of the Learning Sciences, Singapore, 20–24 June 2016. P. 466–473.

Информация об авторе

Бакин Сергей Анатольевич – аспирант Высшей школы общественных наук Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, ул. Политехническая, д. 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия. Автор пяти научных публикаций. Сфера научных интересов: философские проблемы науки и техники, философские основания искусственного интеллекта, междисциплинарные вопросы постнеклассической рациональности и технонауки.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 17.09.2025; принята после рецензирования 13.11.2025; опубликована онлайн 23.06.2026.

REFERENCES

1. Sergeev, S.F. (2023), "Postclassical Science: Recursion of Meaning in Network Language Models", *Tret'i Stepinskie chteniya. Perspektivy filosofii nauki v sovremennuyu epokhu* [The Third Stepinsky Readings. Prospects for the Philosophy of Science in the Modern Era], *Int. Conf.*, Moscow, RUS, 20–21 June 2023, pp. 390–396.

2. Semenov, A. (2017), "Seymour Papert and Us. Constructionism as the Educational Philosophy of the 21st Century", *Educational Studies. Moscow*, no. 1, pp. 269–294. DOI: 10.17323/1814-9545-2017-1-269-294

3. Weintrop, D. and Wilensky, U. (2017), "Between a block and a typeface: Designing and evaluating hybrid programming environments", *IDC '17: Proc. of the 2017 Conf. on Interaction Design and Children*, pp. 183–192. DOI: 10.1145/3078072.3079715

4. Von Glasersfeld, E. (1984), "An introduction to radical constructivism", *The invented reality: how do we know what we believe we know? Contributions to constructivism*, in Watzlawick, P. (ed.), W. W. Norton & Co., NY, USA, pp. 17–40.

5. Baksanskii, O.E. (2022), "Radical constructivism and knowledge", *Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo* [Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation], no. 5-1, pp. 1000–1002.

6. Kasavin, I.T. (2008), "Constructivism: declared programs and unsolved problems", *Epistemology & Philosophy of Science*, vol. XV, pp. 5–14.

7. Von Glasersfeld, E. (1989), "Cognition, construction of knowledge, and teaching", *Synthese*, vol. 80, no. 1, pp. 121–140.

8. Yanchenko, A.A. (2014), "Methodological potential of epistemological constructivism for the development of artificial intelligence theory", *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice], no. 1 (39), part 2, pp. 210–215.

9. Johnston, J.W. (2023), "The Construction of Reality in an AI: A Review", *Arxiv.org*, available at: https://arxiv.org/pdf/2302.05448 (accessed 17.08.2025). DOI: https://doi.org/10.48550/arXiv.2302.05448

10. Bishop, C.M. (2006), *Pattern recognition and machine learning*, Springer, NY, USA.

11. Chernikova, I.V. and Chernikova, D.V. (2019), "Methodological and structural transformations of the contemporary science", *Tomsk State Univ. J. of Philosophy, Sociology and Political Science*, no. 49, pp. 60–68. DOI: 10.17223/1998863X/49/7

12. Nowak, M., Castellini, C. and Massironi, C. (2018), "Applying radical constructivism to machine learning: a pilot study in assistive robotics*", Constructivist Foundations*, vol. 13, no. 2, pp. 250–262.

13. Li, X. and Huan, J. (2017), "Constructivism learning: A learning paradigm for transparent predictive analytics", *Proc. of the 23rd ACM SIGKDD Int. Conf. on Knowledge Discovery and Data Mining, Halifax*, Canada, 13–17 Aug. 2017, pp. 285–294. DOI: http://dx.doi.org/10.1145/3097983.3097994

14. Mathewson, K.W. and Pilarski, P.M. (2017), "Reinforcement learning based embodied agents modelling human users through interaction and multi-sensory perception", *AAAI spring symposium on interactive multi-sensory object perception for embodied agents*, Stanford, USA, 27–29 March 2017, pp. 477–481. DOI: 10.48550/arXiv.1701.02369

15. Sarkar, A. (2016), "Constructivist design for interactive machine learning", *CHI EA '16: Proc. of the 2016 CHI Conf. Extended Abstracts on Human Factors in Computing Systems*, San Jose, USA, 07–12 May 2016, pp. 1467–1475. DOI: https://doi.org/10.1145/2851581.2892547

16. Fails, J.A. and Olsen, D.R. (2003), "Interactive machine learning", *IUI '03: Proc. of the 8th Int. Conf. on Intelligent user Interfaces*, Miami, USA, 12–15 Jan. 2003, pp. 39–45. DOI: 10.1145/604050.604056

17. Tokuhama-Espinosa, T. and Borja, C. (2023), "Radical neuroconstructivism: a framework to combine the how and what of teaching and learning?", *Frontiers in Education*, vol. 8: 1215510. DOI: 10.3389/feduc.2023.1215510

18. Abrahamson, D., Shayan, A., Bakker, S. et al. (2016), "Exposing Piaget's scheme: Empirical evidence for the ontogenesis of coordination in learning a mathematical concept", *ICLS 2016: Proc. of the 12th Int. Conf. of the Learning Sciences*, Singapore, SGP, 20–24 June 2016, pp. 466–473.

Information about the author

Sergey A. Bakin – Postgraduate Student at the Higher School of Social Sciences, Peter the Great St Petersburg Polytechnic University, 29 Polytechnic str., St Petersburg 195251, Russia. The author of five scientific publications. Area of expertise: philosophical problems of science and technology, philosophical foundations of artificial intelligence, interdisciplinary issues of post-non-classical rationality and technoscience.

No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 17.09.2025; adopted after review 13.11.2025; published online 23.06.2026.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 16–23
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 16–23

Оригинальная статья
УДК 14
http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-3-16-23

Топография свободы в оптике гуманистических концепций: Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер и П. Слотердайк

Дмитрий Сергеевич Владимиров

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия
d.vladimirov_udsu@mail.ru, https://orcid.org/0009-0001-2273-1248

Введение. В статье конструируется концепция человеческой свободы, которая подразумевает реализацию смысловой целостности в структурах социальной множественности. Цель – расширить представление о свободе в оптике гуманистического философствования.

Методология и источники. Автор обращается к текстам Ж.-П. Сартра, М. Хайдеггера и П. Слотердайка. Преемственность этих текстов выстраивается хронологически-концептуально. Методом исследования является интерпретация посредством смыслового о-пределивания (М. Хайдеггер).

Результаты и обсуждение. Концепт свободы представляется темпорально-топологически как выход человека за собственные пределы во множественность проекций социальных возможностей. Процесс выхода понимается как движение из директивности одного единственного сущностного определения как позиции das Man в пограничное со-стояние, открывающее горизонт вариантов и/или инвариантов социальной свободы. Обнаружение горизонта в точке «здесь-и-сейчас» позволяет человеку выбрать и набросить новую целостность на собственное бытие, тем самым заново конструируя существование в коммуникативных границах социального со-присутствия.

Заключение. В результате удается установить, что свобода человеческого бытия в полной мере определяется и переопределяется во взаимоосмыслении сущности и существования на границе сопричастности индивидуального и социального.

Ключевые слова: социальное, свобода, предел, человек, сущность, существование

Для цитирования: Владимиров Д. С. Топография свободы в оптике гуманистических концепций: Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер и П. Слотердайк // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 16–23. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-3-16-23

Original paper

Freedom Topography in the Optics of Humanistic Concepts: J.-P. Sartre, M. Heidegger and P. Sloterdijk

Dmitrii S. Vladimirov

Udmurt State University, Izhevsk, Russia
d.vladimirov_udsu@mail.ru, https://orcid.org/0009-0001-2273-1248

Introduction. In this article, a concept of human freedom is constructed, that implies the realization of notional integrity in the structures of social plurality. The goal is to expand the understanding of freedom in the optics of humanistic philosophizing.

© Владимиров Д. С., 2026
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 16–23
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 16–23

Methodology and sources. The author refers to the texts of J.-P. Sartre, M. Heidegger and P. Sloterdijk. The continuity of these texts is arranged chronologically and conceptually. The research method is interpretation through notional limitation (M. Heidegger).

Results and discussion. The concept of freedom is represented temporally and topologically. Here a person goes beyond their own limits into a multiplicity of projections of social possibilities. The exit process is understood as a movement from the prescriptiveness of a single definition of essence (the position of das Man) to a borderline state that opens up a horizon of variant and/or invariants of social freedom. The discovery of the horizon at the point of here-and-now allows a person to choose and cast a new integrity onto their own being, thereby re-constructing existence within the communicative boundaries of social co-presence.

Conclusion. As a result, it is possible to establish that the freedom of human existence is fully defined and redefined in the mutual understanding of the essence and existence on the border between individual and social involvement.

Keywords: the social, freedom, limit, person, essence, existence

For citation: Vladimirov, D.S. (2026), "Freedom Topography in the Optics of Humanistic Concepts: J.-P. Sartre, M. Heidegger and P. Sloterdijk", *DISCOURSE*, vol. 12, no. 3, pp. 16–23. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-3-16-23

Проблема осмысления человеческого существования является ключевой для традиции концептуализации гуманизма. Чтобы задать базовое понятийное различие в этой концептуализации, обратимся к немецкому идеализму. Здесь целостность бытия рассматривается в аспектах свободы и необходимости. Человек полагается как свободное существо, а природа – как необходимая реальность. Естественный мир существует посредством воспроизведения, а человек, живущий в культурном пространстве, постоянно качественно обновляется. Такое обновление подразумевает открытие новых возможностей. Человек может изменить вектор изначального развития, поменять цель деятельности и т. п. Он может выбрать определенную возможность собственного смысла из неопределенной множественности вариантов. Однако свободу нельзя отделить от необходимости. Методологически эти два бытийственных аспекта рассматриваются как тождественные. Безусловность человеческого существования ограничена детерминизмом природы. При этом как бытие человека, так и бытие природы суть «целостности-в-себе». В каждой целостности возможно сконструировать фундаментальное различие между субъективным и объективным. В связи с этим возникает вопрос о соотношении свободы и необходимости в производстве смысла человеческого бытия. Стандартной рамкой для решения этой проблемы в экзистенциальном варианте гуманизма является постановка вопроса: что является определяющим в отношении сущности и существования? Если сущность определяет существование, то смысл жизни человека задается заранее некой трансцендентностью, будь то Судьба или Бог. Согласно провиденциализму, любому человеку в течение жизни придется совершать выбор между добром и злом. Добро в данном случае понимается как строгое соблюдение заданных заповедей. Здесь совершенно отсутствует вариативность смысла человеческого бытия. Любой отход от выписанного сценария и попытка по-иному задать смысл человеческой жизни трактуется как ересь и в конечном итоге как радикальное зло человеческой природы. Если же существование определяет сущность, то для человека в течение жизни становится возмож-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 16–23
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 16–23

ным создать и реализовать собственный смысл. Человек может быть любым, потому что он автономно производит самоидентификацию. Свобода личного выбора – это право каждого, поэтому все варианты самоопределения должны быть равноправны. Ни один из смыслов не должен авторитарно подавлять возможность возникновения иного смысла.

Цель данной статьи – проанализировать, как человеческая свобода задается в различных вариантах гуманистического философствования, и выявить, в каком из этих вариантов выписано основание для социальной коммуникации свободных людей, которые, сформировав собственный смысл, не навязывают его другому, а обмениваются друг с другом смыслами так, что каждый с помощью другого выходит за пределы уже существующего к горизонтам возможных выборов.

Решение рамочного вопроса Ж.-П. Сартром предполагает, что сущность человека определяется его существованием. В таком понимании бытия человек наделяется ответственностью за тот смысл жизни, который для себя выбирает. Отрицание трансцендентной инстанции, определяющей суть человеческого бытия, позволяет обратиться к внутреннему смыслоутверждению. Человек в самоосновном выборе смысла несет всю полноту ответственности за все порядки экзистенциальных выборов. Даже за решение снять с себя ответственность, ответственен сам человек. Такая самоосновность подразумевает индивидуальность. Отдельный человек задает смысл для самого себя. Становится возможным рассуждать о свободе выбора на конкретном примере.

Ж.-П. Сартр в эссе «Экзистенциализм – это гуманизм» делится историей одного из своих учеников, которому нужно было сделать выбор: уехать на войну или остаться с матерью. Если бы юноша отправился на войну с целью освободить родину от захватчиков, то его действия носили бы неопределенный характер. «Каждое его действие <…> [могло бы] не оставить никакого следа и не принести ни малейшей пользы» [1, с. 328]. При этом «в отношении матери каждое его действие [имело бы] положительный, конкретный результат в том смысле, что [помогало бы] ей жить» [там же, с. 328]. Ж.-П. Сартр отмечает, что моральные правила не могут помочь молодому человеку сделать выбор. Одной из заповедей христианского учения, рассуждает философ, является любовь к ближнему, но христианство не дает ответа на вопрос, как именно молодому человеку действовать в данном случае и кого считать более ближним: мать или совокупность сограждан. Согласно кантианской морали, нужно рассматривать других людей как цель, а не как средство. Однако если юноша останется с матерью, то сражающиеся солдаты окажутся для него средством. Если он поедет на войну, то средством для него будет мать. Отбросив мораль, молодой человек может прислушаться к интуитивному чувству. Но автор замечает, что «чувство создается поступками, которые мы совершаем» [там же, с. 330], поэтому невозможно руководствоваться интуицией при принятии решений. Даже если юноша решит обратиться к кому-то за помощью, то он все равно будет ответственен за свой выбор. «Когда вы идете за советом, например, к священнику, значит, вы выбрали этого священника и, в сущности, вы уже более или менее представляли себе, что он вам посоветует» [там же, с. 330].

В данном примере Ж.-П. Сартр демонстрирует, что «человек существует лишь настолько, насколько себя осуществляет» [там же, с. 333]. Человек – это «совокупность своих поступков» [там же]. Не важно, что думает молодой человек, важно лишь то, какое

решение он примет, поступив определенным образом. Поэтому человек в любой точке существования уже определен теми действиями, которые совершил в прошлом. Принятое решение, реализуясь в точке настоящего, становится поступком и, соответственно, человеческой сущностью. Вместе с тем «человек станет таким, каков его проект бытия» [там же, с. 323]. Решения принимаются человеком исходя из того, кем он хочет стать в будущем. Ж.-П. Сартр задает жесткую линейность времени. Из точки настоящего человек осуществляет ретроспекцию и встречается с определенностью своей сущности. Он желает изменить себя и формирует проект, в котором представлено его будущее. Образ перспективы помогает человеку принять решение в настоящем и совершить поступок, на который он позже будет смотреть из другой точки настоящего. Здесь и сейчас человек оказывается несвободен. Его сущность – это поступки в прошлом, которые невозможно изменить, а проект себя, постоянно откладываясь во времени, никогда не достигается. Если человек здесь и сейчас не может быть свободным, то он перестает быть автором жизненного смысла. В философии Ж.-П. Сартра время задало жесткую расстановку: прошлое, настоящее, будущее. Время развернулось в линейное пространство (becoming space of time). Обнаружение смыслов осуществляется в этом топографическом ряду. Вариативность рядоположенности отсутствует. Значит, в этой концепции нет продуктивной свободы. Человек способен лишь репродуктивно двигаться в рамках уже существующего, выбирая тот или иной инвариант определенности. Выхода за пределы наличного не происходит.

Вступая в диалог с Ж.-П. Сартром, М. Хайдеггер критикует топологичность метафизической позиции и указывает на темпоральность бытия человека. Временной аспект позволяет задать выход за пределы сущего как уже существующего. Метафизика топологична, поскольку отвечает на вопрос «что есть бытие». Чтойность этого вопроса неизбежно подразумевает объективный, или пространственный, аспект. Метафизик, отвечая на этот вопрос, указывает на некую определенность: бытие есть «творение Творца», «материя» и пр. Бытие теряет возможность быть другим. Оно становится необходимым и заданным. Бытие подменяется сущим. Вследствие этого «истина бытия в качестве его просвета остается для метафизики потаенной» [2, с. 202].

Поскольку М. Хайдеггер критикует концептуальную жесткость метафизической позиции, то в качестве конкретных примеров у него выступают не биографии отдельных людей, а различные концепции человеческой сущности. Он обнаруживает, что в философии К. Маркса человек отождествляется с обществом, в котором живет. Сущность человека и его потребности становятся общественными. В христианстве человек полагается как творение Бога. Соответственно, человеческая сущность расположена в ином мире, а этот мир, где актуально присутствует человек, рассматривается как «эпизодическ[ое] преддвери[е] к потустороннему». И марксизм, и христианство являются примерами гуманизма, но как таковой он зародился в античном Риме, где homo humanus как человечный человек противопоставлялся homo barbarus как варварскому человеку. Человечный человек в данном случае – это тот, кто культивирует в себе «римскую “добродетель”, virtus, путем “усвоения” перенятой от греков “пайдейи”» как особой образованности. В Ренессансе XIV и XV вв. через возвращение к идее римской добродетели происходит возрождение античного гуманизма. Человечность здесь противополагается «мнимо[му] варварств[у] готической схоластики Средневековья». Экзистенциализм

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 16–23
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 16–23

Ж.-П. Сартра тоже является метафизикой. Переворачивание метафизического тезиса «сущность предшествует существованию» приводит к другому метафизическому тезису.

В каждом из этих вариантов гуманизма человечность «определяется на фоне какого-то уже утвердившегося истолкования природы, истории, мира, мироосновы, т. е. сущего в целом» [там же, с. 197]. Акцент на сущем не позволяет метафизике задаться вопросом об истине бытия. Метафизика располагает человека «внутри сущего как явление среди других явлений» [там же, с. 198] и потому упускает то, как бытие конституирует человеческое существо. М. Хайдеггер считает, что человек отличается от других живых существ тем, что ближе расположен к бытию. «Способ, каким человек в своем подлинном существе пребывает при бытии, есть экстатическое стояние в истине бытия» [там же, с. 201].

Экстатика есть экзистенция. Части слова ek- и ex- обозначают выход за пределы чего-либо. Экзистируя, человек выходит за рамки сущего как уже существующего и оказывается стоящим в истине бытия, которое не есть какое-либо «что», а сама возможность всякого сущего. Если бытие не есть сущее, то оно есть ни-что. Ничтойность отсылает к неуловимой длительности времени, к неопределенности. Следовательно, в концепции М. Хайдеггера свобода является неопределенностью времени. Человек выходит в эту неопределенность и, соответственно, становится свободным. Выход в неопределенность происходит из точки просвета бытия. Эта точка топографически определяет сущность человека. Он стоит на границе между известным и непознанным как прошлым и будущим, между определенностью ретроспекции и неопределенностью перспектив. Стояние на границе открывает свет бытия. Этот свет можно различить лишь благодаря уже известному. То, что человек уже знает, позволяет ему прикоснуться к тому, что еще ему неизвестно. Знание структурируется языком, поэтому именно языковые структуры, в которых зафиксирован предшествующий опыт, дают возможность умозрению пробросить себя в неопределенность проекций будущего. В просвете бытия мышление дает бытию слово. Неопределенность бытия начинает говорить через стоящего в просвете человека, получая тем самым свою определенность.

Если мышление дает бытию слово, то именно бытие языка есть субъект того смысла, который артикулируется через человеческое существо как Dasein. М. Хайдеггер отмечает, что «эк-зистенция – не актуализация сущности (essentia) и тем более не эк-зистенцией производится и полагается сущностное (essentielle)» [2, с. 200]. Эк-зистирующее существо самоосновно не производит собственный смысл, а полагается на бытие, которое и позволяет переопределить уже существующее. Человеческое существо, прислушиваясь к бытию и позволяя ему через себя говорить, ведет монолог, в котором не принимает участия Другой. Из точки просвета исходит процессуальность бытия. Пространство становится временем (becoming time of space). В точке просвета задается свобода. Поскольку эта точка неделима, или ин-дивидуальна, то свобода оказывается присуща отдельному человеку независимо от его социальных связей. Коммуникация не играет смыслоконституирующую роль. Здесь присутствует свобода как эк-зистирующий выход за пределы сущего, но отсутствует социальное как избыточное пространство смысла.

Развивая хайдеггеровскую философию, П. Слотердайк указывает на невозможность образовать сообщество из стоящих в просвете бытия. «Из этого круга пастухов и друзей бытия невозможно образовать ни нации, ни даже альтернативной школы, – хотя бы потому, что

нельзя дать никакого *общественного канона знаков-бытия* – разве только признать до поры до времени хайдеггеровскую opera omnia в качестве критерия и голоса анонимного сверхавтора» [3; курсив наш – *Д. В.*]. Экзистирующее существо отделено от других людей. Оно не подчиняется ни одним правилам, которые бы связывали его с обществом или определенной группой, и, как следствие, оно говорит на непонятном никому языке. Такая позиция является авторитарной и волюнтаристской. Тот, кто считает себя стоящим в просвете бытия, может безапелляционно навязывать свою волю другим, легитимируя это доступом к истине бытия.

В связи с этим П. Слотердайк подчеркивает, что «просвет [бытия] является одновременно ареной борьбы и местом решения и селекции» [там же]. За это властное место идет борьба потому, что артикулируя с этой позиции какое-либо гуманистическое представление, человек начинает определять существование других людей. Такой человек есть селекционер. Он выбирает, что в человеке человечно и должно быть развито, а что в человеке не-человечно и должно быть обуздано и подавлено. Однако «с помощью тезиса о человеке как селекционере людей опрокидывается гуманистический горизонт» [там же]. Если говорящий от лица бытия определил судьбу остальных, то никто теперь не может предложить иной вариант гуманизма, потому что это вступит в противоречие с самим бытием. Следовательно, селекционер – это авторитарный политик, который формулирует «прави[ла] функционирования человеческ[ого] зоопарк[а]» [там же]. В философии М. Хайдеггера свободным оказывается только экзистирующее существо, которое, как показывает П. Слотердайк, становится властным субъектом по отношению к сущности других людей. Свобода перестает носить социальный характер. В положении экзистенциального пребывания на границе исчезает необходимость социального свободомыслия.

Социальность появляется, когда П. Слотердайк обращается к метафоре дружеского письма. Адресант выписывает определенное представление о человеке и посылает этот текст друзьям. Друг – это тот, кто может понять это письмо. Понять значит выйти за собственные пределы. Интериоризируя новое знание, человек раздвигает собственные границы, осуществляет переопределение самого себя и набрасывает новый целостный смысл на бытие. Когда речь идет о дружеской коммуникации, то подразумевается равенство коммуникантов и множественность вариантов гуманизма, который может быть изложен в этом общении. Однако если письма перестают читаться и отправляются в архив, то выхода за пределы не происходит, и человек не обнаруживает себя свободным. В результате существующая концепция человеческой природы безрефлексивно воспроизводится снова и снова. Метафора дружеских писем позволяет задать пространство коммуникации как социальную сопричастность целостного смыслообразования. В социальном пространстве есть множество точек, которые набрасывают целостный смысл на бытие. Есть возможность переместиться из одной точки в другую и задать смысл заново. Ситуация открытых социальных возможностей есть место для предъявления свободы выговаривания человеческой сущности.

Итак, обращение к гуманистическому философствованию позволило выявить, что Ж.-П. Сартр топологизирует время, в результате чего человек оказывается несвободен. Жесткая линейность не позволяет выйти за рамки уже существующего. Квалифицируя сартровскую концепцию как метафизическую, М. Хайдеггер подчеркивает способность человека выйти в истину бытия. Этот выход как эк-зистирование есть акт свободы. Экзистирование

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 16–23
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 16–23

осуществляется в точке просвета бытия. Через эту точку бытие начинает артикулироваться и длиться. Совершается темпорализация пространства. Однако стояние в просвете бытия, как замечает П. Слотердайк, предполагает не социальность взаимодействия, а авторитарность селекции. Говоря о дружеских письмах, П. Слотердайк не относит такую телекоммуникацию к современности, однако думается, что эта метафора позволяет задать свободу человеческого существования социально. Свобода реализуется в общении с Другим в коммуникативном пространстве.

Заключение. Обращение к социальному пространству происходит на границе индивидуального и социального. Человек обнаруживает нехватку самого себя и, чтобы выйти за собственные пределы, обращается в избыточное и безграничное пространство коммуникации. Время опространствливается. В этом пространстве человек выбирает текст и начинает его интериоризировать. Теперь сам текст оказывается недостаточным. Его смысл требуется до-полнять в избытке собственного понимания. Пространство становится временем. Далее, человек снова обнаруживает собственную недостаточность и заново обращается к социальному пространству, чтобы еще раз расширить свои границы. В данной интерпретации пространство и время являются тождественными, оставаясь различенными. Сначала происходит объективация индивидуального бытия человека, затем субъективация его социальной сущности. Человечность человека переопределяется, и это приводит к индивидуальному смысловому наполнению. Но такое на-полнение только тогда является актом реализации свободного выбора социального смысла в себе, когда нет остановки этой реализации, когда самонаполнение производится человеком в свободном экзистенциальном дружеском общении. Цикл продолжается дальше. При расширении границ целостность человека сохраняется, но за счет переопределения задается новый смысл этой целостности. Каждый человек может обратиться к социальному пространству, чтобы выбрать проекцию и переопределить себя в ней. Единственно верный смысл отсутствует. Смыслы коммуницируют. Концептуальная множественность гуманизмов определяется в индивидуальном бытии свободного человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов / пер. с фр. А. А. Санина; сост. и общ. ред. А. А. Яковлева. М.: Политиздат, 1990. С. 319–344.

2. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие: статьи и выступления / сост. и пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Республика, 1993. С. 192–220.

3. Слотердайк П. Правила для человеческого зоопарка: ответ на письмо Хайдеггера о гуманизме / пер. с нем. Т. Тагуновой. 2002 // Nietzsche.ru. URL: https://www.nietzsche.ru/influence/philosophy/philosophie/sloterdijk/ (дата обращения: 04.11.2025).

Информация об авторе

Владимиров Дмитрий Сергеевич **–** аспирант кафедры философии и гуманитарных дисциплин Удмуртского государственного университета, ул. Университетская, д. 1, Ижевск, 426034, Россия. Автор восьми научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная онтология, философская герменевтика, немецкий идеализм.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 07.11.2025; принята после рецензирования 15.12.2025; опубликована онлайн 23.06.2026.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 16–23
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 16–23

REFERENCES

1. Sartre, Je.-P. (1990), "L'existentialisme est un humanisme", Transl. by Sanin, A.A., *Sumerki bogov* [Twilight of the Gods], in Yakovlev, A.A. (ed.), Politizdat, Moscow, USSR, pp. 319–344.

2. Haidegger, M. (1993), "Über den Humanismus", *Sein und Zeit*, Transl. by Bibikhin, V.V., Respublika, Moscow, RUS, pp. 192–220.

3. Sloterdijk, P. (2002), "Regeln für den Menschenpark. Ein Antwortschreiben zu Heideggers Brief über den Humanismus", Transl. by Tagunova, T., *Nietzsche.ru*, available at: https://www.nietzsche.ru/influence/philosophy/philosophie/sloterdijk/ (accessed 04.11.2025).

Information about the author

Dmitry S. Vladimirov – Postgraduate Student at the Department of Philosophy and Humanities, Udmurt State University, 1 Universitetskaya str., Izhevsk 426034, Russia. The author of eight scientific publications. Area of expertise: social ontology, philosophical hermeneutics, German idealism.

No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 07.11.2025; adopted after review 15.12.2025; published online 23.06.2026.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 24–35
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 24–35

Оригинальная статья
УДК 11; 14
http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-3-24-35

Проблема критериев высказываний о вымысле

Наталья Валерьевна Хайруллина

Казанский государственный энергетический университет, Казань, Россия
natkhairullina@gmail.com, https://orcid.org/0009-0005-1559-4088

Введение. В статье рассматривается проблема из области аналитической философии вымысла. Тезис исследования состоит в том, что системные проблемы реалистических теорий вымышленных персонажей коренятся в неадекватной трактовке самого понятия «вымысел». Автор выделяет три проблемы для этих теорий – проблему редукции, игнорирования и узкого определения вымысла. Демонстрируется, что антиреалистические подходы избегают обозначенных проблем. Новизна исследования состоит в постановке проблемы – ранее определение вымысла не становилось предметом обсуждения и сравнения теорий между собой. Автор предлагает использовать критерий адекватности определения вымысла для оценки соответствия теории языковой прагматике.

Методология и источники. Автор использует метод концептуального анализа. В статье анализируются наиболее влиятельные теории онтологического статуса вымышленных персонажей – неомейнонгианство, фикциональный поссибилизм, абстрактный реализм, абстрактный артефактуализм и теория притворства.

Результаты и обсуждение. Из статьи видно, что понятие вымысла в анализируемых теориях оказывается: 1) редуцированным (в фикциональном поссибилизме вымысел замещается понятием возможности); 2) игнорируемым (неомейнонгианские теории, фокусируясь на онтологическом статусе объектов, игнорируют языковую прагматику вымысла); 3) излишне узким (строгая дихотомия фикциональных и метафикциональных высказываний в абстрактном реализме и артефактуализме исключает из анализа смешанные высказывания). В качестве альтернативы автор предлагает принять определение вымысла как участия в практиках притворства.

Заключение. Автор предлагает использовать определение вымысла как участия в притворстве и на его основе выделяет критерий для признания высказывания фикциональным – высказывание должно содержать предписание для воображения, которое связано с определенным художественным произведением. Демонстрируется, что антиреалистические теории, использующие данное определение, успешно справляются с проблемами редукции, игнорирования и узкого определения вымысла. На этом основании делается вывод о концептуальном преимуществе антиреализма.

Ключевые слова: аналитическая философия, фикциональные объекты, вымышленные персонажи, пустые имена, фикционализм, вымысел

Для цитирования: Хайруллина Н. В. Проблема критериев высказываний о вымысле // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 24–35. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-3-24-35

© Хайруллина Н. В., 2026
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 24–35
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 24–35

Original paper

The Problem of Criteria for Statements about Fiction

Natalya V. Khairullina

Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia
natkhairullina@gmail.com, https://orcid.org/0009-0005-1559-4088

Introduction. This article examines a problem in the field of analytical philosophy of fiction. The author identifies criteria for specifying statements about fiction. The aim of the article is to demonstrate a number of problems in realistic theories of fictional characters related to the replacement, ignoring, and narrow interpretation of fiction.

Methodology and sources. To achieve the goal of the study, the author uses the method of conceptual analysis. The article analyzes the most influential theories of the ontological status of fictional characters: Neo-Meinongian theories, David Lewis' fictional possibilism, Peter van Inwagen's abstract realism, Amy Thomasson's abstract artifactualism, and Kendall Walton's theory of pretense.

Results and discussion. Fictional possibilism brings the concept of fiction closer to the concept of possibility, which has counterintuitive consequences. Neo-Meinongian theories do not set specific criteria for fiction; for them, statements about fiction and statements about reality equally claim to express literal truth. This creates a problem for the analysis of real objects mentioned in fiction. It is unclear what properties should be attributed to these objects – real or fictional. Abstract realism and abstract artifactualism divide statements about fiction into fictional and metafictional. The former characterize the properties of objects in fiction, the latter – their properties in reality. This creates a problem of analyzing mixed statements in which both types of properties are attributed to an object at the same time. It is demonstrated that the most adequate concept of fiction is used by anti-realistic theories, which define fiction through participation in pretense.

Conclusion. The author raises the question of the criteria for statements about fiction and identifies a fundamental problem for realistic theories of fictional characters: the interpretation of fiction in them is replaced, ignored, or overly narrow. This does not allow for a uniform analysis of statements about fiction based on these theories. The author suggests using broader interpretations of fiction, as they avoid the problems mentioned and have greater explanatory potential.

Keywords: analytic philosophy, fictional objects, fictional characters, empty names, fictionalism, fiction

For citation: Khairullina, N.V. (2026), "The Problem of Criteria for Statements about Fiction", *DISCOURSE*, vol. 12, no. 3, pp. 24–35. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-3-24-35

Введение. Исследование фикциональных объектов в рамках аналитической философии началось с проблемы пустых имен в начале XX в. Вопрос об онтологическом статусе фикциональных объектов также частично рассматривался Б. Расселом в рамках критики онтологии А. Майнонга. В «Об обозначении» [1] он выдвигает известное возражение о том, что мейнонгианские объекты склонны нарушать закон противоречия. Сам Рассел предложил интерпретировать пустые имена как определенные дескрипции, что позволяло избежать признания существования фикциональных объектов. Теории, признающие существование фикциональных объектов, далее будем называть реалистическими, а отрицающие его – антиреалистическими. До середины 1970-х антиреализм Рассела остается господствующей

теорией, однако в это время появляется ряд исследований, предлагающих новые стратегии для анализа вымыслов. Среди них модальный реализм Д. Льюиса [2], неомейнонгианские теории Т. Парсонса [3] и Э. Залты [4] абстрактный реализм П. ван Инвагена [5], антиреалистическая теория притворства К. Уолтона [6], а также исследование художественного дискурса как притворного Д. Сёрла [7].

Каждая из перечисленных теорий рассматривает статус фикциональных объектов как в онтологии, так и в языке. В этой статье мы сосредоточимся на последнем, а именно на вопросе о том, чем высказывания о вымысле отличаются от высказываний о реальности. Один из ответов предлагает фикционализм – стратегия анализа художественного, математического, морального, модального и некоторых других дискурсов как «полезных вымыслов». Согласно фикционализму, высказывания, сделанные в рамках этих дискурсов, не могут оцениваться как буквально истинные и должны быть снабжены оператором вымысла – «согласно дискурсу X, верно, что…». К критериям вымышленности также чаще всего добавляется притворство. Предполагается, что, говоря о вымысле, люди лишь притворяются, что хотят сообщить нечто о реальных фактах. Таким образом, вымышленный дискурс определяется как способ высказываться о чем-то, не предполагающий выражение буквальной истины и задействующий притворство. Далее мы будем называть это определение фикционалистским. Такое определение используется как антиреалистами, так и реалистами в анализе высказываний о фикциональных объектах. При этом от критериев вымысла зависит, как в теории будет решаться проблема референции пустых имен и условий истинности высказываний. В некоторых теориях вопрос о критериях вымысла рассматривается явно и даже является центральным, в других он заменяется иным способом анализа.

Мы будем утверждать, что наиболее полная теория фикциональных объектов должна предлагать критерии для различения высказываний о реальности и вымысле, а также учитывать ряд случаев, которые игнорирует фикционалистская трактовка вымысла. Для начала рассмотрим, каким понятием вымысла оперируют наиболее известные реалистические и антиреалистические теории, затем обозначим ряд проблем с этим понятием для фикционального поссибилизма, неомейнонгианства и абстрактного реализма, после чего предложим стратегию определения вымысла, избегающую этих проблем.

Также следует уточнить, что категория фикциональных объектов может быть очень широкой и включать в себя, например, математические объекты или моральные факты, однако мы сосредоточимся на парадигмальном примере вымыслов – вымышленных персонажах. Под вымышленными персонажами здесь понимаются герои художественных произведений (Шерлок Холмс, Фродо Бэггинс), а также вымышленные места (Хогвартс, Мордор) и вымышленные артефакты (меч Годрика Гриффиндора, Кольцо Всевластия).

Методология и источники. В статье используется метод концептуального анализа. Этот метод позволяет эксплицировать то, как различные теории относительно онтологического статуса вымышленных персонажей определяют вымысел. Эти теории традиционно разделяются на реалистические и антиреалистические. В первую группу включают неомейнонгианские теории [3; 4], фикциональный поссибилизм [2] и абстрактный реализм [5; 8], а две наиболее влиятельные антиреалистические стратегии – фикционализм и теория притворства К. Уолтона [6].

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 24–35
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 24–35

Результаты и обсуждение. Рассмотрим, как каждая из названных теорий обходится с понятием вымысла. Неомейнонгианские теории развивают Т. Парсонс и Э. Залта. Согласно этим теориям, основанным на онтологии А. Майнонга, вымышленные персонажи – это объекты, которые не существуют, но имеют место в онтологии и реально обладают своими свойствами. Среди этих свойств есть как те, что приписываются им в вымысле (например, любовь к игре на скрипке, гениальность), так и те, которыми они обладают с точки зрения реальности (вымышленность). Заметим, что такие свойства могут вступать в противоречие друг с другом – для Холмса характерно быть вымышленным относительно реальности и быть реальным относительно рассказов Конан Дойла. Эта проблема решается двумя разными способами: различением двух типов свойств и двух способов предикации.

Парсонс предлагает различать ядерные и внеядерные свойства вымышленных персонажей [3]. Ядерные свойства будут свойствами из вымыслов, внеядерные – свойствами относительно реальности. Холмс не обладает внеядерным свойством существования, так как такого человека нет в реальности, однако он обладает «разбавленным» аналогом существования в виде ядерного свойства, так как относительно рассказов Конан Дойла он существует.

Иную теорию предлагает Э. Залта, вводя различение между экземплификацией и кодированием [4]. Экземплификация характерна для конкретных объектов и схожа с обыкновенной предикацией, тогда как кодирование – это способ приписывания ядерных свойств абстрактным объектам, в категорию которых Залта включает и вымышленных персонажей. Шерлок Холмс кодирует свойства «быть детективом» и «любить играть на скрипке» и экземплифицрует свойства «быть вымышленным» и «не существовать».

Неомейнонгианские теории не задают специфические критерии для вымысла, для них и высказывания о вымысле, и высказывания о реальности производятся серьезно и претендуют на выражение буквальной истины. Проблема пустых имен решается за счет признания наличия в онтологии несуществующих объектов, к которым эти имена отсылают.

Фикциональный поссибилизм представляет собой распространение модального реализма на вымысел. В рамках этой теории вымышленные персонажи рассматриваются как реальные люди «из плоти и крови», находящиеся в возможных мирах, где все события из соответствующих вымыслов являются реальными фактами [2]. Неполнота свойств вымышленных персонажей может создавать проблему неопределенности – мы не знаем, была ли у Холмса двоюродная бабушка, и должны быть два возможных мира, в одном из которых она у него есть, а в другом – нет. Холмс из какого возможного мира окажется Холмсом, о котором говорится в рассказах К. Дойла? Льюис предлагает рассматривать всех «кандидатов в Холмсы» как двойников Холмса, соответственно обо всех них в равной мере будет идти речь в рассказах К. Дойла. В поссибилистских теориях понятие вымысла сближается с понятием возможности. Высказывания о вымысле будут отличаться от высказываний о реальности тем, что сообщают что-то о возможном, а не об актуальном мире.

Абстрактный реализм – группа теорий, которые признают существование вымышленных персонажей в качестве абстрактных объектов. П. ван Инваген предлагает признать существование вымышленных персонажей, так как они могут быть значением квантифицированной переменной в высказываниях следующего вида: «В некоторых романах 19 века есть персонажи, которые описаны с большим богатством физических подробностей, чем любой

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 24–35
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 24–35

персонаж из романа 18 века» [5, p. 302]. Он выделяет для вымышленных персонажей отдельную онтологическую категорию – «вымышленные создания», которая, в свою очередь, входит в более широкую категорию «теоретических объектов литературной критики», где находятся также романы, главы, стихотворные размеры и т. д.

Э. Томассон предлагает более детализированную версию абстрактного реализма – абстрактный артефактуализм. Она предполагает, что вымышленные персонажи – это созданные людьми абстрактные объекты – артефакты [8]. Примерами абстрактных артефактов также являются браки, деньги и игра в шахматы. Инваген и Томассон предлагают одну и ту же стратегию анализа высказываний о вымышленных персонажах, разделяя эти высказывания на две группы – фикциональные и метафикциональные. Под фикциональными понимаются те высказывания, которые сделаны притворно, с позиции вымысла. Такие высказывания не могут быть буквально истинными и рассматриваются как содержащие скрытый оператор вымысла. Также для этих теорий важно, что свойства из вымыслов не являются реальными свойствами вымышленных персонажей. Реальные свойства вымышленных персонажей – это свойства абстрактных объектов, такие как «быть вымышленным», «быть иконой поп-культуры», «появляться в рассказах Конан Дойла» и т. д. Высказывания о персонажах, сделанные с позиции реальности и выражающие их реальные свойства, называются метафикциональными и могут быть признаны буквально истинными. Важно отметить, что Инваген придерживается дескриптивизма относительно имен вымышленных персонажей, тогда как Томассон опирается на каузально-историческую теорию референции, однако в остальном их взгляды схожи.

Фикционализм и характерное для него определение вымысла нами уже обсуждалось, поэтому сразу рассмотрим «теорию притворства» К. Уолтона. Уолтон использует аналогию с детскими играми, где реквизитом являются игрушки или бытовые предметы, и определяет художественные произведения как реквизит в «играх в притворство» (game of make-believe). Как ребенок воображает, что палка у него в руках – это меч, а товарищи по игре подыгрывают ему, так и художественные произведения предписывают нам воображать их содержание как реальные факты. При этом некоторые воображаемые факты произведение санкционирует (когда они соответствуют его содержанию и разумной интерпретации), а некоторые – нет. Уолтон пишет об отличиях между художественной и документальной литературой: «Биографии, учебники и газетные статьи как таковые не предназначены для того, чтобы служить реквизитом в играх в притворство. Они используются для утверждения истинности определенных положений, а не для того, чтобы сделать положения вымышленными. Вместо того, чтобы устанавливать вымышленные миры, они претендуют на описание реального мира» [6, p. 70].

Важно отметить, что Уолтон использует самую широкую трактовку вымышленности из всех, обсуждающихся в этой статье. Он различает виды притворства, некоторые из которых называет «неофициальными» в том смысле, что они могут выходить за рамки санкционированного художественным произведением. Например, для Уолтона вымышленными являются высказывания об эмоциях («Мне жаль Анну Каренину»), сравнительные высказывания («Холмс гениальнее Пуаро») и даже метафикциональные высказывания («Холмс – вымышленный персонаж»). Последний случай объясняется Уолтоном двумя способами. Первый состоит в том, что неофициальная игра побуждает нас притвориться, что сущности, которые содержит наш мир, можно разделить на «вымышленные» и «реальные». Второй –

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 24–35
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 24–35

в том, чтобы рассматривать метафикциональное высказывание как предательство игры, которая подразумевает существование персонажа. К такой широкой трактовке вымысла возникает множество возражений, наиболее влиятельное из которых называется феноменологическим. Оно заключается в том, что в случае метафикциональных высказываний совершенно неочевидно, что они сделаны притворно, напротив, они кажутся сделанными серьезно и выражают буквальные истины о мире.

Мы рассмотрели, как различные теории вымышленных персонажей определяют вымысел. Далее будут обозначены проблемы, с которыми сталкиваются реалистические теории в связи с определением вымысла, которым они оперируют. Назовем их проблемой редукционизма, проблемой игнорирования и проблемой узкого определения.

Первая проблема, которую мы назвали проблемой редукционизма, связана с различием возможного и вымышленного. Фикциональный поссибилизм предлагает четкий критерий, по которому высказывание о вымысле можно отличить от высказывания о реальности – первое будет сообщать нечто о возможном мире, тогда как второе – об актуальном. Однако критике подвергалось сама редукция понятия вымысла к понятию возможности. Предполагается, что вымысел нельзя свести к простому изложению возможных событий, а реальный человек в возможном мире не может быть идентичным вымышленному персонажу, даже если все их свойства совпадают. С. Крипке приводит подробную иллюстрацию этого аргумента: «Предположим, что все истории о Шерлоке Холмсе были правдивыми историями об одном сыщике: достаточно ли этого, чтобы заключить, что Шерлок Холмс существовал на самом деле? Обложки многих книг такого типа противоречат этому тезису. Первая страница может гласить: “Герои этого произведения вымышлены, и все сходства с реальными личностями – чистая случайность”. Что это значит, так это то, что даже если какое-то ужасающее событие, о котором идёт речь в произведении, по существу истинно в отношении к некоторым конкретным людям, и даже если это истинно исключительно о них, то такое совпадение – чистая удача и нечто такое, что не было известно автору (на самом деле, нам стоило бы с подозрением отнестись к такому заявлению, но в принципе это возможно). Не они обозначены теми именами, что появляются в истории, и это только совпадение, что история, по сути, истинна в отношении них. Если бы один из этих людей, о которых история оказалась истинной, пожаловался бы в суд на вторжение в частную жизнь или, может быть, на клевету или навет, он не выиграл бы дело исключительно на основании заявления, что история была по существу истинна в отношении него. Судья, если бы о совпадении было заявлено на самом деле, вынес бы решение против истца, а также против Фреге, Рассела, Витгенштейна и Серла. Причина, ещё раз, состоит в недостатке какой-либо исторической связи с реальной личностью, даже несмотря на то, что мнения об этой личности по существу справедливы» [9, с. 683–684].

Также для теории, которая занимается проблемой вымыслов, кажется существенным преимуществом оперирование именно понятием вымысла, а не замена его на другое. Наиболее очевидными последствия такой замены становятся, когда мы анализируем высказывания об эмоциях. Сложно понять, почему мы восхищаемся гениальностью Холмса или горюем о судьбе Карениной, если это люди, обитающие в возможных мирах и не имеющие к нам никакого отношения. За последние 20 лет было проведено значительное количество психологиче-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 24–35
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 24–35

ских исследований эмоциональной реакции на вымысел [10–12]. Для этих исследований существенным оказывается именно то, как вымысел может оказывать эмоциональное воздействие на человека, понимающего нереальность происходящего. Кажется, что вопрос эмоциональной реакции на возможные ситуации, произошедшие с людьми в возможных мирах, не совпадает с предыдущим и в целом не отвечает наиболее распространенным интуициям о восприятии вымысла. Следует отметить, что последнее возражение не подрывает теоретические основы фикционального поссибилизма, а наличие близкой к обыденной трактовки вымысла является скорее желательным преимуществом, чем обязательством для теории.

Следующая проблема может называться проблемой игнорирования. Как уже было обозначено, неомейнонгианство не задает специфических критериев для высказываний о вымысле. У этого имеется неприятное последствие – трудности в оценке высказываний о реальных объектах, упоминаемых в вымысле. Проблема пустых имен чаще всего рассматривается как главная проблема анализа языка для случая вымышленных персонажей. Тем не менее существует еще один тип имен, встречающийся в художественных произведениях и представляющий не меньший интерес – это имена реальных объектов, такие как Лондон и Наполеон. Кажется, что, в отличие от Мордора и Шерлока Холмса, эти имена обладают референтами. Мы могли бы просто признать это, однако в вымысле реальным объектам могут приписываться не принадлежащие им в реальности свойства. Например, согласно рассказам К. Дойла, в Лондоне по адресу «Бейкер-стрит, 221Б» проживали Шерлок Холмс и Доктор Ватсон, что неверно относительно реального города. В связи с этим затруднением рассматривается вопрос о том, как анализировать имена реальных объектов в вымысле – как отсылающие к своим объектам или как имена вымышленных суррогатов этих объектов. В последнем случае мы рассматривали бы Наполеона из «Войны и мира» как полноценного вымышленного персонажа, связанного с реальным Наполеоном лишь схожими свойствами. М. Гарсиа-Карпинтеро называет такой способ рассматривать семантический статус имен реальных объектов в вымысле «исключительностью» (exceptionalism) [13].

Имена реальных объектов в вымысле создают серьезные трудности для неомейнонгианских теорий. Вернемся к примеру с Лондоном и проживающими в нем Холмсом и Ватсоном. Как мы должны анализировать такие высказывания, если принимаем имя «Лондон» как референтное? Мы не можем сказать, что Лондон обладает ядерным свойством «иметь в числе своих жителей Шерлока Холмса и доктора Ватсона», так как это противоречит историческим фактам о городе. Аналогично нельзя сказать, что Лондон кодирует свойство «иметь в числе своих жителей Шерлока Холмса и доктора Ватсона», так как конкретные объекты просто не могут кодировать свойства, для них характерна лишь экземплификация.

Удобнее для неомейнонгианца было бы принять позицию исключительности и признать, что в вымысле речь идет лишь о суррогатах реальных объектов – Лондоне К. Дойла и Наполеоне Л. Н.Толстого. Стоит признать, что такая точка зрения в некоторых случаях согласуется с практикой разговоров о реальных объектах в вымысле, например, выражение «Петербург Достоевского» часто встречается в литературной критике. Парсонс рассматривает эту возможность, предлагая относить свойство «иметь в числе своих жителей Шерлока Холмса и доктора Ватсона» к ядерным свойствам вымышленного суррогата Лондона. Но, как отмечает Э. Томассон, «отказ от идеи, что реальные люди и места (а не только их вы-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 24–35
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 24–35

мышленные суррогаты) могут появляться в художественных произведениях, означал бы отказ от многого» [8, p. 104]. Некоторые литературные жанры, к примеру, исторические романы, оказывается невозможно объяснить, если не признать, что в них рассказывается о реальных людях и событиях. То же самое относится к жанрам сатиры и пародий, в них для достижения юмористического эффекта необходимо, чтобы читатель соотнес повествование с реальной личностью. Также автор может обращаться к фактам о реальных объектах, не указывая на эти факты в вымысле, но предполагая, что читатель знает о них. Парсонс признает эти возражения и предполагает, что хотя иногда мы имеем дело именно с вымышленными суррогатами реальных объектов, чаще в вымысле появляются имена реальных объектов [3, p. 57–59]. Но чтобы объяснить это, неомейнонгианцы вынуждены прибегнуть к фикционалистской стратегии и прибавлять к высказываниям о реальных объектах оператор вымысла. Для реального Лондона неверно, что в нем жил Холмс, но «в соответствии с рассказами К. Дойла» это так. С этим можно согласиться, однако это будет решением ad hoc, которое никак не связано с теоретическим ядром неомейнонгианских теорий вымысла. Оказывается, что простого постулирования наличия в онтологии вымышленных объектов недостаточно для последовательной теории. Анализ высказываний о вымышленных персонажах требует отличать высказывания о вымысле и высказывания о реальности. Далее рассмотрим, какую объяснительную силу приобретает теория, вводящая такое различение.

Последнюю проблему мы назвали проблемой узкого определения. Чтобы разобраться в ее последствиях, рассмотрим подробнее анализ высказываний о вымышленных персонажах, который предлагает абстрактный реализм. Разделение на фикциональный и метафикциональный дискурс позволяет объяснить многое. Во-первых, так как свойства из вымыслов оказываются не принадлежащими вымышленным персонажам реально, неполнота и противоречивость этих свойств больше не представляет проблемы. Уточним, что проблема неполноты заключается в том, что нам не известен полный набор свойств фикциональных объектов – как уже упоминалось, мы не знаем, была ли у Шерлока двоюродная бабушка и как ее звали. Проблема противоречивости связана с тем, что иногда в вымыслах могут утверждаться противоречивые факты о персонажах – например, в двух разных рассказах шерлокианы утверждается, что одна и та же рана Ватсона находилась сначала в руке, а затем в ноге, так как Конан Дойл за пару лет успел забыть детали биографии доктора. Во-вторых, метафикциональные высказывания вроде «Шерлок Холмс – это вымышленный персонаж» включают референтные имена (отсылающие к абстрактным объектам) и могут быть признаны буквально истинными. В-третьих, мы можем не вводить суррогаты реальных объектов в вымыслах и рассматривать их имена как референтные, так как разделение на фикциональные и метафикциональные высказывания позволяет по-разному оценивать высказывания о реальных и вымышленных фактах относительно реальных объектов. Таким образом, разделение на высказывания о вымысле и высказывания о реальности позволяет объяснить очень широкую область дискурса о вымысле.

Несмотря на это, абстрактный реализм не может объяснить все. Проблему для него представляют смешанные высказывания, например:

(1) *Если смотреть на фотографии молодой Татьяны Берс, мы увидим лицо Наташи Ростовой – кудрявая брюнетка с черными глазами.*

(2) *Князь Мышкин – эпилептик, как и Федор Михайлович.*

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 24–35
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 24–35

Возможно ли для высказываний (1) и (2) определить, являются они фикциональными или метафикциональными? Кажется, что это высказывания, которые сделаны серьезно и должны пониматься буквально, однако свойства «быть кудрявой брюнеткой» и «быть эпилептиком» не принадлежат Наташе Ростовой и князю Мышкину как абстрактным объектам в реальности, о них утверждается это только в соответствии с вымыслом. Но и оператор вымысла к этим высказываниям неприменим, так как Татьяна Берс и Федор Михайлович не являются персонажами соответствующих произведений. Фикционалистское определение вымысла ограничивает круг высказываний, которые мы можем определить как вымышленные, тем, что сказано в произведениях. Пограничные случае вроде (1) и (2) выпадают из этого анализа.

Мы обозначили проблемы, связанные с определением вымысла в реалистических теориях вымышленных персонажей. Перейдем от вопроса «Какие теоретические проблемы могут создавать неподходящие критерии вымысла?» к вопросу о том, какими должны быть эти критерии. В первой части статьи упоминалось, что наиболее широкую трактовку вымысла как участия в практиках притворства предлагает К. Уолтон. В таком подходе фикциональным будет любое высказывание, содержащее предписание для воображения. Предписание формируется на основе художественного произведения, которое является реквизитом в соответствующей игре в притворство. Мы будем утверждать, что такое определение является наилучшим из существующих. Существенным и главным преимуществом такого подхода является то, что он предлагает единообразный анализ для всех типов высказываний о вымысле, в том числе для высказываний об эмоциях, сравнительных и смешанных высказываний, объявляя их фикциональными. Это связано с тем, как Уолтон понимает воображение и притворство. Он предполагает, что притворство – неоднородная практика, и у него есть разновидности в зависимости от конкретной игры, но все они задействуют воображение. В этом случае задачей исследователя становится выявление и описание наименее очевидных форм притворства и работы воображения в них. Примером таких неочевидных форм притворства могут быть высказывания о вымышленной природе персонажей, их авторах и происхождении, прототипах в реальности и реальных объектах в вымысле.

Сходную со стратегией Уолтона концепцию вымысла предлагает и Э. Эверетт. Он так поясняет причины, по которым нам следует принять более широкую трактовку вымысла: «Мы входим в мир обсуждаемого текста, где вымышленные персонажи – это люди из плоти и крови. И в то же время принимаем точку зрения, что персонажи, о которых мы говорим, являются вымышленными объектами. Наше участие в литературной критике естественно и органично включает в себя участие в притворстве, связанном с чтением и взаимодействием с вымышленным текстом. Критика – это не практика, которая является внешней и отделена от нашего обычного взаимодействия с вымыслом. Скорее, она предполагает и включает это взаимодействие. Поэтому я думаю, что мы должны рассматривать наши разговоры о вымышленных персонажах как просто еще один вид притворства, который расширяет те виды притворства, в которые мы вступаем в ходе нашего обычного взаимодействия с вымышленными текстами» [14, p. 640]. Говоря о литературной критике, Эверетт имеет в виду наличие в нашей речевой практике метафикциональных высказываний о вымысле, которые реалисты предлагают анализировать как буквально истинные и требующие включения в них референтных имен для сохранения этой истинности. Согласно точке зрения Эверетта, у нас нет причин настаивать на буквальной истинности каких-либо предложений о вымысле, так как говоря о Шерлоке Холмсе,

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 24–35
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 24–35

Мордоре или золотом снитче, мы никогда не рассматриваем их изолированно от фикциональных свойств, даже если хотим утверждать о них что-то относительно реальности. Обоснуем этот тезис с помощью примера. Для нас одинаково естественным будет сказать:

(3) *Шерлок Холмс – вымышленный персонаж.*

(4) *Шерлок Холмс – вымышленный сыщик, проживающий на Бейкер-стрит, 221Б.*

Высказывание (3) – «чистое» метафикциональное, а вот (4) включает в себя одновременно фикциональные свойства («быть сыщиком», «жить на Бейкер-стрит, 221Б») и метафикциональное («быть вымышленным»). При этом высказывание (4) не создает у нас никаких проблем с восприятием, не кажется неправильно построенным. В связи с этим любые высказывания о вымысле можно признать содержащими различные виды притворства. В этом случае нам придется признать, что высказывания типа «Шерлок Холмс – вымышленный персонаж» не являются буквально истинными, но при этом наш анализ языка останется единообразным и сможет объяснить все типы высказываний о вымысле.

Следует отметить, что для подобных широких трактовок вымысла сохраняет силу феноменологическое возражение – не все высказывания о вымышленных персонажах кажутся сделанными притворно и верными лишь относительно вымысла. Есть любопытный ответ на это возражение, который предлагает заменить принцип притворства принципом онтологического индифферентизма. Автор этого подхода М. Эклунд пишет: «В отношении многого, что мы говорим или подразумеваем, мы не берем на себя обязательств ни в отношении его буквальной истинности, ни в отношении его истинности в каком-либо вымысле» [15, p. 558]. Утверждая или отрицая наличие у вымышленных персонажей некоторых свойств, мы просто не имеем цели говорить об их существовании. Эклунд обращается к различению между семантическим значением выражения и значением говорящего. Первое предполагает буквальную истинность высказываемого, его соответствие миру, в связи с чем существование референтов объектов нашей речи оказывается необходимым, второе – учитывает лишь намерение говорящего и коммуникативный успех высказывания. Принимая тезис индифферентизма, мы отказываемся от семантического значения в пользу значения говорящего. Идея анализировать вымысел без понятия притворства, отказываясь при этом от буквальной истинности высказываний о нем, может показаться экстравагантной, однако эта теория избегает феноменологического возражения и сохраняет возможность единообразно объяснять все виды высказываний о вымышленных персонажах.

Заключение. Реалистические теории призваны решать проблемы онтологии вымышленных персонажей, в связи с чем вопросы прагматики высказываний о вымысле смещаются для них на второй план. Мы продемонстрировали, что последствия игнорирования этой второстепенной, на первый взгляд, задачи могут быть довольно серьезными – неадекватное определение вымысла провоцирует появление объяснений ad hoc и создает контринтуитивные выводы из теории. В связи с этим можно заключить, что наша лучшая теория вымышленных персонажей должна учитывать вопросы прагматики высказываний о вымысле и предлагать адекватное определение этого термина. Наиболее широким объяснительным потенциалом обладают антиреалистические теории, определяющие вымысел через участие в притворстве. Конкретизируем этот критерий: любое высказывание, содержащее предписание для воображения, связанное с определенным произведением, должно счи-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 24–35
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 24–35

таться фикциональным. В таком подходе даже метафикциональные высказывания оказываются разновидностью фикциональных. Представители абстрактного реализма могут считать это определение излишне широким и не соглашаться с тем, что метафикциональные высказывания не являются буквально истинными, однако для случая смешанных высказываний они должны предложить способ включить их в свой анализ языка. Наиболее простым способом сделать это кажется расширение критериев вымышленности высказывания до более утонченных видов притворства, которые были бы ориентированы, например, на приписывание фикциональных свойств персонажам в высказывании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Russell B. On Denoting // Mind. 1905. Vol. 14, № 56. P. 479–493.

2. Lewis D. Truth in Fiction // American Philosophical Quarterly. 1978. Vol. 15, № 1. P. 37–46.

3. Parsons T. Nonexistent Objects. New Haven: Yale Univ. Press, 1980.

4. Zalta E. N. Abstract Objects: An Introduction to Axiomatic Metaphysics. Dordrecht: D. Reidel, 1983. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-009-6980-3

5. Van Inwagen P. Creatures of Fiction // American Philosophical Quarterly. 1977. Vol. 14, № 4. P. 299–308.

6. Walton K. L. Mimesis as Make-Believe. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1990.

7. Searle J. R. The Logical Status of Fictional Discourse // Contemporary Perspectives in the Philosophy of Language / in P. A. French, T. E. Jr. Uehling, H. K. Wettstein (eds.). Minneapolis: Univ. of Minneapolis Press, 1979. P. 233–243.

8. Thomasson A. Fiction and Metaphysics. NY: Cambridge Univ. Press, 1999.

9. Крипке С. Пустые имена и вымышленные сущности / пер. с англ. А. Прохорова // Horizon. Феноменологические исследования. 2019. Т. 8, № 2. С. 676–706.

10. Cova F., Teroni F. Is the paradox of fiction soluble in psychology? // Philosophical Psychology. 2016. Vol. 29, iss. 6. P. 930–942. DOI: https://doi.org/10.1080/09515089.2016.1164306

11. Goldstein T. The pleasure of unadulterated sadness: Experiencing sorrow in fiction, nonfiction, and “in person” // Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts. 2009. Vol. 3, iss. 4. P. 232–237. DOI: 10.1037/a0015343

12. Vrticka P., Sander D., Vuilleumier P. Effects of emotion regulation strategy on brain responses to the valence and social content of visual scenes // Neuropsychologia. 2011. Vol. 49, № 5. P. 1067–1082. DOI: 10.1016/j.neuropsychologia.2011.02.020

13. García-Carpintero M. Is fictional reference rigid? // Organon F. 2015. Vol. 22, Supplementary Iss. 1. P. 145–168.

14. Everett A. Against Fictional Realism // J. of Philosophy. 2005. Vol. 102, iss. 12. P. 624–649. DOI: 10.5840/JPHIL2005102129

15. Eklund M. Fiction, indifference, and ontology // Philosophy and Phenomenological Research. 2005. Vol. 71, iss. 3. P. 557–579. DOI: 10.1111/j.1933-1592.2005.tb00471.x

Информация об авторе

Хайруллина Наталья Валерьевна – ассистент кафедры философии и медиакоммуникаций Казанского энергетического университета, ул. Красносельская, д. 51, Казань, 420066, Россия. Сфера научных интересов: философские проблемы вымысла, эпистемология, аналитическая философия.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 13.11.2025; принята после рецензирования 04.12.2025; опубликована онлайн 23.06.2026.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 24–35
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 24–35

REFERENCES

1. Russell, B. (1905), "On Denoting", *Mind*, vol. 14, no. 56, pp. 479–493.

2. Lewis, D. (1978), "Truth in Fiction", *American Philosophical Quarterly*, vol. 15, no. 1, pp. 37–46.

3. Parsons, T. (1980), *Nonexistent Objects*, Yale Univ, Press, New Haven, USA.

4. Zalta, E.N. (1983), *Abstract Objects: An Introduction to Axiomatic Metaphysics*, D. Reidel, Dordrecht, NDL. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-009-6980-3

5. Van Inwagen, P. (1977), "Creatures of Fiction", *American Philosophical Quarterly*, vol. 14, no. 4, pp. 299–308.

6. Walton, K.L. (1990), *Mimesis as Make-Believe*, Harvard Univ. Press, Cambridge, USA.

7. Searle, J.R. (1979), "The Logical Status of Fictional Discourse", *Contemporary Perspectives in the Philosophy of Language*, in French, P.A., Uehling, T.E.Jr. and Wettstein, H.K. (eds.), Univ. of Minneapolis Press, Minneapolis, USA, pp. 233–243.

8. Thomasson, A. (1999), *Fiction and Metaphysics*, Cambridge Univ. Press, NY, USA.

9. Kripke, S. (2019), "Vacuous names and fictional entities", Transl. by Prokhorov, A., *Horizon: Phenomenological Research*, vol. 8, no. 2, pp. 676–706.

10. Cova, F. and Teroni, F. (2016), "Is the paradox of fiction soluble in psychology?", *Philosophical Psychology*, vol. 29, iss. 6, pp. 930–942. DOI: https://doi.org/10.1080/09515089.2016.1164306

11. Goldstein, T. (2009), "The pleasure of unadulterated sadness: Experiencing sorrow in fiction, nonfiction, and "in person"", *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, vol. 3, iss. 4, pp. 232–237. DOI: 10.1037/a0015343

12. Vrticka, P. Sander, D. and Vuilleumier, P. (2011), "Effects of emotion regulation strategy on brain responses to the valence and social content of visual scenes", *Neuropsychologia*, vol. 49, no. 5, pp. 1067–1082. DOI: 10.1016/j.neuropsychologia.2011.02.020

13. García-Carpintero, M. (2015), "Is fictional reference rigid?", *Organon F*, vol. 22, Supplementary Iss. 1, pp. 145–68.

14. Everett, A. (2005), "Against Fictional Realism", *J. of Philosophy*, vol. 102, iss. 12, pp. 624–649. DOI: 10.5840/JPHIL2005102129

15. Eklund, M. (2005), "Fiction, indifference, and ontology", *Philosophy and Phenomenological Research,* vol. 71, iss. 3, pp. 557–579. DOI: 10.1111/j.1933-1592.2005.tb00471.x

Information about the author

Natalya V. Khairullina – Assistant at the Department of Philosophy and Media Communications, Kazan State Power Engineering University, 51 Krasnoselskaya str., Kazan 420066, Russia. Area of expertise: philosophical problems of fiction, epistemology, analytic philosophy

No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 13.11.2025; adopted after review 04.12.2025; published online 23.06.2026.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 36–55
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 36–55

Оригинальная статья
УДК 18; 130.2; 792.01
http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-3-36-55

Как возможен театр: к метафизике присутствия

Петр Викторович Куликов

Институт философии РАН, Москва, Россия
kultura_log@mail.ru, https://orcid.org/0009-0000-9071-2332

Введение. В статье обосновывается актуальность взаимного обращения философии к театру и театра к философии. В центре исследования находится театральное присутствие, которое разворачивает метафизический смысл театра.

Методология и источники. В основу исследования положены методы истории идей (А. Ахутин, Г. Тайхмюллер) и сравнительно новых дисциплин – «философия театра» (М. Кобринец, А. Гуйе), «антропология театра» (Л. Колянкевич). Круг источников включает в себя как свидетельства из истории театра, так и их философскую рефлексию, прежде всего со стороны экзистенциализма (Г. Марсель, М. Хайдеггер) и деконструкции (Ж. Деррида, Ф. Лаку-Лабарт).

Результаты и обсуждение. В русле истории идей театр предстает как драматический универсум жизни, «конкретная метафизика», граничная ситуация, как место изначального производства и отмены/закрытия представления в «театре жестокости» А. Арто. Последний как поэтическая утопия бросает вызов метафизике репрезентации и утверждает себя как место «непредставимого живого настоящего» или чистого присутствия. Ретроспектива истории западной метафизики показывает, насколько тесно театр сплетен с философской мыслью. На «школьные» метафизические вопросы о единстве и тождестве сущности, о статусе универсалий, психофизической проблеме театр предлагает свои ответы: пустотность актерского присутствия, играющий дух жизни, открытие сознания, воплощенного в теле-сознании, – вот та метафизическая территория, которую открывает театр за пределами оппозиций новоевропейской философии.

Заключение. Таким образом, театр можно рассматривать как органон метафизики присутствия, специфические возможности которого прежде всего раскрываются в опространстсовании мира. Такое понимание дает возможность взглянуть на историю театра как на историю присутствия на примере некоторых сюжетов. Основным его модусом при этом оказывается промежуточное нейтральное положение между религией и политикой, сакральным и профанным, которое либо дает санкцию представлению, либо отменяет его ради утверждения чистого присутствия.

Ключевые слова: философия, театр, метафизика, представление, присутствие, тело-сознание

Для цитирования: Куликов П. В. Как возможен театр: к метафизике присутствия // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 36–55. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-3-36-55

© Куликов П. В., 2026
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 36–55
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 36–55

Original paper

How Theater is Possible: Towards a Metaphysics of Presence

Petr V. Kulikov

RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia
kultura_log@mail.ru, https://orcid.org/0009-0000-9071-2332

Introduction. This article substantiates the relevance of the mutual appeal of philosophy to theater and theater to philosophy. The article's research centers on theatrical presence, which unfolds the metaphysical meaning of theater.

Methodology and sources. The research draws on methods from the history of ideas (A. Akhutin, G. Teichmüller) and the relatively new disciplines of "philosophy of theater" (M. Kobrinets, A. Guyer) and "anthropology of theater" (L. Kolyankevich). The range of sources includes both historical evidence from the history of theater and philosophical reflection on it, primarily from existentialism (G. Marcel, M. Heidegger) and deconstruction (J. Derrida, F. Lacoue-Labarthe).

Results and discussion. Within the context of the history of ideas, theater appears as a dramatic universe of life, a "concrete metaphysics", a boundary situation, as a site of primordial production and the cancellation/closure of performance in Artaud's "theater of cruelty". The latter, as a poetic utopia, challenges the metaphysics of representation and asserts itself as a place of "an unrepresentable living present" or pure presence. A retrospective on the history of Western metaphysics reveals how closely theater is intertwined with philosophical thought. Theater offers its own answers to the "school" metaphysical questions about the unity and identity of essence, the status of universals, and the psychophysical problem: the emptiness of the actor's presence, the playful spirit of life, the discovery of consciousness embodied in the body-mind. This is the metaphysical territory that theater opens beyond the oppositions of modern European philosophy.

Conclusion. Thus, theater can be seen as an organon of the metaphysics of presence, the specific possibilities of which are revealed primarily in the spacemaking of the world. This understanding allows us to look at the history of theater as the history of presence, as exemplified by certain narratives. Its fundamental mode, then, is an intermediate, neutral position between religion and politics, the sacred and the profane, which either sanctions representation or abolishes it for the sake of affirming pure presence.

Keywords: philosophy, theater, metaphysics, representation, presence, body-mind

For citation: Kulikov, P.V. (2026), "How Theater is Possible: Towards a Metaphysics of Presence", *DISCOURSE*, vol. 12, no. 3, pp. 36–55. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-3-36-55

Театр и метафизика имеют больше общего, чем может показаться на первый взгляд. Их связывает не только обращенность к созерцательному началу души, о чем говорит этимологическое родство слов θέατρον и θεωρία, восходящих к глаголу θεάομαι (вижу), не только традиционная метафорика, уподобляющая вселенскую жизнь грандиозному спектаклю. Как в метафизике, так и в театре остается непомысленным их основание – присутствие. В этом смысле театр разделяет судьбу западной мысли в той же мере, что и философия. Если в метафизике завороженность сущим привела к тому, что оказалось забытым бытие, то в театре поглощенность возможностями, открываемыми представлением, привела к тому, что в забвении оказалось присутствие. Одна из причин такого пробела в мысли кроется в сакрализации присутствия в христианстве. Парусия, заявившая о себе в начале западной метафизики в текстах Платона, Аристотеля и стоиков, затем была переосвоена

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 36–55
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 36–55

христианской догматикой и таким образом избежала философского осмысления, оставаясь на протяжении столетий сугубо теологической темой: учения о втором пришествии Христа и догмата о воплощении Бога-Слова. Как следствие, западная метафизика не выработала такого терминологического и понятийного аппарата, каким располагает теология, чтобы внятно говорить о присутствии. При том, что метафизика, как показал Г. Тайхмюллер [1, s. 13], имплицитно буквально насквозь прошита присутствием, последнее не тематизировано в ней, как тематизированы, например, сущность, причинность, время, проблема универсалий в школьной метафизике Суареса, психофизическая проблема у Декарта, Бог, душа и мир у Канта [2, с. 18–29]. Поэтому неудивительно, что современные философы, провозглашая поворот от мира как совокупности объектов (А. Бадью [3, с. 38]) или как совокупности значений (Х. У. Гумбрехт [4, с. 10–13]), к миру как присутствию, часто связывают этот поворот с необходимостью демонтажа классической метафизики. Однако то «секуляризованное» понимание присутствия, какое предлагает, например, Гумбрехт, замыкая его в рамках «пространственного отношения к миру и его предметам», когда «до чего-то присутствующего можно дотронуться рукой, и оно в свою очередь может оказывать непосредственное воздействие на человеческое тело» [4, с. 10], при всей его очевидности недооценивает философский потенциал присутствия, редуцируя его согласно локальным требованиям актуальной социокультурной повестки (Гумбрехт начинает свою книгу с рассказа об «интеллектуальном климате» 80-х гг. прошлого века, давшем толчок его проекту «демонтажа метафизики»). Нечто подобное можно наблюдать и в современном театре, который, сняв с себя задачу представлять на сцене написанную драму, взял курс на «горизонтальные», социальные практики, став чем-то вроде арт-терапии или инструментом социальной и политической активности. Сегодня обращение философии к театру становится необходимым в той мере, в какой его анализ позволяет мыслить присутствие, не замыкая его локальными рамками современного «интеллектуального климата», и наоборот, для театра обращение к философии становится все более насущно по мере того, как он расширяет свою сферу настолько, что выходит далеко за рамки привычного его понимания как искусства представления, и в этой открытости иному сам рискует полностью раствориться. Эти важнейшие для западной метафизики категории – представление и присутствие – нужно попытаться продумать в режиме диалога театра и философии. При этом по названной ранее причине теологической монополии на понимание и трактовку присутствия в западной метафизике неизбежно обращение к религиозному контексту.

1. От театра как ситуации к закрытию представления. Необходимость такого исследования осознается сегодня как со стороны философии, так и со стороны науки о театре. Одним из итогов, проходивших в октябре 2024 г. в Санкт-Петербурге VII Барбоевских чтений на тему «Театр и метафизика» стал вывод о том, что театроведению не хватает философского измерения взгляда на театр, т. е. взгляда в его предельные основания, задающие границы и саму возможность театра как такового. Ю. М. Барбой в одной из своих последних книг «К теории театра» [5] отмечал, что теоретическое знание о театре в западной культуре на сегодняшний день очень слабо разработано, чего не скажешь о знании историческом и практическом. Западный театр меняется во времени, история дает ему череду определений, применимых лишь к определенным периодам, и точно так же, если мы обратимся к практикам театра, то получим веер определений, которыми руководствуются отдельные деятели и

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 36–55
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 36–55

мастера. Вероятно, эссенциалистский подход, предполагающий, будто можно выделить некую вневременную сущность явления, акцентируя сходства и опуская различия, в случае с театром обречен на неудачу. Сам Барбой, пытаясь найти более или менее универсальное определение, принимает формулу Э. Бентли, согласно которой «ситуация театра, если максимально ее упростить, сводится к тому, что А изображает В на глазах у С [5, с. 21]». То есть театр следует определять не как сущность, а как ситуацию, как элементарную структуру отношений, сил. «Итак, искусство театра делается минимум тремя силами, одновременно живущими во времени и пространстве спектакля, – актерами, ролями и зрителями» [5, с. 28]. Роль, в свою очередь, отсылает к фигуре драматурга, как поясняет Бентли, «здесь лица, в которых воплощаются актеры, являются творением драматурга» [6, с. 185]. К подобной структуре апеллирует в своем анализе онтологии театра А. Гуйе, с тем уточнением, что французский исследователь предлагает мыслить театральную ситуацию не «извне», как одно из явлений, которое можно познавать наряду с другими, опираясь на методы научного познания, а «изнутри» драмы – универсального явления, пронизывающего человеческую жизнь. То есть мысль должна разворачивать философское содержание театра изнутри экзистенциальной драмы, участником которой она уже является a priori, с одной из этих трех позиций, а не из некоторой «объективной», заранее принятой и привносимой извне методологии и онтологии мира. Поэтому философия театра должна определяться не как «часть метафизики, а как сама метафизика» [7, с. 61]. «В таком случае осмысление происходит изнутри этого “странного мира, которым является общее произведение автора, актера и зрителя”. Театр возможен благодаря встрече трех упомянутых фигур, каждая из которых незаменима, но не обладает главенствующим положением» [7, с. 61–62]. В трактовке Гуйе, в которой он следует Г. Марселю, персонаж – не фикциональная реальность, порождаемая совместным воображением автора, актера и зрителя, но автономный участник коммуникации, чье реальное присутствие в спектакле обеспечивает актер, при условии, что пьеса гениальна, а режиссер и актеры не насилуют пьесу своими интерпретациями [7, с. 62]. Проблема присутствия на сцене реальных духовных сущностей, именуемых персонажами, всегда волновавшая театр, в начале прошлого века была вновь поднята Л. Пиранделло в пьесе «Шесть персонажей в поисках автора», и рассуждения Гуйе и Марселя в каком-то смысле подхватывают и продолжают эту тему уже на философском поле. Драматическая вселенная обретает существование тогда, когда происходит встреча персонажа и актера [7, с. 65; 8, с. 74], оно учреждается в театре не только творческой волей драматурга, но и актом веры актера, играющего на сцене, и зрителя, сидящего в зале. Поэтому, собственно, никакой мистики реальное существование персонажей не предполагает. Их бытие реально в той мере, в какой актеры и зрители способны в них поверить.

Кажется странным говорить о вере в театре, где со времен К. С. Станиславского главным орудием производства сценической «правды вымысла» является режиссерское «не верю!». Тем не менее, хотя Марсель и оговаривается, что, говоря о современном христианском театре, не нужно понимать под ним проповедь с подмостков или иллюстрацию сюжетов из священной истории. На самом деле он ожидает от театра куда большего, чем проповеди – проявления действия благодатного света, ожиданием и чаянием которого драматург наделяет своих героев. Именно актом личной веры в экзистенциальной трактовке Марселя

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 36–55
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 36–55

определяется то, что он называет конкретной метафизикой. Философское самоопределение Марселя по отношению к христианству звучит как «перихристианство», или даже предхристианство. Он видит задачу своей философии в подведении человека к вере, но на этом дело философии и заканчивается. То же самое, по всей видимости, следует сказать и о его работе как драматурга. Конкретная метафизика, воплощенная в драматургии, не переступает порога веры, как и собственно метафизики, скажем, в кантовском понимании этой дисциплины, тематически определяемой вопросами о Боге, душе и мире. Может ли театр переступать этот порог? Возможен ли «священный театр», о котором писал П. Брук, – режиссер, чье понимание театра сложилось во многом под влиянием идей А. Арто, как о месте, «где невидимое становится видимым» [9, с. 651]?

Ведь, вообще говоря, французский экзистенциализм, будь то религиозный, как в случае Г. Марселя, или атеистический, как в случае Ж.-П. Сартра, фокусируется именно на ситуации, вернее, на ситуациях, где человек оказывается на границе своих экзистенциальных возможностей, за которыми обретается свобода или вера. Театр и сам по себе – одна из таких пограничных ситуаций. Однако театр далеко не везде и не всегда вращается вокруг человека. Космические энергии, демоны и боги, духи предков – вот те силы, с которыми театр имеет дело на протяжении большей части своей истории. Задачу осознания театра как конкретной метафизики, не ограниченной драматизмом человеческой ситуации, но включающей в себя космологию и теологию, пожалуй, впервые в истории западного театра в полной мере осознал и поставил А. Арто. Как отмечает Ж. Деррида, проект артодианского «театра жестокости» был оппозиционен не столько литературоцентричной практике французского театра, сколько стоящей за ней метафизике репрезентации или представления. Метафизике отвлеченных истин Арто противопоставил свою «конкретную метафизику», прилегающую «близко к жизни», но не сводимую к ситуативности человеческой экзистенциальной драмы. Согласно максимам Арто, театр являет собой место, где происходит акт сотворения мира в буквальном смысле – актер на сцене творит себе новое тело, «тело без органов» или нетленное тело действия. Иными словами, сцена театра не располагается в уже существующем пространстве представления, а впервые открывает это пространство. Собственно, до театра нет никакого представления [10, с. 380]. Не в этом ли тогда и заключается смысл театрального присутствия – производить представление? Но парадокс в том, что представление разрушается сразу же, как только достигает своей цели, если она состоит в том, чтобы, говоря словами шекспировского Гамлета, уловить совесть короля. Как только ловушка представления сработала, присутствие опознало себя, и на миг приоткрылась иная возможность – просвет в новое и неведомое – король встает и уходит, представление заканчивается. Точно так же Гамлет, выбравший быть, а не казаться, обязан погибнуть. Ибо то, что нельзя сыграть, не может входить в состав представления: герой гибнет, занавес падает.

Спор Арто с метафизикой репрезентации не случайно происходит именно на территории театра. С точки зрения ремесла задача театра как представления состоит в том, чтобы развернуть на сцене перед зрителями при посредстве актерской игры, костюмов, декораций, музыки, освещения режиссерскую интерпретацию пьесы, созданной драматургом [11, с. 170; 12, с. 316; 13, с. 406; 14, с. 190]. Эту цепочку последовательной передачи миметического импульса – от драматурга через режиссера и актеров к зрителям – можно вслед за Ж. Деррида

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 36–55
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 36–55

назвать структурой представления: «Эта общая структура, в которой каждая инстанция связана через представление со всеми остальными, а непредставимость живого настоящего скрыта или вытеснена, исключена или отложена в бесконечной цепи представлений, эта структура никогда не видоизменялась. Все революции сохранили ее неприкосновенность, стремясь даже, как правило, закрепить или восстановить ее» [10, с. 377]. Вчитываясь в тексты Арто, Ж. Деррида выделяет несколько слоев «представления»: 1) чувственная наглядная иллюстрация текста, созданного, прочитанного и пережитого за пределами представления; 2) замещение иного, реального настоящего, которое существует где-то в другом месте или времени, а здесь и сейчас только представляется, хотя может обойтись и без всякого представления; 3) выставление напоказ на плоскости картины или сцены; 4) в буквальном смысле пред-ставление, т. е. поставление напротив, перед. В этом перечне Деррида, как он сам говорит, собирает немецкие слова, значение которых передается одним французским словом la representation. Указание на немецкие термины в этом контексте вполне недвусмысленно отсылает к М. Хайдеггеру, который, как и Деррида, видит в представлении основную черту новоевропейской метафизики. В работе «Время картины мира» он понимает «представление» как такое первичное истолкование сущего, при котором сущее, природа, история, должно пред-ставать перед познающим субъектом, наблюдателем как картина. Ни античность, ни средневековье, считает Хайдеггер, не знали такого способа раскрытия сущего: «Пред-ставить означает тут: поместить перед собой наличное как нечто противо-стоящее, соотнести с собой, представляющим, и понудить войти в это отношение к себе как в определяющую область. Где такое происходит, там человек составляет себе картину сущего. Составляя себе такую картину, однако, человек и самого себя выводит на сцену, на которой сущее должно впредь представлять, показывать себя, то есть быть картиной» [15, с. 50]. Раннюю предпосылку новоевропейского способа опредмечивания человеком сущего и себя в акте репрезентации Хайдеггер находит уже у Платона: «Если у Платона существо сущего определяется как эйдос (вид, облик), то это очень рано посланная, издалека, потаенно и опосредованно правящая предпосылка того, что миру предстоит стать картиной» [15, с. 50].

С этой почтенной традицией и вступает в противоборство «театр жестокости», когда он стремится разрушить структуру представления, в которой мир предстоит нам как картина, и положить начало новой «активной культуре», в которой место представления займет «непредставимое живое настоящее». Проект «театра жестокости», как отмечает Деррида, утопичен, он обречен на неудачу: отмена представления возможна лишь как бесконечное его закрытие, смыкание воронки, в которой живое присутствие вступает в смертельную схватку с собственным отражением. В похожем ключе мыслит предельную ситуацию театра Ф. Лаку-Лабарт, когда говорит, что греческая трагедия постулировала невозможность трансценденции как присутствия Бога, которое для героев всегда означает смерть [16, с. 45–53]. На сцене такое присутствие возможно только как мимезис, переосмысливаемый Лаку-Лабартом как typos, пустой отпечаток невозможного события [17, с. 95–124]. Впрочем, и сам Арто ясно видел утопичность своего проекта, на историю театра он смотрел как на историю поражений, провалов и предательств его идеи. К. Дюмуле, несколько патетически говоря о театре К. Бене, также подчеркивает его утопичность, без-местность: «Театр – это не-место истории, это quid, что исключает историю. Тот, кто выходит на сцену, больше не принадле-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 36–55
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 36–55

жит истории. Быть актером – значит умереть. Кто вышел на сцену – уже мертв, и актер – этот тот, кого нет и быть не может» [18, с. 5].

Итак, сущностная задача театра заключается не столько в производстве представления, сколько в его отмене ради «живого непредставимого настоящего». Однако отмена представления или чистое присутствие есть своего рода утопия, предполагающая, что театральное действо разворачивается вне истории, в метафизическом пространстве, доступ к которому для нас открывается не через приобщение к вечным идеям, а через миметическое исключение себя из истории.

2. Театр в зеркале метафизики. После того, как средневековое схоластическое различение сущности и существования оказалось свернуто у Суареса в категорию сущности, которая как бы автоматически предполагает существование, поиск альтернативы эссенциализму сводится к выбору тех или иных форм становления, каковым теперь оказывается, как мы видели, и существование в экзистенциализме. Но ни та, ни другая перспектива нас не удовлетворяет, театральное присутствие, которое мы ищем, явно находится вне оппозиции сущности и становления.

Если мы попытаемся найти в истории западной мысли прообраз категории отношения, которая сегодня предлагается в качестве ведущей онтологии (в том числе и онтологии театра) вместо классической онтологии сущностей, то, во-первых, искать его нужно не в аристотелевских категориях, а в платоновских терминах, относящихся к наиболее запутанной части его философии, а именно в терминах, в которых Платон мыслит отношение идей к единичным вещам, таким как причастность (μέθεξις), общность (κοινωνία) и присутствие (παρουσία). Этот пучок взаимосвязанных терминов, дополняющих друг друга, вращается вокруг осевого термина παρουσία, который затем перешел в аристотелевскую метафизику, но там притянул в свою орбиту уже иные термины: деятельность (ἐνέργεια) и совершенство (ἐντελέχεια, буквально: имение в себе цели). Вещь действительна, поскольку в ней присутствует идея, как принцип формы, действенности и совершенства. В дальнейшей истории усвоения античной мысли в западной философии парусия осталась на обочине, вернее, как уже было сказано, перешла в ведение теологии, уступив в философии главную роль сущности.

Первое метафизическое суждение: «невозможно, чтобы одно и то же в одно и то же время было и не было присуще одному и тому же в одном и том же отношении» [19, с. 125], или еще более емко: «в одно и то же время быть и не быть нельзя» [19, с. 126]. Такова первая противоположность – бытия и небытия. Отсюда Аристотель делает следующий шаг, который прямо ведет к проблеме Гамлета: если допустить, что нечто сущее в то же самое время есть нечто иное, чем оно само, то поскольку для того, чтобы быть иным, оно должно перестать быть собой, оно либо есть уже это иное, либо остается собой, но никак не одновременно и оно само, и иное. Чтобы стать другим, надо перестать быть собой. И наоборот, оставаясь собой, невозможно стать другим. Это значит, что сущность необходимо тождественна самой себе: если она есть, то она не только поистине есть (первый принцип – бытийного тождества), но и есть именно эта сущность, а не какая-то другая (второй принцип – тождества сущности).

Рациональная метафизика Нового времени в лице Лейбница отбросила первый принцип, целиком пытаясь обосноваться на втором. Следуя Суаресу, Лейбниц редуцирует закон тождества к логической форме «а есть а», не нуждающейся в обосновании, тогда как у Ари-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 36–55
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 36–55

стотеля есть более ранний, обусловливающий его принцип бытийного тождества «а есть», в котором можно видеть остаточный эффект присутствия. Казалось бы, «а есть а» – что может быть очевиднее этой истины? Однако, когда Д. Дидро пытается понять, в каком положении находится человек, играющий на сцене роль другого, он оказывается перед парадоксом: «Если он будет только самим собой во время игры, то как же он перестанет быть самим собой? А если перестанет быть им, то как уловит точную грань, на которой нужно остановиться» [20, с. 541]? Стать другим, оставаясь собой – это было бы вопиющим нарушением принципа тождества! Гамлет подтверждает правоту метафизики Лейбница: представление разрушается, если на сцену выходит тождественная себе сущность, или то, что нельзя сыграть. Однако театр существует, он как бы вклинивается между двумя метафизическими принципами, обнаружив между ними зазор. Не нарушая принципа тождества бытия (актер и персонаж, которого актер играет на сцене во время спектакля, равно существуют), он в то же время не считается с принципом тождества сущности (актер, играющий героя, одновременно есть и герой, и актер, играющий героя).

Специфическая модальность этого, или тот способ бытия, в котором оно разворачивается в этом зазоре, назван здесь игрой (так, вероятно, следовало бы переводить греческий μιμεσις, а не как «подражание» или «воспроизведение») [21, с. 137]. Платон видел в этом зазоре опасность, ибо в нем обретаются миметические искусства, которые покушаются на бытие и истину, вводя какое-то призрачное полубытие, вернее, бытие, смешанное с небытием [22, с. 301]. Например, двое часовых в начале первого акта «Гамлета» разыгрывают фарс, в котором каждый подозревает другого в том, что тот призрак. Далее призрак действительно появляется и запускает машину сюжета. В этом сюжете персонаж Гамлет дает наставление актерам перед тем, как они разыграют сцену внутри сцены, при этом роль Гамлета играет ведущий актер труппы шекспировского «Глобуса» Бёрбедж. Где кончается игра и начинается реальная жизнь? И что есть жизнь, как не сон? – восклицает Кальдерон. В театральном универсуме ренессансного мироощущения принцип тождества сущности систематически нарушается. Современная семиотика театра может делать вид, будто решает эту проблему, вводя различение феноменального тела актера и семиотического тела персонажа, которое как бы надевается (или выращивается, в зависимости от актерского метода) на феноменальное тело. Однако введение новых терминов ничего не решает: как могут эти два тела присутствовать одновременно в одном и том же месте? И почему именно феноменальное тело должно надевать на себя семиотическое, а не наоборот? Почему не сказать, что это персонаж, как реальная духовная сущность, надевает на себя феноменальное, изменчивое тело актера? Иными словами, кто здесь кого играет?

Мы снова оказываемся перед вопросом о фундаментальном устройстве реальности, в сердцевине еще одной метафизической проблемы – проблемы универсалий. Действительно, не ограниченное определенностью места и времени присутствие, именуемое персонажем, можно понимать как своего рода универсалию, и тогда каждый хорошо сыгранный спектакль вновь актуализирует старый спор номиналистов с реалистами: каков онтологический статус универсалий? Например, В. В. Розанов в эссе «Актер» мыслит как типичный реалист, но его мысль, в отличие от Гуйе и Марселя, не ситуативна, а онтологична, поэтому для него акт актерского становления другим мистичен [23, с. 338]. Чтобы стать другим, уступить свое

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 36–55
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 36–55

место в бытии другому, реальному существу – герою, актер должен предложить этому существу свою плоть, свои чувства, свое сознание как некое временное пристанище, дающее ему возможность воплотиться. В таком понимании то, что делает актер на сцене, напоминает феномен ритуальной трансовой одержимости в традиционных культурах. Например, южноафриканский танцор В. Мантсое так описывает свою работу в постановке Men-Jaro: «Мое сознание должно знать, что я на сцене. Я должен знать свою хореографию – но часть моего сознания все еще находится в процессе транса – в котором я могу одновременно говорить с хореографией и с духами. Мое здоровое существование разделено на два мира» [24, с. 187]. К. Ведель так комментирует высказывание Мантсое: «Осознавая свое семиотическое тело, исполняющее хореографические движения, и в то же время свое тело, переживающее феноменальный опыт в состоянии измененного сознания, Мантсое обращается одновременно к двум телесным уровням в танце. Эту параллельную осознанность, которая дает представление о динамике восприятия с позиции исполнителя, можно рассматривать с психологической точки зрения как условие диссоциации, посредством которой создается “пробел”, обеспечивающий автоматические движения транса» [24, с. 187]. Можно заметить, что такая трактовка как бы стыдливо обходит стороной то, что для самого танцора является наиболее важным, – общение с духами, ради которого и совершается вся церемония, включающая в себя экстатический танец. Но нам здесь важно другое, а именно тот «пробел», зазор между мирами, который возникает в сознании танцора, находящегося в состоянии транса, когда у него одновременно есть как бы два параллельных сознания и соответствующие им два мира. М. Чехов в «Жизни и встречах» описывает подобный опыт удвоения сознания, пережитый им на сцене во время спектакля, когда он внезапно увидел себя действующим со стороны, его тело начало исполнять странный танец, диктуемый героем, которого он играл: «Сознание мое раздвоилось – я был в зрительном зале, и около себя самого, и в каждом из моих партнеров, я узнал, что чувствуют, чего хотят, чего ждут они все» [25, с. 174]. Действовал герой, как некий дух, вселившийся в тело актера, тогда как актер наблюдал извне, при этом его сознание не было локализовано в каком-то одном месте или теле. Похожий опыт описывает Т. Ричардс, анализируя свою исполнительскую работу: «В некоторых фрагментах “Акции”, особенно в одном, над которым Гротовский работал непосредственно со мной, появилось ощущение, как если бы мое тело начало руководить мной (абсолютно само по себе) в момент движения, которое приходило извне. Поток импульсов выходил через тело. Это был поиск, текущий, как река. Я был мелкой деталью, следящей за этим. Мой ум недолго манипулировал моим телом, говоря: “Пойди сюда, пойди туда”, сейчас мое тело вело меня. Источник импульсов находился не в мускулах. Я был как наездник на лошади, не говорил лошади, куда и как скакать, но только смотрел на лошадиный бег и в некоторых местах руководил ею» [26, с. 54–55]. Подобные описания диссоциации сознания исполнителя в процессе сценического действия вполне соответствуют ведийскому образу двух птиц, который приводит Е. Гротовский в манифесте «Перформер»: одна из них клюет, а другая смотрит [27, p. 813–814]. Согласно Гротовскому, первая символизирует нашу жизнь, опьяненную существованием во времени, занятую клеванием, а вторая – ту часть нашего существа, которая живет как бы вне времени, созерцая. Первая умрет, вторая останется жить. В. В. Розанов в упомянутом эссе сочиняет космогонический миф, в котором актеру отведена роль дырки, оставленной пальцем творца

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 36–55
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 36–55

в глине творения. Сам актер, как и традиционный шаман, не принадлежа какому-то из миров, находится на нейтральной полосе, балансирует между мирами [28, с. 14–16]. Актер – не тот, кто примеривает на себя разные костюмы, как раз наоборот, актер – никто, пустая форма, зеркало, в котором отражается невидимая, идеальная структура мира. И именно пустотность позволяет актеру быть посредником между мирами.

Вряд ли нужно говорить о том, что современная семиотика театра исходит из противоположной, номиналистической позиции, понимая семиотическое тело как набор знаков, относительного которого в обществе существует определенная, опосредованная культурой конвенция. И. Кант предлагал изящное решение, позволяющее избежать необходимости выбирать одну из альтернатив в этом старом метафизическом споре. Вводя в первой «Критике» понятие трансцендентальной иллюзии, он замечает, что ошибку восприятия можно исправить более адекватным наблюдением, ошибку рассуждения можно исправить указанием на нее и восстановлением логики, но трансцендентальная иллюзия остается неустранимой даже после разоблачения ее именно как иллюзии. Мы не можем дать ответы на предельные вопросы, составляющие, согласно Канту, область метафизики, – о Боге, о душе и о мире. Но мы должны ставить эти вопросы, поскольку они составляют для нас условие возможности опыта мира как мира человеческих существ, которым мир дан посредством чувств и рассудка. Мы не можем соскрести с бытия как вещи в себе свой человеческий образ и приписываем ему принципы, скроенные по образу нас самих, которые поэтому всегда будут оставаться лишь регулятивами. Аналогичным образом Кант решает и проблему эстетики [29, с. 55–56]: как трансцендентальная иллюзия неустранима, так и эстетическая видимость не исчезает и после ее разоблачения, как исчезает фокус после раскрытия секрета. Эстетическая иллюзия (или, в терминах Канта, «играющая видимость») даже если мы знаем, «как это сделано», все равно сохраняет для нас свое очарование и притягательность. Что же сообщает эстетической иллюзии ее неиссякаемую энергию, так это дух жизни, который движет гением, способным создать образ, отсылающий сразу ко множеству понятий, но не отсылающий ни к какому опыту. Такой образ Кант называет эстетической идеей, которая снимает в себе противоположность между общим и единичным, будучи своего рода конкретной универсалией. Если так понимать и творчество актера, то получится, что на сцене действует не актер, как эмпирическая личность, а сама природа, дух жизни играет в нем и через него.

Еще одно решение спора номиналистов с реалистами, не столь популярное, как кантовское, но для нашей темы не менее значимое, предложил Д. Беркли, отказавшийся от понятия материи и заявивший, что «существовать – значит быть воспринимаемым» [30, с. 172]. То, чем мы являемся как воспринимаемые индивидуумы определяется не нашей скрытой сущностью, обладающей некими первичными качествами, а взглядом наблюдателя, зрителя нашей жизни. Этот взгляд только и наделяет нас бытием: «нет иной субстанции, кроме духа или того, что воспринимает» [30, с. 174]. Таким образом, вся наша жизнь есть не что иное как огромный спектакль, в котором мы играем свои роли на несуществующей сцене перед абсолютным зрителем – Богом. А то, что мы называем искусством театра – это театр в театре, в котором зритель на языке кантовской философии не просто вступает в игру, принимая правила эстетической идеи, но начинает подозревать, что между эстетической идеей и трансцендентальной, в сущности, нет никакой разницы, все есть игра ума.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 36–55
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 36–55

Так мы подходим к третьему вопросу метафизики – о природе сознания, который дополнил два предыдущих вопроса уже в Новое время. Обычно эту проблему связывают с именем Р. Декарта, однако, как показал Д. Сёрл в работе «Открывая сознание заново» [31, с. 34–35], картезианская постановка вопроса о сознании и его отношении к телу направила мысль по ложному следу. Если Беркли противопоставил картезианскому рациональному разделению тела и сознания эмпирическую метафизику, в которой нет никакой материи, а значение глагола «существовать» не требует большего кроме как воспринимать и быть воспринимаемым, то позднейшая философия, вдохновленная прогрессом позитивной науки, выбрала противоположную – материалистическую альтернативу. Научный подход к изучению сознания либо просто элиминировал сознание, исследуя лишь функциональные зависимости и каузальность, либо сводил его к поведению, но в любом случае требовал его объективации и эпистемологической прозрачности. В когнитивистике и философии сознания сложилась тенденция сводить психофизиологическую проблему к проблеме соотношения мозга и сознания. Однако параллельно существовали и альтернативные теории, такие как, например, адаптационно-трофическая теория Л. А. Орбели, в которых сознание получает возможное «телесное» расширение за пределами церебральных функций мозга. Во всяком случае в науке и в философии накопилось достаточно идей, для которых трудно найти лучший опытный полигон, чем театр. К примеру, известный аргумент Х. Патнэма против бихевиоризма о суперактере, способном воспроизвести любое поведение, не имея функционально определяющих его внутренних диспозиций, по сути, воспроизводит старый парадокс Дидро об актере. Но на самом деле, проблема у Дидро гораздо сложнее. Ведь актер не только может воспроизвести внешний рисунок поведения, оставаясь внутренне пустым, но он может и наполнить свое сознание и психику диспозициями, не имея на то внешних материальных стимулов, исключительно за счет слов и воображения. Вполне очевидно, что аналитические философы сознания не допускают третьей возможности, которую мы рассмотрели ранее, а именно, действия в состоянии транса или диссоциации сознания, когда существо актера как бы расслаивается на действующее (содержательно наполненное) и созерцающее (пустотное). Это расслоение не нужно понимать как проявление картезианской дуальности тела и сознания, поскольку динамика тела при этом не выглядит механичной, наоборот, движения становятся органичными, кажется, что тело актера течет как река. Здесь уместно вспомнить слова ницшевского Заратустры: «Я – говоришь ты и гордишься этим словом. Но больше его – во что не хочешь ты верить – тело твое с его большим разумом: оно не говорит Я, но делает Я» [32, с. 24]. Впрочем, конечно, на языке аналитической философии, все эти описания внутреннего опыта актеров суть не более чем qualia, статус которых остается субъективным и онтологически неопределенным. Таким образом, та же стена, что разделяет континентальную философию и аналитическую, разделяет и тело, и сознание, а именно стена предвзятых ментальных установок и терминологического аппарата, вынуждающих мысль двигаться по заранее определенным маршрутам. Очевидно, что фундамент этой стены заложен не в прошлом веке и даже не в начале эпохи Нового времени, а гораздо раньше.

Если мир раскрылся перед человеком как картина в новоевропейской метафизике, превратив человека в сознающего субъекта, то как театр мир раскрылся человеку в античности. А. Ахутин в статье «Открытие сознания (древнегреческая трагедия и философия)» [33] приводит слова М. Бахтина, который в одной из записей 1970–1971 гг. писал: «Свидетель и судия.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 36–55
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 36–55

С появлением сознания в мире <…> мир (бытие) радикально меняется. Камень остался каменным, солнце – солнечным, но событие бытия в его целом (незавершимое) становится совершенно другим, потому что на сцену земного бытия выходит новое и главное действующее лицо события – свидетель и судия. И солнце, оставаясь физически тем же самым, стало другим, потому что стало осознаваться свидетелем и судиею. Оно перестало просто быть, а стало быть в себе и для себя (эти категории появились здесь впервые) и для другого, потому что оно отразилось в сознании другого (свидетеля и судии): этим оно в корне изменилось…» [34, с. 341]. Ахутин, следуя за нитью метафоры «сцена земного бытия», прослеживает связь, отнюдь не метафорическую, между открытием сознания, как онтологическим событием, меняющим смысл бытия сущего, и греческой трагедией, в которой это открытие исторически проявляется и фиксируется. В частности, он показывает, что «Поэтику» Аристотеля можно и нужно читать как своего рода пролегомены к его «Метафизике», вводящие в экзистенциальное измерение метафизической проблематики. Надо сказать, что до Ахутина подобный опыт уже был проделан А. Ф. Лосевым в «Очерках античного символизма и мифологии» [35], предпринявшим реконструкцию мифически-трагического мировоззрения Аристотеля на материале «Поэтики» и «Метафизики», причем Лосев предлагал читать эти тексты в обратной последовательности, нежели Ахутин: от «Метафизики» к «Поэтике» как ее действенной энергийной реализации в пространстве мифа, который, согласно Аристотелю, есть «начало и как бы душа трагедии» [36, с. 15]. Трансформация энергии действия в энергию сознания – так можно обозначить в самом общем виде, не вдаваясь в детали, те схемы, которые извлекают оба философа из анализа аристотелевской структуры трагедии: завязка – перипетия – узнавание – кульминация – пафос и развязка с последующим очищением. Ключевым для открытия сознания в этой структуре оказывается, как это ни странно, не узнавание, функция которого состоит лишь в том, чтобы врагов превратить в друзей, а друзей – во врагов, т. е. сменить одну позиционную картину мира (ложную) на другую (истинную). В обоих случаях сама картина уже предполагается, но как она рождается, не в смысле смены одной на другую, а вообще, как она возникает впервые, с этим мы сталкиваемся только в кульминации. Греческое слово ἔσχατόν, которым пользуется Аристотель [36, с. 39], буквально означает последнее, крайнее. Это точка, в которой действие достигает своего предела, дальше оно развиваться не может, и происходит как бы разрыв непрерывности, остановка, катастрофа, в которой перед открывшимся духовным взором героя предстает вдруг вся взаимосвязь событий, приведших его в данную точку его жизни, как правило, ужасающих, сулящих ему гибель, как, например, Кассандре в «Агамемноне» Эсхила. В этой точке трагический герой прозревает судьбу, обычно скрытую от глаз не только людей, но и богов. В вертикальном разрезе бытия, в котором оказывается герой, собирается в фокус все, что было рассеяно и разбросано в завязке, чтобы потом разрешиться в пафосе. При этом достигаемое здесь единство динамической картины, созерцаемое как единомоментное свершение, или мгновение целостности (хор говорит Кассандре, застывшей перед входом во дворец Агамемнона: «Последний миг – старейший всех, и царь времен» [37, с. 112]) вовсе не делает героя сильнее, наоборот, он застывает в бездействии, в апории, в состоянии, которое Ахутин называет «трагической амеханией». Закономерно, что Платон, отношение которого к театральной античной традиции было глубоко амбивалентным, понимал переход в состояние умного созерцания в неразрывной связи с претерпеванием противоположных импульсов, действующих одновременно и как бы разрывающих и обездвиживающих человека, что очень напоминает трагический

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 36–55
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 36–55

ἔσχατόν. Противоположности существуют только в идеях, и они борются за живые тела людей. Арена этой борьбы и есть театр как метафизическая машина сознания или органон представления. В этом смысле и следует понимать античную метафору мира как театра, которая на самом деле оказывается вовсе и не метафорой, а скорее, тождеством: у театра и метафизики один предмет – сущее в целом, и один метод – созерцание.

Итак, открытие сознания мыслится трагедией как удвоение бытия. Метафизика наследует эту раздвоенность у трагедии, и мы видим ее развитие вплоть до картезианского радикального разделения res extensa и res cogitans и современных трудностей, связанных с психофизиологической проблемой и «трудной проблемой сознания». Чтобы уйти от этой дуальной схемы, унаследованной от классической метафизики, современные антропологи прибегают к концепции воплощения. К этому концепту, в частности, обращается Э. Фишер-Лихте, когда ей нужно прояснить категорию присутствия в рамках перформативной эстетики. Охарактеризовав присутствие как сиюминутное (время присутствия – всегда настоящее, ускользающая, не имеющая размерности граница между прошлым и будущим – теперь), локализованное (в смысле Гумбрехта), она добавляет особую интенсивность, энергетизм, ауру телесного присутствия актера, которая является следствием воплощенности, понимаемой как снятие оппозиции между духом и материей. Присутствие актера в момент акта трансгрессии, по сути, являет собой присутствие одухотворенного тела или воплощенного духа. Это и есть то чаемое благо, к которому, согласно Н. Элиасу, устремлен процесс цивилизации [38, с. 175–191]. И театр предъявляет в фигуре актера, обретающего на глазах у изумленной публики единство духа и тела, финальную цель как уже достигнутую. Таким образом, в терминах аристотелевской метафизики, театр есть не что иное как энтелехия человеческой цивилизации, ее «бытие в обладании целью», венец истории, откровение, и это воплощенное бытие являет себя как присутствие. Попутно заметим, что возникает соблазн понять сияние, исходящее от воплощенного актера, по аналогии со фасцинацией звезд, на которых устремлены жадные взгляды публики. Однако, во-первых, театр сегодня при всем желании не может быть назван частью массовой культуры, хотя бы отдаленно сопоставимой по значимости с кино, а уж тем более тот театр, который осознанно нацелен на осуществление такого актерского воплощения, в котором исчезает дуальность духа и тела. Подобные опыты не создают утопический образ совершенного человека-модели по образцу голливудской звезды, они не включаются в циркуляцию медиаобразов, питаемую интересами капитала, нет, как раз наоборот, они, скорее, оппозиционны современному «обществу зрелища» и порождаемому им отчуждению, противоположностью которого и является неопосредованность присутствия. Фишер-Лихте видит в возможности переключения между присутствием и представлением, аурой и стерильностью, процессом и структурой, своего рода мерцание бытия, открывающее поле для перформативной эстетики, как нового оволшебствления мира. Итак, пустотность актерского присутствия, играющий дух жизни, открытие сознания, воплощенного в теле, – вот та метафизическая территория, которую открывает театр за пределами оппозиций новоевропейской философии.

3. История театра как история присутствия. Присутствие как опространствование мира. Круг пройден – мы прошли путь от забвения присутствия в метафизике к новому его рождению в театре. И тут мы возвращаемся к вопросу о том, как возможен театр, или, точнее, как возможен театр в переходе от мира как представления к миру как присутствию? Это тот же самый вопрос, который задает Деррида в статье об Арто: как возможен «театр же-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 36–55
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 36–55

стокости», при каких условиях он мог бы начать существовать? Театр, который не будет производить представления, вообще ничего не будет представлять. Для Арто в этой связи прежде всего встает вопрос театрального пространства, которое должно стать пространством повторения неповторимого, невозможного, а следовательно, и непредставимого события. Если представление в традиционном смысле всегда располагается в каком-то заданном, уже прежде существовавшем пространстве, как-то размеченном и ориентированном, то спектакль «театра жестокости» прежде всего есть сотворение собственного пространства, буквально это первичное опространствование мира, а не размещение в уже заданном пространстве. Как писал А. Корбен: «Ориентация – первосвидетельство нашего присутствия в мире. Свойство человеческого присутствия – опространствование мира вокруг себя, и этот феномен включает в себя известную взаимосвязь между человеком и миром, определяемую самим модусом его присутствия в мире. Четыре стороны света, восток и запад, север и юг – суть не понятия, с которыми сталкивается это присутствие, а направления, отражающие его смысл, его приживание к миру, его породнение с ним. Обладание этим смыслом равнозначно ориентации в мире» [39, с. 17]. Способ, каким присутствие опространствует мир, определяется модусом этого присутствия и в свою очередь определяет его возможности. Такое понимание присутствия как прежде всего размыкающего мир в его пространственности восходит к хайдеггеровскому Dasein, в котором уже содержится указание на пространственность бытия – da (здесь *вот*). Но, конечно же, смысл Dasein не исчерпывается указанием на непосредственную пространственную близость, поэтому, когда Гумбрехт сводит смысл присутствия к физической досягаемости, он тем самым лишает легитимности свои отсылки к Хайдеггеру, поскольку для последнего Dasein отнюдь не равноценно французскому la présence как материальному наличию чего- или кого-либо здесь и сейчас. Dasein для Хайдеггера означает такое присутствие, в котором дело идет о (es handelt sich um) его собственном бытии [40, с. 12], а пространственная проблематика вводится уже на втором феноменологическом шаге, обнаруживающем в структуре присутствия (Dasein) исходную пространственную соотнесенность как бытие-в. Корбен подхватывая эту мысль, ведет дальнейший анализ пространственности в несколько ином направлении, чем это делал Хайдеггер. Горизонтальная ориентация в мире – роза ветров – предполагает вынесенную точку полюса, полярную звезду, точку надира, задающую вертикальную ориентацию. Человек в своей экзистенции вполне может игнорировать эту вынесенную координату, по сути духовную, служащую абсолютным ориентиром, но это не отменяет ее существования. Примером тому современное искусство, партиципаторное, иммерсивное, инклюзивное, включая и театральный процесс, в котором ставка часто делается на развитие горизонтальных связей как альтернативы репрессивной, опредмеченной иерархическими властными структурами, вертикали. В то же время наряду с бульварным, коммерческим, горизонтальным театром есть еще театр академический, или «мертвый», как его называл П. Брук, и есть театр священный, дерзающий быть таинством воплощения, в котором «невидимое становится видимым». Это еще одно свидетельство того, как трудно дать общее понятие театра, разнородного по своей сути. Речь не о том, чтобы повесить на бульварный и мертвый театры ярлык «театра представления», а статус «театра присутствия» зарезервировать за священным театром. Самими условиями задачи – найти альтернативу представлению как родовой категории театра, столь же универсальную, но уклоняющуюся от опредмечивания мира – требуется более радикальный шаг.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 36–55
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 36–55

Учитывая, что присутствие может разворачиваться в принципиально различных, даже взаимоисключающих модусах, прежде всего нужно попытаться взглянуть на историю театра не как на историю драмы с ее диалектикой пьесы и ее сценического воплощения, а как на историю присутствия. Это вовсе не означает, что историей драмы можно пренебречь, но на саму драму нужно взглянуть иначе: не как на текст, предназначенный для производства представления, а как на особое устройство, способное аккумулировать в себе и актуализировать определенный модус присутствия. То есть драматический текст следует воспринимать не как проводник авторского замысла, темы, идеи, а как способ непрямого, окольного сворачивания специфического театрального присутствия, того, что не может быть записано в значениях слов для последующего его развертывания. Согласно такому подходу, текст драмы не передает интеллектуальное содержание, а сворачивает и разворачивает действенность присутствия как особого качества энергию. Это требует от театра существенно иного отношения к слову, иного инструментария и иной поэтики, в которой слово не проводник чувств, эмоций, служащих смазкой для сюжета, а источник, откуда присутствие черпает свои предельные возможности. Так же точно можно понимать и текст самого сценического или перфомативного действия, в котором может отсутствовать драма, а слово может присутствовать наряду с другими действенными факторами. Задача такого переформатирования взгляда на драму существенно облегчается тем, что прецеденты подобного подхода уже существуют и на них вполне можно ориентироваться. Так, Э. Барба характеризует сценическое присутствие актера или перформера как особое состояние «решимости» [41, с. 18], которое заключает в себе парадоксальное сочетание активности и пассивности. В своих многолетних театрально-антропологических исследованиях Барба фокусируется на актерских техниках тела, ремесленных секретах разных театральных традиций, позволяющих актеру делать присутствие энергийно насыщенным, трансформирующим качество пространства.

С другой стороны, можно взглянуть на историю театра как присутствия не в плане актерского присутствия, а в плане специфического опространствования мира. Одну из таких ранних манифестаций мы встречаем у самого истока античного театра, в истории суда над Эсхилом, которого обвинили в разглашении Элевсинских таинств. Случай с Эсхилом приводит Аристотель как пример непроизвольного преступления, за которое трагику грозило суровое наказание, но ему удалось оправдаться своим якобы неведением [42, с. 98]. Едва ли это случайность, что история греческого театра начинается как разглашение таинства. От античных источников до нас дошли разрозненные описания того, что произошло тогда в афинском театре. Во время одного из выходов актеров на орхестру зрители усмотрели в деталях их костюма, движениях и словах прямые отсылки к элементам мистериального действа, которые могли знать только посвященные и разглашать которые запрещалось под страхом смерти. Возмущенные зрители выбежали на сцену и остановили спектакль. Эсхилу, который также находился на сцене в числе актеров, чтобы спастись от гнева толпы, пришлось прибегнуть к защите алтаря Диониса, который в античных театрах располагался на орхестре. Там его тронуть не посмели, и толпа успокоилась после того, как было решено, что Эсхила будут судить на Агоре. Эта история приподнимает для нас завесу над тем, какой могла быть модальность присутствия в античном театре. Во время спектакля Эсхила, увидев на орхестре намеки на мистерию, зрители восприняли знаки сакрального внутри представления как разглашение таинства. Но присутствие са-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 36–55
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 36–55

крального реализовалось не столько в знаках таинства, сколько в том, что публика не посмела тронуть Эсхила, прибегнувшего к защите алтаря Диониса. Собственно, театральная сцена, орхестра, в античном театре располагалась между двумя полюсами: сакральным (алтарь бога Диониса) и политическим (театрон, где сидели зрители). Актеры как служители Диониса могли укрыться от гнева полиса под защитой своего патрона, которая не распространялась на орхестру, только алтарь был неприкосновенным. Орхестра же, место, где происходило театральное действо, была открыта в обе стороны (по отношению и к сакральному, и к политическому), как незащищенный промежуток между двумя полюсами. Таким образом, можно сказать, что возникающее между сакральным и политическим полюсами поле напряженности и задавало модус театрального присутствия в античном театре.

Еще одну историю, в которой театральное присутствие раскрывается уже иначе, мы находим в Риме III в. н. э. Героем ее является католический святой, покровитель актеров, св. Генезий Мим [43, p. 180; 44]. Легенда гласит, что Генезий, бывший комическим актером и имевший со своей труппой успех в Риме, однажды при скоплении публики, в присутствии императора разыгрывал фарс, высмеивавший христианское таинство крещения. Когда по сюжету Генезий должен был звать врача, чтобы тот избавил его от ощущения тяжести, а вместо врача к нему приходили два священника, и в ответ на их вопрос, чего он хочет, он бы отвечал: «Крещения», Генезий вместо актеров, игравших священников, вдруг увидел перед собой двух ангелов, которые спускались к нему, держа книгу с записью всех его грехов. Фикциональная реальность комической сценки вдруг превратилась в мистическую реальность настоящего видения. И когда один из актеров в наряде священника, согласно сценарию, подойдя, спросил Генезия, для чего тот посылал за ним, тот начал рассказывать о только что посетившем его видении ангелов и сказал, что и в самом деле хочет принять крещение. Когда зрители, поначалу принявшие все за шутку, поняли, в чем дело, поднялся шум, спектакль остановили, присутствовавший император Диоклетиан велел, чтобы актера подвергли пыткам, а поскольку тот не отрекся от веры, его обезглавили. При внешнем отличии, между двумя этими историями есть принципиальное сходство. Здесь также присутствуют два полюса – сакрального и политического, между которыми располагается театральная сцена, политическое – в лице императора и публики, а сакральное – как явление ангелов, вторгающееся в порядок феноменального присутствие трансцендентного. Но если в афинском театре сакральное имело свою локализацию в алтаре Диониса, возле которого мог укрыться актер, то в римском театре трансцендентное вторжение сакрального остается невидимым никому кроме претерпевающего видение актера. Никакой локализации на сцене римского театра присутствие ангелов не имеет, оно не защищает актера от гнева императора. Более того, оно отменяет сцену, срывает с актера комическую маску и обнажает его человеческую природу. Если в первом случае присутствие сакрального санкционирует и охраняет театр, как место представления, то во втором – прямое вторжение трансцендентного отменяет театр, делая представление невозможным.

Если рассматривать эти два сюжета как архетипические, можно предположить, что вся история театра разворачивается как постоянное колебание между разглашением таинства, в котором представление получает санкцию, и вторжением трансцендентного, отменяющим представление и оставляющим только чистое присутствие. Внутри этого круга, своего рода

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 36–55
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 36–55

метафизического горизонта, история театра разворачивается согласно гегелевской диалектике формы и содержания: то, что сначала было формой, – спектакль, постепенно занимает место того, что прежде было содержанием, – драмы. Это колебание циклично, как движение маятника между двумя полюсами, которое приближает его то к одному, то к другому полюсу, так что можно сказать, что театр располагается в особом промежутке между религиозным и политическим, который не дает им слиться, разделяя их и выдерживая колоссальное напряжение, каковым и задается тот или иной специфический модус театрального присутствия. Впрочем, религиозное и политическое – это только два из возможных миров, на границе между которыми балансирует театр, не принадлежа ни одному из них.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Teichmüller G. Aristotelische Forschungen. III. Geschichte des Begriffs der Parusie. Halle: Verlag von G. Emil Barthel, 1873.

2. Лакс М. Дж., Крисп Т. М. Метафизика: Современное введение / пер. с англ. М. В. Семиколеных; под науч. ред. С. М. Левина. М.: Изд-во ВШЭ, 2024.

3. Бадью А. Малое руководство по инэстетике / пер. с фр. Д. Ардмацкой, А. Магуна. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб, 2014.

4. Гумбрехт Х. У. Производство присутствия: чего не может передать значение / пер. с англ. С. Зенкина. 2-е изд. М.: НЛО, 2024.

5. Барбой Ю. М. К теории театра. 2-е изд. СПб.: Изд-во РГИСИ, 2018.

6. Бентли Э. Жизнь драмы / пер. с англ. В. Воронина. М.: Айрис-пресс, 2004.

7. Кобринец М. А. Онтологическая природа театра в философии Анри Гуйе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2023. Т. 47, № 5. С. 58–68. DOI: 10.55959/MSU0201-7385-7-2023-5-58-68

8. Кобринец М. А. Повседневность в философии и драматургии Г. Марселя // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2021. Т. 45, № 1. С. 67–75.

9. Брук П. Пустое пространство / пер. с англ. Ю. Родмана, И. Цимбал // Искусство режиссуры. XX век / сост. С. К. Никулин, Л. А. Пичхадзе. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2008. С. 621–730.

10. Деррида Ж. Письмо и различие / пер. с фр. Д. Ю. Кралечкина. М.: Академ. проект, 2007.

11. Крэг Э. Г. Воспоминания. Статьи. Письма / пер. с англ. В. В. Воронина, Г. Г. Алперс, В. Я. Виленкина и др. М.: Искусство, 1988.

12. Мейерхольд В. Лекции 1918–1919 // Искусство режиссуры. XX век / сост. С. К. Никулин, Л. А. Пичхадзе. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2008. С. 313–430.

13. Станиславский К. С. Избранное / сост. Ю. С. Калашников, В. Н. Прокофьев. М.: Всерос. театр. общ-во, 1982.

14. Товстоногов Г. О профессии режиссера. 2-е. изд., доп. М.: ВТО, 1967.

15. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Республика, 1993.

16. Лаку-Лабарт Ф. Лекции о Гёльдерлине (по конспектам Елены Петровской). М.: Common Place, 2025.

17. Лаку-Лабарт Ф. Musica ficta (Фигуры Вагнера) / пер. с франц. В. Е. Лапицкого. СПб.: Аксиома, Азбука, 1999.

18. Камилло Дюмуле, Жан-Поль Манганаро, Андре Скала // Бене К. Театр без спектакля: сб. / пер. с итал. О. Бобровой. М.: ВТПО «Союзтеатр», 1990. С. 5–34.

19. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 1 / ред. В. Ф. Асмус. М.: Мысль, 1976.

20. Дидро Д. Эстетика и литературная критика / пер. с франц.; ред. М. Черневич. М.: Худож. лит., 1980.

21. Куликов П. В. Театр идей. Диалоги Платона в театральных опытах Анатолия Васильева // Вестн. МГУКИ. 2025. № 1 (123). С. 132–141. DOI: http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-1123-132-141

22. Платон. Федон, Пир, Федр, Парменид / общ. ред. А. Лосева, В. Асмуса, А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1999.

23. Руднев П. А. Розанов В. В. Актер // Театральные взгляды Василия Розанова. М.: Аграф, 2003. С. 334–341.

24. Ведель К. Голоса предков в современных перформансах: использование транса в Men-Jaro (2006) Винсента Мантсое // Религия, ритуал, театр / пер. с англ.; под ред. Б. Холма, Б. Флемминга Нильсена, К. Ведель. Харьков: Гуман. центр, 2018. С. 173–194.

25. Чехов М. А. Путь актера. М.: АСТ, 2017.

26. Степанова П. М. Человек, способный изменить себя. Актерское искусства в театре Ежи Гротовского, его особенности и перспективы развития // Вокруг Гротовского. СПб.: Изд-во СПбГАТИ, 2009. С. 38–60.

27. Grotowski J. Teksty zebrane. Warszawa: Instytut im. Jerzego Grotowskiego, 2012.

28. Колянкевич Л. Дзяди. Театр свята померлих / пер. з пол. М. Швець. К.: Дух і літера, 2018.

29. Столович Л. Н. Тартуская рукопись Канта / пер. с лат. А. Лилль // Эстетика Иммануила Канта и современность: сб. ст. по материалам V Кантовских чтений. Калининград–Светлогорск, 1990 г. М.: Знание, 1991. С. 53–62.

30. Беркли Д. Сочинения / пер. с англ. А. Ф. Грязнова, К. Ф. Дебольской, Е. С. Лагутина и др.; сост., общ. ред. и вступ. статья И. С. Нарского. М.: Мысль, 1978.

31. Сёрл Д. Открывая сознание заново / пер. с англ. А. Ф. Грязнова. М.: Идея-Пресс, 2002.

32. Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 2 / пер. с нем. Ю. М. Антоновского, Н. Полилова, К. А. Свасьяна и др. М.: Мысль, 1990.

33. Ахутин А. В. Открытие сознания (древнегреческая трагедия и философия) // Поворотные времена. СПб.: Наука, 2005. С. 142–193.

34. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979.

35. Лосев А. Ф. О мифически-трагическом мировоззрении Аристотеля // Очерки античного символизма и мифологии / общ. ред. А. А. Тахо-Годи, И. И. Маханькова. М.: Мысль, 1993. С. 709–772.

36. Аристотель. Об искусстве поэзии: билингва на древнегреческо-русский / пер. с древнегреч. В. Аппельрота. М.: ЛИБРОКОМ, 2019.

37. Эсхил. Трагедии / пер. с древнегреч. В. Иванова. М.: Наука, 1989.

38. Фишер-Лихте Э. Эстетика перформативности / пер. с нем. Н. Кандинской; под общ. ред. Д. В. Трубочкина. М.: Канон+, 2021.

39. Корбен А. Световой человек в иранском суфизме / пер. с франц. Ю. Стефанова. М.: Фонд исследований исламской культуры «Волшебная гора», 2009.

40. Хайдеггер М. Бытие и время. 3-е изд., испр. / пер. с нем. В. В. Бибихина. СПб.: Наука, 2006.

41. Барба Э., Саварезе Н. Словарь театральной антропологии. Тайное искусство исполнителя / пер. И. Васюченко и др. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2010.

42. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4 / пер. с древнегреч. И. В. Брагинской и др. М.: Мысль, 1983.

43. Farmer D. Oxford Dictionary of Saints. 5th ed. Oxford: Oxford Univ. Press, 2011.

44. Weismann W. Die «Passio Genesii Mimi» (BHL, N 3320) // Mittellateinisches Jb. 1977. Bd. 12. S. 22–43.

Информация об авторе

Куликов Петр Викторович **–** аспирант Сектора эстетики Института философии Российской академии наук, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, Москва, 109240, Россия. Автор трех научных публикаций. Сфера научных интересов: философия и антропология театра, история идей, метафизика.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 19.11.2025; принята после рецензирования 18.01.2026; опубликована онлайн 23.06.2026.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 36–55
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 36–55

REFERENCES

1. Teichmüller, G. (1873), *Aristotelische Forschungen. III. Geschichte des Begriffs der Parusie*, Verlag von G. Emil Barthel, GER.

2. Loux, M.J. and Crisp, T.M. (2024), *Metaphysics. A Contemporary Introduction*, Transl. by Semikolenykh, M.V., in Levin, S.M. (ed.), ID HSE, Moscow, RUS.

3. Badiou, A. (2014), *Petit Manuel D'inesthetique*, Transl. by Ardmatskaya, D. and Magun, A., European Univ. at St Petersburg, SPb., RUS.

4. Gumbrecht, H.U. (2024), *Production of Presence: what meaning cannot convey*, Transl. by Zenkin, S., 2nd ed., NLO, Moscow, RUS.

5. Barboi, Yu.M. (2018), *K teorii teatra* [Towards the theory of theatre], 2nd ed., Izd-vo RGISI, SPb., RUS.

6. Bentley, E. (2004), *The Life of the Drama*, Transl. by Voronin, V., Airis-press, Moscow, RUS.

7. Kobrinets, M.A. (2023), "Ontological Nature of Theater in Henri Gouhier's Philosophy", *Lomonosov Philosophy J.*, vol. 47, no. 5, pp. 58–68. DOI: 10.55959/MSU0201-7385-7-2023-5-58-68

8. Kobrinets, M.A. (2021), "The everyday life in philosophy and dramaturgy of G. Marcel", *Lomonosov Philosophy J.*, vol. 45, no. 1, pp. 67–75.

9. Brook, P. (2008), "The Empty Space", Transl. by Rodman, Yu. and Tsimbal, I., *Iskusstvo rezhissury XX vek* [The art of directing the twentieth century], Nikulin, S.K. and Pichkhadze, L.A. (comp.), Artist. Rezhisser. Teatr, Moscow, RUS, pp. 621–730.

10. Derrida, Ja. (2007), *L'ecriture et la Difference*, Transl. by Kralechkin, D.Yu., Akadem. proekt, Moscow, RUS.

11. Craig, E.G. (1988), *Vospominaniya. Stat'i. Pis'ma* [Memoirs, Articles, Letters], Transl. by Voronin, V.V., Alpers, G.G., Vilenkin, V.Ya. et al., Iskusstvo, Moscow, USSR.

12. Meierkhol'd, V. (2008), "Lectures 1918–1919", *Iskusstvo rezhissury XX vek* [The art of directing the twentieth century], Nikulin, S.K. and Pichkhadze, L.A. (comp.), Artist. Rezhisser. Teatr, Moscow, RUS, pp. 313–430.

13. Stanislavskii, K.S. (1982), *Izbrannoe* [Selected], Kalashnikov, Yu.S. and Prokof'ev, V.N. (comp.), Vseros. teatr. obshch-vo, Moscow, USSR.

14. Tovstonogov, G. (1967), *O professii rezhissera* [On the profession of a director], 2nd ed., VTO, Moscow, USSR.

15. Heidegger, M. (1993), *Sein und Zeit*, Transl. Bibikhin, V.V., Respublika, Moscoww, RUS.

16. Lacoue-Labarthe, Ph. (2025), *Lektsii o Gel'derline (po konspektam Eleny Petrovskoi)* [*Lectures on Hölderlin* (based on Elena Petrovskaya's notes)], Common Place, Moscow, RUS.

17. Lacoue-Labarthe, Ph. (1999), *Musica ficta: figures of Wagner*, Transl. by Lapitskii, V.E., Aksioma, Azbuka, SPb., RUS.

18. "Camille Demoulie. Jean-Paul Manganaro. Andre Scala" (1990), *Bene, C. Teatr bez spektaklya* [Bene, C. Theater without a performance], Transl. by Bobrova, O., VTPO "Soyuzteatr", Moscow, USSR, pp. 5–34.

19. Ἀριστοτέλης (1976), *Sochineniya* [Essays], in 4 vols., vol. 1, Asmus, V.F. (ed.), Mysl', Moscow, USSR.

20. Diderot, D. (1980), *Ehstetika i literaturnaya kritika* [Aesthetics and literary criticism], Transl. by Chernevich, M. (ed.), Khudozh. lit., Moscow, USSR.

21. Kulikov, P.V. (2025), "Theatre of ideas: Plato's dialogues in the theatrical experiences of A. Vasiliev", *The Bulletin of Moscow State Univ. of Culture and Arts* (*Vestnik MGUKI*), no. 1 (123), pp. 132–141. DOI: http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-1123-132-141

22. Losev, A., Asmus, V. and Takho-Godi, A. (eds.) (1999), *Platon Fedon, Pir, Fedr, Parmenid* [Plato Phaedo, Pyrus, Phaedrus, Parmenides], Mysl', Moscow, RUS.

23. Rudnev, P.A. (2003), "Pozanov V.V. Akter", *Teatral'nye vzglyady Vasiliya Rozanova* [Theatrical views of Vasily Rozanov], Agraf, Moscow, RUS, pp. 334–341.

24. Vedel, K. (2018), "Ancestral Voices in Modern Performances: The Use of Trance in Men-Jaro (2006) by Vincent Mantsoe", *Religion, ritual, theater*, Transl., in Holm, B., Flemming Nielsen, B. and Vedel, K. (eds.), Gumanitarnyi tsentr, Khar'kov, UKR, pp. 173–194.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 36–55
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 36–55

25. Chekhov, M.A. (2017), *Put' aktera* [The Actor's Path], AST, Moscow, RUS.

26. Stepanova, P.M. (2009), "A man who can change himself. Acting at the Jerzy Grotowski Theater, its features and development prospects", *Vokrug Grotovskogo* [Around Grotowski], Izd-vo SPbGATI, SPb., RUS, pp. 38–60.

27. Grotowski, J. (2012), *Teksty zebrane*, Instytut im. Jerzego Grotowskiego, Warszawa, POL.

28. Kolyankevich, L. (2018), *Dzyadi. Teatr svyata pomerlikh* [Dzyadi. Theater of the feast of the dead], Transl. by Shvets', M., Dukh i litera, Krakov, POL.

29. Stolovich, L.N. (1991), "The Tartu manuscript of Kant", Transl. by Lill', A., *Ehstetika Immanuila Kanta i sovremennost'. Sbornik statei po materialam V Kantovskikh chtenii. Kaliningrad–Svetlogorsk, 1990 god* [Immanuel Kant's aesthetics and modernity. Collection of articles based on the materials of the Fifth Kant readings. Kaliningrad–Svetlogorsk, 1990], Znanie, Moscow, RUS, pp. 53–62.

30. Berkeley, G. (1978), *Sochineniya* [Essays], in Narskii, I.S. (ed.), Transl. by Gryaznov, A.F., Debol'skaya, K.F., Lagutin, E.S. et al., Mysl', Moscow, USSR.

31. Searle, Jo.R. (2002), *A Rediscovery of the Mind*, Transl. by Gryaznov, A.F., Ideya-Press, Moscow, RUS.

32. Nietzsche, F. (1990), *Sochineniya* [Essays], in 2 vols., vol. 2, Transl. by Antonovskii, Yu.M., Polilov, N., Svas'yan, K.A. et al., Mysl', Moscow, USSR.

33. Akhutin, A.V. (2005), "The Discovery of Consciousness (Ancient Greek Tragedy and Philosophy)", *Povorotnye vremena* [Pivotal times], Nauka, SPb., RUS.

34. Bakhtin, M.M. (1979), *Ehstetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity], comp. Bocharov, S.G., Iskusstvo, Moscow, USSR.

35. Losev, A.F. (1993), "On the mythical and tragic worldview of Aristotle", *Ocherki antichnogo simvolizma i mifologii* [Essays on ancient symbolism and mythology], in Takhogodi, A.A., Makhankova, I.I. (eds.), Mysl', Moscow, RUS, pp. 709–772.

36 Ἀριστοτέλης (2019), *Περὶ ποιητικῆς,* Transl. by Appel'rot, V., LIBROKOM, Moscow, RUS.

37. Αἰσχύλου (1989), *Τραγῳδία*, Transl. by Ivanov, V., Nauka, Moscow, USSR.

38. Fischer-Lichte, E. (2021), *Ästhetik des Performativen*, Transl. by Kandinskaya, N., in Trubochkin, D.V. (ed.), Kanon+, Moscow, RUS.

39. Corbin, H. (2009), *L'homme de lumière dans le soufisme iranien*, Transl. by Stefanov, Yu., Fond issledovanii islamskoi kul'tury, Volshebnaya gora, Moscow, RUS.

40. Heidegger, M. (2006), *Sein und Zeit*, 3rd ed., Transl. by Bibikhin, V.V., Nauka, Moscoww, RUS.

41. Barba, E. and Savarese, N. (2010), *The secret art of the performer: a dictionary of theatre anthropology*, Transl. by Vasyuchenko, I. et al., Artist. Rezhisser. Teatr, Moscow, RUS.

42. Ἀριστοτέλης (1983), *Sochineniya* [Essays], in 4 vols., vol. 4, Trnasl. by Braginskaya, I.V. et al., Mysl', Moscow, USSR.

43. Farmer, D. (2011), *Oxford Dictionary of Saints*, 5th ed., Oxford Univ. Press, Oxford, UK.

44. Weismann, W. (1977), "Die «Passio Genesii Mimi» (BHL, N 3320)", *Mittellateinisches Jb*., bd. 12, S. 22–43.

Information about the author

Petr V. Kulikov – Postgraduate student at the Aesthetics Sector, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12, bldg. 1 Goncharnaya str., Moscow 109240, Russia. The author of 3 scientific publications. Area of expertise: philosophy and anthropology of theater, history of ideas, metaphysics.

No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 19.11.2025; adopted after review 18.01.2026; published online 23.06.2026.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 56–68
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 56–68

Оригинальная статья
УДК 165.8
http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-3-56-68

Феноменология и конвенционализм: сущность и идеализация

Андрей Алексеевич Ермаков

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия
ermakov_aa@spbstu.ru, https://orcid.org/0009-0008-9335-142X

Введение. Статья посвящена сравнительному анализу идей феноменологии и конвенционализма. Формирование в начале XX в. двух исследовательских парадигм, которое происходило во время революции в представлении на научное знание, породило новые исследовательские программы, которые переосмысляют природу научного знания. Феноменологический анализ сущности и конвенционалистский анализ языка теорий позволил прояснить ряд основополагающих понятий научных теорий. Во главу угла каждой из них ставится феномен идеализации и особое понимание структуры научного факта, что становится главным предметом обсуждения статьи.

Методология и источники. Полученные результаты исследования опирались на компаративный анализ текстов Э. Гуссерля («Философия как строгая наука», «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии»), А. Пуанкаре («О ценности науки») и работы отечественных философов, исследователей в области конвенционализма: С. Н. Коськова и С. А. Лебедева. В статье применялся аналитический метод прояснения и сравнения основных положений и понятий концепции «научного факта» Пуанкаре и сущности, полученной в ходе идеализации Э. Гуссерля, что позволило определить конвенцию как средство идеализации и фиксировать ее место в науке.

Результаты и обсуждение. Сравнение двух методологических парадигм научного знания показало их сходство и различие в отношении понимания опыта и научного знания. Научная конвенция становится не просто определением смысла и значения языкового выражения, но средством идеализации и фиксации определенного уровня научного знания и познания научного факта. Таким образом, феноменология и конвенционализм представляют передовые течения философской мысли XX в., в которых отражены основные изменения науки того времени.

Заключение. Феноменологическое решение проблемы познания отличается от конвенционалистского. Однако они находят точки пересечения в вопросах идеализации и манифестации научного факта, что необходимо порождает потребность в дальнейшем изучении данных парадигм научного знания. Необходимое продолжение исследований в данной области обусловлено взаимопроникновением и синтезом двух исследовательских программ.

Ключевые слова: феноменология, конвенционализм, научное познание, идеализация, научное знание, научный факт, наука, методология

Для цитирования: Ермаков А. А. Феноменология и конвенционализм: сущность и идеализация // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 56–68. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-3-56-68

© Ермаков А. А., 2026
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 56–68
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 56–68

Original paper

Phenomenology and Conventionalism: Essence and Idealization

Andrey A. Ermakov

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St Petersburg, Russia
ermakov_aa@spbstu.ru, https://orcid.org/0009-0008-9335-142X

Introduction. The article is devoted to the analysis of the ideas of phenomenology and conventionalism. The formation of two research paradigms, which took place during the revolution in the view of scientific knowledge, gave rise to new research programs that rethink the nature of scientific knowledge. The phenomenological analysis of the essence and the conventionalist analysis of the language of theories made it possible to clarify the meaning of the underlying concepts of scientific theories. Each of them focuses on the phenomenon of idealization and a special understanding of the structure of scientific fact, which becomes the main topic of discussion in the article.

Methodology and sources. The results of the study were based on comparative analysis of texts by E. Husserl (“Philosophy as a rigorous science”, “Ideas for pure phenomenology and phenomenological Philosophy”), physicist A. Poincare (“On the value of science”), and the works of Russian philosophers, representative of postpositivism and researchers in the field of conventionalism: S.N. Koskov and S.A. Lebedev. The article uses an analytical method to clarify and compare the main provisions and concepts of Poincare's concept of “scientific fact” and the essence obtained during the idealization of E. Husserl, which made it possible to define the convention as a means of idealization and to fix its place in science.

Results and discussion. A comparison of the two methodological paradigms of scientific knowledge has shown similarities and differences in their understanding of experience and in their view of scientific knowledge. A scientific convention becomes not just a definition of the meaning and significance of a linguistic expression, but a means of idealizing and fixing a certain level of scientific knowledge and knowledge of scientific fact. Thus, phenomenology and conventionalism represent the leading trends of twentieth-century philosophical thought, which reflect the main scientific changes of that time.

Conclusion. The phenomenological solution to the problem of cognition differs from the conventionalist one. However, they find common points of intersection in the issues of idealization and manifestation of scientific fact, which necessarily creates the need for further study of these paradigms of scientific knowledge. The necessary continuation of research in this area is due to the interpenetration and synthesis of the two research programs.

Keywords: phenomenology, conventionalism, scientific cognition, idealization, scientific knowledge, scientific fact, science, methodology

For citation: Ermakov, A.A. (2026), “Phenomenology and Conventionalism: Essence and Idealization”, *DISCOURSE*, vol. 12, no. 3, pp. 56–68. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-3-56-68

Введение. В статье анализируется роль конвенции в устройстве научного знания, а также генезис языка науки и его формирование в процессе производства научного знания. Предпринимается попытка сравнения двух, на первый взгляд, различных теоретических концепций – феноменологической и конвенционалистской методологий науки. Феноменология представляет научное знание как эйдетическую структуру, имеющую истоки в жизненном мире, а конвенционализм понимает научное знание как продукт конвенций – условных соглашений о смысле и значении языковых выражений. Однако, обе философские теории относятся к науч-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 56–68
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 56–68

ному знанию как структурному явлению, обладающему моментом идеализации. Исследование смежных вопросов двух областей представляется актуальным в рамках данной работы.

Основной акцент в работе делается на конструировании научного факта в конвенционалистской традиции и обозначает место конвенции в научной структуре, а также соотношение научного факта и научного закона в свете эмпирической проверки основных и производных предложений науки. Рассматриваются как первичные понятия науки, которые предвходят в ее итоговые суждения, так и результирующие предложения, которые определяют границы применимости научного знания и его допустимое теоретическое содержание.

Основанием для сравнения феноменологии и конвенционализма является их отношение к опыту. Феноменология формирует негативное отношение к естественному познанию в процессе феноменологической редукции, исключая всякое природное пространственно-временное существование, и постулирует предмет нового порядка – идеальную сущность. Конвенционализм опирается на факты «естественного» опыта, однако, ставит их в определенную зависимость от конвенций – условных соглашений, определяющих идеальное содержание того или иного объекта. В процессе феноменологической редукции философ получает те же самые идеализации, что и ученый, устанавливая конвенции, вводя определения, фиксируя условные обозначения, анализируя принципы. Феноменологический подход лежит в области анализа понятий, который предваряет эмпирическое исследование.

В работе предлагается феноменологический взгляд на природу научной конвенции, что пролагает связь между философской методологией науки и феноменологией. Последняя, с самого начала своего основания стремившаяся воплотить идеал философии как «строгой» науки, придавала огромное значение первичным понятиям как определяющим элементам любой теории. Гуссерль в своей программной статье «Философия как строгая наука» [1] отмечает, что главный методический вопрос любой науки – как естественный, донаучный, «наивный» опыт может стать опытом научным, как он может приобрести объективную значимость в противовес субъективным впечатлениям. Он пишет: «описание данностей наивного опыта и идущие с ним рука об руку их имманентный анализ и логическое постижение совершаются при помощи некоторого запаса понятий, научная ценность которых имеет решающее значение для всех дальнейших методических шагов» [1, с. 693]. Поэтому прояснение такого рода вопросов необходимо для опытной науки.

Однако содержание этих понятий не может черпаться из наивного, неопределенного опыта – опыт должен ими определяться, но не наоборот. Эту мысль выражает Гуссерль в следующей цитате: «научная ценность ключевых для теории понятий (понятий, формирующих представление об опыте) не может возникнуть из опытов испытуемых и испытующих, не может быть логически установлена опытными положениями: здесь-то и есть как раз место феноменологическому анализу сущности (Wesensanalyse), который не есть и не может быть эмпирическим анализом» [1, с. 693]. Таким образом, определение научных понятий становится ключевым пунктом в формировании научной теории и научного опыта.

Вместе с тем конвенционализм стоит на той же позиции. Как пишет Пуанкаре в своей философской работе «Ценность науки» [2] изначальные принципы и исходные определения научной теории не верифицируются в опыте. Это служит основанием для более подробного исследования данных точек зрения на природу научного знания.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 56–68
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 56–68

Методология и источники. Исследование выполнено на базе феноменологической и конвенционалисткой методологий. Привлеченные источники включают в себя работы Гуссерля «Философия как строгая наука» [1], «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии» [3], «Статьи об обновлении» [4], «Начало геометрии» [5], Пуанкаре «Ценность науки» [2], а также некоторые зарубежные: J. Himanka [6], J. Ayer [7], R. Tragesser [8], D. Welton [9], J. Hintikka [10], E. Kohak [11]) и отечественные исследования по данной теме – С. Н. Коськов [12], С. А. Лебедев [13; 14]).

В статье использованы методы сравнительного анализа и синтеза двух различных методологий научного знания с целью прояснения базовых понятий и ключевых концепций данных теорий, а также обнаружения общих, объединяющих их моментов.

Результаты и обсуждение. ***Сущность, опыт и конвенции.*** Процесс образования научных понятий сложен и многогранен по своей сути. Многочисленные опыты и эксперименты не могут заменить в определении понятий сущностных элементов. С. Н. Коськов отмечает, что «понятия заключают в себе логически освоенную практическую и познавательную деятельность человечества» [12, с. 25]. Несмотря на то, что исторически содержание всякого познания происходит из опыта, в понятиях, как утверждает Коськов, снят эмпирический этап их формирования и оставлен только сухой логический остаток, который представляет собой не просто набор зафиксированных фактов, а конвенционально установленную истину. Понятия есть не просто результат опытов, но конвенции, которые имеют глубокую феноменологическую основу.

Для науки существенное значение имеет образование таких научных понятий, которые бы однозначно фиксировали познаваемою действительность. Донаучный тип познания характеризовался опорой на многозначные субъективные представления. Научное познание начинается с определения понятий в отчетливо зафиксированных терминах, в которых четко ограничивается познаваемая с их помощью реальная действительность и устанавливается, таким образом, предметная область исследования. Состояние «наивного опыта» должно сменится научным, четко определенным в однозначных понятиях.

Уже Аристотель в своей «первой философии» писал, что «значить» – это значить что-то одно, определенное по своему существу. Однако в естественной науке такой переход от наивного и неопределенного опыта к научному, был сделан лишь в XVI–XVII вв. Галилео Галилеем, который начал экспериментально исследовать физические явления, что позволило затем Ньютону в четких определениях выразить понятия скорости, массы и движения.

Необходимость определениях точных и строгих понятий лежит в основании всех наук. Научная психология, зародившаяся с экспериментальной лабораторией Вундта, лишь в XX в. с приходом гештальт-психологии, бихевиоральной психологии, гуманистической и экзистенциальной психологии, психоанализа приобрела те основополагающие научные понятия, которые сделали ее развитие возможным в качестве единой научной теории. Безусловно, психология как естественная наука по степени разработки своих понятий находится в более зачаточной стадии развития, чем современная теоретическая физика. Определение предмета психологии, понятие «психической реальности» столь фундаментальное для психологии, как и понятие физической реальности для естествознания, не столь хорошо разработаны в психологии как в физике, химии, или в современной микробиологии, однако озвученные теории

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 56–68
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 56–68

сделали необходимые шаги в научном удостоверении психологии как строгой науки. Предварительный анализ понятий, таким образом, становится основной научного метода.

Анализ понятий становится основой не только научного, но и феноменологического метода исследования. Феноменологический метод, согласно Гуссерлю, «заложен во всяком анализе, направленном на уяснение понятий» [1, с. 713–714]. Феноменологический метод исследования не просто идет наравне с научным, но является его основой. Прояснение понятий, еще не ставших научными, понятий обыденного опыта есть необходимая предварительная феноменологическая работа. В рамках исследования реальности ученый естественно сталкивается с ситуацией неопределенности, когда подготовленного научного материала не хватает, а нового еще не изобретено. Как образовываются конвенции? Какова последовательность закрепления за знаком его конвенционального значения? Какова структура этого процесса?

Конвенционалистская методология научного знания. Каждому условному соглашению предшествует предварительная феноменологическая работа по прояснению базовых понятий науки. В своей работе «Ценность науки» Пуанкаре, полемизируя с французским неотомистом и последователем интуитивизма Бергсона Эдуардом Леруа, описывает процесс образования «научных» фактов из «не научных» или «голых» фактов – фактов обыденного сознания. Анализируя примеры «научных» и «не научных» фактов Леруа, Пуанкаре дает собственную иллюстрацию процессу преображения субъективного впечатления в научный факт: 1) ощущение впечатления темноты, 2) утверждение «становится темно», 3) затмение наступило, когда часы показывали 10:00, 4) так как мои часы не отстают (работают исправно), то затмение наступило в 10:00.

Пуанкаре отмечает, что только «1)» есть настоящий «голый факт», полученный сознанием индивидуального субъекта. Второй пункт уже представляет своего рода научный факт. На первой ступени факт является голым, абсолютно индивидуальным вследствие того, что «он совершенно отличен от всех иных возможных фактов» [2, с. 257]. На второй ступени реализуется утверждение, которое может выразить сотни тысяч других фактов. Утверждение «становится темно» обладает уже объективным, надиндивидуальным характером, способным описать не одно единичное впечатление, ощущение, а множество подобных. Оно хорошо описывает впечатления, которые человек испытывает, когда становится темно, «но даже впечатление темноты может иметь множество оттенков, и если бы вместо оттенка, осуществляющегося в действительности, имел место другой, несколько отличный, то все-таки я бы еще выразил этот другой факт словами “становится темно”» [2, с. 257].

Это происходит за счет того, что впечатления облекаются в слова, которые имеют общезначимый характер. Речь, посредством которой это утверждение произносится, обуславливает возможность применения моего впечатления к тысячам других. Потенциально бесконечное число оттенков переживаний, впечатлений и ощущений ограничивается конечным количеством знаков, посредством которых я их могу выразить, что позволяет мне охватить в словах то бесконечное множество впечатлений, которые могут быть мне доступны или кем-либо переживаемы и зафиксированные как таковые.

Таким образом, для Пуанкаре образование научного факта имеет двухступенчатую структуру: сначала мы фиксируем данные ощущения, а потом облекаем их в слова, которые уже гораздо более универсальны и могут быть применимы для множества однотипных фактов.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 56–68
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 56–68

Однако откуда мы знаем, что для данных ощущений необходимы именно эти словесные выражения и обозначения? На этом этапе мы устанавливаем конвенции, которые фиксируются языком употребляемой нами терминологии. Пуанкаре называет их условными соглашениями.

Ни одна наука не обходится без конвенций или условных соглашений. Но как они образуются? И какова их роль в научном познании? Каковы их ограничения? Конвенции возникают из принятого предложения или утверждения. Ни одна конвенция не подлежит ни опытной проверке, ни демонстративному доказательству. Все законы, гипотезы и доказуемые предложения подлежат (требуют) эмпирической проверке, доказательству. Среди конвенций оказываются обозначения, определения, аксиомы, принципы, исходные положения научной теории.

Отличительной чертой условных соглашений является принятие их априори, без ссылки на какой-либо фактический источник или доказательство. Конвенция ни истинна, ни ложна, она удобна. В таком случае, можно предположить полную независимость науки от доказуемых и проверяемых в опыте положений и провозгласить ее творческим и самостоятельным проектом самого ученого, независящим от реальности. Однако невозможно свести всю науку к условным соглашениям – они занимают ограниченное место в научном познании. «Если бы все законы были преобразованы в принципы, – пишет Пуанкаре – то от науки не осталось бы ничего. Каждый закон может быть разложен на принцип и закон; но из предыдущего очевидно, что законы продолжают существовать всегда» [2, с. 265], они есть то, что так сказать «закрепляет» действительность, то что связывает действительность и обыденный опыт человека.

Законы есть соотношения между голыми фактами в противоположность тому, что конвенции есть отношение между уже выбранными, отобранными и зафиксированными в языке фактами. «Инвариантные законы суть отношения между голыми фактами, тогда как отношения между “научными фактами” всегда остаются в зависимости от некоторых условных соглашений» [2, с. 267]. Оставаясь в зависимости от условных соглашений «научные факты» все же остаются построены на основе первичных. Поэтому полное устранение закона из научной теории, полное устранение такого типа знания невозможно – это значило бы тогда отказаться от главной цели науки – познания реальной действительности и поиска истины.

Таким образом, мы приходим к выводу, что элиминирование закона как формы научного знания противоречиво, так как наука в таком случае лишается своей главной цели – познания действительности и достижения истины. Поэтому, не все положения в науке условны – реальные связи в явлении, которые Пуанкаре называет законом, являются причиной того, что наука – это не просто выдумка и произвольная хитрость ученого, а познанная реальность.

Факт, согласно Пуанкаре – это «голый факт в переводе на удобный язык» [2, с. 260]. Ученый не создает факты из ничего, как, например, считает Э. Леруа или представители радикального конвенционализма, в частности, К. Айдукевич [15], он вырабатывает его на основе голого факта, он ограничен им, как материалом. Повлиять на голые факты невозможно. Мы вольны их фиксировать и комбинировать (символизировать и выражать определенным образом), но не более того.

«Словесное выражение факта всегда может быть проверено, и для проверки мы прибегаем или к свидетельству наших чувств или к воспоминанию об этом свидетельстве» [2, с. 258]. После словесного выражения некоторого факта и после того, как установлена кон-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 56–68
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 56–68

венция относительно смысла и значения используемых слов в данной ситуации, ученый обращается к своим чувствам и впечатлениям, актуальным на данный момент в той ситуации, где он сейчас находится и где производится высказывание или утверждение, и выносит решение об истинностном значении озвученного утверждения. «Ответ будет дан моими чувствами, воспринимающими факт, но вовсе не вами в ваших словах: независимо от того, выразил ли я его по-английски или по-французски» [2, с. 258]. Таким образом, объективной оценке факта в словах всегда предшествует некое субъективное впечатление.

Чувственные данные вынуждает меня признать ту или иную ситуацию. Условное соглашение зависит лишь от моего выбора. Однако исходя из всего этого не следует, что научный факт полностью произволен, как раз наоборот, если научный факт возникает из «голого», первичного факта, то научный факт не произволен – он мотивирован изначальным впечатлением, которое побудило к его созданию и которое актуально при его наличии. Исходя из всего сказанного можно заключить, что факты науки всегда уходят корнями в индивидуальные впечатления субъекта и там находят свое конечное подтверждение.

Вследствие этого, изначальный тезис Леруа неверен: ученый не создает факты. Он лишь фиксирует их в языке. Научный факт – это фиксация ощущения (впечатления) в языке. Свободная деятельность ученого ограничивается выбором фактов достойных наблюдения и способом связи их в языке, однако сама связь ощущений в явлении инвариантна и дана нам в виде закона. Таким образом, факт не создается ученым, а лишь им исследуется, фиксируется и формируется.

Феноменологическая методология научного знания. Однако если область ощущений хорошо исследована в физике и математическом естествознании в общем, то сама область конвенций еще далеко не так хорошо исследована. На что опирается ученый, когда устанавливает конвенцию? Что является критерием принятия или отвержения конвенции? Если конвенция не подлежит опытной проверке, то в данном случае для оценки ее «истинности» применяются внеэмпирические критерии, такие как: красота, совершенство, удобство, простота, изящность, экономичность и т. д. Например, Пуанкаре утверждает, что конвенция ни истинна, ни ложна, она удобна. Однако можно предположить, что, по крайне мере, одним из источников конвенции является эйдетическая интуиция ученого или сущностное созерцание (Wesensschauung).

В «Идеях к чистой феноменологии и феноменологической философии» Гуссерль вводит разделение на науки о фактах и науки о сущностях, отводя вторым собственный регион для деятельности. К последним, например, относятся чистая математика, формальная логика, геометрия, теория множеств. К наукам о фактах Гуссерль относит физику, химию, биологию, психологию, т. е. все те науки, в которых заключено некоторое отношение к миру или, иначе говоря, в которых происходит «полагание реального существования» [3, с. 41].

Исследование мира, в рамках которого происходит «полагание реального существования», отличается от исследования сущности. Первое полагает предмет в пространственно-временной действительности, данный нам через наши органы чувств, что определяет его как «реальный», относящийся к миру, его устройству и структуре. Разделение на голый и научный факты, которое производит Пуанкаре, полностью относится к наукам о фактах. Однако каждый научный факт, каждое индивидуальное существование такого-то вида, подтвержденное в моих органах чувств, содержит в себе сущность, доступную категориальному созерца-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 56–68
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 56–68

нию (терминология времен «Логических исследований») или идеации. Не бывает фактов без сущности – любой факт уже имеет заранее определенную эйдетическую структуру.

Этим выражается определенная зависимость наук о фактах от наук и сущности: «…любая эйдетическая наука принципиально независима от любой науки о фактах, ... обратное как раз значимо для науки о фактах» [3, с. 44] – науки о фактах зависят от наук от сущности. Если факт содержит в себе полагание реального существования, то сущность – идеальную возможность.

Основывая новую дисциплину, Гуссерль выдвигает методическое требование феноменологической редукции, которое заключается в исключении всех естественных, метафизических и научных предрассудков, предпосылок и предустановок в отношении познания мира и в первую очередь – полагания реального существования. В феноменологической сфере все «отношения к вещно-воспринимаемому телу и к природе отэллиминированы» [1, с. 705]. Опыт физической науки есть источник знания о природе, понятой как единство пространственно-временного бытия [1]. В нем обнаруживается *вещь* природы как «центр объединения причинностей внутри единой всеохватывающей природы (der Einen Allnatur)» [1, с. 699]. Она представляет «субстанциональное единство реальных свойств, допускающих повторное наблюдение и научно-опытное установление и подтверждение» [1, с. 705]. Таким образом, вся естественная наука глубоко укоренена в опыте, понимаемом физически, т. е. как результат наблюдения или эксперимента.

Все реальные свойства – каузальны [1]. Исключая природу, мы исключаем полагание реального существования, приостанавливаем действие «естественной установки сознания». «Созерцание сущности не является познанием matter of fact, не заключает в себе и тени какого-либо утверждения относительно индивидуального (скажем, естественного) существования» [1, с. 707]. Созерцание сущности является идеализирующим познанием или познанием, совершенным с помощью метода идеации.

Известным фактом является то, что одним из важнейших методов теоретического, в противоположность эмпирическим, познания в науке является идеализация [14]. Идеализация – это метод получения объекта, свойства которого не встречаются в природе. Идеальный объект – это объект, лишенный реальных свойств, а значит, и не подчиненный законам каузальности, т. е. на него не действуют природные силы причины и действия. Однако каким же законам он тогда подчинен? Он подчиняется конвенциям.

Очевидно, что на треугольник невозможно воздействовать, как на физический объект, но им можно манипулировать – делать различные дополнительные построения, варьировать, совершать его мысленные преобразования в «свободной фантазии». Это – основные методы работы с идеальным (или как его еще называют – теоретическим) объектом, в отличие от эмпирических, где основными методами выступают наблюдение, измерение и эксперимент. Доказательством теоремы в математике не послужит наблюдение сторон треугольника, как доказательством наличия сопротивления в проводнике не послужит идеальное построение или чертеж схемы в физике.

Геометрические построения – это также идеальные представления о пространственных объектах, геометрическое пространство – это уже не собственно пространство, а идеальное пространство, смоделированное в уме математика (полученное путем абстрагирования). «Математика ведет речь не о действительных пространствах, телах, плоскостях и т. д. как о природных фактах, но вообще о представимом и при этом согласованно мыслимом, об “иде-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 56–68
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 56–68

ально возможном”» [4, с. 118]. Алгебра, математика в общем, а тем более теория множеств – это очень абстрактная система, служащая моделью для «реальной» действительности.

Здесь обнаруживаются точки пересечения феноменологии и науки. Сущности феноменологии и идеальные объекты естественной науки не столь уж различны. Несмотря на то, что феноменологию многократно обвиняли в схоластике, термины «идеальный», «идеальное» имеет греческий корень ἰδέα – вид/образ, что в Платоновской теории идей указывает на значение способа реального существования вещей. Как ученый отвлекается от опыта, чтобы произвести геометрическое или алгебраическое построение, так и феноменолог совершает феноменологическую редукцию, чтобы получить сферу чистых сущностей.

Сравнение двух методологий. Объединяющим моментом двух философских концепций является их отношение к опыту. Понимание опыта для них не является чем-то наивным или догматическим, а рефлексивным и подвергающимся критическому анализу. Опыт интерпретируется не как нечто готовое, преданное для субъекта, а скорее, как сконструированное в результате активной теоретической деятельности ученого знание. Со стороны конвенционализма, такими независимыми от опыта элементами являются конвенции, со стороны феноменологии – сознание.

Обе философские позиции преследуют целью прояснение оснований научного знания. Если конвенционализм сосредоточен на анализе языковых соглашений, выступающих в качестве базовых предпосылок науки, то феноменология обращает внимание на ее фундаментальные понятия и стремится прояснить их смысл и значение. Конвенционалисты определяют структуру научного знания как содержащую условные соглашения, которые не зависят от опыта и потому не проверяются эмпирически. Феноменология подходит к анализу научного знания с точки зрения его предпосылок, выявляя и проясняя базовые, до опыта заложенные предустановки в отношении метода и предмета науки.

В этом отношении обе парадигмы научного знания нацелены на выявление и прояснение базовых предпосылок науки: конвенционализм – конвенций, феноменология – самоочевидных данностей, не рефлексируемых, не попадающих в исследовательский интерес ученого. Испытавший влияние теоретизирующего разума опыт становится главной темой конвенционализма и феноменологии.

Сущность для феноменологии – это идеальный объект, реализующий идеальные возможности. Идеальные объекты – это мысленные конструкции, которыми можно оперировать с помощью конвенций. Конвенции – это то, что позволяет оперировать различными мысленными конструкциями. Например, давая определение кругу мы сразу же задаем идеальный способ его построения, а введение в физике понятий абсолютно твердого тела упрощает расчеты и позволяет изучить свойства реальных объектов без учета их деформации. Это сближает конвенционалистскую и феноменологическую точки зрения.

В «Начале геометрии» Гуссерль описывает общий порядок феноменологического исследования феноменов культуры, который осуществляется как движение «от очевидностей – вдоль документированной сети исторических встречных отсылок – к скрытому измерению лежащих в их основе перво-очевидностей» [5, с. 237].

Теория категориального созерцания, разрабатываемая в феноменологии Э. Гуссерля, определяет и описывает единства, составляющие основу познавательной способности (предметную тождественность, категориальную интуицию, которую он называл идеацией,

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 56–68
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 56–68

принцип эйдетической вариативности и др). Сознание в данном отношении функционирует подобно конвенции. В результате установления условного соглашения образуется идеальная сущность, проясняющая не только языковое выражение, но и его предметное значение. Для категориального созерцания данный факт выражается в том, что внимание направляется на «чистые предметы опыта» в которых сознание на основе единичного созерцания усматривает всеобщие свойства данного класса вещей. Посредством эйдетической вариативности сознания Гуссерль показывает значение особых аналитических актов, с помощью которых происходит сущностное схватывание многообразных явлений опыта «по мере сущности» и раскрывается его сущностное наполнение.

Существенной чертой геометрических построений является их неапробируемость в опыте, т. е. геометрические построения не подлежат проверке опытом. Было бы абсурдно на основании нарисованного куба делать выводы о его свойствах. Поэтому ученый руководствуется здесь конвенциями – заранее установленными правилами, которые помогают ему четко оперировать предметом.

Данные условные соглашения не подлежат проверке в опыте, как и любого рода «идеальности» типа арифметических, геометрических или логических объектов. Ученый при построении куба работает не с реальным, а идеальным объектом, который находит свое отражение в реальности. С помощью соглашений относительно правил его (идеального объекта) построения (например, определение круга) он чертит фигуру – идеальный образ некоторого пространственного объекта, данного нам через органы чувств. С помощью конвенции он создает правило, следуя которому он конструирует идеальность, которая помогает познавать реальность чувственно воспринимаемых вещей и объектов.

Идеализации исключают возможность опытной проверки, как и сущности, не привлекают опыт в качестве обосновывающих созерцаний. Идеализации – это сущности, доступные непосредственному созерцанию, варьированию и мысленному экспериментированию. В естествознании мы видим множество примеров идеализаций, например, понятие идеального газа или абсолютно черного тела. Идеальный газ – это газ, которого не существует в природе. Он лишен всех реальных свойств, его существование не проверить на опыте. Он – чистая конвенция. С помощью него изучаются свойства реальных газов, которые уже верифицируемы в опыте. Однако сами идеализации до него не сводимы.

Термин «конвенция» в научной практике используется также в значении фиксации языковых выражений, апеллирующих к понятию всеобщности. Например, используя идеальный газ – мы даем определение любого газа, это – конвенция. Когда мы рисуем круг по правилу «все точки равноудалены от центра», то мы используем конвенцию – определение круга. Конвенция или правило, определение непрерывно сопутствует всем нашим идеализирующим операциям и представлениям, и, таким образом, органически встраивается в структуру исследования научного факта.

Конвенция, таким образом, это не просто положение, не проверяемое (не требующее проверки) в опыте или не требующее любого другого доказательства, но средство, инструмент создания идеального образа, правила оперирования сущностью. Конвенции помогают оперировать идеальными объектами, задают правила их построения. Конвенции – это нечто реальное по отношению к объектам – идеальному. Как конвенции в некотором плане оторваны от мира, являясь продуктами человеческого ума, так и идеальные объекты не являются частью его структуры.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 56–68
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 56–68

Конвенция тесно связана с эмпирическим познанием мира, как и идеальные объекты феноменологии. Однако они имеют различие в отношении к миру. Для конвенционализма соглашения – предмет мира и научного опыта, помогающие прояснить значения тех терминов, которые мы применяем для обозначения тех или иных феноменов мира, они не дают нам нового знания о мире. Для феноменологии идеация или – что тоже самое – для науки идеализация – это конструирование определенного рода предметности, т. е. задания определенного региона бытия. Конвенции позволяют аналитически познать реальность, а идеальные объекты или сущности приблизить к себе ее для более подробного рассмотрения.

Вариант конвенционалисткого генезиса базовых научных понятий отличается от конструирования научного факта в феноменологии. Если для конвенционализма научный факт – это деятельность ощущения и результат условного соглашения, распространяющийся на множество однотипных случаев заложенной в языке возможности идеализации, то для феноменологии научный факт всякий раз сконструирован трансцедентальным сознанием.

Каждая позитивная (исследующая мир, а не сознание) наука обладает своим региональным априори, устанавливающим границы исследуемого ею предмета. Феноменология занимает позицию априорной всеобщности и необходимости эйдетических положений, лежащих в основании всех естественных и гуманитарных наук. Аподиктичность этих положений следует из трансцедентально чистого сознания, в противоположность идеализации языковых структур науки. Наука устанавливает соглашения чтобы оперировать фактами, феноменология исследует сознание, чтобы определить сущность.

Таким образом, исследования конвенциональных структур науки и природы конвенции показывает, что она обладает свойством идеализации объектов действительности, проясняя их устройство и устанавливая границы применения. Конвенция претендует на общезначимость и касается по преимуществу языка, нежели сущность. Эйдетические структуры сознания определяют актуальное содержание мира. Они не отталкиваются напрямую от фактов, а скорее исходят от актов, их образующих.

Дальнейшие исследования в области соотношения феноменологии и конвенционализма может располагаться на почве языка, средствами которого конструируются определенные идеальные структуры. Также следует уделить внимание перспективе сближения феноменологии и конвенционализма на основании стремления прояснения базовых понятий и положений науки.

Заключение.

1. Образование понятий в ходе истории развития науки имеет не только опытную, но идеальную, конвенциональную основу.

2. Необходимым условием развития науки являются идеальные или конвенциональные структуры, которые позволяют фиксировать в своих определениях значение.

3. Образование научного факта имеет двухступенчатую структуру, вторым этапом которого является конвенция, как средство языка.

4. Научная идеализация имеет основания в феноменологической идеации. Без теории идеации невозможно обоснование существования в рамках научного дискурса и инструментария идеальных объектов.

5. Конвенциональность научных объектов и правил определяет сущностную структуру науки в отношении возможности построения ею идеальных объектов.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 56–68
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 56–68

Таким образом, конвенция – это средство идеализации научного знания. В структуре научного факта идеализация находит место как момент установления конвенции. Как феноменолог не полагает реальное существование в исследовании сущности, так ученый идеализирует и создает абстракции. Однако этим занимается и феноменолог. Недаром Гуссерль в своих «Статьях об обновлении» отмечает аналогию метода математического и феноменологического: «математик принципиально воздерживается от какого-либо суждения о реальных фактах» [4, с. 117], в «свободной фантазии» он варьирует и творит новые. Феноменология и наука, обнаруживая непосредственные точки соприкосновения, обещают многому научиться друг у друга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философия. Философия как строгая наука / пер. с нем. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. С. 668–743.

2. Пуанкаре А. Ценность науки // О науке / пер. с фр.; под ред. Л. С. Понтрягина. М.: Наука, 1983. С. 153–282.

3. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1. Общее введение в чистую феноменологию / пер. с нем. А. В. Михайлова. М.: Академ. проект, 2019.

4. Гуссерль Э. Статьи об обновлении / пер. с нем. К. В. Бандуровского // Вопросы философии. 1997. № 4. С. 109–135.

5. Гуссерль Э. Начало геометрии / пер. с фр. и нем. М. Маяцкого. М.: Ad Marginem, 1996.

6. Himanka J. Does the earth move? A search for a dialogue between two traditions of contemporary philosophy // Philosophical Forum. 2000. Vol. XXXI, № 1. P. 57–83. DOI: https://doi.org/10.1111/0031-806X.00028

7. Ayer J. Language, Truth and Logic. London: Victor Gollancz, 1962.

8. Tragesser R. S. Phenomenology and Logic. NY: Cornell Univ. Press, 1977.

9. Welton D. The Origins of Meaning: A Critical Study of the thresholds of Husserlian Phenomenology. Boston: The Hague, 1983.

10. Hintikka J. The phenomenological dimension // The Cambridge companion to Husserl / eds. by B. Smith, D. Smith. NY: Cambridge Univ. Press, 1995. P. 78–105.

11. Kohak E. Idea and Experience: Edmund Husserl's Project of Phenomenology in Ideas I. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1978.

12. Коськов С. Н. Конвенциональность научного знания и конвенционалистская эпистемология. М.: ДиректМедиа, 2023.

13. Лебедев С. А. Консенсуальный характер научного знания как обобщение его конвенциональности // Studia Humanitatis Borealis. 2021. № 1 (18). С. 4–12. DOI: 10.15393/j12.art.2021.3681

14. Лебедев С. А. Философия науки: учеб. пособие. М.: Академ. проект, 2007.

15. Айдукевич К. Картина мира и понятийный аппарат // Философия науки. М.: ИФ РАН, 1996. Вып. 2. С. 231–254.

Информация об авторе

Ермаков Андрей Алексеевич – аспирант Высшей школы общественных наук Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, ул. Политехническая, д. 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия. Автор пяти научных публикаций. Сфера научных интересов: философия науки, логика, феноменология, конвенционализм.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 20.08.2025; принята после рецензирования 02.12.2025; опубликована онлайн 23.06.2026.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 56–68
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 56–68

REFERENCES

1. Husserl, E. (2000), "Philosophie als strenge Wissenschaft", *Logicheskie issledovaniya. Kartezianskie razmyshleniya. Krizis evropeiskikh nauk i transtsenden-tal'naya fenomenologiya. Krizis evropeiskogo chelovechestva i filosofiya. Filosofiya kak strogaya nauka* [Logical research. Cartesian reflections. The crisis of European Sciences and transcendental phenomenology. The crisis of European humanity and philosophy. Philosophy as a rigorous science], Transl., Harvest, Minsk, BLR, ACT, Moscow, RUS.

2. Poincare, H. (1983), "La Valeur de la Science", *About Science* [About science], Transl. by Pontryagin, L.S., Nauka, Moscow, USSR.

3. Husserl, E. (2019), *Ideen zu einer reinen Phaïnomenologie und Phaïnomenologischen Philosophie. 1 Buch. Allgemeine Einfuhrung in die reine Phaïnomenologie*, Transl. by Mikhailov, A.V., Akadem. proekt, Moscow, RUS.

4. Husserl, E. (1997), "Aufsätze über Erneuerung", Transl. by Bandurovskii, K.V., *Voprosy Filosofii*, no. 4, pp. 109–135.

5. Husserl, E. (1996), *Der Ursprung der Geometrie*, Transl. by Mayatskii, M., Ad Marginem, Moscow, RUS.

6. Himanka, J. (2000), "Does the earth move? A search for a dialogue between two traditions of contemporary philosophy", *Philosophical Forum*, vol. XXXI, no. 1, pp. 57–83. DOI: https://doi.org/10.1111/0031-806X.00028

7. Ayer, J. (1962), *Language, Truth and Logic*, Victor Gollancz, London, UK.

8. Tragesser, R.S. (1977), *Phenomenology and Logic*, Cornell Univ. Press, NY, USA.

9. Welton, D. (1983), *The Origins of Meaning: A Critical Study of the thresholds of Husserlian Phenomenology*, The Hague, Boston, USA.

10. Hintikka, J. (1995), "The phenomenological dimension", *The Cambridge companion to Husserl*, Smith, B. and Smith, D. (eds.), Cambridge Univ. Press, NY, USA, pp. 78–105.

11. Kohak, E. (1978), *Idea and Experience: Edmund Husserl's Project of Phenomenology in Ideas I*, Univ. of Chicago Press, Chicago, USA.

12. Kos'kov, S.N. (2023), *Konventsional'nost' nauchnogo znaniya i konventsionalistskaya ehpistemologiya* [Conventionality of scientific knowledge and conventionalist epistemology], DirektMedia, Moscow, RUS.

13. Lebedev, S.A. (2021), "Consensual Nature of Scientific Knowledge as Generalization of Its Conventionality", *Studia Humanitatis Borealis*, no. 1 (18), pp. 4–12. DOI: 10.15393/j12.art.2021.3681

14. Lebedev, S.A. (2007), *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science], Akadem. proekt, Moscow, RUS.

15. Aydukevich, K. (1996), "Worldview and conceptual framework", *Philosophy of Science*, iss. 2, RAS Institute of Philosophy, Moscow, RUS, pp. 231–254.

Information about the author

Andrey A. Ermakov – Postgraduate Student at the Higher School of Social Sciences, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 29 Polytechnic str., St Petersburg 195251, Russia. The author of five scientific publications. Area of expertise: philosophy of science, logic, phenomenology, conventionalism.

No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 20.08.2025; adopted after review 02.12.2025; published online 23.06.2026.

Социология
Sociology

Оригинальная статья
УДК 316.4
http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-3-69-82

Метафорическая репрезентация проблем здравоохранения США в постсобытийном пользовательском онлайн-дискурсе

Сания Исааковна Бояркина

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия
Boyarkina_si@spbstu.ru, https://orcid.org/0000-0002-3944-0076

Введение. Цель статьи – выявить и систематизировать метафорические элементы международного пользовательского дискурса, возникшего как реакция на убийство генерального директора страховой компании United Healthcare, отражающие проблемы здравоохранения США. Научная новизна заключается в социологической интерпретации метафор, конструирующих образы социального института и легитимирующих оценки, эмоции и формы коллективного действия. Актуальность исследования обусловлена высоким конфликтогенным потенциалом здравоохранения, коммерциализацией медицинских услуг и социальными неравенствами в доступе к лечению.
Методология и источники. Теоретической основой послужили концепция метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, критический дискурс-анализ, а также социологические интерпретации метафоры как инструмента социального конструирования. Эмпирическая база включает 5229 комментариев к материалам международного издания MailOnline, посвященным убийству генерального директора крупнейшей в США страховой компании Б. Томпсона. Использовались методы тематического анализа и лексикографического контент-анализа с применением программы AntConc, отбор осуществлялся по частоте и семантической значимости лексем и метафорических коллокаций.
Результаты и обсуждение. Выявлены два ключевых объекта метафоризации – система здравоохранения и финансово-экономические атрибуты и менеджеры, обеспечивающие ее функционирование. В ходе их обсуждения пользователи выстраивают дихотомию «жертвы – дегуманизированная система», легитимирующую совершенное насилие. Пользовательский дискурс свидетельствует об остром социальном кризисе и указывает на потенциал к солидаризации части общества против корпоративного доминирования.
Заключение. Метафоры в постсобытийном онлайн-дискурсе выступают не только риторическим, но и эпистемологическим механизмом, формирующим коллективное понимание кризиса здравоохранения и задающим рамки социальной ответственности, моральной оценки институционального порядка и протестной мобилизации.

Ключевые слова: цифровой публичный дискурс, онлайн-общественное мнение, социальное конструирование проблем, концептуальные метафоры, система здравоохранения, образ социального института

Для цитирования: Бояркина С. И. Метафорическая репрезентация проблем здравоохранения США в постсобытийном пользовательском онлайн-дискурсе // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 69–82. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-3-69-82

© Бояркина С. И., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 69–82
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 69–82

Original paper

Metaphorical Representations of United States Healthcare Problems in Post-Event User-Generated Online Discourse

Saniya I. Boyarkina

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St Petersburg, Russia
Boyarkina_si@spbstu.ru, https://orcid.org/0000-0002-3944-0076

Introduction. This article dwells on the metaphorical construction of the U.S. healthcare system's image in online discourse following the assassination of UnitedHealthcare's CEO. The scientific novelty lies in a sociological interpretation of metaphors that construct social institutions' images and legitimize public assessments and forms of collective action. The relevance of the study stems from the high conflict potential of healthcare, the commercialization of medical services, and social inequalities in access to treatment.
Methodology and sources. The theoretical framework draws on the theory of metaphor by G. Lakoff and M. Johnson, critical discourse analysis, and sociological approaches to metaphor as a tool of social construction. The empirical base consists of 5,229 comments on materials published by the international media outlet *MailOnline* concerning the killing of B. Thompson, CEO of the largest U.S. insurance corporation. The study employs thematic analysis and lexicographic content analysis using the AntConc software; selection was based on the frequency and semantic salience of lexical units and metaphorical collocations.
Results and discussion. The analysis reveals two primary objects of metaphorization: the healthcare system, including its financial and economic attributes, and the managers who ensure its operation. Through their discussion, users establish a dichotomy of "victims versus a dehumanized system", a framework that legitimizes the violence committed. This user-generated discourse signals a profound social crisis and points to a potential for solidarity among parts of society in opposition to corporate domination.
Conclusion. In post-event online discourse, metaphors function not only as rhetorical elements but also as epistemological mechanisms that shape collective understandings of the healthcare crisis and define the frameworks of social responsibility, moral evaluation of institutional order, and protest mobilization.

Keywords: digital public discourse, online public opinion, social construction of problems, conceptual metaphors, healthcare system, image of a social institution

For citation: Boyarkina, S.I. (2026), "Metaphorical Representations of United States Healthcare Problems in Post-Event User-Generated Online Discourse", *DISCOURSE*, vol. 12, no. 3, pp. 69–82. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-3-69-82

Введение. В условиях распространения цифровых форматов массовой коммуникации онлайн-платформы превратились в публичные площадки, на которых пользователи делятся своими версиями реальности, конструируют социальные проблемы, предлагают их решения. В этом смысле пользовательский дискурс выступает одним из ключевых механизмов формирования общественного мнения и репертуара коллективного поведения, задавая их смысловые рамки.

В новостных медиа, предоставляющих возможность комментировать события, пользовательский дискурс выполняет эти функции в постсобытийном формате, где он служит инструментом интерпретации произошедшего, распределения ответственности и формирования нарратива, фиксирующего общественную оценку в коллективном сознании.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 69–82
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 69–82

В научной литературе постсобытийный интернет-дискурс описывается как особый тип коммуникации, возникающей в ответ на значимые события, новости, сообщения, в котором через призму коллективных ценностей и эмоциональных реакций, стереотипов и культурных кодов происходит переосмысление произошедшего, формирование коллективной памяти, перераспределение ответственности за случившееся и легитимация критики идеологии и власти. При этом основными инструментами коллективного смыслопорождения становятся символы и риторические конструкции, среди которых особое место занимают метафорические ассоциации, позволяющие пользователям выразить эмоции и оценки, структурировать восприятие события и усилить аргументацию [1–3].

В исследованиях, проводимых в рамках психологии, психолингвистики [4], политологии и политической лингвистики [5–7], филологии [8], дискурс-анализа [9; 10], социологии [11], неоднократно подтверждалось, что анализ метафор позволяет выявить не только скрытые механизмы категоризации опыта, транслируемые через языковые и визуальные коды и их культурную специфику, но и способы их использования для оказания воздействия на адресата, в том числе идеологического [12; 13].

В зависимости от предмета исследования авторы фокусируют внимание либо на конкретных языковых (риторических) особенностях употребления слов, предполагающих перенос значения с одного объекта на другой (лингвистических метафорах), либо на мыслительных процессах, в результате которых устанавливается связь между концептами, относящимися к разным областям знания (концептуальных метафорах). Механизм последних заключается в переносе структуры одного концепта (области-источника) на другой (область-мишень) [14]. Это, в свою очередь, выступает основанием для дальнейшей типологизации метафор по когнитивным, лингвистическим, стилистическим и функциональным критериям (например, в зависимости от отношений, в которых находятся концепты, – структурные, ориентационные и онтологические метафоры [14], от используемой области-источника – антропоморфные, социоморфные, природоморфные и артефактные метафоры [15], от риторических приемов, с помощью которых реализуется перенос, – образные и экспрессивно-оценочные [16] и др.).

В совокупности все эти виды метафор обеспечивают дискурсивное управление восприятием обсуждаемого объекта: тип связи между концептами (структурный, онтологический) определяет его положение в структуре реальности (как часть системы или как самостоятельный объект), источник метафоры (антропо-/природоморфный и др.) задает степень его субъектности, описывает моральный и правовой статус, а риторическая функция – эмоционально-оценочное отношение.

Очевидно, что метафорология имеет давнюю историю и представлена широким спектром исследовательских направлений, среди которых доминируют лингвистические и смежные с ними. Вместе с тем в интерпретации Т. ван Дейка, Н. Фэркло и Р. Водак [см., напр., 17–19] метафорология предстает как незаменимая социологическая оптика для анализа дискурсивных оснований социального порядка и процессов его социального конституирования. Схожей позиции придерживается и А. Н. Маркем, которая говорит об использовании метафор в цифровом дискурсе в качестве инструмента создания конструктов, определяющих видение мира, необходимом для построения и обсуждения социальных структур [20].

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 69–82
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 69–82

С такой точки зрения в процессе коммуникации метафорические структуры функционируют как когнитивно-дискурсивные матрицы, опосредующие возможность конструирования социальной реальности через создание коллективных смыслов, образов социальных институтов, социально значимых концептов.

Основанные на общих представлениях о реальности, чувственном восприятии и культурно-историческом знании, метафоры в пользовательском дискурсе выступают ключевым инструментом описания, оценки и репрезентации окружающей действительности, реализуемой через создание эмоционально окрашенных образов, семантически понятных представителям социальных групп, участвующим в коммуникации. В этом смысле данные интернет-форумов становятся уникальным источником материалов для изучения повседневных дискуссий, в которых конструируются общественно значимые проблемы.

Как показывают результаты исследований в постсобытийном дискурсе, пользователи чаще всего реализуют интенции критики и дискредитации [21], что позволяет не только описать дискурсивные практики конструирования общественного мнения и создания образов социальных институтов, но и изучить коллективные представления о существующих механизмах власти, их травмирующем воздействии на различные социальные группы, обозначить причины и оценить силу этого воздействия.

Хотя тема метафорической репрезентации обладает эвристическим потенциалом в рамках социологии, она остается мало изученной не только у нас, но и за рубежом [22]. В России основные научно-исследовательские коллективы представлены исследователями-политологами (Э. В. Будаев, В. З. Демьянков, Н. Б. Руженцева, А. П. Чудинов и др.), филологами и лингвистами (М. Я. Блох, О. И. Калинин, Е. С. Молчанова, Е. О. Опарина, В. Н. Телия и др.); значительное количество публикаций, в которых с позиций психолингвистики раскрываются особенности онлайн-дискурса, принадлежит коллективу авторов из Института психологии РАН (В. А. Афиногенова, Т. А. Гребенщикова, И. А. Зачесова, Т. А. Кубрак, Н. Д. Павлова и др.). В российском социологическом научном сообществе этот подход оказался мало востребован, хотя для социологии изучение метафор представляет особую ценность, позволяя понять дискурсивные основы социальной реальности разных социальных групп и общества в целом, конструируемой в ходе коммуникации в цифровом пространстве.

Такой анализ представляется необходимым в первую очередь в изучении проблем здравоохранения – одного из наиболее социально значимых и потому наполненного конфликтными взаимодействиями институтов. Данная статья представляет собой попытку восполнить существующий пробел и посвящена анализу постсобытийного пользовательского онлайн-дискурса, предметом которого является метафорическая репрезентация институциональных проблем здравоохранения США. Изучены материалы, опубликованные в одном из ведущих международных СМИ, по поводу убийства генерального директора крупной американской страховой компании United Healthcare и связанная с этим критика системы здравоохранения США аудиторией цифрового издания. Этот кейс представляет собой яркий пример социального дискурса, насыщенного метафорическими образами.

Для российской академической среды данное направление имеет прикладное значение. В условиях продолжающейся реформы системы ОМС в России и частичной коммерциализации медицинских услуг критически важно учитывать зарубежный опыт, демонстрирующий, что нарушение баланса между социальной функцией и рыночными механизмами спо-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 69–82
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 69–82

собно вызывать не только неравенство, но и острые формы общественного протеста, включая насильственные.

Целью настоящего исследования является систематизация метафорических конструкций, используемых в пользовательском дискурсе представителями международной аудитории.

Ключевые исследовательские вопросы следующие:

– с какой частотой и какие институциональные проблемы здравоохранения репрезентируют пользователи в цифровой среде;

– кто (доминирующие институциональные акторы) и почему является «мишенями» их критики и через какие метафорические описания конструируется их образ;

– как воспринимается собственный социальный статус и возможности реализации своих прав потребителями медицинских услуг в институциональном взаимодействии с институтом здравоохранения.

Методология и источники. Для выявления проблем здравоохранения, актуальных для американских пользователей, был проведен лексикографический контент-анализ материалов онлайн-версии одного из старейших международных изданий Daily Mail (основан в Великобритании в 1896 г.) – MailOnline (запущен в 2003 г.). MailOnline – глобальный цифровой медиабренд, ключевыми аудиториями которого являются американские (37,74 % трафика) и великобританские (38,57 % трафика) пользователи, в гендерном измерении аудитория представлена соразмерными группами: 51,67 % мужчины и 48,33 % – женщины; в возрастном соотношении ядро аудитории представлено пользователями от 25 до 64 лет – 76,9 % [23].

Данный ресурс имеет широкий охват, международную демографически разнородную аудиторию и интерактивный формат, позволяющий зарегистрированным и указавшим свою локацию пользователям из стран мира, в которых представлено СМИ (Великобритания, США, Австралия, Канада, Германия и другие), оставлять комментарии к новостным событиям, что позволяет использовать его в качестве источника информации.

Из новостной ленты были извлечены комментарии к трем новостным событиям, опубликованным 04.12.2024 [24], 06.12.2024 [25] и 09.12.2024 [26] в связи с убийством исполнительного директора United Healthcare Брайана Томпсона. Общее число содержательных комментариев – 5229, число уникальных авторов – 2898, из которых 49,6 % – представители США, 37,8 % – Великобритании, 10,9 % – других западных стран. Число пользователей из стран Латинской Америки, Азии и Африки в совокупности составило 1,7 %.

В ходе проведения эмпирического исследования решались задачи формирования массива комментариев пользователей к новостным выпускам интернет-издания, составление текстового корпуса и его лексикографический контент-анализ, поиск и систематизация метафорических конструкций, включающих в себя одно слово и более, описывающих проблемы здравоохранения.

Анализ материалов проводился с использованием программы AntConc. На первом этапе осуществлялся поиск существительных, которые описывают проблемы здравоохранения. С учетом значительного объема текстового корпуса (N = 137 413 слов) для снижения «шумов выборки» после объединения однокоренных словоформ отбирались значимые для анализа существительные, означающие структурные элементы системы здравоохранения и

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 69–82
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 69–82

ее проблемы, встречающиеся в тексте не менее 30 раз. На втором этапе через проверку коллокаций (N-grams) и ключевых слов в контексте (Key Word in Context, KWIC) проводился анализ связанных с ними метафор (без введения порога по частоте повтора слов).

Результаты и обсуждение. Проведенный лексикографический контент-анализ позволил сформировать картину проблем здравоохранения, репрезентируемых в международном дискурсе онлайн-аудитории Daily Mail через количественную оценку частоты появления в тексте ключевых терминов (существительных) и случаев употребления соотнесенных с ними метафор.

Частотный анализ лексики позволяет оценить актуальность проблем здравоохранения и обозначить три наиболее обсуждаемые темы.

Так, чаще всего пользователи обсуждают саму *систему страховой медицины в целом и страховую компанию, с которой связан новостной эпизод (UHC)*. Частота упоминания ключевых терминов: Nhs, Healthcare, Care (Национальная служба здравоохранения, здравоохранение, забота) (1421); Insure (-ance, -s, -ed, -ing) (страховать, страховка) (1295); Companies (компании) (923); Cover (-age, -ed, -ing, etc) (покрывать, покрытие) (416); System (-s) (система) (360); UHC (Всеобщее медицинское страхование) (182); Industry (-al, -ies) (индустрия, отрасль) (165); Private (частный) (133); Corporate (-s, -tion) (корпоративный, корпорация) (112); Medicare, Medicaid (Медикэйр, Медикэйд) (93); Employ (-er, -s, ed, -ees, etc) (найм, занятость) (114); Job (работа) (98); Services (услуги) (47); Pharma (-y, -ceutical, -cist, etc) (фарма) (45)[1].

Вторая по частоте упоминания тема – *финансово-экономические условия здравоохранения*. Частота упоминания ключевых терминов: Pay (-ment, -ing, -out, -ers, -aid, etc) (оплата, оплаченный) (887); Deny (-ing, -ed, -ied) (отказ) (541); Profit (-s, -ed, -ing, -able, etc) (прибыль) (410); Money (деньги) (289); Cost (-s, -ing, -ly) (стоимость) (185); Private (частный) (155); Tax (-es, -ed, -tion, -payer, etc) (налог) (129); Business (-es) (бизнес) (127); Corrupt (-ed, -tion) (коррупция, коррумпированный) (82); Expense (-ive, -es) (расходы) (80); Dollar (-s) (доллар) (71); Capital (-ism, -ist; -istic) (капитал, капитализм) (57); Poor (-ly, -er) (бедный) (55); Salary (-ies) (зарплата) (50); Finance (-es, -ial, -ially) (финансы, финансовый) (35); Income (доход) (30).

Значительно реже обсуждаются проблемы менеджмента системы здравоохранения и лица, участвующие в его реализации. Частота упоминания ключевых терминов: Ceo, Ceos (генеральный директор) (352); Government (-s) (правительство) (194); Law (-er, -full, etc) (135); Obamacare, Obama (план Обамы, Обама) (125); Trump (Трамп) (113); Brian Thompson (Брайан Томпсон) (113); Politic (-s, -cal, ians, etc) (политика, политики) (83); Provider (-s) (поставщик) (70); Executive (-s) (руководитель) (54); Insurer (-s) (страховщики) (80); Legacy, legislator (-lly, -tive, etc) (закон, законный) (64).

Поскольку финансовые механизмы являются атрибутом страховой модели здравоохранения, в целом можно обозначить два основных объекта метафоризации:

– система здравоохранения и ее финансово-экономический механизм;

– акторы, участвующие в управлении системой.

Анализ метафор в контексте позволяет описать их образ, репрезентируемый авторами комментариев.

[1] Здесь и далее перевод автора статьи.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 69–82
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 69–82

1. Слова, употребляемые в контексте обсуждения системы здравоохранения и финансовых барьеров страховой медицины, составляют ядро негативной оценки. В типологии используемых метафор доминируют антропоморфные и социоморфные метафоры[2] (Greed (-y) (жадность) (156); Evil (зло) (68); Scam (-er), grifter (афера, мошенничество, мошенник) (56); Crime (criminals) (преступление, преступники) (37); False (фальшь, ложь) (19); Robbery (-ers) (грабеж, грабители) (8) и др.). Через них рисуется образ жадной, коррумпированной, порочной, безнравственной системы (порочная и аморальная система/«depraved and immoral system»), системы-мошенника и грабителя, убивающей людей – законных держателей полисов, отказывая им в помощи.

...Those companies are murderers and destroy people lives. It is pure capitalism!/…Эти компании являются убийцами и разрушают жизни людей. Это чистый капитализм!

...Corporate greed has gotten to the point where its killing people.../…Корпоративная жадность дошла до того, что она убивает людей...

Еще один вид антропоморфных метафор, хотя и редко используемых в отношении системы, – метафоры болезни. Система предстает в них как пассивный субъект – «болезнь системы» («sickness of system») (4)). С точки зрения теории С. Сонтаг [27, с. 72–77] такие метафоры репрезентируют тревогу за сохранность общественного порядка (и призыв к его обновлению) и превращают физические недуги в инструмент моральной оценки бедствия, постигшего общества, в данном случае – кризиса системы, призванной обеспечивать витальные потребности граждан.

Несколько реже, чем антропоморфные и социоморфные, используются природоморфные и артефактные метафоры.

Через природоморфные метафоры система представляется как злой, жадный монстр («an evil greed monster»), паразит, хищник, кровопийца (parasitic (13), monster (8), predator (6)), монстр-кровопийца («blood-sucking monster», «bloodsucker» (2)). Жадность системы – наиболее осуждаемая характеристика страховой медицины, деньги, являясь причиной страданий людей, именуются «кровавыми» («blood money» (4)), в них видится «корень всего зла» («the root of all evil» (5)).

Через артефактные метафоры система описывается как сломанная машина, разрушающийся механизм (broken (-system, -NHS, -healthcare) (сломанная система) (24)), убивающий людей. Дорогостоящие страховки и отказы, которые получают около 30 % [28] обращающихся за возмещением расходов на лечение, – ключевые причины, по которым пользователи называют систему здравоохранения США худшей в мире.

...The whole system is fracturing and failing thus making the American healthcare system the WORST IN THE WORLD.../…Вся система рушится и дает сбои, что делает американскую систему здравоохранения ХУДШЕЙ В МИРЕ…

Критикуя систему, пользователи цитируют тезисы известных им теорий, апеллируя к научным авторитетам. Это позволяет воздействовать на других участников онлайн-дискуссии, маскируя индивидуальные оценочные суждения под объективные научные законы для образного, идеологически не нейтрального описания общества.

[2] Здесь и далее приводятся частоты слов, наиболее активно употребляемых в метафорическом значении.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 69–82
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 69–82

Так, например, имплицитно упоминая теорию Ч. Дарвина, пользователь применяет риторику социального дарвинизма, отсылающую к идее об агрессивности среды и генетической успешности, и говорит, что систему здравоохранения в США можно характеризовать словами «…выживает сильнейший. Что и позволяет кому-то выживать – это хорошие гены»/*«…basic care Health care in the US: survival of the fittest. What makes one fit to survive is good genes…»*.

Использование другим пользователем цитаты из работы Х. Арендт «О насилии» (вышла на русском языке в 2014 г. [29]), в которой бюрократия представляется как источник вреда, встроенного в ее организацию, репрезентирует американскую модель здравоохранения как тоталитарное зло, источником которого являются не менеджеры (с чем, вероятно, и связано их нечастое упоминание), а сама система.

…Bureaucracy is the form of government in which everybody is deprived of political freedom, of the power to act…and where all are equally powerless, we have a tyranny without a tyrant. (Hannah Arendt). That's what this is tyranny without a tyrant. Anyone who has dealt with these people know every avenue is blocked by the bureaucracy…/…Бюрократия – это форма правления, при которой каждый лишен политической свободы…и там, где все одинаково бессильны, мы имеем тиранию без тирана (Х. Арендт) [29, с. 94]. Вот что это за тирания без тирана. Любой, кто имел дело с этими людьми, знает, что бюрократия блокирует все пути…

Эти описания конструируют систему здравоохранения как агрессивное пространство, безразличное к страданию людей, в котором здоровье и болезнь становятся предметом торга, а выживание – вопросом индивидуальной ответственности.

2. Обсуждение акторов, обеспечивающих менеджмент здравоохранения, сводится к вопросу: кто виноват (blame (вина, ответственность) (43)) в дисфункциях здравоохранения? Здесь аудитория разделилась на две группы.

Одна часть обвиняет в «поломке» правительство (122) и лично Б. Обаму (50), во время президентства которого был принят закон о доступном медицинском обслуживании – ACA (Affordable Care Act) (45), официально называемый законом о защите пациентов и доступном здравоохранении – PPACA (Patient Protection and Affordable Care Act) и широко известный как «Obamacare».

...Don't blame the insurance company, blame ACA. These companies have to abide by the laws, restrictions and regulations that are mandated. The GOVERNMENT, AKA Obama, are to blame.../…Не вините страховую компанию, вините ACA. Эти компании должны соблюдать установленные законы, ограничения и правила. Правительство, оно же Обама, следует винить…

...Health insurance was affordable until Obamacare messed it up.../…Медицинское страхование было доступным, пока «Obamacare» не испортила его…

Другая, заметно большая часть, полагает, что дело не в законе и возлагает ответственность на страховые компании.

...you're not getting any treatment. The system is broken. The system was before and after ACA. Insurance companies are just plain greedy and that is all there is to it.../…ты не получаешь никакого лечения. Система сломана. Система существовала до и после ACA. Страховые компании просто жадные, вот и все…

В этом споре институциональные акторы, такие как страховые компании и их руководители, значительно чаще становятся мишенями критики, чем политические фигуры. Они

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 69–82
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 69–82

воспринимаются как воплощение институционального зла, угнетатели и именно им вменяется в вину преднамеренное воспроизводство вреда (по У. Т. Кумбсу) [30].

Генеральный директор и инвесторы компании репрезентируются как часть системы, им приписываются те же свойства, они становятся символическими носителями зла, порожденного системой. Для создания образа этих людей применяется соматическая метафора крови, как образ тока жизни, в дискурсе наделенная смыслом вины в страданиях и смертях невинных «*blood <of thousands> on their <on his> hands*» (кровь <тысяч> на их <его> руках), которая усиливает описание менеджеров страховой компании как убийц и дополняет портрет системы-«кровопийцы» в дискурсе о здравоохранении.

...Brian Thompson's hands were covered by the blood of those he denied coverage to. In fact, he murdered people to make money.../…Руки Брайана Томпсона были залиты кровью тех, кому он отказал в покрытии. Фактически, он убивал людей, чтобы заработать деньги…

...Investors have no skin in the game but do have blood on their hands.../...Инвесторы непосредственно в игре не участвуют, но их руки в крови…

В контексте обсуждения проблем здравоохранения и свершившегося события – убийства гендиректора страховой компании, американцы – держатели полисов репрезентированы как сообщество жертв системы, ее финансовый ресурс, они поставлены перед выбором – сражаться (Fight (-ing, -s) (46)) за свои права или умереть (Die (60)) от болезни, или совершить суицид (Suicide (3)), не дожидаясь конца.

...Americans are committing suicide_because they can't afford a simple surgery or needed medication because the hospitals and medical insurance companies want to make more money at your health's expense.../…Американцы совершают самоубийства, потому что они не могут позволить себе простую операцию или необходимые лекарства, так как больницы и компании медицинского страхования хотят заработать больше денег за счет вашего здоровья…

Выстраиваемый нарратив жертвы и отведенная себе в нем роль мучеников предоставляет убийце Б. Томпсона (Л. Манджоне) и тем, кто его поддерживает, «моральный мандат» (термин Л. Дж. Скитка и Д. А. Хьюстон) [31] на оправдание совершенного насилия и на индивидуальном (Л. Манджоне убил только одного, а Б. Томпсон – «массовый убийца»/«a social mass murderer»)), и на институциональном уровне: «…система вынуждает людей совершать убийство, чтобы их услышали…»/*«...system that forces people to kill to be heard...»*.

Наделенные худшими человеческими качествами или вовсе лишенные человеческой субъектности, система здравоохранения и люди, осуществляющие ее менеджмент, конструируются в онлайн-дискурсе как угрожающий обществу объект, подлежащий демонтажу. Такой дискурс репрезентирует дихотомию: одушевленные люди-жертвы vs дегуманизированного объекта-агрессора, легитимизируют радикальные действия, снимая моральные ограничения, присущие межличностному насилию. Для части аудитории насилие над «монстром» или частью «сломанной машины» перестает быть убийством человека, становясь актом устранения безличной дисфункции.

...in prolonged suffering, crippling debt, death sentences, or a combination of all three. Desperate people can do desperate things, and everyone knows the system is broken…/…в длительных страданиях, огромных долгах, смертных приговорах или сочетании всех трех. Отчаявшиеся люди могут совершать отчаянные поступки, и все знают, что система сломана...

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 69–82
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 69–82

Следует отметить, что, хотя пользователи единодушно признают организационное несовершенство и несправедливость страховой медицины, их мнения в отношении убийства Б. Томпсона радикально различаются. Если для части комментаторов его убийца Л. Манджоне – герой, совершивший возмездие, обезглавивший монстра, то для других Б. Томпсон – невинная жертва, «парень, который просто делал свою работу», отец семейства и гражданин цивилизованной страны, в которой, как оказалось, действуют законы «Дикого Запада» («Wild West») (9). Для вторых свершившееся событие и его обсуждение с другими пользователями делит реальность на «до» и «после», давая новое понимание существующего социального порядка.

Генерализация оценок проблем здравоохранения и совершенного убийства реализуется через метафору болезни, используемую уже в отношении всего общества («sick society» (48)), допускающего насилие. Это в равной степени относится как к людям – жертвам системы, так и к тем, кто в комментариях поддерживает Л. Манджоне, – все они вписываются в образ морального разложения социума. Болезнь в данном случае выступает как танатологическая метафора, отсылающая к идее умирания привычной социальной нормальности.

В целом, проведенный анализ метафор позволяет представить систему здравоохранения США как зону социального апокалипсиса, где жертвы становятся палачами, бизнес – убийством, а возмездие – формой стихийной справедливости. Пользовательский дискурс свидетельствует об остром социальном кризисе и указывает на потенциал к солидаризации части общества против монополизированной власти корпораций.

Безусловно, проведенное исследование не может претендовать на репрезентативность в силу неслучайности выборки, ее ограниченности аудиторией медиа и отсутствия возможности более тонкой детализации мнений пользователей, поскольку известно, что в демократических и республиканских штатах восприятие проблем общественного здоровья может различаться, так же, как оно может зависеть от социально-структурных и идеологических различий в объяснениях социальных проблем [32]. Вместе с тем изучение влияния социально-структурных различий на форматы репрезентации проблем здравоохранения не входило в круг исследовательских задач данного проекта и остается перспективным направлением дальнейшего анализа.

Заключение. В цифровом пространстве, где метафоры являются неотъемлемой частью культуры онлайн-коммуникации, разворачивается процесс символической конкуренции, в ходе которой государство и гражданское общество оспаривают друг у друга право определять ключевые нарративы. В этом процессе интернет-пользователи выступают не как пассивные наблюдатели, а как активные участники, для которых метафора становится не вспомогательным риторическим приемом, а эпистемологическим механизмом конструирования социальной реальности.

В социологическом измерении деконструкция и критика метафор позволяет прийти к пониманию принципов формирования общественного мнения и переопределения социальной значимости проблем, в том числе в сфере здравоохранения, выявлению социальных оснований символической борьбы за смыслы, в ходе которой абстрактные понятия превращаются в инструменты реконфигурации социального порядка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Wahl-Jorgensen K. Emotions, Media and Politics. Cambridge: Polity Press, 2019.

2. Бондаренко И. В. Лингвопрагматический потенциал метафоры в политическом выступлении // Вестн. БФУ им. И. Канта. Сер. Филология, педагогика, психология. 2019. № 2. С. 52–60.

3. Павлова Н. Д., Гребенщикова Т. А. Постсобытийный дискурс в интернет-сообществах: интенциональная структура и приемы воздействия // Экспериментальная психология. 2020. Т. 13, № 1. С. 138–148. DOI: 10.17759/exppsy.2020130110

4. Речевые интенции и референциальные объекты в дискурсе социальных медиа (на материале дискуссий в условиях локдауна) / Н. Д. Павлова, В. А. Афиногенова, Т. А. Кубрак, И. А. Зачесова // Экспериментальная психология. 2022. Т. 15, № 4. С. 139–156. DOI: 10.17759/exppsy.2022150409

5. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2003.

6. Зиновьев Н. В. Живые, мертвые и реанимированные метафоры в политическом дискурсе (на материале выступлений Д. Кэмерона и Б. Обамы) // Политическая лингвистика. 2019. № 6 (78). С. 57–63. DOI: 10.26170/pl19-06-07

7. Алешина Е. Ю. Особенности дискурсивного отражения результата политического конфликта в публичной речи (на материале английского языка) // Политическая лингвистика. 2017. № 2 (62). С. 65–70.

8. Калинин О. И. Метафора как предмет лингвистических исследований. М.: Русайнс, 2025.

9. Блох М. Я., Молчанова Е. С. Метафоры и сравнения в жанрах интернет-дискурса // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Лингвистика. 2021. № 3. С. 6–14. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-3-6-14

10. Опарина Е. О. Метафора в дискурсе // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6. Языкознание. 2021. № 3. С. 131–141. DOI: 10.31249/ling/2021.03.10

11. Кравченко А. И. Метафоры в социологии: новые перспективы или путь в никуда? // Социол. исслед. 2016. № 7 (387). С. 124–133.

12. Musolff A. Cross-cultural variation in deliberate metaphor interpretation // Metaphor and the Social World. 2016. Vol. 6, № 2. P. 205–224. DOI:10.1075/msw.6.2.02mus

13. Агафонова К. Е. Метафора в политическом дискурсе как инструмент воздействия на адресата // Вестн. РУДН. Сер. Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14, № 4. С. 588–594. DOI: 10.22363/2312-8011-2017-14-4-588-594

14. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А. Н. Баранова, А. В. Морозовой; под ред. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.

15. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2006.

16. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др. М.: Наука, 1988. С. 173–204.

17. Fairclough N. Discourse and Social Change. Cambridge: Polity Press, 1992.

18. Van Dijk T. A. Ideology: A Multidisciplinary Approach. London: Sag, 1998.

19. Wodak R. The discourse-historical approach // Methods of Critical Discourse Analysis / R. Wodak, M. Meyer (eds.). London: Sage, 2009. P. 63–94.

20. Маркем А. Н. Метафоры, отражающие и выстраивающие реальность интернета: инструмент, место и способ существования / пер. К. Гуревич // Фольклор и антропология города. 2023. Т. V, № 1. С. 57–79. DOI: 10.22394/2658-3895-2023-6-1-57-79

21. Интенциональное пространство постсобытийного дискурса на различных интернет-площадках / Н. Д. Павлова, Т. А. Гребенщикова, В. А. Афиногенова и др. // Психологический журнал. 2020. Т. 41, № 3. С. 78–91. DOI: 10.31857/S020595920009327-5

22. Foley J. Lost in a sea of highlight reels: The use of social media and mental health metaphors in online health blogs // Research in Corpus Linguistics. 2024. Vol. 13, № 1. P. 26–56. DOI: 10.32714/ricl.13.01.03

23. Dailymail.co.uk. Website Analysis for October 2025 // Similarweb. URL: https://www.similarweb.com/website/dailymail.co.uk/#overview (дата обращения: 15.01.2026).

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 69–82
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 69–82

24. Potter W., Sexton B. UnitedHealthcare CEO Brian Thompson shot and killed outside Manhattan Hilton hotel // Daily Mail. 04.12.2024. URL: https://www.dailymail.co.uk/news/article-14157375/United-Health-Brian-Thompson-Hilton-Manhattan-shot.html (дата обращения: 15.01.2026).

25. Reynolds J. C. UnitedHealthcare CEO's assassination triggers outpouring of hate directed at health insurance industry // Daily Mail. 06.12.2024. URL: https://www.dailymail.co.uk/news/article-14164727/united-healthcare-ceo-brian-thompson-assassin-support.html (дата обращения: 15.01.2026)

26. Koenig M. UnitedHealthcare Group boss defends Brian Thompson and company track record in leaked video message to staff // Daily Mail. 09.12.2024. URL: https://www.dailymail.co.uk/news/article-14172007/UnitedHealth-group-CEO-Andrew-Witty-defend-denials-coverage.html (дата обращения: 15.01.2026).

27. Сонтаг С. Болезнь как метафора / пер. с англ. М. А. Дадяна, А. Е. Соколинской. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.

28. Claims Denials and Appeals in ACA Marketplace Plans in 2023 / J. Lo., M. Long, R. Wallace et al. // Kaiser Family Foundation. 27.01.2025. URL: https://www.kff.org/private-insurance/claims-denials-and-appeals-in-aca-marketplace-plans-in-2023/ (дата обращения: 15.01.2026).

29. Арендт Х. О насилии/ пер. с англ. Г. Дашевского. М.: Новое издательство, 2014.

30. Coombs W. T., Holladay S. J. Communication and attributions in a crisis: An experimental study of crisis communication // J. of Public Relations Research. 1996. Vol. 8, № 4. P. 279–295. DOI: 10.1207/s1532754xjprr0804_04

31. Skitka L. J., Houston D. A. When Due Process Is of No Consequence: Moral Mandates and Presumed Defendant Guilt or Innocence // Social Justice Research. 2001. Vol. 14, no. 3. P. 305–326. DOI: 10.1023/A:1014372008257

32. Gollust S. E., Lantz P. M., Ubel P. A. The polarizing effect of news media messages about the social determinants of health // American J. of Public Health. 2009. Vol. 99, № 12. P. 2160–2167. DOI: 10.2105/AJPH.2009.161414

Информация об авторе

Бояркина Сания Исааковна – кандидат социологических наук (2005), доцент (2010), доцент Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, ул. Политехническая, д. 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия. Автор 65 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная эпидемиология и общественное здоровье, социология здоровья и болезней, коммуникации здоровья, социальные дискурсы в медицине и здравоохранении.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 20.01.2026; принята после рецензирования 12.03.2026; опубликована онлайн 23.06.2026.

REFERENCES

1. Wahl-Jorgensen, K. (2019), *Emotions, Media and Politics*, Polity Press, Cambridge, UK.

2. Bondarenko, I.V. (2019), “Linguistic and pragmatic potential of metaphors in political discourse”, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal Univ. Ser. Philology, Pedagogy, Psychology*, no. 2, pp. 52–60.

3. Pavlova, N.D. and Grebenshchikova, T.A. (2020), “Post-eventual discourse in online communities: intentional structure and the manners of discursive impact”, *Experimental Psychology*, vol. 13, no. 1, pp. 138–148. DOI: 10.17759/exppsy.2020130110

4. Pavlova, N.D., Afinogenova, V.A., Kubrak, T.A. and Zachesova, I.A. (2022), “Speech Intentions and Referential Objects in Discourse of Social Media (Based on the Discussions in the Context of Lockdown)”, *Experimental Psychology*, vol. 15, no. 4, pp. 139–156. DOI: 10.17759/exppsy.2022150409

5. Chudinov, A.P. (2003), *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoi politicheskoi kommunikatsii* [Metaphorical mosaic in modern political communication], Ural State Pedagogical Univ., Ekaterinburg, RUS.

6. Zinov'ev, N.V. (2019), "Living, Dead and Reanimated Metaphors in Political Discourse (Based on the Speeches of D. Cameron and B. Obama)", *Political Linguistics*, no. 6 (78), pp. 57–63. DOI: 10.26170/pl19-06-07

7. Aleshina, E.Yu. (2017), "Discursive reflection of the result of political conflict in a public speech (based on the English language)", *Political Linguistics*, no. 2 (62), pp. 65–70.

8. Kalinin, O.I. (2025), *Metafora kak predmet lingvisticheskikh issledovanii* [Metaphor as a subject of linguistic research], Rusains, Moscow, RUS.

9. Blokh, M.Ya. and Molchanova, E.S. (2021), "Metaphors and similes in the genres of internet-discourse", *Bulletin of the Moscow Region State Univ., Ser. Linguistics*, no. 3, pp. 6–14. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-3-6-14

10. Oparina, E.O. (2021), "Metaphor in discourse", *Social Sciences and Humanities Domestic and Foreign Literature. Ser. 6. Linguistics*, no. 3, pp. 131–141. DOI: 10.31249/ling/2021.03.10

11. Kravchenko, A.I. (2016), "Metaphors in sociology: a new perspective or a road to nowhere?", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 7 (387), pp. 124–133.

12. Musolff, A. (2016), "Cross-cultural variation in deliberate metaphor interpretation", *Metaphor and the Social World*, vol. 6, no. 2, pp. 205–224. DOI:10.1075/msw.6.2.02mus

13. Agafonova, K.E. (2017), "Metaphors in Political Discourse as an Instrument of Influence on Addressee", *RUDN J. of Language Education and Translingual Practices*, vol. 14, no. 4, pp. 588–594. DOI: 10.22363/2312-8011-2017-14-4-588-594

14. Lakoff, G. and Johnson, M. (2004), *Metaphors We Live By*, Transl. by Baranov, A.N and Morozova, A.V., in Baranov, A.N. (ed.), Editorial URSS, Moscow, RUS.

15. Budaev, Eh.V. and Chudinov, A.P. (2006), *Metafora v politicheskom interdiskurse* [Metaphor in political interdiscourse], Ural. gos. ped. un-t, Ekaterinburg, RUS.

16. Serebrennikov, B.A., Kubryakova, E.S., Postovalova, V.I. et al. (1988), "Metaphorization and its role in creating a linguistic picture of the world", *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira* [he role of the human factor in language: Language and the picture of the world], Nauka, Moscow, USSR, pp. 173–204.

17. Fairclough, N. (1992), *Discourse and Social Change*, Polity Press, Cambridge, UK.

18. Van Dijk, T.A. (1998), *Ideology: A Multidisciplinary Approach*, Sage, London, UK.

19. Wodak, R. (2009), "The discourse-historical approach", *Methods of Critical Discourse Analysis*, in Wodak, R. and Meyer, M. (eds.), Sage, London, UK, pp. 63–94.

20. Markham, A.N. (2023), "Metaphors reflecting and shaping the reality of the Internet: tool, place, way of being", Transl. by Gurevich, K., *Urban Folklore & Anthropology*, vol. V, no. 1, pp. 57–79. DOI: 10.22394/2658-3895-2023-6-1-57-79

21. Pavlova, N.D., Grebenshchikova, T.A., Afinogenova, V.A. et al. (2020), "Intentional space of post-event discourse on various internet sites", *Psikhologicheskii Zhurnal*, vol. 41, no. 3, pp. 78–91. DOI: 10.31857/S020595920009327-5

22. Foley, J. (2024), "Lost in a sea of highlight reels: The use of social media and mental health metaphors in online health blogs", *Research in Corpus Linguistics*, vol. 13, no. 1, pp. 26–56. DOI: 10.32714/ricl.13.01.03

23. "Dailymail.co.uk. Website Analysis for October 2025" (2025), *Similarweb*, available at: https://www.similarweb.com/website/dailymail.co.uk/#overview (accessed 15.01.2026).

24. Potter, W. and Sexton, B. (2024), "UnitedHealthcare CEO Brian Thompson shot and killed outside Manhattan Hilton hotel", *Daily Mail*, 04.12.2024, available at: https://www.dailymail.co.uk/news/article-14157375/United-Health-Brian-Thompson-Hilton-Manhattan-shot.html (accessed 15.01.2026).

25. Reynolds, J.C. (2024), "UnitedHealthcare CEO's assassination triggers outpouring of hate directed at health insurance industry", *Daily Mail*, 06.12.2024, available at: https://www.dailymail.co.uk/news/article-14164727/united-healthcare-ceo-brian-thompson-assassin-support.html (accessed 15.01.2026).

26. Koenig, M. (2024), "UnitedHealthcare Group boss defends Brian Thompson and company track record in leaked video message to staff", *Daily Mail*, 09.12.2024, available at: https://www.dailymail.co.uk/news/article-14172007/UnitedHealth-group-CEO-Andrew-Witty-defend-denials-coverage.html (accessed 15.01.2026).

27. Sontag, S. (2016), *Illness as Metaphor*, Transl. by Dadyan, M.A. and Sokolinskaya, A.E., Ad Marginem Press, Moscow, RUS.

28. Lo, J., Long, M., Wallace, R., Salaga, M. and Pestaina, K. (2025), "Claims Denials and Appeals in ACA Marketplace Plans in 2023", *Kaiser Family Foundation*, 27.01.2025, available at: https://www.kff.org/private-insurance/claims-denials-and-appeals-in-aca-marketplace-plans-in-2023/ (accessed 15.01.2026).

29. Arendt, H. (2014), *On Violence*, Transl. by Dashevskii, G., Novoe izdatel'stvo, Moscow, RUS.

30. Coombs, W.T. and Holladay, S.J. (1996), "Communication and attributions in a crisis: An experimental study of crisis communication", *J. of Public Relations Research*, vol. 8, no. 4, pp. 279–295. DOI: 10.1207/s1532754xjprr0804_04

31. Skitka, L.J. and Houston, D.A. (2001), "When Due Process Is of No Consequence: Moral Mandates and Presumed Defendant Guilt or Innocence", *Social Justice Research*, vol. 14, no. 3, pp. 305–326. DOI: 10.1023/A:1014372008257

32. Gollust, S.E., Lantz, P.M. and Ubel, P.A. (2009), "The polarizing effect of news media messages about the social determinants of health", *American J. of Public Health*, vol. 99, no. 12, pp. 2160–2167. DOI: 10.2105/AJPH.2009.161414

Information about the author

Saniya I. Boyarkina – Can. Sci. (Sociology, 2005), Docent (2010), Associate Professor at the Graduate School of Media Communications and Public Relations, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 29 Polytechnic str., St Petersburg 195251, Russia. The author of 65 scientific publications. Area of expertise: social epidemiology and public health, sociology of health and illness, health communications, social discourses in medicine and healthcare.

No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 20.01.2026; adopted after review 12.03.2026; published online 23.06.2026.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 83–108
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 83–108

Оригинальная статья
УДК 316.4.051.62
http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-3-83-108

Алгоритмические детерминанты социального неравенства: проблематизация исследований в социологии

***Павел Петрович Дерюгин*[1]✉*, Елена Александровна Камышина*[2]*, Эрнест Алексеевич Эсселевич*[3]*, Александр Владимирович Павлов*[4]**

[1]*Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия*
[1]*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия*
[1, 2, 3, 4]*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия*

[1]✉*ppd1@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-5380-8498*
[2]*kamyshina.elena@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-0673-1344*
[3]*ernest.esselevitch@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0008-4055-5066*
[4]*aliexandr-pavlov-2000@mail.ru, https://orcid.org/0009-0002-3548-7122*

Введение. Алгоритмизация стремительно проникает в экономику, управление и повседневную жизнь, становясь источником новой социальной дифференциации, неравенства и усиления контроля. При этом масштабы и интенсивность таких форм дифференциации резко различаются между странами и регионами. В этих условиях анализ социальных последствий алгоритмизации ИИ становится одной из актуальных задач современной социологии.

Методология и источники. В статье используются теоретико-аналитический и историко-социологический подходы, опирающиеся на концепции цифрового и алгоритмического неравенства, критическую теорию цифровизации и социологию технологий. Эмпирическую и аналитическую базу исследования составляют данные официальной статистики, материалы социологических исследований, отчеты исследовательских центров, а также труды российских и зарубежных авторов, посвященные алгоритмизации, искусственному интеллекту и трансформации социальных структур.

Результаты и обсуждение. Показано, что алгоритмы искусственного интеллекта выступают относительно самостоятельным фактором социальной дифференциации, формируя новый уровень цифрового неравенства. Раскрываются масштабы и направления внедрения алгоритмов в различных странах и в регионах России, анализируются риски трансформации рынка труда, усиления социального контроля и воспроизводства скрытых форм дискриминации в условиях алгоритмической рациональности.

Заключение. Алгоритмизация социальных и экономических процессов требует переосмысления классических социологических подходов к анализу неравенства. Алгоритмическое неравенство рассматривается как устойчивая структурная характеристика современной цифровой реальности, что актуализирует необходимость его концептуализации и дальнейших эмпирических исследований в рамках социологической науки.

Ключевые слова: социальное неравенство, цифровое неравенство, алгоритмическое неравенство, искусственный интеллект

© Дерюгин П. П., Камышина Е. А., Эсселевич Э. А., Павлов А. В., 2026
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 83–108
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 83–108

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 24-18-00261 «Социоструктурная модель перехода российского общества в режим дополненной современности»).

Для цитирования: Алгоритмические детерминанты социального неравенства: проблематизация исследований в социологии / П. П. Дерюгин, Е. А. Камышина, Э. А. Эсселевич, А. В. Павлов // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 83–108. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-3-83-108

Original paper

Algorithmic Determinants of Social Inequality: Problematization of Research in Sociology

***Pavel P. Deriugin*[1]✉, *Elena A. Kamyshina*[2], *Ernest A. Esselevich*[3], *Alexander V. Pavlov*[4]**

[1]*Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS, St Petersburg, Russia*
[1]*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia*
[1, 2, 3, 4]*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

[1]✉*ppd1@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-5380-8498*
[2]*kamyshina.elena@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-0673-1344*
[3]*ernest.esselevitch@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0008-4055-5066*
[4]*aliexandr-pavlov-2000@mail.ru, https://orcid.org/0009-0002-3548-7122*

Introduction. Algorithmization is rapidly penetrating the economy, management, and everyday life, becoming a source of new social differentiation, inequality, and increased control, while the scale and intensity of its implementation vary sharply between countries and regions. In these circumstances, analyzing the social consequences of AI is becoming one of the key tasks of contemporary sociology.

Methodology and sources. The article uses theoretical-analytical and historical-sociological approaches based on the concepts of digital and algorithmic inequality, critical theory of digitalization, and sociology of technology. The empirical and analytical basis of the study consists of official statistics, sociological research materials, reports from research centers, as well as works by Russian and foreign authors on algorithmization, artificial intelligence, and the transformation of social structures.

Results and discussion. It has been shown that artificial intelligence algorithms act as an independent factor of social differentiation, forming a new level of digital inequality. The scale and directions of algorithm implementation in various countries and regions of Russia are revealed, and the risks of labor market transformation, increased social control, and the reproduction of hidden forms of discrimination in conditions of algorithmic rationality are analyzed.

Conclusion. The algorithmization of social and economic processes requires a rethinking of classical sociological approaches to the analysis of inequality. Algorithmic inequality is viewed as a stable structural characteristic of modern digital reality, which highlights the need for its conceptualization and further empirical research within the framework of sociological science.

Keywords: social inequality, digital inequality, algorithmic inequality, artificial intelligence

Source of financing: the work was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 24-18-00261 “The sociostructural model of the transition of Russian society to the mode of augmented modernity”).

For citation: Deriugin, P.P., Kamyshina, E.A., Esselevich, E.A. and Pavlov, A.V. (2026), “Algorithmic Determinants of Social Inequality: Problematization of Research in Sociology”, *DISCOURSE*, vol. 12, no. 3, pp. 83–108. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-3-83-108

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 83–108
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 83–108

Введение. Алгоритмизация различных аспектов общественной жизни, включая экономические, политические, социальные и культурные процессы, приобретает фундаментальное значение как фактор масштабирования новых форм дифференциации [1, с. 17]. Такого мнения придерживаются не только ученые-социологи [2], но и исследователи, занимающиеся самыми различными научными дисциплинами, включая политологов [3], философов [4] и юристов [5], а также специалистов других научных направлений. В глобальном масштабе в той или иной форме в алгоритмы включено примерно 15 % трудоспособного населения, т. е. 1,2 млрд чел., данные о которых постоянно анализируются и обобщаются. Например, при оформлении полиса ОСАГО британская компания Admiral тщательно изучает следы потенциальных клиентов, оставленные в виртуальном пространстве, принимая во внимание более 90 различных факторов. В этот анализ включены маршруты передвижения клиента, его поведение, употребление алкоголя, а также возможность землетрясений в регионе его проживания. Лидерами по внедрению и анализу алгоритмов ИИ являются ОАЭ (59,5 % населения), Норвегия (45,3 %), Ирландия (41,7 %) и Франция (40,9 %) [6; 7]. В Китае алгоритмы ИИ используются как инструменты для решения государственных задач – от повышения эффективности экономики и здравоохранения до укрепления контроля над правопорядком и поведением людей. Ключевые направления включают «умные города», цифровизацию здравоохранения, автоматизацию логистики и систему социального кредита.

В России показатель включенности в использование алгоритмов ИИ составляет 7,6 % среди всего населения. В производственной сфере, по данным ВЦИОМ, уровень использования ИИ российскими предприятиями активно растет: он повысился с 20 % в 2021 г. до 43 % в 2024 г. При этом ИИ в 2024 г. использовала каждая 17-я организация из бизнеса и госсектора. Например, в Севастополе ИИ принял 20 % решений о регистрации юрлиц и более 50 % – по ИП [8]. Как сообщают представители FinExpertiza (CNews), среди организаций, применяющих алгоритмы ИИ, затраты на внедрение и использование соответствующих технологий составили в среднем 6 млн руб. на одно юрлицо. Наибольшие вложения в ИИ зафиксированы в сферах финансов и страхования (в среднем 55,7 млн руб. на одну организацию), добычи полезных ископаемых (17,2 млн руб.), образования (12,1 млн руб.), информации и связи (8,1 млн руб.), государственного управления и социального обеспечения (6,5 млн руб.), обрабатывающей промышленности (5,8 млн руб.), транспортировки и хранения (2,9 млн руб.), в гостинично-ресторанном бизнесе (2,8 млн руб.), профессиональной, научной и технической деятельности (2,6 млн руб.), а также административной деятельности (2,4 млн руб.).

Степень включенности населения России в использование алгоритмов ИИ существенно различается в зависимости от региональных особенностей [9, с. 299]. Самые высокие затраты на внедрение и использование технологий искусственного интеллекта наблюдались в Москве (43,2 млн руб. в пересчете на одну организацию – пользователя ИИ), Санкт-Петербурге (15,7 млн руб.), Тюменской обл. (4,6 млн руб.), Самарской обл. (3,8 млн руб.), Забайкальском крае (3,7 млн руб.), Калининградской обл. (2,9 млн руб.), Белгородской обл. (2,5 млн руб.), Московской обл. (2,4 млн руб.), Костромской обл. (2,3 млн руб.) и Сахалинской обл. (2 млн руб.) [10]. Внедрение цифровых сервисов становится важным направлением реализации программ технологического развития [11–13].

Активное перемещение пользователей в виртуальное пространство алгоритмов ИИ сопряжено с существенными рисками. Прежде всего, как подтверждается в исследованиях, внедрение технологий генеративного ИИ приведет к сокращению числа сотрудников, выполняющих рутинную работу, особенно это касается «женских» профессий, которые трансформируются радикально [14].

Алгоритмический ИИ в значительной степени становится инструментом социального контроля. Так, в июне 2024 г. компания Qualcomm подала патентную заявку на инновационную технологию памяти, фиксирующую сетевые связи пользователей Интернета, которые участвуют в алгоритмических программах. Новая концепция позволяет значительно увеличивать скорость обработки разрозненной информации в диапазоне от 10 до 100 раз быстрее, чем традиционными технологиями. Новые устройства могут содержать гигабайты перехваченных телефонных разговоров, контактов и данных о геолокации. Например, могут строить графы социальных связей пользователей в реальном времени, а навигационные системы – учитывать не только маршруты, но и пересечения пользователей в пространстве. Новые модели смартфонов будут оснащены данной технологией, что позволит приложениям прогнозировать потребности пользователей за несколько недель до их осознания, а финансовым учреждениям – принимать решения о выдаче кредитов на основе анализа не только доходов, но и социальных связей и геолокационных данных клиентов. Большие планы новых подходов к аналитике взаимосвязей выстраивают разведслужбы [15].

Объективно анализ роста алгоритмизации социальных и экономических процессов становится приоритетной задачей для социологической науки, поскольку актуализирует необходимость всестороннего изучения данной проблематики в контексте современных социологических исследований.

Проблема заключается, с одной стороны, в стремительном распространении алгоритмов и их интеграции в различные элементы социальной структуры общества, включая государственные услуги, управление бизнес-процессами, образование и здравоохранение. С другой – алгоритмы не просто интегрируются в повседневную жизнь человека на уровне эмоциональной, когнитивной и физической вовлеченности – отдельной личности [16]. Речь идет не только о дифференциации конкретных людей на основании знания о преимуществах искусственного интеллекта или его рациональном применении, но об активном включении алгоритмов в стратификационные процессы, преобразование традиционных институтов социума. Алгоритмизация стимулирует переход социального развития от парадигмы технологической рациональности позднеиндустриальной эпохи к парадигме алгоритмической рациональности виртуального пространства [17; 18]. Можно констатировать, что к настоящему времени в социологии сложились базовые представления об алгоритмическом неравенстве как актуальной социальной и научной проблеме, что предполагает важность концептуализации базовых положений об алгоритмах в социологическом измерении.

В методологическом плане проблема исследования заключается в необходимости диалектического подхода к применению классических концепций критической теории для анализа процессов цифровизации в контексте алгоритмизации [19; 20]. Цель исследования состоит в разработке аналитической модели, которая описывает источники и новые формы социальной дифференциации, обусловленные широким применением поисковых, рекомен-

дательных, ранговых, скоринговых и других алгоритмов в цифровой среде. Объектом исследования выступают алгоритмы как ключевые факторы трансформации и изменения социальных связей и дифференциации. Гипотеза исследования заключается в предположении, что алгоритмы искусственного интеллекта, выступая в качестве универсального инструмента модификации социальной реальности, социальных отношений и взаимодействий, приводят к возникновению новых форм алгоритмического неравенства.

Историко-социологический обзор. Алгоритмы являются ядром искусственного интеллекта, на чем базируется весь спектр технологий ИИ; при этом, если ИИ без алгоритмических настроек вряд ли возможен, то алгоритмы существуют сами по себе достаточно давно [21]. Начиная с конца прошлого века, алгоритмический разрыв в социологии рассматривается в связи с цифровым разрывом и является новой стадией эволюции в исследованиях цифрового неравенства [22–24]. 1-й уровень цифрового разрыва определяется доступом/отсутствием доступа к информационно-коммуникационным технологиям. 2-й уровень – различиями в цифровых навыках и компетенциях. 3-й уровень обусловлен неравенством в возможностях, связанных с качеством использования ИКТ. Алгоритмический разрыв – это 4-й уровень цифрового неравенства, складывающийся по причинам неравномерного понимания, доступности и применения алгоритмических систем. Алгоритмизация естественным образом связана с компьютеризацией, Интернетом, представлениями о дополненной социальности и виртуальным пространством.

В социальной науке понятие «алгоритм» имеет богатую историческую основу. Термин происходит от имени персидского и среднеазиатского ученого Аль-Хорезми (ок. 783 – ок. 850) и первоначально обозначал правила выполнения арифметических операций, особенно тех, которые связаны с числами, представленными в десятичной системе счисления. В математике и информатике концептуальная ясность понятия алгоритма была достигнута благодаря работам Алана Тьюринга и других исследователей в первой половине XX в. [25].

Что касается непосредственно социологии, длительное доминирование качественной парадигмы в социологических исследованиях обусловило использование алгоритмического подхода несколько позже, чем в других науках, – во второй половине XX столетия. При этом проникновение алгоритмизации в социологическую науку сложилось опосредованно, через технологии и методики количественной социологии, где решающую роль стали играть математические и вычислительные методы, компьютерное моделирование и цифровая трансформация общества.

На первом этапе (1950–1960-е гг.) в количественной социологии начинают использовать моделирование как инструмент построения социальных сетей, а также в интересах анализа диффузий инноваций и группового поведения. Активно разрабатываются принципы анализа обратной связи, регуляции и самоорганизация. Особую роль в проникновении алгоритмических технологий в социологию сыграли идеи кибернетики Н. Винер и теории систем Л. Берталанфи. В этот период появились первые компьютерные модели социальных явлений (1969) [26].

На втором этапе (1970–1980-е гг.*)* принципы формализации и алгоритмические модели в социологии начинают применять в теории графов для анализа социальных структур и мобильности. Развиваются идеи агент-ориентированных моделей (АВМ), когда поведение индивидов исследуется по правилам и алгоритмам, из которых возникают макроэффекты.

В советской социологии параллельно идут работы по системному анализу и математическому моделированию социальных процессов (например, исследования ВЦИОМ).

В период с 1990-х по 2000-е гг. вследствие стремительного развития глобальной сети Интернет и алгоритмической парадигмы в области социологии цифровые данные и сетевые технологии стали органической частью социальных исследований. В 2010-х гг. исследования британского социолога Гарри Коллинза привлекли внимание научного сообщества к вопросам искусственного интеллекта и алгоритмических методов. В книге «Artificial Experts: Social Knowledge and Intelligent Machines» (1990) [27] он критиковал представление об ИИ как «искусственном интеллекте», утверждая, что алгоритмы не могут заменить человеческое мышление и социальные взаимодействия. Коллинз подчеркивал, что ИИ лишен социального контекста и не способен к подлинному пониманию, что делает его ограниченным в сравнении с человеческим интеллектом.

В 2010-х и 2020-х гг. одной из ключевых фигур в этом направлении стала Е. Эспозито, чьи работы заложили основы социологического подхода к изучению алгоритмов на базе искусственного интеллекта. Е. Эспозито – профессор социологии, которая разработала концепцию «искусственной коммуникации». В статье «Artificial Communication? The Production of Contingency by Algorithms» [28] и книге «Artificial Communication: How Algorithms Produce Social Intelligence» [29] она анализировала, как алгоритмы имитируют коммуникацию, но при этом не обладают сознанием или пониманием. Эспозито применяла системную теорию Н. Лумана для изучения взаимодействия человека с алгоритмами, выделяя различия между человеческой и машинной обработкой информации.

Значительный вклад в развитие теории алгоритмов этого периода внесли работы многих авторов, в частности К. О'Нил. В работе [30] анализируется, как алгоритмические системы в кредите, образовании и правосудии закрепляют социальное неравенство, маскируя дискриминацию под объективность. Другой ученый – Д. Зиттрейн, юрист, предупреждает о «цифровом джерримендеринге» – манипулятивном использовании алгоритмов для влияния на выборы и общественное мнение. Цифровой джерримендеринг определяется им как «избирательная подача информации посредником для достижения его целей, а не для обслуживания пользователей» [31, p. 335].

Алгоритмы влияют на дифференциацию общества, о чем социологи заявляли в своих исследованиях. Так, ученые Калифорнийского университета в Беркли (2019) выявили дискриминацию латиноамериканцев и афроамериканцев в ипотечных алгоритмах, нарушающих закон о справедливом кредитовании. Другой значимой публикацией по теме стала работа F. Lee, L. B. Larsen «How should we theorize algorithms? Five ideal types in analyzing algorithmic normativities» [32]. В ней авторы предложили типологию для анализа нормативных аспектов алгоритмов, что стало важным вкладом в методологию социологического исследования ИИ. Д. Биир посвятил свою работу «The Social Power of Algorithms» исследованиям социального влияния алгоритмов на общество и медиапространство [33].

Разработки темы привели к тому, что алгоритмы стали не только пониматься активными элементами влияния на формирование социальной структуры, но и глубоко интегрировались в повседневные социальные взаимодействия. Социологи начали углубленно исследовать различные аспекты алгоритмического воздействия на общество, включая реко-

мендательные системы, алгоритмы ранжирования в социальных сетях и автоматизированный анализ текстов (NLP).

Методология и источники. В результате проведенных исследований в этот период были заложены основы нового направления в социологии – алгоритмической социологии (algorithmic sociology). Алгоритмическая социология фокусируется на анализе того, как алгоритмы конструируют социальные отношения, влияют на социальное неравенство, властные структуры и идентичность. В частности, данное направление исследует механизмы, посредством которых алгоритмические системы формируют и трансформируют социальные практики, а также анализирует последствия алгоритмического вмешательства в социальные процессы. В целом, алгоритмическая социология представляет собой междисциплинарное поле, объединяющее методы и подходы из социологии, информатики и смежных дисциплин для изучения сложных взаимодействий между алгоритмами и социальными структурами. Начиная с этого времени, алгоритмы, Big Data и машинное обучение становятся инструментами исследования (анализ больших данных, предсказательные модели) и объектом изучения (как они меняют общество). Появляются работы об «алгоритмической власти» (Nick Seaver), «алгоритмической справедливости» и этике ИИ.

Начиная с 2020-х гг. по настоящий период, интерес к теме разработок алгоритмической социологии растет. Работы российских авторов демонстрируют усиление внимания к этой теме в контексте цифровизации и развития ИИ. В отечественной социальной науке одним из первых, кто начал рассматривать алгоритмы в контексте социальных процессов, был И. Ф. Михайлов [34]. В своих работах он предложил алгоритмическую модель социальных процессов, где общество понимается как вложенная вычислительная система мультиагентной архитектуры, т. е. где индивидуальные агенты (люди) и социальные структуры взаимодействуют по алгоритмическим схемам. Михайлов расширил понятие «вычислительность» за пределы машины Тьюринга, рассматривая его как способность рассчитывать и предсказывать статистические распределения, соответствующие характеристикам внешней среды. Работы И. Ф. Михайлова предлагают альтернативу редукционизму в социальных науках, связывают когнитивные механизмы индивидуального поведения с макросоциальными закономерностями, вносят вклад в развитие вычислительной социальной науки (computational social science).

В прямой постановке вопроса проблематика алгоритмов ИИ в социологии рассмотрена А. В. Резаевым и Н. Д. Трегубовой в статье «От социологии алгоритмов к социальной аналитике искусственной социальности: анализ кейсов API и ChatGPT» [35], где авторы дают развернутую характеристику этой темы как перспективной. В. И. Шалак в работах, посвященных алгоритмической модели социальных процессов, акцентирует внимание на потенциале алгоритмического подхода для развития социальных наук. Он предлагает рассматривать поведение социальных агентов через призму выполнения алгоритмов, что может повысить эффективность и строгость социологических исследований [36]. Р. Б. Гусейнов в статье «Социальное взаимодействие в контексте алгоритмизации цифровых платформ: критический анализ» [1] рассматривает алгоритмы как мощный инструмент управления в цифровой среде, затрагивает проблемы социальной власти алгоритмов, их манипулятивного характера и непрозрачности, что также свидетельствует о растущем внимании к этой теме.

К настоящему времени среди российских ученых алгоритмическое неравенство исследуется в самых различных направлениях. В частности, С. П. Земцов, К. В. Демидова, Д. Ю. Кичаев в статье «Распространение Интернета и межрегиональное цифровое неравенство в России: тенденции, факторы и влияние пандемии» [37] провели эконометрический анализ, выявив влияние доступности информационных технологий и Интернета на межрегиональное цифровое неравенство. Они отметили, что доступ к Интернету зависит от доходов, среднего возраста и уровня образования населения, а его использование – от делового климата и факторов доступности. Е. В. Попов, К. А. Семячков, В. Л. Симонова в работе «Оценка влияния информационно-коммуникационных технологий на инновационную активность регионов» [38] исследовали механизмы оценки влияния ИКТ на экономическое и инновационное развитие регионов. Авторы построили эконометрические модели и установили корреляционные зависимости, свидетельствующие о важности развития ИКТ для экономического роста и инновационной активности. М. А. Юдина в статье «Влияние цифровизации на социальное неравенство» [39] проанализировала теоретико-методологические подходы к оценке цифрового неравенства. Она выделила три уровня цифрового разрыва: доступность технологий, навыки использования ИКТ и эффективность применения для повышения качества жизни. Юдина отметила, что, хотя ИКТ становятся доступнее, рост числа пользователей приводит к падению средних показателей владения цифровыми навыками. И. В. Грошев, А. А. Красно-слободцев в исследовании «Цифровизация и креативность российских регионов» [40] рассмотрели влияние региональной креативности на уровень цифровизации. Авторы рассчитали индексы креативности и цифровизации для регионов РФ и обнаружили высокую корреляцию между ними, что подтверждает влияние социальной среды на скорость и глубину цифровизации. М. Ф. Черныш в работе «Цифровизация и неравенство» [41] изучил структурные аспекты цифрового неравенства, подчеркнув риски, связанные с внедрением цифровых технологий. Он отметил, что цифровизация может приводить к росту прекарных рабочих мест и необходимости постоянного научного сопровождения процесса цифровизации для минимизации рисков. Н. С. Воронина в статье «Цифровое неравенство интернет-пользователей в России и Европе: гендерный аспект» [42] исследовала гендерные различия в доступе к цифровым технологиям. Автор отметила, что женщины в среднем имеют меньше возможностей для доступа к Интернету и менее развитые цифровые компетенции, что связано с гендерными стереотипами. Также к исследователям цифрового неравенства можно отнести О. М. Шевченко («Цифровое неравенство в современном российском обществе: уровни и социальные последствия») [43] и Ю. Б. Епихину («Социальная мобильность IT-специалистов») [44], чьи работы также затрагивают различные аспекты этой проблемы.

Таким образом, в российской социологии алгоритмическое неравенство рассматривается с разных сторон: от эконометрического анализа межрегиональных различий до социологических исследований гендерных и креативных факторов. В работах современных авторов складывается понимание механизмов формирования цифрового разрыва и путей его преодоления как актуального феномена. Также важен анализ влияния алгоритмов на социальные структуры и неравенство, этические и правовые аспекты использования ИИ в обществе, взаимодействие человека с «виртуальными друзьями» и антропоморфизация технологий и ряд других.

Результаты и обсуждение. Современная алгоритмическая социология – междисциплинарное направление науки, изучающее социальные процессы и структуры через призму алгоритмических систем, цифровых платформ и больших данных. Ее ключевые достижения охватывают методологические инновации, новые предметные области и практические приложения. В основе данного подхода лежит использование цифровых следов, таких как посты в социальных сетях, поисковые запросы и геолокационные данные, современные методы сбора и анализа больших данных для изучения социальных явлений. Для автоматизации процесса сбора информации применяются технологии веб-скрейпинга и API-интеграции, позволяющие извлекать данные из различных онлайн-платформ. Также используются методы пассивного сбора данных, основанные на мониторинге цифрового поведения пользователей без прямого опроса, например анализ кликов и времени взаимодействия. Автоматизированный анализ контента осуществляется с помощью обработки естественного языка (NLP), что позволяет проводить семантический и тональный анализ текстов, выявлять дискурсы и нарративы в массовых данных. Применение компьютерного зрения открывает возможности для анализа визуальных данных, таких как изображения и видео, что способствует изучению культурных паттернов.

Моделирование социальных сетей включает сетевой анализ на масштабных графах, исследование структуры онлайн-сообществ, диффузий информации и влияния ключевых узлов, таких как лидеры мнений. Алгоритмическая кластеризация позволяет выявлять скрытые группы и субкультуры в цифровых средах, а модели распространения информации моделируют вирусный контент, фейки и мемы. Прогностические модели используются для предсказания социальных трендов на основе анализа временных рядов данных, например для прогнозирования электорального поведения. Раннее предупреждение конфликтов и мониторинг напряженности в социальных сетях, включая этнические и политические конфликты, также являются важными аспектами алгоритмической социологии. Особое внимание уделяется анализу алгоритмической предвзятости, включая исследование дискриминации в автоматизированных решениях, таких как кредитные скоринги и рекрутинг. Платформализация общества рассматривается в контексте трансформации труда, досуга и политики под воздействием цифровых платформ.

В последние десятилетия, особенно начиная с 2020-х гг., отмечается некоторый рост интереса к алгоритмической социологии. Полевые эксперименты проводятся в онлайн-среде, где гипотезы тестируются посредством A/B-тестирования на различных платформах и посредством симуляций социальных процессов. Агент-ориентированные модели активно применяются для изучения коллективного поведения. Исследования в области городской аналитики и оптимизации инфраструктуры, основанные на данных о мобильности, общественном здоровье и мониторинге психоэмоционального состояния через социальные сети, становятся все более актуальными. Важными направлениями научных изысканий являются политические процессы, анализ выборных кампаний, мобилизационные механизмы, дезинформация, а также изучение маркетинговых стратегий и потребительского поведения, включая анализ предпочтений в реальном времени.

Как понимаются алгоритмы в социологии. К настоящему времени в социологии под алгоритмами понимаются упорядоченные последовательности действий для решения типовых социальных задач в рамках социальных технологий. Алгоритмы составляют технологи-

ческую основу активизации множества социальных процессов. В социальной сфере алгоритмы реализуют свои возможности через иерархически структурированную систему процедур. Данная система включает в себя набор инструкций, допускающих вариативность исполнения, механизмы адаптации к изменяющимся условиям и критерии оценки эффективности на каждом этапе. Перечисленные элементы составляют основания методологического подхода, обеспечивающего создание технологий, способных эффективно решать социальные задачи при ограниченных ресурсах и высокой степени неопределенности внешней среды.

В отличие от строгих математических алгоритмов, социальные алгоритмы обладают рядом особенностей: нелинейность социальной деятельности, которая зависит от множества вероятностных и неоднозначных параметров; вариативность исполнения – алгоритмическое поведение может предполагать определенную «социально-технологическую свободу» в принятии решений; зависимость от социальных характеристик исполнителя, т. е. система команд исполнителя часто неизвестна разработчику или ограничена; ресурсные ограничения, заключающиеся в доступности времени, финансов, человеческого капитала.

Формирование новых алгоритмов осуществляется в несколько этапов. На первом этапе в социальной среде выделяется актуальный объект исследования и осуществляется прикладное социологическое исследование для получения эмпирических данных, характеризующих восприятие социального запроса. Далее выявляются основные элементы социального взаимодействия и их характеристики. Затем проектируется алгоритм отбора и определение объема выборки. Наконец, формируется алгоритм отбора и адаптационные механизмы корректировки процедур.

Важные характеристики алгоритмического неравенства: во-первых, алгоритмическое неравенство представляет собой развитие цифрового разрыва, складывающегося как четыре формы неравного доступа к технологиям (мотивационный, материальный, навыки, использование) [45]; во-вторых, оно представлено как «четвертый цифровой разрыв», выражающийся в новых формах дискриминации, возникающих из-за непрозрачности алгоритмов и их влияния на социальные позиции (М. Рагнедда), инструментализации разума, эффектов «цифрового капитализма» [46–48]; в-третьих, как разрыв, связанный с отсутствием алгоритмической осведомленности у части населения, что ограничивает их возможности в цифровой среде (А. Гран, Б. Бут, Т. Бухер); в-четвертых, как фактор, воспроизводящий и усиливающий существующее неравенство на основе выявления дополнительных критериев, ведущих к неравным условиям для разных групп (Э. О’Нил); в-пятых, основными механизмами алгоритмического неравенства признаются системы социального рейтингования, пузыри фильтров и неравный доступ к данным могут его усиливать (Д. Мартыненко и Д. Добринская).

Критический анализ. Алгоритмы – не нейтральный агент. Обобщенный вывод российских социологов заключен в признании амбивалентного характера нарастающей всесторонней алгоритмизации виртуального пространства: с одной стороны, алгоритмизация исследуется как объективный процесс, с другой – как значимый фактор сегментации общества [49]. Критический анализ алгоритмизации охватывает несколько дихотомий.

Во-первых, противопоставление глобалистской цифровизации, оцениваемой негативно, и национально-культурной модели цифровизации, рассматриваемой как истинно прогрессивное явление [50]. Национальный характер алгоритмизации понимается как прогрессивная тенденция.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 83–108
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 83–108

Во-вторых, прогрессивный характер алгоритмизации сопровождается множеством социальных пороков, среди которых главное – новые слои дифференциации. Ценности и интересы владельцев корпораций, заказчиков, создателей и пользователей детерминируют определенные стратегии поведения миллионов людей и технологии принятия решений. А значит, под влиянием алгоритмов трансформируются традиционные формы социального взаимодействия, в результате чего нередко возникают не только новые формы неравенства, но и новые формы дискриминации и маргинализация социума. Так, социологи фиксируют появление «цифровой элиты» и «алгоритмических аутсайдеров», «цифрового среднего класса» и «специалистов, замещенных алгоритмами», «цифрового актива» и «цифрового пассива», «алгоритмических маргиналов» и некоторых других. В частности, С. П. Фурс исследует появление особой группы людей, называемых «алгократией» – правление алгоритмов. С точки зрения автора, аристократия представляла слой людей – «власть лучших», технократия – «власть специалистов» и т. п. Таким образом, алгократия представляет собой форму правления, опосредованную алгоритмическими структурами. В данном контексте термин «правление» следует интерпретировать как совокупность полномочий и управляющих функций, которые делегируются системе кодируемых структур в рамках современной социальной и политической реальности, фактически способность реализации властных функций [51].

В-третьих, важной стороной проблемы выступает анализ такого феномена, как очевидный рост алгоритмизации ИИ и неочевидный, латентный характер механизмов дифференциации. В целом, уровень фокусированного знания (способность объяснить, что такое ИИ) среди россиян растет: с 36 % в 2022 г. до 50 % в 2024 г. [52]. Наряду с этим, взаимодействия в виртуальном пространстве осуществляются вне прямого восприятия и осознания мотивации новых форм отношений со стороны индивидов, зачастую независимо от их воли и интересов. По данным «Лаборатории Касперского», 45 % респондентов признаются, что не понимают, как именно работают алгоритмы. Но и сами скоринговые системы не застрахованы от ошибок и разнообразных типов атак, что может привести к несправедливому повышению или наоборот занижению рейтинга. Согласно опросу «Лаборатории Касперского», чаще всего потребители сталкиваются с социальными рейтингами когда пытаются получить финансовые услуги (57 %), услуги страхования (40 %), здравоохранения (40 %), а также во время онлайн-шопинга (48 %) [53].

Последствия алгоритмизации проявляются в реальном социальном контексте и приводят к противопоставлению новых социальных ценностных ориентиров в традиционных отношениях различных социальных групп (возрастное и образовательное неравенство, неравенство богатых и бедных, неравенства между традиционными и новыми профессиями и пр.). По-разному воспринимают алгоритмизацию мужчины и женщины. Женщины осваивают генеративные технологии медленнее мужчин (на 25 %, по данным Гарвардской школы бизнеса, 2025). Алгоритмы в HR-процессах могут отдавать предпочтение резюме с мужскими именами, что усугубляет гендерное неравенство на рынке труда. Женщины, согласно оценкам ООН, пострадают сильнее: почти 28 % женских рабочих мест в мире (против 21 % мужских) может заместить генеративный ИИ – тот, что создает текст, изображения, музыку, видео, программный код, имитирует речь [14].

Возникающие в цифровом пространстве в виде виртуальных структур, алгоритмы трансформируются в социальные объекты и впоследствии генерируют модели реального

взаимодействия. Фактически под их влиянием изменяется перераспределение ресурсов, потенциалов и интересов и в конечном счете изменяется структура и характер социального неравенства. Поэтому центральной проблемой исследования динамики социального неравенства является системный анализ совокупности факторов формирования новых уровней социальной дифференциации в современном обществе в условиях алгоритмизации.

Здесь прослеживается несколько осей изучения дифференциации: интеллектуальная [54], в сфере труда [55], асимметрия между корпорациями, использующими алгоритмы, и экономически слабыми, лишенными доступа к таким технологиям [56], владение специфическими навыками [57].

В-четвертых, в макросоциологическом контексте новое состояние общества можно концептуализировать через призму эволюции цифровой инфраструктуры на уровнях социальных институтов [40; 58; 59] и на уровне микросоциологических исследований, где внимание уделяется оценке цифровых компетенций и степени эмоциональной вовлеченности индивидов при взаимодействии с цифровыми технологиям [60–62].

В-пятых, анализ эмпирических данных показывает, что навязывание цифровых технологий не способствует росту индивидуальных прав и свобод, улучшению качества жизни и повышению эффективности социальных институтов. Напротив, это может усилить социальное неравенство, фрагментацию общества и снизить уровень конфиденциальности, а также усилить государственный контроль над личной жизнью граждан [63].

Алгоритмы становятся повседневностью. Один из важных и актуальных вопросов исследования заключен в том, что алгоритмы ИИ постепенно переходят из категории «передовых технологий» в разряд повседневных инструментов – так же, как когда-то это произошло с персональными компьютерами, Интернетом или смартфонами [45; 57; 64; 65]. Алгоритмы искусственного интеллекта становятся частью повседневной жизни, что в свою очередь предполагает актуальность решения исследовательских задач для социологов: изучение цифровизации не как инновационного и трансформационного процесса, а как социальной рутины, обыденности практик, укорененных в уже сформированных социальных структурах и нормативных порядках [17; 45; 63; 65; 66].

Алгоритмы помогают решать повседневные рутинные дела. Среди наиболее популярных алгоритмических механизмов исследователи выделяют следующие:

1) голосовые ассистенты и чат-боты (например, Amazon Alexa, Google Assistant, Apple Siri, Яндекс.Алиса);

2) алгоритмы для «умного дома»;

3) нейросети для генерации и обработки текстов (ChatGPT, YandexGPT, RuGPT);

4) алгоритмы для планирования и организации;

5) нейросети для обработки изображений и видео (Remini, Photoroom, Fotor, Canva AI);

6) рекомендательные системы;

7) алгоритмы для обучения и саморазвития (Socratic, Pi, Character.AI);

8) нейросети для управления здоровьем и фитнесом;

9) алгоритмы для навигации и транспорта (Яндекс Карты, Google Maps);

10) чат-боты для поддержки ментального здоровья.

Эти алгоритмы часто работают на основе нейронных сетей, машинного обучения и обработки естественного языка, адаптируясь к потребностям пользователя и улучшая свою работу с течением времени. Наряду с этим, важно помнить о возможных ограничениях и рисках, таких как ошибки в генерируемом контенте, вопросы конфиденциальности и зависимости от качества входных данных.

В чем видится значимый потенциал социального влияния алгоритмов как средства автоматизации и оптимизации самых различных сторон жизни общества? На основе анализа источников в таблице представлены результаты примеров использования алгоритмов как средств удовлетворения основных потребностей личности (пирамида А. Маслоу).

В контексте анализа преимуществ алгоритмизации исследователи выделяют несколько ключевых характеристик, к которым относятся удобство использования технологий ИИ, оптимизация временных затрат, экономическая эффективность, энергоэффективность и оптимизация пространственных ресурсов. Эти параметры играют важную роль в оценке целесообразности применения алгоритмов искусственного интеллекта [67]. Характерно, что эмпирические данные подтверждают: значительная часть пользователей Интернета готовы более открыто фиксировать свое положение в социальных сетях в случае получения дополнительных выгод от такой открытости. По данным «Лаборатории Касперского», 67 % респондентов показали, что предоставят доступ к своему аккаунту, чтобы получить скидку на товары, 62 % – чтобы добиться желаемой вакансии, 48 % – чтобы снять более комфортное жилье [53].

Примеры использовании алгоритмов как средств удовлетворения потребностей
Examples of using algorithms as a means of meeting needs

Тип потребности, краткое резюме	**Некоторые актуальные технологии алгоритмов**
Физиологические, здоровье и экология	– Определение суточной калорийности и баланса белков, жиров, углеводов с учетом возраста, пола, уровня активности личности; – машинное обучение (MLP, LSTM) для прогнозирования индивидуальных метаболических реакций на пищу; – кластеризация (k-means, PCA) для выделения фенотипов с разными потребностями; – платформы ZOE, DayTwo, Nutrino Health (гликемический контроль); – платформы НИАП для анализа питания с учетом генома и биохимии; – IoT-сенсоры + ML для прогнозирования комфорта в помещении; – анализ биомаркеров в моче/кале (через смарт-устройства); – RL для адаптации нагрузок под текущее состояние; – обработка естественного языка (NLP) для анализа жалоб («сухость во рту», «усталость»); – алгоритмы сегментации сигналов (CNN) для анализа данных фитнес-трекеров; – анализ временных рядов (LSTM, GRU) для выявления паттернов сна; – компьютерное зрение (смарт-камеры) для мониторинга фаз сна; – прогноз гликемических реакций на еду через ML (ZOE/DayTwo); – алгоритмы анализа, выявление патологии на ранних стадиях, прогноз риска заболеваний; – носимые устройства (фитнес-трекеры, смарт-часы), которые отслеживают пульс, сон, активность; – алгоритмы анализа рисков хронических заболеваний по анализам и симптомам; – датчики мусора; – телемедицинские платформы обеспечения дистанционной диагностики

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 83–108
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 83–108

Продолжение табл.
Continuation of table

Тип потребности, краткое резюме	**Некоторые актуальные технологии алгоритмов**
Безопасность, кибербезопасность, борьба с преступностью, предотвращение угроз и защита персональных данных	– Российская система ПВО «Воздух-1М» – демонстрирует высокий уровень автоматизации и самообучения; – ЗРК «Тор-М2У» – использует алгоритмы ИИ; – антидроновые системы типа «Периметр-AI» – применяют ИИ; – биометрическая аутентификация (распознавание лиц, отпечатков) в интересах повышения защиты личных данных; – видеокамеры с ИИ для идентификации преступников в уличном пространстве; – системы EDR/XDR (CrowdStrike, SentinelOne, Kaspersky EDR) – анализ поведенческих моделей для обнаружения подозрительных процессов; – NLP-модели распознавания фишинговых писем, сгенерированных нейросетью; – системы почтовой безопасности для фильтрации угроз; – российская система «Криминалист» – способна анализировать данные из баз МВД, ФСБ, ФСИН и других ведомств, открытых источников (соцсети, СМИ); – модели машинного обучения для анализа исторических данных об инцидентах и вероятных векторах атак; – сервисы Threat Intelligence – обучают модели на данных о прошлых угрозах; – обучение (Deep Learning) по обнаружению сложных и мутирующих угроз, включая полиморфные вирусы; – алгоритмы антифрода в банках, которые блокируют подозрительные транзакции; – системы видеонаблюдения с ИИ для оперативной реакции на ЧП; – компьютерное зрение для обнаружения опасных ситуаций (падение, удушье); – NLP для анализа жалоб в чат-ботах («одышка», «головокружение»)
Социальные, связи и коммуникации	– Платформы для поиска единомышленников (Meetup, Discord), локальные мероприятия; – чат-боты и голосовые помощники для преодоления одиночества; – платформы знакомств с ИИ-фильтрацией (например, Hankдлялюдей55+); – сервисы перевода, устраняющие языковые барьеры; – персонализированные образовательные программы (проект PAINT для людей с нарушением зрения); – ИИ-сервисы для поиска работы и подбора персонала; – программы переобучения (например, AI for Accessibility от Microsoft); – технологии обработки естественного языка (NLP); – технологии анализа семантики, синтаксиса, эмоциональной окраски текста; – технологии распознавания контекста речи; – платформы преобразования аудио в текст с учетом акцентов и интонаций; – технологии ИИ-анализа эмоций в коммуникациях (affective computing); – определение эмоций по голосу, тексту, мимике (видеосимулятор); – симуляторы – помогают людям с аутизмом распознавать эмоциональные сигналы
Уважение и признание	– Адаптивные платформы формирования материалов под темп и стиль обучения конкретного ученика; – персонализированные системы поддержки и коучинга; – нейросети для составления программ с целью развития ораторских навыков с учетом психологических особенностей пользователя; – чат-боты и приложения на базе ИИ – предлагают техники релаксации, упражнения для снижения тревожности или поддержку в безопасной обстановке; – технологии объяснимого ИИ (Explainable AI) – делают алгоритмы более понятными для человека; – вовлечение пользователей в процесс настройки и контроля ИИ

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 83–108
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 83–108

Окончание табл.
End of table

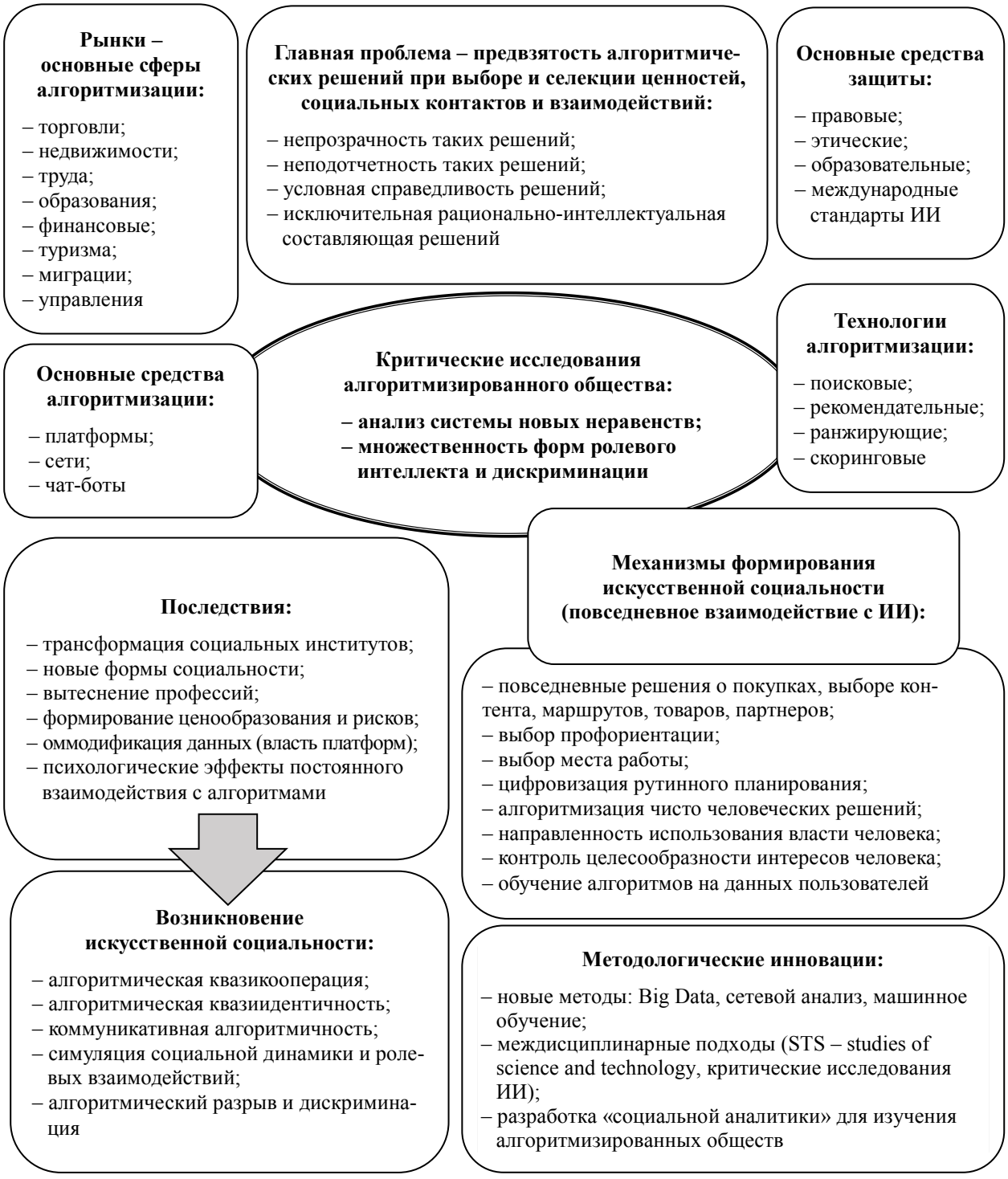
Тип потребности, краткое резюме	**Некоторые актуальные технологии алгоритмов**
Самоактуализация	– Образовательные платформы (Coursera, Khan Academy) на основе прошлых успехов; – расширение кругозора без перегрузок: музыкальные и видеосервисы (Spotify, YouTube[1]); – фитнес-приложения корректировки нагрузки по биомаркерам; – календарные алгоритмы оптимизации расписаний; – генерация черновиков текстов/изображений в нейросетях, минимизация рутинной работы; – бизнес-симуляторы для отработки управленческих решений; – VR-тренинги для развития эмпатии или публичных выступлений; – песочницы в программировании (CodePen, Jupyter Notebook); – технологии обратной связи и метрик роста (трекеры привычек, аналитические дашборды); – платформы для творчества и публикации; – психологическая поддержка (когнитивно-поведенческая терапия); – профориентация и карьерное развитие; – алгоритмы анализа рынка труда и навыков (LinkedIn, Head Hunter); – гибридные формы самовыражения: ИИ-инструменты (генеративные нейросети для искусства, музыки, текста) становятся «соавторами»
Познавательные, доступность знаний и коммуникаций, развитие критического мышления	– Поисковые алгоритмы предоставления релевантной информации за секунды; – автоматические переводчики устранения языковых барьеров; – стимуляция анализа на основе доступа к разноплановой информации; – платформы для обучения логике и программированию; – развитие алгоритмического мышления; – инструменты визуализации данных в интерпретации сложных процессов
Эстетические (красота, гармония), гибридная эстетика: сочетание цифровых и физических элементов, биотехнологий и механики в искусстве	– Персонализированные рекомендации выбора кино, книг, товаров; – глубокие сверточные нейросети (CNN) – анализируют изображения, разбивая их на слои деталей; – технологии выявления характерных признаков красивых лиц, объектов и композиций, опираясь на миллионы примеров; – генеративно-состязательные сети (GANs) построения идеальных визуальных образов (DALL-E, Midjourney, Stable Diffusion); – технологии анализа «золотого сечения» и симметрии – многие алгоритмы оценивают красоту через математические принципы, такие как «золотое сечение»; – технологии анализа цветовой гармонии – нейросети, обученные на профессиональных фотографиях и картинах, которые могут определять сочетания цветов и воспринимаются как приятные; – персонализация макияжа и ухода за кожей, ИИ-консультанты; – платформы анализа гармоничных пропорций зданий и интерьеров, помощь дизайнерам в создании визуально приятных пространств; – технологии оценки симметрии лица, прогнозирование результатов операций, анализ состояния кожи

Что дальше? Тенденция очевидна: алгоритмы ИИ будут становиться все более «незаметными» – как электричество или Интернет. Ключевые вызовы: обеспечение прозрачности решений ИИ; борьба с дезинформацией и «фальшивым контентом»; регулирование использования персональных данных; адаптация образования и рынка труда к новой реальности – становятся обычными, рутинными вопросами. Таким образом, обыденный уровень использования ИИ – это не финал, а начало эпохи, где технология становится «второй природой» повседневных процессов.

[1] Роскомнадзор ограничил работу хостинга в Российской Федерации в связи с нарушением законодательства.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 83–108
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 83–108

Исследование проблем алгоритмического неравенства позволяет обобщенно представить совокупность направлений и тем, как показано на схеме (см. рис.).



Концептуальная модель алгоритмизации общества
Conceptual model of society algorithmization

Как уже отмечалось, алгоритмы искусственного интеллекта обеспечивают тонкую настройку контента для индивидуализации траектории личностной самореализации. Это позволяет создавать «зону ближайшего развития», где задачи являются достаточно сложными,

чтобы стимулировать когнитивный рост, но одновременно доступными для выполнения, что способствует углублению самопознания, являющегося ключевым элементом самоактуализации. Кроме того, ИИ способствует устранению барьеров для самовыражения и реализации личностного потенциала через интерактивное взаимодействие, что является предпосылкой достижения самоактуализации. Особое внимание алгоритмы будут уделять аспектам управления временем, пространством и благосостоянием, а также вопросам здоровья. Эти факторы играют важную роль в формировании направленности и технологий образования, а также в определении содержательных характеристик выбора, что в совокупности способствует достижению более высоких уровней личностного развития и самореализации. Следует подчеркнуть, что в социологической науке наблюдается тенденция к критическому осмыслению феномена алгоритмизированного общества. Данный анализ устойчиво проводится через призму изучения системы нового социального неравенства, а также механизмов множественного ролевого интеллекта и проявлений дискриминации.

Таким образом, хотя первые шаги в направлении социального анализа алгоритмов были сделаны в конце 1990-х, уже в 2010-х гг. начали проводиться систематические исследования алгоритмов ИИ в социологии, а с 2020-х эта тема стала одной из ключевых.

Заключение. Обобщенные данные позволяют говорить о некоторых важных гранях алгоритмического неравенства, т. е. понимании того, что алгоритмы не являются нейтральными инструментами, так как их работа зависит от социальных отношений, качества данных, ошибок программирования и адаптации под запросы пользователей. Они могут усиливать неравенство напрямую и опосредованно, из-за побочных эффектов и непредвиденных последствий [68]; алгоритмы используются для регулирования поведения людей, ранжирования индивидов по заданным критериям и создания дополнительной ценности. Это превращает их в инструмент социального контроля, который может углублять неравенство [69]. Действие алгоритмов неочевидно, т. е. люди, не понимающие работы алгоритмов, больше подвержены манипуляциям и зависят от контента, который алгоритмы им показывают (Л. Хаттитти и М. Микели) [70–72]. Обозначенные и другие проблемы все более активно будут исследоваться в социологической науке. В частности, это касается совершенствования стратегий и методик диагностики трансформации ценностей различных социальных групп на основе ИИ [73; 74].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гусейнов Р. Б. Социальное взаимодействие в контексте алгоритмизации цифровых платформ: критический анализ // Вестн. гос. ун-та «Дубна». Сер. Науки о человеке и обществе. 2023. № 3. С. 10–18.

2. Резаев А. В., Трегубова Н. Д., Копцева Н. П. Современные исследования в области социологии искусственного интеллекта: базовые подходы. Ч. 7.1 // Социология искусственного интеллекта. 2025. № 6–4. С. 8–23.

3. Косоруков А. А. Алгоритмы поисковых машин и социальных сетей как фактор становления цифровой публичной сферы // Политика и общество. 2018. № 2. С. 23–31. DOI: 10.7256/2454-0684.2018.2.24734

4. Бессонов Е. Г. Социально-философский анализ алгоритмов и внутренней логики развития // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 7 (109). С. 28–39.

5. Рамзина С. А. Цифровое право и цифровые права как ответ на вызовы новой цифровой реальности: социологический анализ управления // Вызовы цифровизации: новая социальность, новые культуры, новое образование: сб. материалов и докл. XXVII Междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 10–11 апр. 2025 г. / Екатеринбург. АНО ВО «Гуманитарный университет», 2025. С. 186–190.

6. Naked Science. Какие страны вырвались вперед в гонке повседневного использования ИИ? // Дзен. 02.10.2025. URL: https://dzen.ru/a/aS6E1VJLY2cMNt-w (дата обращения: 07.01.2026).

7. Блинова О. Чем «цифра» грозит потребителям финансовых услуг // Инвест-Форсайт. 21.10.2020. URL: https://www.if24.ru/chem-tsifra-grozit-potrebitelyam-finansovyh-uslug/ (дата обращения: 07.01.2026).

8. Артюхина М. А. Искусственный интеллект в государственном управлении: партнерство или симбиоз? // Управленческие науки. 2025. Т. 15, № 3. С. 90–98. DOI: 10.26794/2304-022X-2025-15-3-90-98

9. Дорошенко С. В., Макарова М. Н. Оценка адаптации населения регионов России к цифровым технологиям // Экономика региона. 2022. Т. 18, № 1. С. 296–310. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-1-21

10. Технологии искусственного интеллекта используют 6 % организаций в России // CNews. 23.12.2025. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2025-12-23_tehnologii_iskusstvennogo (дата обращения: 07.01.2026).

11. Эфендиев А. Г., Гоголева А. С., Балабанова Е. С. О влиянии компьютеризации на социальные аспекты трудовой деятельности специалистов // Социол. исслед. 2020. № 9. С. 114–121. DOI: 10.31857/S013216250010027-2

12. Левашов В. К., Гребняк О. В. Цифровая культура российского общества и государства // Социол. исслед. 2020. № 5. С. 79–89. DOI: 10.31857/S013216250009401-4

13. Мерсиянова И. В., Иванова Н. В., Брюхно А. С. Изменились ли цифровая компетентность российских НКО в условиях пандемии? // Социол. исслед. 2022. № 9. С. 38–48. DOI: 10.31857/S013216250020647-4

14. Игнатьева С. Еще один конкурент: почему ИИ-технологии угрожают заменить женщин на рынке труда // Forbes Woman. 03.12.2025. URL: https://www.forbes.ru/forbes-woman/551045-ese-odin-konkurent-pocemu-ii-tehnologii-ugrozaut-zamenit-zensin-na-rynke-truda (дата обращения: 07.01.2026).

15. Страна и люди. Как американская разведка научила ваш смартфон шпионить эффективнее? // Миртесен. 27.12.2025. URL: https://strana-rf.mirtesen.ru/blog/43055877935/Kak-amerikanskaya-razvedka-nauchila-vash-smartfon-shpionit-effek?ysclid=mnso6um3xs134266351 (дата обращения: 07.01.2026).

16. Леньков С. Л., Рубцова Н. Е., Низамова Е. С. Опросник «Вовлеченность в сферу искусственного интеллекта» и его психометрические свойства // Ярославский педагогический вестн. 2025. № 1 (142). С. 179–196. DOI: 10.20323/1813-145X-2025-1-142-179

17. Иванов Д. В. Критическая теория цифровизации: господство алгоритмической рациональности и бунт аутентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. Т. 26, № 3. С. 7–35. DOI: 10.31119/jssa.2023.26.3.1

18. Yudina M.A. Algorithmic management in the focus of sociology of technology // RUDN J. of Sociology. 2024. Vol. 24, № 3. P. 734–746. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-734-746

19. Berry D. The Postdigital Constellation // Postdigital Aesthetics. Art, Computation and Design / D. M. Berry, M. Dieter (eds.). London: Palgrave Macmillan, 2015. P. 44–57. DOI: https://doi.org/10.1057/9781137437204

20. Fuchs C., Sevignani S. What is Digital Labour? What is Digital Work? What's their Difference? And why do these Quastions Matter for Understanding Social Media? // TripleC. 2013. No. 11 (2). P. 237–293. DOI: 10.31269/vol11iss2pp237-293

21. Юрков Н. К., Русяева Е. Ю., Полтавский А. В. Взгляд на теорию алгоритмов с позиций философии // Надежность и качество сложных систем. 2014. № 2 (6). С. 40–45.

22. Castells M. The Rise of the Network Society. Malden, MA: Blackwell Publ., 2000.

23. Buhl A. Die virtuelle Gesellschaft. Wiesbaden: Springer, 1997. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-322-93548-9

24. Иванов Д. В. Виртуализация общества. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000.

25. Пруцков А. В. Наиболее общая модификация нормальных алгоритмов Маркова // Cloud of science. 2018. № 1. С. 74–85.

26. Фон Берталанфи Л. Общая теория систем: критически обзор / пер. Н. С. Юлиной // Исследования по общей теории систем. М.: Прогресс, 1969. С. 23–82.

27. Collins H. Artificial Experts: Social Knowledge and Intelligent Machines. Cambridge, MA: MIT Press, 1990. DOI: https://doi.org/10.7551/mitpress/1416.001.0001

28. Esposito E. Artificial Communication? The Production of Contingency by Algorithms // Zeitschrift für Soziologie. 2017. Vol. 46, iss. 4. P. 249–265. DOI: https://doi.org/10.1515/zfsoz-2017-1014

29. Esposito E. Artificial Communication: How Algorithms Produce Social Intelligence. Cambridge, MA: MIT Press, 2022.

30. О'Нил К. Убийственные большие данные. Как математика превратилась в оружие массового поражения / пер. с англ. В. Дегтярева. М.: АСТ, 2018.

31. Zittrain J. Engineering an Election // Harvard Law Review. 2014. Vol. 127, iss. 8. P. 335–341.

32. Lee F., Larsen L. B. How should we theorize algorithms? Five ideal types in analyzing algorithmic normativities // Big Data & Society, 2019. Vol. 6, iss. 2: 205395171986734. DOI: 10.1177/2053951719867349

33. Beer D. The Social Power of Algorithms // Information, Communication & Society. 2017. Vol. 20, № 1. P. 1-13. DOI: 10.1080/1369118X.2016.1216147

34. Михайлов И. Ф. Вычислительный подход в социальном познании // Философия науки и техники. 2021. Т. 26, № 1. С. 23–37. DOI: 10.21146/2413-9084-2021-26-1-23-37

35. Резаев А. В., Трегубова Н. Д. От социологии алгоритмов к социальной аналитике искусственной социальности: анализ кейсов API и ChatGPT // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 3 (175). С. 3–22. DOI: 10.14515/monitoring.2023.3.2384

36. Шалак В. И. Алгоритмическая модель социальных процессов // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2021. № 1 (19). С. 46–62. DOI: 10.17726/philIT.2021.1.3

37. Земцов С. П., Демидова К. В., Кичаев Д. Ю. Распространение Интернета и межрегиональное цифровое неравенство в России: тенденции, факторы и влияние пандемии // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 4. С. 57–78. DOI: 10.5922/2079-8555-2022-4-4

38. Попов Е. В., Семячков К. А., Симонова В. Л. Оценка влияния информационно-коммуникационных технологий на инновационную активность регионов // Финансы и кредит. 2016. № 46. С. 46–60.

39. Юдина М. А. Влияние цифровизации на социальное неравенство // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Т. 16, № 1. С. 97–108. DOI: 10.19181/lsprr.2020.16.1.10

40. Грошев И. В., Краснослободцев А. А. Цифровизация и креативность российских регионов // Социол. исслед. 2020. № 5. С. 66–78. DOI: 10.31857/S013216250009390-2

41. Черныш М. Ф. Цифровизация и неравенство // ИНАБ. 2021. № 4. С. 4–16. DOI: 10.19181/INAB.2021.4.1

42. Воронина Н. С. Цифровое неравенство интернет-пользователей в России и Европе: гендерный аспект // ИНАБ. 2021. № 4. С. 28–51. DOI: 10.19181/INAB.2021.4.3

43. Шевченко О. М. Цифровое неравенство в современном российском обществе: уровни и социальные последствия // Гуманитарий Юга России. 2023. Т. 12, № 1 (59). С. 54–65. DOI: 10.18522/2227-8656.2023.1.4

44. Епихина Ю. Б. Социальная мобильность IT-специалистов // ResearchGate. 2021. URL: https://www.researchgate.net/publication/357031759_Socialnaa_mobilnost_IT-specialistov (дата обращения: 07.01.2026). DOI: 10.13140/RG.2.2.15673.70241

45. Van Dijk J. The Digital Divide. Cambridge: Polity, 2020.

46. Harvey D. The condition of Postmodernity. Oxford: Blackwell, 1989.

47. Lyotard J.-F. La condition postmoderne. Rapport sur le savoir. Paris: Minuit, 1979.

48. Hassan R. The Condition of Digitality: A Post-Modern Marxism for the Practice of Digital Life. London: Univ. of Westminster Press, 2020.

49. Кравченко С. А. Амбивалентности цифровизации: востребованность ее культурно-национальной модели для устойчивого развития // Социол. исслед. 2022. № 9. С. 29–37. DOI: 10.31857/S013216250020181-2

50. Бальчиндоржиева О. Б., Золхоева М. В. Цифровая культура vs культурная уникальность? (К вопросу о сохранении китайской идентичности) // Социол. исслед. 2022. № 3. С. 90–97. DOI: 10.31857/S013216250016859-7

51. Фурс С. П. Анализируя новый социальный феномен – алгократия // Культура и безопасность. 2022. № 1. С. 5–9. DOI: 10.25257/KB.2022.1.5-9

52. Доверие к ИИ // ВЦИОМ. 24.12.2024. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-k-ii (дата обращения: 07.01.2026).

53. Каждый пятый в мире сталкивался с последствиями социальных рейтингов // Лаборатория Касперского. 18.07.2020. URL: https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/laboratoriya-kasperskogo-kazhdii-pyatii-v-mire-stalkivalsya-s-posledstviyami-sotsialnih-reitingov (дата обращения: 07.01.2026).

54. Влияние автоматизации и искусственного интеллекта на социальное неравенство / Н. А. Ринас, А. Л. Золкин, А. Р. Каберова, Ю. В. Скибин // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. Т. 7, № 1 (154). С. 116–125. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.01.07.015

55. Забелина О. В., Пилипчук Н. В. Алгоритмическое управление трудом в сфере платформенной занятости: проблемы и перспективы регулирования // Экономика труда. 2025. Т. 12, № 9. С. 1295–1310. DOI: 10.18334/et.12.9.123757

56. Майборода В. А. Обеспечение равенства при алгоритмическом правоприменении: анализ и перспективы развития // Нотариус. 2025. № 3. С. 20–25. DOI: 10.18572/1813-1204-2025-3-20-25

57. Мартыненко Т. С., Добринская Д. Е. Социальное неравенство в эпоху искусственного интеллекта: от цифрового к алгоритмическому разрыву // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1 (161). 171–192. DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1807

58. Смирнов А. В. Цифровое общество: теоретическая модель и российская действительность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. 129–153. DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1790

59. Добринская Д. Е. Что такое цифровое общество? // Социология науки и технологии. 2021. № 12 (2). С. 112–129. DOI: 10.24412/2079-0910-2021-2-112-129

60. Глухова М. Е. Роль цифровых технологий в преодолении депрессии: кейс студентов Санкт-Петербурга // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. № 24 (2). С. 31–55. DOI: 10.31119/jssa.2021.24.2.2

61. Давыдов С. Г. Цифровые компетенции россиян и работа на самоизоляции во время пандемии COVID-19 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 403–422. DOI: 10.14515/monitoring.2021.2.1913

62. Давыдова А. М., Солянова М. А., Соренсен К. Дисциплинарные практики цифрового селф-трекинга: между эмансипацией и контролем // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 217–240. DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1797

63. Григорьева Е. А. Цифровые неравенства: причины, формы, последствия // Социол. исслед. 2019. № 2. С. 161–163. DOI: 10.31857/S013216250017771-1

64. Hargittai E. Handbook of Digital Inequality. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2021.

65. Van Dijck J., Nieborg D. Wikinomics and Its Discontents: A Critical Analysis of Web 2.0 // New media & Society. 2009. Vol. 11, iss. 5. P. 855–874. DOI: 10.1177/1461444809105356

66. Ragnedda M. The Third Digital Divide: a Weberian Approach to Digital Inequalities. NY: Routledge, 2017. DOI: 10.4324/9781315606002

67. Алексеев С. А., Никитина Т. Н. Методологические основания социологии искусственного интеллекта // Вестн. экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 219–223. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-219-223

68. Gillespie T. The Relevance of Algorithm. Cambridge, MA: MIT Press, 2014.

69. Kitchin R. Thinking critically about and researching algorithms // Information, Communication & Society. 2017. Vol. 20, iss. 1. P. 14–29. DOI: https://doi.org/10.1080/1369118X.2016.1154087

70. Hargittai E., Micheli M. Internet Skills and Why They Matter // Society and the Internet. Oxford: Oxford Univ. Press, 2019. P. 109–124. DOI: 10.1093/oso/9780198843498.003.0007

71. Лысенко А. Д., Миниханова В. В. Влияние алгоритмов рекомендаций на формирование информационного пузыря у пользователя // Форум молодых ученых. 2026. № 4 (104). Р. 58–64.

72. Редкозубова Л. А. Цифровые фильтры и ценностные ориентиры: как молодежь осмысливает влияние алгоритмов // Вестн. науки. 2025. Т. 1, № 5 (86). С. 527–534.

73. Сравнительный анализ ценностей молодых российских и китайских предпринимателей в координатах менеджмента: методика исследования и некоторые выводы / П. П. Дерюгин, Л. А. Лебединцева, Ц. Цзинь, А. С. Шиляева // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы VII междунар. науч.-практ. конф, Благовещенск – Хэйхэ, 22–23 мая 2017 г. Вып. 7 / Благовещенск – Хэйхэ. БГПУ, 2017. С. 267–271.

74. Ценностно-целевая рефлексия как основание диагностики организационной культуры в стратегии сетевого подхода / П. П. Дерюгин, А. С. Шиляева, М. В. Сивоконь, С. В. Рассказов // ДИСКУРС. 2016. № 3. С. 99–110.

Информация об авторах

Дерюгин Павел Петрович – доктор социологических наук (2002), ассоциированный член, руководитель Российско-китайского центра междисциплинарных исследований Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, 190005, Санкт-Петербург, Россия; профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия; профессор кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 200 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная диагностика, ценности и ценностные ориентации, сетевой подход в социологии.

Камышина Елена Александровна – кандидат социологических наук (2023), ассистент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 45 научных публикаций. Сфера научных интересов: человеческий капитал, руководители, сетевой анализ, ценности, социальные институты, социальные процессы, социальные группы и общности.

Эсселевич Эрнест Алексеевич – аспирант кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 12

научных публикаций. Сфера научных интересов: мобильность, социальная диагностика, сетевой подход в социологии.

Павлов Александр Владимирович – аспирант кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор четырех научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная диагностика, ценности и ценностные ориентации, сетевой подход в социологии.

Авторский вклад

Дерюгин Павел Петрович – замысел, разработка концепции и структуры исследования, общее руководство.

Камышина Елена Александровна – разработка концепции и структуры исследования, сбор эмпирического материала, обработка, анализ и интерпретация данных.

Эсселевич Эрнест Алексеевич – разработка концепции и структуры исследования, сбор эмпирического материала, обработка, анализ и интерпретация данных.

Павлов Александр Владимирович – сбор эмпирического материала, обработка, анализ и интерпретация данных.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 06.02.2026; принята после рецензирования 17.04.2026; опубликована онлайн 23.06.2026.

REFERENCES

1. Guseynov, R.B. (2023), "Social interaction in the context of algorithmization of digital platforms: a critical analysis", *E-Journal of the Dubna State Univ. Ser. Science of man and society*, no. 3, pp. 10–18.

2. Rezaev, A.V., Tregubova, N.D. and Koptseva, N.P. (2025), "Modern research in the field of the sociology of artificial intelligence: basic approaches. part 7.1", *Sociology of artificial intelligence*, no. 6–4, pp. 8–23.

3. Kosorukov, A.A. (2018), "Algorithms of search engines and social networks as a factor of establishment of the digital public sphere", *Politics and Society*, no. 2, pp. 23–31. DOI: 10.7256/2454-0684.2018.2.24734

4. Bessonov, E.G. (2017), "Socio-philosophical analysis of algorithms and the internal logic of social systems development", *Etnosocium (Multinational Society)*, no. 7 (109), pp. 28–39.

5. Ramzina, S.A. (2025), "Digital law and digital rights as a response to the challenges of the new digital reality: a sociological analysis of governance", *Vyzovy tsifrovizatsii: novaya sotsial'nost', novye kul'tury, novoe obrazovanie: sb. materialov i dokladov XXVII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Challenges of Digitalization: New Sociality, New Cultures, New Education: Collection of Materials and Reports of the XXVII Int. Sci. and Practical Conf.], Ekaterinburg, RUS, 10–11 April 2025, pp. 186–190.

6. Naked Science (2025), "Which countries are leading in the race for everyday AI use?", *Dzen*, 02.10.2025, available at: https://dzen.ru/a/aS6E1VJLY2cMNt-w (accessed 07.01.2026).

7. Blinova, O. (2020), "What does digitalization threaten financial services consumers with?", *Invest-Forsigh*t, 21.10.2020, available at: https://www.if24.ru/chem-tsifra-grozit-potrebitelyam-finansovyh-uslug/ (accessed 07.01.2026).

8. Artyukhina, M.A. (2025), "Artificial intelligence in public administration: partnership or symbiosis?", *Management Sciences*, vol. 15, no. 3, pp. 90–98. DOI: 10.26794/2304-022X-2025-15-3-90-98

9. Doroshenko, S.V. and Makarova, M.N. (2022), "Assessing the Adaptation of the Population of Russian Regions to Digital Technologies", *Economy of Regions*, vol. 18, no. 1, pp. 296–310. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-1-21

10. “Artificial intelligence technologies are used by 6% of organizations in Russia” (2025), *CNews*, 23.12.2025, available at: https://www.cnews.ru/news/line/2025-12-23_tehnologii_iskusstvennogo (accessed 07.01.2026).

11. Efendiev, A.G., Gogoleva, A.S. and Balabanova, E.S. (2020), “On the computerization impact on social job content of specialists”, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 9, pp. 114–121. DOI: 10.31857/S013216250010027-2

12. Levashov, V.K. and Grebnyak, O.V. (2020), “Digital culture of the Russian society and the state”, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 5, pp. 79–89. DOI: 10.31857/S013216250009401-4

13. Mersianova, I.V., Ivanova, N.V. and Briukhno, A.S. (2022), “Did the digital competences of Russian NGOS change under pandemic conditions?”, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 9, pp. 38–48. DOI: 10.31857/S013216250020647-4

14. Ignat'eva, S. (2025), “Another competitor: why AI technologies threaten to replace women in the labor market”, *Forbes Woman*, 03.12.2025, available at: https://www.forbes.ru/forbes-woman/551045-ese-odin-konkurent-pocemu-ii-tehnologii-ugrozaut-zamenit-zensin-na-rynke-truda (accessed 07.01.2026).

15. Country and People (2025), “How American intelligence taught your smartphone to spy more efficiently”, *Mirtesen*, 27.12.2025, available at: https://strana-rf.mirtesen.ru/blog/43055877935/Kak-amerikanskaya-razvedka-nauchila-vash-smartfon-shpionit-effek?ysclid=mnso6um3xs134266351 (accessed 07.01.2026).

16. Lenkov, S.L., Rubtsova, N.E. and Nizamova, E.S. (2025), “The questionnaire "engagement in the field of artificial intelligence" and its psychometric properties”, *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, no. 1 (142), pp. 179–196. DOI: 10.20323/1813-145X-2025-1-142-179

17. Ivanov, D.V. (2023), “Critical theory of digitalization: algorithmic rationality domination and authenticity revolt”, *The J. of Sociology and Social Anthropology*, vol. 26, no. 3, pp. 7–35. DOI: 10.31119/jssa.2023.26.3.1

18. Yudina, M.A. (2024), “Algorithmic management in the focus of sociology of technology”, *RUDN J. of Sociology*, vol. 24, no. 3, pp. 734–746. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-734-746

19. Berry, D. (2015), “The Postdigital Constellation”, *Postdigital Aesthetics: Art, Computation and Design*, Berry, D.M. and Dieter, M. (eds.), Palgrave Macmillan, London, UK, pp. 44–57. DOI: https://doi.org/10.1057/9781137437204

20. Fuchs, C. and Sevignani, S. (2013), “What is digital labour? What is digital work? What’s their difference and why do these questions matter for understanding social media?”, *TripleC*, no. 11 (2), pp. 237–293. DOI: 10.31269/vol11iss2pp237-293

21. Yurkov, N.K., Rusyaeva, E.Yu. and Poltavskiy, A.V. (2014), “A philosophical perspective on algorithm theory”, *Reliability and Quality of Complex Systems*, no. 2 (6), pp. 40–45.

22. Castells, M. (2000), *The rise of the network society*, Blackwell, Malden, MA, USA.

23. Buhl, A. (1997), *Die virtuelle Gesellschaft*, Springer, Wiesbaden, GER. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-322-93548-9

24. Ivanov, D.V. (2000), *Virtualizatsiya obshchestva* [Virtualization of society], Peterburgskoe vostokovedenie, SPb., RUS.

25. Prutzkow, A.V. (2018), “The most general modification of Markov's normal algorithms”, *Cloud of science*, no. 1, pp. 74–85.

26. Von Bertalanffy, L. (1969), “General system theory – a critical review”, Transl. by Yulina, N.S., *Issledovaniya po obshchei teorii sistem* [Research on the general theory of systems], Progress, Moscow, USSR, pp. 23–82.

27. Collins, H. (1990), *Artificial experts: social knowledge and intelligent machines*, MIT Press, Cambridge, MA, USA. DOI: https://doi.org/10.7551/mitpress/1416.001.0001

28. Esposito, E. (2017), “Artificial communication? The production of contingency by algorithms”, *Zeitschrift für Soziologie*, vol. 46, iss. 4, pp. 249–265. DOI: https://doi.org/10.1515/zfsoz-2017-1014

29. Esposito, E. (2022), *Artificial communication: how algorithms produce social intelligence*, MIT Press, Cambridge, MA, USA.

30. O'Neil, C. (2018), *Weapons of Math Destruction: How Big Data Increases Inequality and Th reatens Democracy*, Transl. by Degtyarev, V., AST, Moscow, RUS.

31. Zittrain, J. (2014), "Engineering an election", *Harvard Law Review*, vol. 127, no. 8, pp. 335–341.

32. Lee, F. and Larsen, L.B. (2019), "How should we theorize algorithms? Five ideal types in analyzing algorithmic normativities", *Big Data & Society*, vol. 6, iss. 2: 205395171986734. DOI: 10.1177/2053951719867349

33. Beer, D. (2017), "The social power of algorithms", *Information, Communication & Society*, vol. 20, no. 1, pp. 1–13. DOI: 10.1080/1369118X.2016.1216147

34. Mikhailov, I.F. (2021), "Computational approach to social knowledge", *Philosophy of Science and Technology*, vol. 26, no. 1, pp. 23–37. DOI: 10.21146/2413-9084-2021-26-1-23-37

35. Rezaev, A.V. and Tregubova, N.D. (2023), "From the sociology of algorithms to social analytics of artificial sociality: reflecting on the cases of API and ChatGPT", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 3 (175), pp. 3–22. DOI: https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2384.

36. Shalack, V.I. (2021), "Algorithmic model of social processes", *Philosophical Problems of Information Technologies and Cyberspace*, no. 1 (19), pp. 46–62. DOI: 10.17726/philIT.2021.1.3

37. Zemtsov, S.P., Demidova, K.V. and Kichaev, D.Yu. (2022), "Internet diffusion and interregional digital divide in Russia: trends, factors, and the influence of the pandemic", *Baltic Region*, vol. 14, no. 4, pp. 57–78. DOI: 10.5922/2079-8555-2022-4-4

38. Popov, E.V., Semyachkov, K.A. and Simonova, V.L. (2016), "Assessing the impact of information and communication technologies on innovative activity of regions", *Finance and Credit*, no. 46, pp. 46–60.

39. Yudina, M.A. (2020), "The impact of digitalization on social inequality", *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, vol. 16, no. 1, pp. 97–108. DOI: 10.19181/lsprr.2020.16.1.10

40. Groshev, I.V. and Krasnoslobodtsev, A.A. (2020), "Digitalization and creativity of Russian regions", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 5, pp. 66–78. DOI: 10.31857/S013216250009390-2

41. Chernysh, M.F. (2021), "Digitalization and inequality", *INAB*, no. 4, pp. 4–16. DOI: 10.19181/INAB.2021.4.1

42. Voronina, N.S. (2021), "Digital inequality of internet users in Russia and Europe: the gender dimension", *INAB*, no. 4, pp. 28–51. DOI: 10.19181/INAB.2021.4.3

43. Shevchenko, O.M. (2023), "Digital divide in modern Russian society: levels and social consequences", *Humanitarian of the South of Russia*, vol. 12, no. 1 (59), pp. 54–65. DOI: 10.18522/2227-8656.2023.1.4

44. Epikhina, Yu.B. (2021), "Social mobility of IT specialists", *ResearchGate*, 2021, available at: https://www.researchgate.net/publication/357031759_Socialnaa_mobilnost_IT-specialistov (accessed 07.01.2026). DOI: 10.13140/RG.2.2.15673.70241

45. Van Dijk, J. (2020), *The digital divide*, Polity, Cambridge, UK.

46. Harvey, D. (1989), *The condition of postmodernity*, Blackwell, Oxford, UK.

47. Lyotard J.-F. (1979), *La condition postmoderne. Rapport sur le savoir*, Minuit, Paris, FRA.

48. Hassan R. (2020), *The condition of digitality: a post-modern Marxism for the practice of digital life*, Univ. of Westminster Press, London, UK.

49. Kravchenko, S.A. (2022), "The ambivalences of digitalization: the demand of its national-cultural model for sustainable development", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 9, pp. 29–37. DOI: 10.31857/S013216250020181-2

50. Balchindorzhieva, O.B. and Zolkhoeva, M.V. (2022), "Digital culture vs cultural uniqueness? (from the experience of preserving Chinese cultural identity)", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 3, pp. 90–97. DOI: 10.31857/S013216250016859-7

51. Furs, S.P. (2022), "Analysing new social phenomenon – algocracy", *Culture and Security*, no. 1, pp. 5–9. DOI:10.25257/KB.2022.1.5-9

52. “Trust in AI” (2024), *VCIOM*, 24.12.2024, available at: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-k-ii (accessed 07.01.2026).

53. “Every fifth person worldwide has faced the consequences of social rating systems” (2020), *Kaspersky Lab*, 18.07.2020, available at: https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/laboratoriya-kasperskogo-kazhdii-pyatii-v-mire-stalkivalsya-s-posledstviyami-sotsialnih-reitingov (accessed 07.01.2026).

54. Rinas, N.A., Zolkin, A.L., Kaberova, A.R. and Skibin, Yu.V. (2025), “The impact of automation and artificial intelligence on social inequality”, *Ekonomika i upravlenie: problemy resheniya*, vol. 7, no. 1, pp. 116–125. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.01.07.015

55. Zabelina, O.V. and Pilipchuk, N.V. (2025), “Algorithmic labor management in platform employment: regulation problems and prospects”, *Russian J. of Labor Economics*, vol. 12, no. 9, pp. 1295–1310. DOI: 10.18334/et.12.9.123757

56. Mayboroda, V.A. (2025), “Ensuring equality in algorithmic law enforcement: an analysis and development prospects”, *Notary*, no. 3, pp. 20–25. DOI: 10.18572/1813-1204-2025-3-20-25

57. Martynenko, T.S. and Dobrinskaya, D.E. (2021), “Social Inequality in the Age of Algorithms: From Digital to Algorithmic Divide”, *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 1 (161), pp. 171–192. DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1807

58. Smirnov, A.V. (2021), “Digital society: theoretical model and Russian reality”, *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 1, pp. 129–153. DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1790

59. Dobrinskaya, D.E. (2021), “What is the Digital Society?”, *Sociology of Science and Technology*, vol. 12 (2), pp. 112–129. DOI: 10.24412/2079-0910-2021-2-112-129

60. Glukhova, M.E. (2021), “The role of digital technologies in overcoming depression: the case of students from Saint Petersbur”, *The J. of Sociology and Social Anthropology*, vol. 24, no. 2, pp. 31–55. DOI: https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.2.2

61. Davydov, S.G. (2021), “Digital competencies of Russians and work on self-isolation during the Covid-19 pandemic”, *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 2, pp. 403–422. DOI: 10.14515/monitoring.2021.2.1913

62. Davydova, A.M., Solyanova, M.A. and Sorensen, C. (2021), “Disciplinary digital self-tracking practices: between emancipation and control”, *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 1, pp. 217–240. DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1797

63. Grigoreva, E.A. (2019), “Digital inequalities: causes, forms, consequences”, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 2, pp. 161–163. DOI: 10.31857/S013216250017771-1

64. Hargittai, E. (2021), *Handbook of digital inequality*, Edward Elgar Publishing, Cheltenham, UK.

65. Van Dijck, J. and Nieborg, D. (2009), “Wikinomics and its discontents: a critical analysis of Web 2.0”, *New Media & Society*, vol. 11, iss. 5, pp. 855–874. DOI: 10.1177/1461444809105356

66. Ragnedda, M. (2017), *The third digital divide: a Weberian approach to digital inequalities*, Routledge, NY, USA. DOI: 10.4324/9781315606002

67. Alekseev, S.A. and Nikitina, T.N. (2024), “Methodological foundations of the sociology of artificial intelligence”, *The review of economy, the law and sociology*, no. 4, pp. 219–223. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-219-223

68. Gillespie, T. (2014), *The relevance of algorithms*, MIT Press, Cambridge, MA, USA.

69. Kitchin, R. (2017), “Thinking critically about and researching algorithms”, *Information, Communication & Society*, vol. 20, no. 1, pp. 14–29. DOI: https://doi.org/10.1080/1369118X.2016.1154087

70. Hargittai, E. and Micheli, M. (2019), “Internet skills and why they matter”, *Society and the Internet*, Oxford Univ. Press, Oxford, UK, pp. 109–124. DOI: 10.1093/oso/9780198843498.003.0007

71. Lysenko, A.D. and Minikhanova, V.V. (2026), “The influence of recommendation algorithms on the formation of information bubbles in users”, *Forum molodykh uchenykh* [Forum of Young Scientists], no. 4 (104), pp. 58–64.

72. Redkozubova, L.A. (2025), "Digital filters and value orientations: how young people perceive influence of algorithms", *Science Bulletin*, vol. 1, no. 5 (86), pp. 527–534.

73. Deryugin, P.P., Lebedintseva, L.A. Jin, Ts. and Shilyaeva, A.S. (2017), "Comparative analysis of the values of young Russian and Chinese entrepreneurs in management disciplines: research methodology and some conclusions", *Russia and China: history and prospects of cooperation*, *Proc. of the VII Int. Sci. and Practical Conf.*, Blagoveshchensk, Heihe, RUS, 22–23 May 2017, iss. 7, pp. 267–271.

74. Deryugin, P.P., Shilyaeva, A.S., Sivokon, M.V. and Rasskazov, S.V. (2016), "Value-objective reflection as the basis for diagnosing organizational culture in the strategy of a network approach", *DISCOURSE*, no. 3, pp. 99–110.

Information about the authors

Pavel P. Deriugin – Dr. Sci. (Sociology, 2002), Associate Member, Head of the Russian-Chinese Center for Interdisciplinary Studies, Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS, 25/14 7th Krasnoarmeiskaya str., St Petersburg 190005, Russia; Professor at the Department of Applied and Specialized Sociology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia; Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 200 scientific publications. Area of expertise: social diagnostics, values and value orientations, network approach in sociology.

Elena A. Kamyshina – Can. Sci. (Sociology, 2023), Assistant Lecturer at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 45 scientific publications. Area of expertise: human capital, managers, network analysis, values, social institutions, social processes, social groups and communities.

Ernest A. Esselevich – Postgraduate Student at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 12 scientific publications. Area of expertise: mobility, social diagnostics, network approach in sociology.

Alexander V. Pavlov – Postgraduate Student at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 4 scientific publications. Area of expertise: social diagnostics, values and value orientations, network approach in sociology.

Author's contribution

Pavel P. Deriugin – the idea, development of the concept and structure of the study, general guidance.

Elena A. Kamyshina – development of the concept and structure of research, collection of empirical material, processing, analysis and interpretation of data.

Ernest A. Esselevich – collection of empirical material, processing, analysis and interpretation of data.

Alexander V. Pavlov – collection of empirical material, processing, analysis and interpretation of data.

No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 06.02.2026; adopted after review 17.04.2026; published online 23.06.2026.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 109–126
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 109–126

Оригинальная статья
УДК 316.473
http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-3-109-126

Религиозность и репродуктивные установки в системе ценностей современной студенческой молодежи (на примере студентов технического вуза)

***Анна Сергеевна Курапова*[1]✉, *Сергей Владимирович Курапов*[2]**

[1]*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия*
[2]*Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Москва, Россия*

[1]✉*ann-shilyaeva@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2003-7439*
[2]*sv_ksv@mail.ru, https://orcid.org/0009-0007-3962-2850*

Введение. В статье рассматривается парадокс, когда при высокой декларативной значимости семьи и религии сохраняются низкие демографические показатели. Классические модели, предполагающие прямую связь религиозности и репродуктивных установок, в российских условиях не работают, что актуализирует поиск опосредующих механизмов. Цель исследования – выявить опосредующую роль социального капитала в этой взаимосвязи на примере студенческой и казачьей молодежи.

Методология и источники. Методологической основой выступила концепция П. Бурдьё о двух формах социального капитала: реальном и декларируемом. В исследовании использован сравнительный дизайн на основе анкетирования 719 студентов технического вуза (потенциальный декларируемый капитал) и 176 представителей казачьей молодежи (потенциальный реальный капитал). Применялся анализ модерируемой медиации для проверки гипотез.

Результаты и обсуждение. Выявлено фундаментальное различие в природе связи религиозности и репродуктивных установок. У казачьей молодежи религиозность как реальный социальный капитал интегрирована в целостный традиционный профиль с высокими репродуктивными установками. У студенческой молодежи религиозность часто является декларируемым социальным капиталом, что порождает «разорванную идентичность» (особенно у девушек) и слабую связь с репродуктивными установками. Анализ медиации подтвердил, что социальный капитал значимо опосредует эту связь только в религиозных группах.

Заключение. Эффективность влияния религиозности на репродуктивные установки детерминирована типом социального капитала. Практическая значимость работы заключается в необходимости дифференцированной политики: для студентов – трансформация декларируемого социального капитала в реальный через создание сплоченных сообществ, для казачества – поддержка институциональной среды, воспроизводящей традиционный уклад.

Ключевые слова: религиозность, репродуктивные установки, студенческая молодежь, казачья молодежь, социальный капитал, символический капитал, традиционные семейные ценности

Для цитирования: Курапова А. С., Курапов С. В. Религиозность и репродуктивные установки в системе ценностей современной студенческой молодежи (на примере студентов технического вуза) // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 109–126. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-3-109-126

© Курапова А. С., Курапов С. В., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 109–126
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 109–126

Original paper

Religiosity and Reproductive Attitudes in the Value System of Contemporary Student Youth (Based on the Example of Technical University Students)

***Anna S. Kurapova*[1]✉*, Sergey V. Kurapov*[2]**

[1]*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*
[2]*Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Moscow, Russia*
[1]✉*ann-shilyaeva@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2003-7439*
[2]*sv_ksv@mail.ru, https://orcid.org/0009-0007-3962-2850*

Introduction. The article examines the paradox of low demographic indicators in the context of high declarative importance of family and religion. Classical models suggesting a direct relationship between religiosity and reproductive attitudes do not work in Russia, which highlights the need to identify mediating mechanisms. The purpose of this study is to explore the mediating role of social capital in this relationship using the example of student and Cossack youth.
Methodology and sources. The study was based on P. Bourdieu's concept of two forms of social capital: real and declared. The study used a comparative design based on a questionnaire survey of 719 students at a technical university (potential declared capital) and 176 representatives of Cossack youth (potential real capital). Moderated mediation analysis was used to test the hypotheses.
Results and discussion. A fundamental difference in the nature of the relationship between religiosity and reproductive attitudes has been identified. Among Cossack youth, religiosity, as a real social capital, is integrated into a holistic traditional profile with high reproductive attitudes. Among student youth, religiosity is often a declared social capital, which leads to a "fragmented identity" (especially among girls) and a weak connection with reproductive attitudes. The mediation analysis confirmed that social capital significantly mediates this relationship only in religious groups.
Conclusion. The effectiveness of the influence of religiosity on reproductive attitudes is determined by the type of social capital. The practical significance of the work lies in the need for differentiated policies: for students, the transformation of declared social capital into real capital through the creation of cohesive communities, and for the Cossacks, the support of an institutional environment that reproduces the traditional way of life.

Keywords: religiosity, reproductive attitudes, student youth, Cossack youth, social capital, symbolic capital, traditional family values

For citation: Kurapova, A.S. and Kurapov, S.V. (2026), "Religiosity and Reproductive Attitudes in the Value System of Contemporary Student Youth (Based on the Example of Technical University Students)", *DISCOURSE*, vol. 12, no. 3, pp. 109–126. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-3-109-126

Введение. В современной социологии религиозность рассматривается в качестве одного из ключевых факторов, формирующих семейные ценностные ориентации и репродуктивные установки. Многочисленные исследования, прежде всего в западных странах, демонстрируют устойчивую положительную корреляцию между уровнем религиозности, стабильностью брака и итоговым числом детей в семье [1]. При этом в условиях секуляризации прямое влияние религиозности на демографическое поведение ослабевает, что актуализирует поиск опосредующих механизмов этой связи. Парадокс российского общества заклю-

чается в том, что, несмотря на высокую декларативную значимость как семейной [2], так и религиозной идентичности, общество сталкивается с устойчиво низкими показателями рождаемости, высоким уровнем разводов и абортов.

Классические социологические модели объяснения рождаемости выделяют религиозность в числе ключевых факторов наряду с образованием, опытом родительской семьи и социальным окружением. Считается, что религиозность способствует созданию поддерживающих социальных институтов и особой социализации, в ходе которой усваиваются просемейные ценности и установки на многодетность [3]. Однако в современном российском контексте наблюдается явный парадокс: несмотря на высокую декларативную значимость семьи и религии, реальные демографические показатели остаются низкими. Так, по данным фонда «Общественное мнение» (ФОМ) (2023), лишь 14 % россиян являются многодетными родителями [4], а суммарный коэффициент рождаемости устойчиво ниже уровня простого воспроизводства. При этом, как показывают данные ВЦИОМ (2023), лишь 29 % молодежи в возрасте 18–24 лет однозначно идентифицируют себя как верующие [5]. Это противоречие указывает на то, что прямая детерминация репродуктивного поведения религиозностью, предполагаемая классическими моделями, в России не срабатывает, что актуализирует поиск опосредующих механизмов данной связи.

Данная проблематика усугубляется в молодежной среде, для которой характерно сочетание декларативного следования традиционным ценностям с прагматическими и индивидуалистическими жизненными ориентациями [6, с. 82]. В 2025 г. в исследовании московской молодежи Н. С. Зимова, Т. С. Неробеева выявили, что религиозность в сочетании с другими экономическими и социальными факторами влияет на выбор молодыми людьми более эффективных стратегий для решения демографических проблем, что требует принятие мер по сохранению религиозных ценностей в рамках проводимой семейной политики [7].

На первом заседании Совета по реализации государственной демографической и семейной политики, которое состоялось 23 октября 2025 г., Президент Российской Федерации В. В. Путин подчеркнул, что одной из задач является развитие и поддержание тенденции внутреннего настроя к стремлению создания семьи, заключению брачного союза и многодетности, которая превалировала бы в общественном сознании [8]. В этой связи противоречие между декларируемым на государственном уровне курсом на традицию и реальными прагматическими индивидуалистскими ориентациями студенческой молодежи требует особого эмпирического подхода и изучения.

В качестве теоретической рамки, способной разрешить указанное противоречие, в исследовании используется концепция социального капитала П. Бурдьё. Авторы предполагают, что религиозность влияет на репродуктивные установки не напрямую, а через механизмы социального капитала, который может выступать в двух формах: как реальный символический капитал (воплощенный в практиках, габитусе и плотных социальных сетях) и как декларируемый символический капитал (ограниченный риторикой и демонстрацией принадлежности) [9]. Такой подход позволяет дифференцировать глубину и действенность религиозности как социального фактора.

Цель исследования заключается в выявлении опосредующей роли социального капитала во взаимосвязи религиозности и репродуктивных установок студенческой молодежи.

Задачами исследования являются: проведение анализа концептуальных подходов к изучению взаимосвязи религиозности и репродуктивных установок; осуществление операцио-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 109–126
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 109–126

нализации ключевых понятий «религиозность», «репродуктивные установки», «социальный капитал»; разработка и апробация эмпирической модели, описывающей опосредующее влияния социального капитала; выявление и сравнение ценностных профилей религиозной и нерелигиозной студенческой и казачьей молодежи; формулировка практических рекомендаций для проведения семейной и молодежной политики.

Для верификации теоретической модели избран сравнительный дизайн, противопоставляющий две группы молодежи с различной природой социального капитала: студенческая молодежь, где религиозность потенциально выступает как культурный маркер (декларируемый капитал), и казачья молодежь, где предполагается, что религиозность встроена в плотные социальные сети и традиционные ценности (реальный капитал). Эмпирическая база и методы исследования представлены в следующем разделе.

Основная гипотеза исследования состоит в том, что влияние религиозности на репродуктивные установки опосредовано характером социального капитала, который в разных группах молодежи имеет различную природу. Авторы предполагают, что в обеих религиозных группах, особенно казачьей молодежи, обладающей реальным символическим капиталом, религиозность будет последовательно связана с репродуктивными установками через механизмы социального капитала. В то же время в нерелигиозной, особенно в студенческой среде, где религиозность часто выступает как декларируемый символический капитал, эта связь будет нарушаться ценностными противоречиями и более слабыми механизмами социального влияния.

Методология и источники. Методологической основой исследования выступила концепция социального капитала П. Бурдьё, который в рамках данной работы понимается как совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений, иными словами реальным членством в группе [10].

Ключевым для дизайна исследования является выделение двух форм капитала. Реальный символический капитал, инкорпорированный в габитус, легитимен и получает основанное на репутации, реальных поступках, соответствующих заданным правилам, признание в конкретном социальном поле [11, с. 22]. Декларируемый (трансляционный) символический капитал проявляется в риторике и демонстративных практиках, не подкрепленных глубокой инкорпорацией. Ценностный разрыв в религиозности происходит, когда индивид в публичном поле активно демонстрирует религиозные символы (например, носит крест), участвует в ритуалах (ходит в храм), пытаясь накопить символический капитал, но его габитус может не соответствовать этой демонстрации, т. е. на самом деле он может не быть религиозным. Именно этот социальный дуализм позволяет выдвинуть гипотезу о различной природе связи религиозности и репродуктивных установок в различных социальных группах.

В современной социологии семьи взаимосвязь религиозности и репродуктивных установок рассматривается не как прямая детерминация, а как сложный процесс, опосредованный социальными механизмами. Ключевым из таких механизмов выступает социальный капитал, выполняющий функцию «социального клея» или медиатора, который связывает религиозные убеждения с конкретными семейными практиками. Плотные социальные связи как реальный способ преодоления неопределенности и образец поведения дают возможность наиболее действенно реализовать установки, заложенные родительской семьей, религией или иными институтами [1, с. 145].

По мнению Е. Г. Мартьяновой, религиозная культура православной молодежи представляет собой самую многочисленную группу, демонстрирующую достаточно высокий уровень религиозности, при этом она носит поверхностный, пассивный и нецерковный характер [12].

В некоторых более ранних исследованиях также делался вывод о том, что значительная часть идентифицирующих себя как верующие, на самом деле слабо представляют, во что они верят, и поэтому догматы религии мало влияют на их жизненные установки, а религия служит не более чем способом культурной самоидентификации, неким символом, а не основой мировоззрения [13]. Так, например, М. Л. Ивлева, С. Н. Курилов, В. И. Россман в 2018 г. отмечали, что современная молодежь вкладывает иной смысл в такие понятия, как вера, духовность, религиозность, традиции, обряды, каноны, нежели представители старших поколений [14]. Из выводов исследования Н. Е. Русановой, Л. В. Ерофеевой следует, что религиозность является одним из факторов, влияющих на выбор в пользу ребенка при незапланированной беременности, но при этом среди причин в пользу прерывания беременности респонденты отмечали материальные трудности и медицинские противопоказания (80 %) [15, с. 11].

Опираясь на концепцию П. Бурдьё, разделяющего «объективированный класс» как статическую категорию совокупности людей, выделенных по каким-либо объективным признакам (национальность, профессия и пр.), и «инкорпорированный класс» как совокупность людей, объединенных одинаковым отношением к жизни или значимыми предметами (вещами, идеями, чувствами) и на этом осознающими свою общность, авторы выделили совокупные группы: студенческая молодежь как «объективированный класс» – эмпирический объект исследования, и казачья молодежь как «инкорпорированный класс» – нормативная группа, существующая на ценностях православной веры (или во всяком случае православной культуры), а самое главное осознающая свою особенную общность.

Исследование основано на сравнительном дизайне, противопоставляющем две группы молодежи с гипотетически различной природой социального капитала: студенческая молодежь технического вуза (потенциальный декларируемый социальный капитал) и казачья молодежь (потенциальный реальный капитал). Сравнение их позволяет проверить гипотезу об опосредующей роли социального капитала.

Исследование проводилось в течение двух месяцев 2025 г. на базе одного из технических вузов Санкт-Петербурга. Генеральную совокупность составили студенты данного вуза (N = 8890) [16]. Выборочную совокупность (n = 719) образовали студенты 1-го курса, из них 464 мужчины и 255 женщин, средний возраст – 18,6 лет. В качестве нормативной группы выступили участники VI Всероссийского форума (слета) казачьей молодежи, отобранные по результатам диагностики ключевых ценностей молодежной политики, в том числе Указа Президента РФ № 809 от 09.11.2022 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [17] (n = 176), из них 110 мужчин и 66 женщин, средний возраст – 21,6 лет. Распределение респондентов по выделенным категориям представлено в табл. 1.

Проверка гендерного состава показала, что группы являются статистически схожими по данному параметру (64,4 % мужчин среди студентов против 61,3 % среди казаков), что позволяет минимизировать влияние фактора пола на выявление межгрупповых различий в ценностных ориентациях. Распределение в студенческой выборке соответствует экспертной

Таблица 1. Распределение молодежных групп по гендерному и религиозному признаку
Table 1. Distribution of youth groups by gender and religion

Группа	Религиозная принадлежность	Общее кол-во, чел.	Мужчины, чел.	Женщины, чел.
Студенческая молодежь	Христиане (религиозные)	377	269	108
	Не придерживаются никакой религии (нерелигиозные)	342	195	147
	Всего по группе	**719**	**464**	**255**
Казачья молодежь	Христиане (религиозные)	103	66	37
	Не придерживаются никакой религии (нерелигиозные)	73	44	29
	Всего по группе	**176**	**110**	**66**

оценке гендерного соотношения в технических вузах, что позволяет считать ее адекватно отражающей специфику генеральной совокупности.

В рамках данного исследования представляется целесообразным изучение влияния религиозной идентичности на репродуктивные установки этих молодежных групп, так как именно в этот период (18–28 лет – возраст студенчества, первого профессионального опыта) у молодых людей формируются базовые представления о браке и семейных ценностях и группы представлены респондентами из разных регионов России. Для целей исследования обе молодежные когорты были стратифицированы по гендерному и религиозному признаку (христиане и те, кто не придерживается никакой религии). Ввиду малой репрезентативности представителей других конфессий (менее 10 % от общей выборки) их данные были исключены из анализа в обеих группах.

Для сбора данных использовалось онлайн-анкетирование на платформе Yandex.Forms, выбранной в связи с оптимальным соответствием исследовательским задачам: максимальная доступность для российской выборки, техническая надежность, отсутствие требований к регистрации респондентов и достаточный функционал для реализации сложной структуры анкеты. Выбор отечественного сервиса также минимизировал риски ограничения доступа, характерные для международных платформ. Все респонденты давали информированное согласие на участие после ознакомления с целями исследования. Сбор данных осуществлялся анонимно, в том числе не собирались персональные данные, допускающие идентификацию респондентов. Для обеспечения конфиденциальности результаты представлены в агрегированном виде.

В качестве основного измерительного инструмента использовалась анкета с биполярыми шкалами Лайкерта (формат «тезис–антитезис», где респонденты выбирали позицию по 5-балльной шкале между двумя полярными утверждениями. Значение «5» соответствовало полному согласию с тезисом, «1» – полному согласию с антитезисом, «3» – нейтральной позиции. Для обеспечения валидности инструментария было проведено пилотное тестирование (n = 65) и экспертная валидация. Все респонденты давали информированное согласие, сбор данных осуществлялся анонимно.

Группировка переменных в исследовательской анкете основана на содержательном анализе концептуальной близости индикаторов и подтверждается ссылками на авторитетные исследования в соответствующей области в теоретической рамке П. Бурдьё, где социальный капитал выступает опосредующим звеном (медиатором) во взаимосвязи религиозности и репродуктивных установок (табл. 2.)

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 109–126
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 109–126

Таблица 2. Группировка переменных в исследовательской анкете
Table 2. Grouping of variables in the research questionnaire

Фактор	**Входящие индикаторы в анкете**	**Концептуальное обоснование выбора индикаторов**
Территориальная идентичность	«Горный ландшафт», «Деурбанизация», «История и традиции малой родины», «Любовь к природе»	Природные детерминанты территориальной идентичности, ориентация на традиционные формы поселения, связь с территориальным наследием как ресурс социального капитала (Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова)
Традиционные семейные ценности	«Патриархальная ориентация», «Женщина-домохозяйка», «Запрет абортов», «Расширенная семья»	Ключевые элементы традиционного семейного габитуса: нормативный, ролевой и структурный компоненты (И. В. Павлюткин, Е. В. Пруцкова, Н. С. Зимова, Т. С. Неробеева, Т. К. Ростовская)
Репродуктивные установки	«Многодетность», «Многодетность в России», «Больше рожать», «Отказ от аборта»	Дифференциация, позволяющая выявлять ценностный разрыв по личным и общественным установкам (С. В. Захаров, Е. В. Чурилова, О. Н. Борисова, И. В. Павлюткин, Н. Е. Русанова, Л. В. Ерофеева)
Религиозность	«Важность религии для меня», «Религия важна для страны»	Интериоризированная религиозность как элемент личного габитуса, декларируемая религиозность как символический капитал (Ю. Ю. Синелина, Е. Г. Мартьянова, С. В. Захаров, Е. В. Чурилова)
Прагматические ориентации	«Финансы», «Предприимчивость», «Урбанизация»	Ценности второго демографического перехода: экономический прагматизм и урбанистические ориентации (Рон Лестэг, Дирк ван де Каа)
Социальный капитал	«Внутрисемейная коммуникация», «Жизнь среди людей своего народа», «Соответствие нормам»	Плотность семейных связей и унаследованного габитуса, этнокультурного взаимодействия и групповой идентификации, готовность следовать коллективным нормам (П. Бурдьё, Р. Патнэм)

Для выяснения характера взаимосвязи между независимыми и зависимыми переменными в статистике применяется модель модерируемой медиации, которая включает третью гипотетическую опосредованную переменную (медиатор). Модель предполагает, что независимая переменная (*X*) влияет на медиатор (*M*), который влияет на зависимую переменную (*Y*), и условный косвенный эффект зависит от значений переменных-модераторов (*W*), т. е. влияние происходит через модератора и медиатора и включает пять альтернативных вариантов [18]. Это позволит выявить, какие именно звенья цепочки опосредования зависят от групповой принадлежности, определить, является ли социальный капитал универсальным или группоспецифичным медиатором, а также уточнить условия эффективной трансляции религиозных ценностей в репродуктивных установках.

Для проверки гипотезы о том, что связь между религиозностью (*X*) и репродуктивными установками (*Y*) опосредована социальным капиталом (*M*) и что эта опосредующая связь (медиация) зависит от групповой принадлежности и ценностных факторов, был применен анализ модерируемой медиации (рис. 1). Территориальная идентичность (*W*1) была выбрана как модератор «Пути А», так как связь с малой родиной может усиливать роль религиозной группы как источника социальных связей. Традиционные семейные ценности (*W*2) были выбраны как модератор «Пути В», так как именно они могут преобразовать потенциал социального капитала в конкретную установку на многодетность.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 109–126
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 109–126

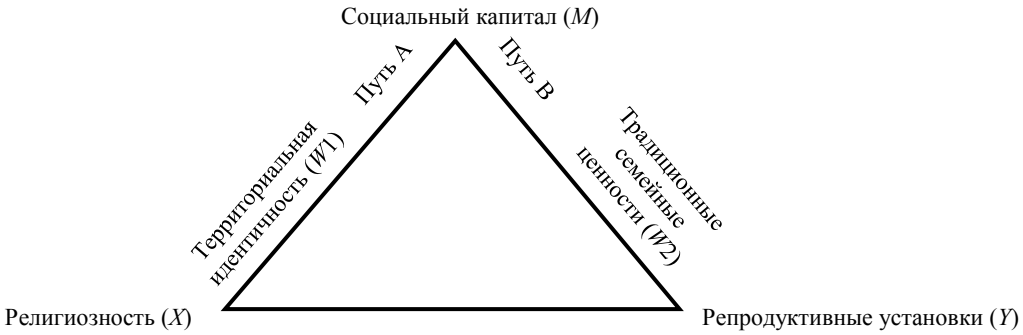


Рис. 1. Модель модерируемой медиации
Fig. 1. Moderated mediation model

Полные статистические спецификации проверяемых моделей приведены в табл. 3.

Таблица 3. Модели модерируемой медиации факторов
Table 3. Models of moderated mediation of factors

Модель	**Описание**	**Модератор**	**Формулы**	**Условный косвенный эффект**
Модель 1	Независимая переменная (*X*) модерирует отношения между медиатором (*M*) и зависимой переменной (*Y*)	–	$M = i_1 + aX + e_1;$ $Y = i_2 + c'X + b_1M + b_2(X \times M) + e_2$	$(a_1 + a_3W) \times b$
Модель 2	Включает новую переменную-модератора (*W*), которая влияет на отношения между независимой переменной (*X*) и медиатором (*M*) – путь A	*W* = территориальная идентичность	$M = i_1 + a_1X + a_2W + a_3(X \times W) + e_1;$ $Y = i_2 + c'X + bM + e_2$	$(a_1 + a_3W) \times b$
Модель 3	Включает новую переменную-модератора (*W*), которая влияет на отношения между медиатором (*M*) и зависимой переменной (*Y*) – путь B	*W* = традиционные семейные ценности	$M = i_1 + aX + e_1;$ $Y = i_2 + c'X + b_1M + b_2W + b_3(M \times W) + e_2$	$a \times (b_1 + b_3W)$
Модель 4	Одна модерирующая переменная (*W*) влияет как на отношения между независимой переменной (*X*) и медиатором (*M*) – путь A, так и на отношения между медиатором (*M*) и зависимой переменной (*Y*) – путь B	*W* = традиционные семейные ценности	$M = i_1 + a_1X + a_2W + a_3(X \times W) + e_1;$ $Y = i_2 + c'X + b_1M + b_2W + b_3(M \times W) + e_2$	$(a_1 + a_3W) \times (b_1 + b_3W)$
Модель 5	Включает две новые переменные-модератора (*W*, *V*), одна из которых влияет на путь A (*W*), а другая – на путь B (*V*)	*W* = территориальная идентичность, *V* = традиционные семейные ценности	$M = i_1 + a_1X + a_2W + a_3(X \times W) + e_1;$ $Y = i_2 + c'X + b_1M + b_2V + b_3(M \times V) + e_2$	$(a_1 + a_3W) \times (b_1 + b_3V)$

Предполагается, что религиозность будет сильнее влиять на формирование репродуктивных установок не напрямую, а через опосредование сформированного социального капитала. При этом в условиях развитых социальных связей и сильных норм (как в казачьей среде) религиозность эффективнее транслируется в репродуктивные установки, а в слабоструктурированной социальной среде (как у студентов) даже при высокой религиозности

слабый социальный капитал приводит к разрыву между декларируемыми ценностями религиозности и реальными установками на многодетность.

Методологические границы исследования определяются следующими факторами: спецификой выборки (целевые группы и возможное влияние социальных ожиданий на ответы); возможным влиянием ситуативных факторов на ответы (эффект совместного мероприятия и коммуникации); необходимостью верификации данных в лонгитюдных исследованиях. Также сложно оценить без верификации через качественное исследование понимание религиозности каждой группой респондентов. Эти ограничения задают контекст интерпретации результатов и определяют направления методологического совершенствования в дальнейших исследованиях.

Результаты и обсуждение. Проведенный анализ выявил фундаментальное различие в природе взаимосвязи религиозности и репродуктивных установок в двух изученных группах молодежи. В соответствии с теоретической моделью П. Бурдьё, у казачьей молодежи религиозность выступает как реальный социальный капитал, неразрывно связанный с целостным традиционным ценностным профилем. В то время как у студенческой молодежи его роль амбивалентна: для одной подгруппы она является стержнем устойчивого прагматизма, для другой – источником внутреннего конфликта, а для нерелигиозных просто отсутствует. Ключевым механизмом, объясняющим эти различия, является опосредующая роль социального капитала, эффективность которого, как показал анализ модерируемой медиации, резко различается между группами.

В табл. 4 представлены обобщенные данные весовых средних значений факторов ценностей молодежных когорт по гендерному и религиозному признакам. При этом чем выше «3», тем фактор в более положительном значении у группы, а чем ниже «3», тем в более отрицательном. Будем опираться на эти показатели в дальнейшем для расчета моделей медиации.

Таблица 4. Обобщенные данные по группам молодежи
Table 4. Generalized data on youth groups

Группа / Фактор	Территориальная идентичность	Традиционные семейные ценности	Репродуктивные установки	Религиозность	Прагматические ориентации	Социальный капитал
Казачья молодежь религиозная	3,68	3,41	3,69	3,47	3,73	3,41
Казаки религиозные	3,68	3,52	3,75	3,43	3,79	3,42
Каза́чки религиозные	3,69	3,22	3,57	3,54	3,62	3,40
Казаки нерелигиозные	3,23	2,55	2,97	2,27	3,70	3,06
Каза́чки нерелигиозные	3,23	2,24	2,73	1,67	3,80	2,73
Казачья молодежь нерелигиозная	3,23	2,43	2,87	2,04	3,74	2,93
Среднее по группе «Казачья молодежь»	3,46	2,92	3,28	2,75	3,74	3,17
Студенческая молодежь религиозная	3,37	3,09	3,15	3,21	3,85	3,17
Студенты религиозные	3,38	3,26	3,30	3,20	3,90	3,18
Студентки религиозные	3,34	2,65	2,79	3,24	3,70	3,20
Студенты нерелигиозные	3,20	2,39	3,10	1,67	3,51	3,24
Студентки нерелигиозные	3,27	2,02	2,35	1,84	3,49	2,90
Студенческая молодежь нерелигиозная	3,23	2,24	2,78	1,74	3,50	3,10
Среднее по группе «Студенческая молодежь»	3,30	2,66	2,97	2,48	3,67	3,13

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 109–126
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 109–126

Религиозные студенты – единственная группа, у которой все факторы в положительном значении и максимальный прагматизм из всех групп 3,90. У этой группы целостность мировоззрения заключается в гармоничном сочетании традиционных ценностей и современных прагматических установок. Феномен «разорванной идентичности» у религиозных студенток (высокая религиозность при низких семейно-репродуктивных установках) является наглядной иллюстрацией концепции П. Бурдьё о декларируемом символическом капитале. Их религиозность, не подкрепленная плотными социальными сетями и инкорпорированным габитусом (в отличие от казачек), оказывается уязвимой перед давлением доминирующих в университетской среде секулярных и эгалитарных норм. Это конфликт между риторикой принадлежности и усвоенными диспозициями, сформированными в современной урбанистической среде.

Группа нерелигиозных студентов характеризуется скорее рациональным выбором и последовательной светской позицией с акцентом на профессиональный успех и социальные связи, при этом религиозность имеет сильно отрицательное значение (1,67), явное неприятие традиционной семьи (2,39), сильные прагматические ориентации (3,51) и социальный капитал (3,24). У них репродуктивные установки (3,10) и территориальная идентичность (3,20) носят скорее нейтральный характер.

Нерелигиозные студентки характеризуются наиболее радикальным отказом от традиционных ориентиров при слабой социальной интеграции и имеют четыре отрицательных показателя на шесть факторов: религиозность (1,84), традиционные семейные ценности (2,02), репродуктивные установки (2,35) и самый низкий социальный капитал среди всех групп, что свидетельствует о слабых социальных связях (2,90). Опорные и единственные положительные факторы у этой группы: территориальная идентичность (3,27) и прагматизм (3,49). Религиозные студентки, несмотря на внутренние противоречия, демонстрируют значительно более высокую социальную интеграцию и психологическую устойчивость по сравнению с нерелигиозными сверстницами (рис. 2).

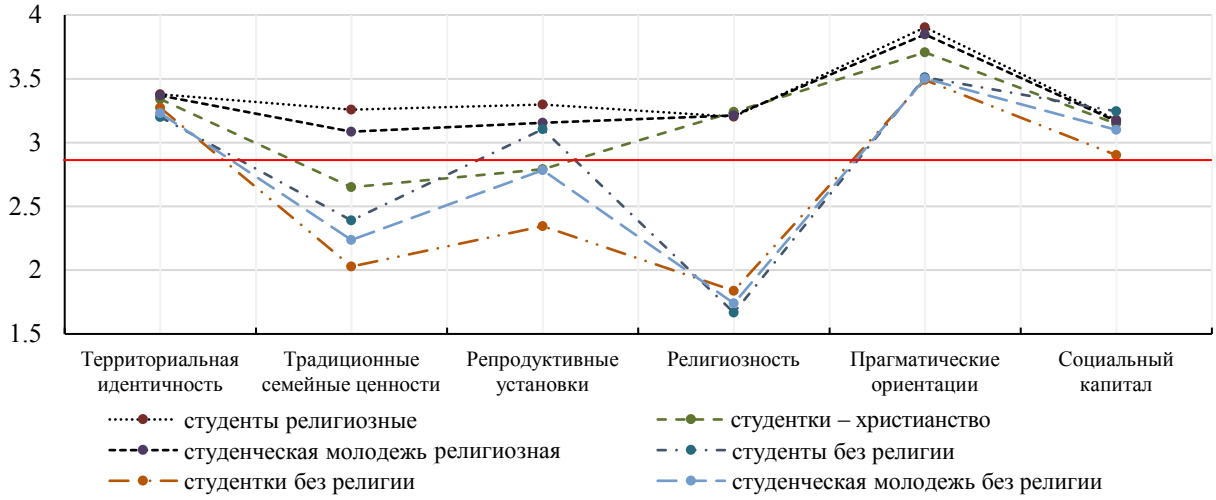


Рис. 2. Весовые значения факторов ценностей студенческой молодежи по гендерному и религиозному признакам
Fig. 2. Weighting values of student youth values by gender and religion

Исходя из результатов когорт студенческой молодежи, можно представить специфические ценностные профили каждой из них (табл. 5).

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 109–126
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 109–126

Таблица 5. Специфические ценностные профили когорт студенческой молодежи
Table 5. Specific value profiles of student cohorts

Когорта	Ценностный профиль	Положительные/отрицательные показатели	Противоречия
Религиозные студенты	Ценностно-устойчивые прагматики	Все шесть показателей положительные	Наиболее внутренне устойчивая группа
Религиозные студентки	Профиль ценностного диссонанса	Четыре положительных и два отрицательных (традиционные семейные и репродуктивные установки)	Группа внутреннего конфликта и трансформации
Нерелигиозные студенты	Свободные индивидуалисты	Четыре положительных и два отрицательных (религиозность и традиционные семейные установки)	Рациональная адаптация к современности
Нерелигиозные студентки	Атомизированные индивидуалистки	Два положительных (прагматизм, территориальность) и четыре отрицательных показателя	Группа ценностного кризиса и социальной изоляции

В группе казачьей молодежи религиозность является системообразующим фактором, который четко разделяется на две противоположные ценностные системы. Религиозные казаки демонстрируют целостный и позитивный ценностный профиль, поскольку показатели всех факторов находятся выше значения «3». У них сильная связь со своей территориальной идентичностью (3,68), выраженные традиционные семейные ценности (3,52) и максимальные среди всех групп репродуктивные установки (3,75), что говорит о сильной ориентации на многодетную семью как основу продолжения традиций, при этом наблюдаются религиозность (3,47), социальный капитал (3,41) и высокий прагматизм (3,73).

Религиозные каза́чки – скорее, сбалансированные носители традиций: высокая территориальная идентичность (3,69), самая высокая религиозность из всех групп (3,54), но более низкие, чем у религиозных казаков, традиционные семейные ценности (3,22) и репродуктивные установки (3,57), достаточно высокий прагматизм (3,62) и социальный капитал (3,40). Их ценностный профиль схож с религиозными студентками, они также находятся в поле между традицией и современностью, но с более высокими показателями по всем факторам (рис. 3).

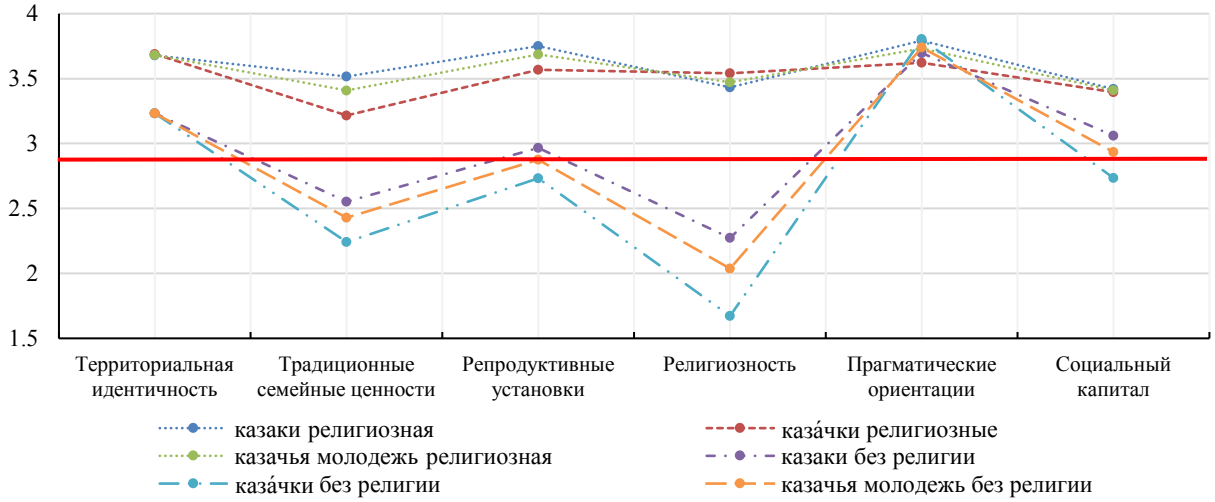


Рис. 3. Весовые значения факторов ценностей казачьей молодежи по гендерному и религиозному признакам
Fig. 3. Weighting values of the factors of values of Cossack youth by gender and religion

Нерелигиозные казаки демонстрируют распад целого ценностного профиля, где традиция перестает быть основой: слабая территориальная идентичность (3,23), негативные тра-

диционные семейные ценности (2,55) и репродуктивные установки (2,97), а отрицательная религиозность подтверждает светскую позицию (2,27). При этом высокий прагматизм (3,70) и почти нейтральный социальный капитал (3,06) показывают, что активность смещается в сугубо индивидуальную прагматическую сферу, где роль традиций и самой социальной группы становится инструментом реализации личных задач, сохраняя внешнюю декларативную идентичность.

Ценностный профиль нерелигиозных казачек демонстрирует наиболее глубокий кризис, так как разрыв с религиозностью в рамках традиционной группы влечет за собой системную деконструкцию всей идентичности. Низкий социальный капитал (2.73) указывает на их маргинализацию внутри собственного сообщества. Их высочайший прагматизм (3.80) можно интерпретировать не как жизненную стратегию, а как компенсаторный механизм, когда в условиях утраты групповой поддержки актуализируется установка на индивидуальное выживание и успех.

Для казачьей молодежи религиозность выступает не просто одним из показателей, а ключевым маркером, который напрямую коррелирует с сохранением всех остальных элементов традиционной идентичности, а снижение этих факторов ведет к деградации социальной группы (табл. 6).

Таблица 6. Специфические ценностные профили когорт казачьей молодежи
Table 6. Specific value profiles of cohorts of Cossack youth

Когорта	Ценностный профиль	Положительные/ отрицательные показатели	Противоречия
Религиозные казаки	Системное ядро	Все шесть показателей положительные	Сочетание высокой традиционности с современным прагматизмом
Религиозные каза́чки	Профиль селективного следования	Пять показателей положительные, традиционные семейные ценности ближе к нейтральному показателю	Высокая религиозность при относительно низких семейных установках, традиционная идентичность с условием гендерного пересмотра
Нерелигиозные казаки	Декларативная идентичность	Три положительных и три отрицательных показателя (традиционные семейные и репродуктивные установки, религиозность)	Внешняя идентичность без ценностного фундамента, высокий прагматизм при слабых традиционных ценностях. Переферийная группа
Нерелигиозные каза́чки	Атомизированные индивидуалистки	Два положительных и четыре отрицательных показателя (репродуктивные и семейные установки, религиозность и социальный капитал)	Высокий прагматизм при системном негативе остальных факторов, стремление к успеху в условиях изоляции с группой

Из анализа данных видно, что религиозность является ключевым маркером и фундаментом целостной ценностной системы для обеих групп (казаков и студентов), где принадлежность к религиозной подгруппе напрямую коррелирует с позитивными значениями по всем или большинству других факторов (традиционные семейные ценности, репродуктивные установки, социальный капитал). Утрата религиозности ведет к системной трансформации и распаду традиционного ценностного профиля. Нерелигиозные группы демонстрируют резкое падение не только по шкале религиозности, но и по связанным с ней традиционным ценностям, что особенно ярко выражено в традиционной казачьей среде.

Во всех группах наблюдается гендерный разрыв в следовании традиционным нормам. Так, религиозные каза́чки и студентки показывают более низкие показатели по традицион-

ным семейным и репродуктивным ценностям по сравнению с религиозными мужчинами в обеих группах, что свидетельствует о внутреннем конфликте, так называемой разорванной идентичности у религиозных девушек. Они пытаются сочетать религиозность и идентичность с современными, менее патриархальными гендерными установками.

Нерелигиозные девушки (каза́чки и студентки) находятся в наиболее уязвимом положении, демонстрируя радикальный отказ от традиций и самый низкий социальный капитал, что указывает на ценностный кризис и некоторую социальную изоляцию.

Доминирование прагматических ориентаций во всех без исключения группах свидетельствует о его статусе «мета-ценности» поколения Z, на которую накладываются все прочие ценностные системы. Это согласуется с теорией «второго демографического перехода», где рациональный экономический расчет становится универсальным модусом принятия жизненных решений, в том числе в семейной сфере. Религиозные группы не отвергают прагматизм, но интегрируют его в свою картину мира, в то время как нерелигиозные делают его центральным принципом. Традиционные семейные и репродуктивные ценности у молодежи – самый уязвимый элемент, который напрямую зависит от религиозности.

При использовании концепции модерируемой медиации факторов и расчете показателей по формулам (табл. 3) получены данные опосредованного влияния социального капитала и религиозных ценностей на репродуктивные установки (табл. 7). При этом значения выше 0,25 будут означать ощутимое влияние фактора и наоборот.

Таблица 7. Сравнение объясняющей способности моделей
Table 7. Comparison of explanatory power of models

Группа	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4 (путь А)	Модель 4 (путь В)	Модель 5 (путь А)	Модель 5 (путь В)
Казаки религиозные	**0,340**	**0,297**	0,153	**0,284**	0,153	**0,297**	0,153
Каза́чки религиозные	0,118	0,079	**0,530**	0,093	**0,530**	0,079	**0,530**
Казаки нерелигиозные	0,071	0,049	0,045	0,095	0,045	0,049	0,045
Каза́чки нерелигиозные	0,171	0,025	0,048	0,041	0,048	0,025	0,048
Студенты религиозные	**0,255**	0,093	**0,281**	0,119	**0,281**	0,093	**0,281**
Студентки религиозные	0,222	0,055	**0,445**	0,017	**0,445**	0,055	**0,445**
Студенты нерелигиозные	0,046	0,034	0,124	0,098	0,124	0,034	0,124
Студентки нерелигиозные	0,150	0,084	0,009	0,161	0,009	0,84	0,009

Высокие значения модели 1 у религиозных казаков (0,340) и студентов (0,255) указывают на религиозность как мужской паттерн. Для мужчин в традиционных и околотрадиционных средах религиозность сама по себе является мощным легитимирующим фактором, напрямую усиливающим связь между их социальными связями и установками на многодетность. Это механизм идеологического оправдания традиционной модели семьи.

Традиционные семейные ценности выступают ключевым модератором для религиозных женщин обеих групп (модель 3: каза́чки – 0,530, студентки – 0,445). Это означает, что их репродуктивный выбор определяется не столько внешней религиозной идентичностью, сколько степенью интериоризации конкретных семейных норм. Здесь работает механизм нормативного давления, где социальный капитал преобразуется в установки только при условии принятия традиционной гендерной роли.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 109–126
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 109–126

Показательно, что ни одна из моделей не демонстрирует значимой силы (все значения больше 0,25) в нерелигиозных когортах. Это означает, что в отсутствие религиозности как системообразующего «социального клея» связь между их социальным капиталом (часто слабым или инструментальным) и репродуктивными установками носит случайный, недетерминированный характер и регулируется иными, неучтенными в модели факторами.

Применение моделей модерации показало, что традиционные семейные ценности как модератор связи между социальным капиталом и репродуктивными установками (модель 3) хорошо работают в религиозных женских группах. Религиозность как модератор (модель 1) важна для религиозных мужских групп. Территориальная идентичность (модель 2) имеет умеренное влияние только в группе религиозных казаков. В нерелигиозных группах ни одна из моделей не показывает высокой объясняющей способности. Это может говорить о том, что религиозность и традиционные семейные ценности являются важными факторами в формировании репродуктивных установок через социальный капитал в религиозных группах, особенно среди женщин, а для нерелигиозных групп необходимо выбирать другие факторы, не учтенные в моделях.

Исследование позволяет дать эмпирически обоснованный ответ на центральный исследовательский вопрос: при каких условиях религиозность становится действенным фактором формирования репродуктивных установок. Главный вывод заключается в том, что влияние религиозности на репродуктивные установки носит не прямой, а опосредованный характер, и ключевым опосредующим звеном выступает социальный капитал, тип которого (реальный или декларативный) определяет силу и устойчивость этой связи.

Теоретический вклад работы состоит в эмпирической верификации и операционализации концепции П. Бурдьё о двух формах капитала применительно к сфере религиозности и репродуктивных установок. Исследование показало, что выделение реального символического капитала (инкорпорированного в габитус и подкрепленного плотными социальными сетями) и декларируемого символического капитала (ограниченного риторикой и демонстративными практиками) является не просто теоретической конструкцией, а рабочим инструментом, объясняющим парадоксы ценностных разрывов в современном российском обществе. Практические импликации вытекают из выявленной специфики групп и предполагают дифференцированный подход в реализации семейной и молодежной политики.

Для студенческой молодежи (потенциальный декларируемый капитал) усилия власти должны быть направлены на трансформацию религиозности из маркера идентичности в реальный социальный ресурс. Это может включать создание при вузах и молодежных центрах не просто дискуссионных клубов, а сплоченных сообществ (клубов, волонтерских проектов, молодежных приходов), где религиозные ценности подкреплялись бы реальными практиками взаимопомощи, совместного досуга, поддержки молодых семей и нуждающихся граждан, тем самым формируя реальный социальный капитал.

Для казачьей молодежи (потенциальный реальный капитал) ключевой задачей является поддержка и защита самой институциональной среды, воспроизводящей этот капитал. Политика по отношению к данной группе должна быть нацелена на укрепление институтов казачьего самоуправления, поддержку предпринимательства и культурных проектов, которые цементируют их социальные связи и связывают с территориальной идентичностью.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 109–126
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 109–126

Для этой группы религиозность является не самостоятельным объектом воздействия, а органичной частью целостного традиционного уклада, разрушение которого ведет к системной ценностной деградации.

Таким образом, эффективность мер, направленных на укрепление семьи и ориентацию на репродуктивные установки через апелляцию к религиозным ценностям, будет напрямую зависеть от их способности воздействовать на природу социального капитала целевых групп, способствуя его преобразованию из декларативного в реальный.

Заключение. Проведенное исследование позволяет разрешить сформулированный в начале работы парадокс, заключающийся в противоречии между высокой декларативной значимостью религиозных и семейных ценностей и устойчиво низкими демографическими показателями. Эмпирически доказано, что религиозность влияет на репродуктивные установки не прямо, а через сложную систему опосредующих механизмов, ключевым из которых выступает социальный капитал, но только для религиозной части молодежи.

Основной вывод исследования состоит в том, что эффективность влияния религиозности на репродуктивные установки напрямую зависит от типа социального капитала, который может существовать в двух формах реального и декларируемого символического капитала в терминологии П. Бурдьё. Сравнительный анализ студенческой и казачьей молодежи выявил фундаментальные различия в природе этой взаимосвязи. Для казачьей молодежи религиозность выступает как реальный социальный капитал, интегрированный в плотные социальные связи и традиционный уклад жизни. В этой группе наблюдается целостный ценностный профиль, где религиозность системно связана с высокими показателями территориальной идентичности, традиционных семейных ценностей и репродуктивных установок. Для студенческой молодежи характерна более сложная картина, при которой религиозность часто проявляется как декларируемый символический капитал, порождая феномен «разорванной идентичности», особенно выраженный у религиозных студенток, которые демонстрируют внутренний конфликт между религиозными убеждениями и современными гендерными установками.

Теоретическая значимость работы заключается в операционализации концепции П. Бурдьё применительно к исследованию влияния религиозности на репродуктивные установки. Эмпирически подтверждена эвристическая ценность выделения реального и декларируемого символического капитала для объяснения ценностных разрывов в современном обществе.

Практическая значимость исследования определяется возможностью разработки дифференцированных подходов в семейной и молодежной политике. Для студенческой молодежи целесообразно создание сообществ, где религиозные ценности будут подкрепляться реальными практиками взаимопомощи и совместной деятельности, а для казачьей молодежи приоритетом должна стать поддержка институциональной среды, воспроизводящей традиционный уклад как целостную ценностную систему.

Ограничения исследования связаны со спецификой выборок, что определяет перспективы дальнейших исследований, например проведение лонгитюдных исследований и расширение сравнительной базы за счет других молодежных групп. В целом, работа демонстрирует, что эффективность мер, направленных на укрепление семейных ценностей через апелляцию к религиозности, будет определяться их способностью воздействовать на природу социального капитала целевых групп, способствуя трансформации декларируемого капитала в реальный.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борисова О. Н., Павлюткин И. В. Вариативность моделей современной городской многодетности: возрождение традиции, новые браки или сетевые эффекты? // Мир России. 2019. Т. 28, № 4. С. 128–151. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-4-128-151

2. Семья в системе российских ценностей // ВЦИОМ. 22.11.2024. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-v-sisteme-rossiiskikh-cennostei (дата обращения: 06.11.2025).

3. Павлюткин И. В. Социальные механизмы трансляции культуры семейной жизни: значение религиозной среды (на примере российского православия) // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 4. С. 31–49. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-2

4. К вопросу о рождаемости в современной России // ФОМ. 18.08.2023. URL: https://fom.ru/Rabota-idom/14911 (дата обращения: 20.10.2025).

5. Религия и общество: мониторинг // ВЦИОМ. 27.07.2023. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring (дата обращения: 13.11.2025).

6. Захаров С., Чурилова Е. Вероисповедание, религиозность и рождаемость в России. Есть ли взаимосвязь? // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2022. № 40 (4). С. 77–104. DOI: 10.22394/2073-7203-2022-40-4-77-104

7. Зимова Н. С., Неробеева Т. С. Влияние религиозности на брачно-семейные установки современной молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 1. С. 91–109. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-1-0-6

8. Заседание Совета по реализации государственной демографической и семейной политики // Президент России. 23.10.2025. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/78273 (дата обращения: 26.10.2025).

9. Бурдьё П. Формы капитала / пер. М. С. Добряковой // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 60–74.

10. Бурдьё П. Структуры, габитус, практика / пер. с фр. Н. А. Шматко // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 2. С. 44–59.

11. Bourdieu P. On the family as a realized category // Theory, Culture & Society. 1996. Vol. 13, iss. 3. P. 19–26. DOI: https://doi.org/10.1177/026327696013003002

12. Мартьянова Е. Г. Религиозная культура современной российской молодежи (по материалам социологических исследований) // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2025. № 2 (54). С. 123–146. DOI: 10.22405/2304-4772-2025-2-123-146

13. Синелина Ю. Ю. Динамика религиозности россиян (1989–2012) // Социология религии в обществе позднего модерна (памяти Ю. Ю. Синелиной): материалы Третьей междунар. науч. конф., Белгород, 13 сентября 2013 г. / Белгород. БелГУ, 2013. С. 324–343.

14. Ивлева М. Л., Курилов С. Н., Россман В. И. Религиозные ценности глазами молодежи: опыт социологического исследования // Вестн. РУДН. Сер. Социология. 2018. № 3. С. 481–493. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-3-481-493

15. Русанова Н. Е., Ерофеева Л. В. Репродуктивное здоровье и репродуктивный выбор российской молодежи // ДЭМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, №. 2. С. 6–21. DOI: 10.19181/demis.2025.5.2.1

16. Информация о численности обучающихся // СПбГЭТУ «ЛЭТИ». URL: https://etu.ru/sveden/education/study/ (дата обращения: 11.10.2025).

17. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S (дата обращения: 26.10.2025).

18. Preacher K. J., Rucker D. D., Hayes A. F. Assesing moderated mediation hypotheses: Strategies, methods, and prescriptions // Multivariate Behavioral Research. 2007. Vol. 42, iss. 1. P. 185–227. DOI: 10.1080/00273170701341316

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 109–126
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 109–126

Информация об авторах

Курапова Анна Сергеевна – кандидат социологических наук (2018), доцент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 43 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология молодежи, социология идентичности, социология семьи, социология искусственного интеллекта.

Курапов Сергей Владимирович – кандидат социологических наук (2021), старший научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, ул. Космонавтов, д. 2, Москва, 129366, Россия. Автор 35 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология молодежи, социология идентичности, социология искусственного интеллекта.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 06.02.2026; принята после рецензирования 12.03.2026; опубликована онлайн 23.06.2026.

REFERENCES

1. Borisova, O.N. and Pavlyutkin, I.V. (2019), “The revival of tradition, new marriages or network effects: variability of models of large modern urban families”, *Mir Rossii*, vol. 28, no. 4, pp. 128–151. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-4-128-151

2. “Family in the System of Russian Values” (2024), *VCIOM*, 22.11.2024, available at: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-v-sisteme-rossiiskikh-cennostei (accessed 06.11.2025).

3. Pavlyutkin, I.V. (2024), “Social mechanisms of transmission of family life culture through a religious network (case study of Russian orthodox Christianity)”, *Research Result. Sociology and Management*, vol. 10, no. 4, pp. 31–49. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-2

4. “On the issue of birth rates in modern Russia” (2023), *FOM*, 18.08.2023, available at: https://fom.ru/Rabota-idom/14911 (accessed 20.10.2025).

5. “Religion and Society: Monitoring” (2023), *VCIOM*, 27.07.2023, available at: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring (accessed 13.11.2025).

6. Zakharov, S. and Churilova, E. (2022), “Fertility in Russia: does religion and religiousness matter?”, *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, no. 40 (4), pp. 77–104. DOI: 10.22394/2073-7203-2022-40-4-77-104

7. Zimova, N.S. and Nerobeeva, T.S. (2025), “The influence of religiosity on marital and family attitudes of modern youth”, *Research Result. Sociology and Management*, vol. 11, no. 1, pp. 91–109. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-1-0-6

8. “Meeting of the Council for the Protection of State Demographic and Family Policy” (2025), *The President of Russia*, 23.10.2025, available at: http://www.kremlin.ru/events/president/news/78273 (accessed 26.10.2025).

9. Bourdieu, P. (2002), “Forms of capital”, Transl. by Dobryakova, M.S., *Economic Sociology*, vol. 3, no. 5, pp. 60–74.

10. Bourdieu, P. (1998), “Structures, habitus, practice”, Transl. by Shmatko, N.A., *J. of Sociology and Social Anthropology*, vol. 1, no. 2, pp. 44–59.

11. Bourdieu, P. (1996), “On the family as a realized category”, *Theory, culture & society*, vol. 13, iss. 3, pp. 19–26. DOI: https://doi.org/10.1177/026327696013003002

12. Martyanova, E.G. (2025), “Religious culture of contemporary Russian youth (based on sociological research data)”, *Gumanitarnyye Vedomosti TGPU im. l. N. Tolstogo*, no. 2 (54), pp. 123–146. DOI: 10.22405/2304-4772-2025-2-123-146

13. Sinelina, Yu.Yu. (2013), "Dynamics of Religiosity in Russia (1989–2012)", *Sociology of Religion in Late Modern Society (in memory of Yu.Yu. Sinelina)*, *Proc. of the Third Int. Sci. Conf.*, Belgorod, RUS, 13 Sep. 2013, pp. 324–343.

14. Ivleva, M.L., Kurilov, S.N. and Rossman, V.I. (2018), "The youth's perception of religious values: a sociological study", *RUDN J. of Sociology*, no. 3, pp. 481–493. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-3-481-493

15. Rusanova, N.E. and Erofeeva, L.V. (2025), "Reproductive Health and Reproductive Choice of Russian Youth", *DEMIS. Demographic research*, vol. 5, no. 2, pp. 6–21. DOI: 10.19181/demis.2025.5.2.1

16. "Information about the degree of learning", *ETU*, available at: https://etu.ru/sveden/education/study/ (accessed 11.10.2025).

17. "Decree of the President of the Russian Federation dated 09.11.2022 No. 809 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the preservation and strengthening of traditional Russian Spiritual and Moral values"", *President of Russia*, available at: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S (accessed 26.10.2025).

18. Preacher, K.J., Rucker, D.D. and Hayes, A.F. (2007), "Assessment of hypotheses of moderating mediation: strategies, methods and recommendations", *Multidimensional Behavioral Research*, vol. 42, iss. 1, pp. 185–227. DOI: 10.1080/00273170701341316

Information about the authors

Anna S. Kurapova – Can. Sci. (Sociology, 2018), Associate Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 43 scientific publications. Area of expertise: sociology of youth, sociology of identity, sociology of the family, sociology of artificial intelligence.

Sergey V. Kurapov – Can. Sci. (Sociology, 2021), Senior Researcher, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, 2 Cosmonauts str., Moscow 129366, Russia. The author of 35 scientific publications. Area of expertise: sociology of youth, sociology of identity, sociology of artificial intelligence.

No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 06.02.2026; adopted after review 12.03.2026; published online 23.06.2026.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 127–140
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 127–140

Оригинальная статья
УДК 316.351:378(470.5); 353.1
http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-3-127-140

Научно-образовательные общности вузов как субъект развития науки: специфика Уральского федерального округа

Дмитрий Юрьевич Нархов

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
d_narkhov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0104-7324

Введение. Актуальность статьи связана с необходимостью преодоления ограничений, препятствующих активному вовлечению университетской науки макрорегионов в устойчивое развитие страны и ее субъектов, равно как и развитию самой университетской науки. Одним из них является недостаточное использование потенциала вузовских образовательных общностей в академической и отраслевой науке. Исследование нацелено на выявление специфики деятельности общностей научно-педагогических работников (НПР), студенчества и административно-управленческих работников (АУР) как субъектов развития университетского сегмента научного пространства Уральского федерального округа (УрФО).

Методология и источники. Исследование опирается на общностный и деятельностный подходы в рамках теорий социальной общности и теорий действия и взаимодействия применительно к высшему образованию. Эмпирической базой является комплекс статистических данных Росстата, Минобрнауки РФ и РИНЦ, результаты двух волн экспертных интервью с научно-педагогическими и административными работниками вузов УрФО 2024–2025 гг. ($N_{сумм}$ = 116).

Результаты и обсуждение. Осуществлено теоретико-эмпирическое изучение проблемы субъектности названных научно-образовательных общностей в развитии университетской науки, выявляются особенности публикационной активности, определяются элементы и связи консолидации этих общностей в университетском научном пространстве. Сформулировано понятие «научная субъектность акторов университетского научного пространства». В региональном разрезе вычислены данные о численности исследователей – докторов и кандидатов – как основной движущей силы науки Уральского макрорегиона, рассчитана численность общностей вузов УрФО – сотрудников, имеющих ученую степень. Проведен анализ данных о публикационной активности вузовских сообществ РИНЦ по регионам округа. Сделан вывод о независимости публикационной активности от статуса и размера вуза. Консолидация научно-образовательных общностей рассмотрена как единство групповой целостности, автономности в выборе исследовательских треков, способности к самоидентификации и самоорганизации. С привлечением транскриптов интервью показана специфика их проявления.

Заключение. Сделан вывод о наибольшем проявлении субъектности научно-образовательных общностей в научном пространстве самих вузов, минимальном – в сегменте отраслевой науки. В качестве способа наращивания влияния изучаемых общностей предложено рассматривать экосистемные модели организации университет-

© Нархов Д. Ю., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 127–140
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 127–140

ского научного пространства. Поставлена задача исследования практик взаимодействия и проявления социального участия вузовских научно-образовательных общностей в развитии науки и определении параметров обозначенной модели.

Ключевые слова: научно-образовательные общности вузов, развитие науки, субъектность научных общностей, научно-исследовательская активность, групповая целостность, групповая автономность, самоидентификация ученых

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 25-18-00206 «Межпоколенческие и внутрипоколенческие взаимодействия в российском университетском сообществе XXI в.: от кризиса к консенсусу»).

Для цитирования: Нархов Д. Ю. Научно-образовательные общности вузов как субъект развития науки: специфика Уральского федерального округа // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 127–140. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-3-127-140

Original paper

Scientific and Educational Communities of Universities as a Subject of Science Development: Specificity of the Ural Federal District

Dmitry Yu. Narkhov

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia
d_narkhov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0104-7324

Introduction. The relevance of this article stems from the need to overcome the limitations that hinder the active involvement of university research in macroregions in the sustainable development of the country and its constituent entities, as well as the development of university research itself. One such limitation is the underutilization of the potential of university educational communities in academic and industry-specific research. This study aims to identify the specific activities of research and teaching staff (R&T), student, and administrative and management staff (AMS) communities as actors in the development of the university segment of the scientific space in the Ural Federal District (UFD).

Methodology and sources. The study draws on community and activity-based approaches within the framework of theories of social community and theories of action and interaction as applied to higher education. The empirical base is a combination of statistical data from RosStat, the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, and the Russian Science Citation Index (RSCI), along with the results of two waves of expert interviews with research, teaching, and administrative staff at universities in the Ural Federal District, 2024–2025 (N_{total} = 116).

Results and discussion. A theoretical and empirical study was conducted on the role of these scientific and educational communities in the development of university science. The characteristics of their publication activity were identified, and the elements and connections of consolidation of these communities within the university scientific space were defined. The concept of "scientific agency of university scientific space actors" was formulated. Regional data were collected on the number of researchers – doctors and candidates of science – as the main driving force of science in the Ural macroregion, and the number of Ural Federal District university communities – staff with academic degrees – was calculated. Data on the publication activity of university RSCI communities by region was analyzed. A conclusion was reached that publication activity is independent of the status and size of the university. The consolidation of scientific and educational communities is examined as a unity of group cohesion, autonomy in choosing research tracks, and the

ability to self-identify and self-organize. Using interview transcripts, the specifics of their manifestation are demonstrated.

Conclusion. It is concluded that the subjectivity of scientific and educational communities is most pronounced in the scientific space of the universities themselves, and least pronounced in the sectoral science segment. Ecosystem models of university scientific space organization are proposed as a way to increase the influence of the communities under study. The objective is to study the practices of interaction and social participation of university scientific and educational communities in the development of science and to determine the parameters of this model.

Keywords: scientific and educational communities of universities, development of science, subjectivity of scientific communities, scientific research activity, group integrity, group autonomy, self-identification of scientists

Source of financing: the work was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 25-18-00206 "Intergenerational and intragenerational interactions in the Russian University community of the XXI century: from crisis to consensus").

For citation: Narkhov, D.Yu. (2026), "Scientific and Educational Communities of Universities as a Subject of Science Development: Specificity of the Ural Federal District", *DISCOURSE*, vol. 12, no. 3, pp. 127–140. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-3-127-140

Введение. На протяжении последних десятилетий предприняты значительные усилия для выведения вузовской науки на уровень мирового лидерства, ее качественного преобразования, однако ни проект «5-100», ни сменившая его программа «Приоритет-2030» не достигли желаемого результата, хотя и создали ряд условий для развития науки в ведущих университетах России. Тренд государственной политики на обеспечение технологической независимости страны, ее федеральных округов и отдельных субъектов нацелен на развитие не только «столичной», но и региональной университетской науки, благодаря чему должны оптимизироваться связи между вузовскими научно-образовательными общностями и субъектами-бенефициарами научного знания – институтами региональной власти, бизнеса, академическими и социальными структурами.

Разная степень активности основных общностей вузов: научно-педагогических работников, студенчества, административно-управленческих работников, в конечном итоге определяет, с одной стороны, степень и темпы развития университетской науки, с другой стороны – возможности университетского научно-образовательного сообщества в решении задач обеспечения технологической независимости и устойчивого развития страны. Многочисленные неравенства и противоречия, возникающие в результате взаимодействия акторов университетского научного пространства [1], актуализируют задачу изучения субъектности научно-образовательных общностей вузов в развитии университетской науки и выявлении ее специфики на уровне крупного нестоличного макрорегиона с мощной финансово-промышленной и социально-культурной сферой, обладающей высокоразвитой научной и образовательной структурой. Таким макрорегионом является изучаемый нами Уральский федеральный округ (УрФО, Уральский макрорегион).

В социологической литературе последнего времени много исследований посвящено базовым проблемам российской науки – недофинансирования, кадрового голода и воспроизводства [2], противоречий между менеджериализмом и академическими традициями [3], вопросам наукометрических показателей. Меньше исследований нацелено на изучение кон-

кретных успехов и реализованных возможностей развития региональной науки и ее университетского сегмента [4; 5]. Получила освещение общностная проблематика в науке, более – студенчества [6] и НПР [7], менее – АУР [8]. Успешно изучаются проблемы производства научного знания, его ценности в вузе, чаще как необходимого элемента профессиональной подготовки молодых ученых [9]. Реже в поле зрения социологов попадает результативность и противоречивость данного процесса, включая академические девиации, еще реже – межобщностное взаимодействие [10] НПР, студенчества и АУР.

Представляются недостаточно исследованными две проблемы: а) взаимодействие и взаимное проникновение научно-образовательных, академических и научно-производственных общностей [11]; б) субъектность научно-образовательных общностей. Тема субъектности более всего рассматривалась в отношении общности студентов [12], в то время как субъектности общности НПР и тем более общности АУР в науке посвящены отдельные труды [13].

Актуальность статьи определяется недостаточным теоретическим обоснованием субъектности вузовских научно-образовательных общностей (НПР, студенчества, АУР) в развитии науки на уровне макрорегиона и необходимостью выявления специфики конкретного проявления субъектности университетских научно-образовательных общностей.

Объектом исследования является развитие макрорегионального научного пространства и его структурного элемента – университетского научного пространства, предметом – субъектность научно-образовательных общностей высшего образования Уральского макрорегиона.

Проблема исследования состоит в противоречии между необходимостью развития университетской науки, более активного вовлечения ее в решение задач устойчивого развития регионов страны и ограниченными возможностями в использовании потенциала вузовских образовательных общностей в академической и отраслевой науке.

Цель исследования – выявить специфику деятельности НПР, студенчества и АУР вузов в научном пространстве макрорегиона как субъектов развития университетского сегмента научного пространства округа.

Исследовательские задачи:

– теоретико-эмпирическая разработка проблемы субъектности научно-образовательных общностей в развитии университетской науки как сегмента научного пространства макрорегиона;

– изучение специфики научно-исследовательской публикационной активности вузовских научно-образовательных общностей как одного из основных видов их деятельности;

– исследование элементов и связей в процессе консолидации вузовских научно-образовательных общностей в университетском научном пространстве.

Методология и источники. Теоретико-методологическим основанием авторского исследования выступают общностный и деятельностный подходы. Базовыми теориями для исследования являются теории социальной общности [7] и теории социального действия и взаимодействия [10] применительно к высшему образованию. В качестве базы источников выбраны вузы УрФО. В 2025 г. на территории округа располагалось 48 самостоятельных вузов и 39 филиалов, из которых 72 – государственные и муниципальные вузы, 15 – негосударственные вузы[1].

[1] В это число не включены вузы «силового блока».

Комплекс эмпирических данных получен в результате анализа:

– статистических данных Федеральной службы государственной статистики, раздел «Наука, инновации и технологии» [14];

– статистических данных Минобрнауки РФ [15] и данных федерального мониторинга деятельности высшего образования, проводимого Минобрнауки РФ [16];

– статистики РИНЦ [17];

– транскриптов авторских полуструктурированных интервью «Проблемы и перспективы взаимодействия образовательных общностей в научном пространстве вузов УрФО», 2024–2025 гг. Респонденты – НПР и АУР двух типов: эксперты (Э) – сотрудники вузов с опытом НИР более 10 лет и учеными степенями, званиями ($N_Э = 43$), и информанты (И) – исследователи без ученых степеней, аспиранты, молодые ученые с опытом НИР от трех лет ($N_И = 32$). Отбор вузов осуществлен в зависимости от типов: федеральный, национальный исследовательский, опорный, университеты; вузы, отличающиеся спецификой подготовки кадров (медицинские, технические, сельскохозяйственные, педагогические, архитектурно-строительные и др.).

В качестве дополнительного источника привлечены материалы исследования по программе гранта РНФ «Межпоколенческие и внутрипоколенческие взаимодействия в университетском сообществе УрФО XXI в.», 2025 г., экспертное интервьюирование, $N_{НПР} = 20$; $N_{АУР} = 21$[2]. Отбор респондентов выполнен по признакам региона, типа вуза (статусный/нестатусный), распределения по направлениям подготовки (естественно-научное и инженерно-техническое, социальное и гуманитарное), поколениям (молодое, среднее, старшее), должностям НПР и управленческому уровню (высшее руководство, руководство среднего и низшего уровней).

Результаты и обсуждение.

Субъектность научно-образовательных общностей. Определение субъектности научно-образовательных общностей требует введения нескольких базовых понятий. Первое из них – университетское научное пространство – определенный тип социального пространства, в котором создается, трансформируется и распространяется научное знание вузовскими научно-образовательными общностями в их непрерывном взаимодействии [1, с. 124–125].

Второе понятие – вузовская образовательная общность и ее конкретизация в виде общностей НПР, студенчества, АУР – определено в работе [8, с. 17–18]. Опираясь на постулат теории социальной общности [7, с. 9–38], согласно которому одни и те же люди входят во множество разных общностей, целесообразно отметить, что вузовские научно-образовательные общности в силу единства их основного вида деятельности не только взаимодействуют, но и частично «накладываются» на родственные региональные общности, образуемые представителями академической (научные общности структур региональных отделений РАН) и отраслевой науки (общности научно-технических отделов промышленной сферы, сохранившихся отраслевых НИИ и пр.). В вузовской практике взаимопроникновение научных общностей происходит через институты внешнего совместительства должностей

[2] Использованы данные, полученные научным коллективом гранта РНФ № 25-18-00206 с участием автора.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 127–140
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 127–140

для НПР и АУР, научных и производственных практик и стажировок для студентов и молодых ученых, в совместных исследовательских проектах и во множестве других форм. Такое наложение общностей расширяет социальное пространство университетской науки за пределы вузов, создавая его своеобразный «внешний контур».

Третье необходимое понятие – развитие макрорегиональной университетской науки. Под ним целесообразно понимать двунаправленный социальный процесс и его результаты. Во-первых, это способность науки вузов макрорегиона к прорывным открытиям фундаментального плана, а также возможность отвечать на запросы в научном и научно-технологическом обеспечении потребностей в устойчивом развитии страны в целом, отдельного федерального округа и его регионов. Во-вторых – расширение, усложнение и воспроизводство социальной структуры университетского научного пространства и его акторов (научно-образовательных общностей); наращивание вовлеченного в научное производство ресурсного потенциала этих общностей; создание новых социальных связей и коммуникативных каналов, достаточных для возникновения синергетического эффекта взаимодействия НПР, студенчества и АУР и их внутриобщностных групп в процессе генерирования научного знания.

В совокупности развитие макрорегиональной университетской науки может означать формирование устойчивой научной экосистемы, под которой понимается способ организации университетского научного пространства и ограниченную социально-территориальным и природным пространством многоуровневую акторно-сетевую структуру. В эту структуру интегрированы множественные разнородные социальные субъекты, включенные в научную деятельность, в первую очередь – вузовские научно-образовательные общности, сами вузы как социальные организации («внутренний контур» экосистемы), научные организации макрорегиона и органы их управления, научные общественные организации, органы власти, научно-инновационные предприятия и прочие субъекты, выступающие в качестве заказчиков и потребителей результатов научно-исследовательской деятельности («внешний контур» экосистемы).

Вся работа в экосистеме подчинена обеспечению научной успешности каждого из ее субъектов, а деятельность строится по принципу опоры на использование ресурсов друг друга, благодаря чему происходит устойчивое развитие каждого из отдельно взятых субъектов системы и осуществляется саморазвитие экосистемы в режиме «коллективного акселератора». Характеристики научной экосистемы макрорегионального уровня описаны в работе [8, с. 23–24].

Наконец, четвертое понятие – научная субъектность акторов университетского научного пространства понимается как «научно-исследовательская активность, групповая целостность и автономность в выборе исследовательских треков, наличие близких целей в научной деятельности, способность к самоидентификации, самоорганизации и самовоспроизводству в пространстве научно-исследовательской работы» [10, с. 101].

Очевидно, что научная субъектность научно-образовательных общностей проявляется через их деятельность, связана как с количественными, так и с качественными характеристиками и специфична у каждой из изучаемых общностей.

Федеральная статистика позволяет вычислить и оценить количественные характеристики только части профессиональных научно-образовательных общностей Уральского макрорегиона – на основании обладания их участниками учеными степенями (табл. 1). Именно эта часть научного сообщества представляет собой основную «движущую силу» науки округа.

Таблица 1. Численность исследователей УрФО на 2023 г., имеющих ученую степень [18]
Table 1. The number of researchers in the Ural Federal District in 2023 with an academic degree

Субъект РФ	Докторов наук, чел.	Кандидатов наук, чел.	Всего, чел.
Свердловская обл.	589	1856	2445
Челябинская обл.	242	906	1148
Тюменская обл.	86	371	457
Курганская обл.	24	128	152
ХМАО, ЯНАО, суммарно*	23	68	91
УрФО в целом	**964**	**3329**	**4293**
РФ в целом**	**22 626**	**69 975**	**92 601**

* Расчет автора.
** Без учета статистической информации по ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской обл.

Как видим, в Уральском макрорегионе 4,6 % всех исследователей РФ – обладателей ученых степеней, а в региональном разрезе больше всего докторов и кандидатов наук (более половины от всего потенциала округа) проживают в Свердловской обл., что легко объясняется наибольшим числом расположенных здесь вузов, прежде всего федерального университета, УрО РАН, а также комплекса отраслевых научных организаций.

На основании статистики Минобрнауки можно судить о численности обладателей ученых степеней в общностях вузов (табл. 2).

Таблица 2. Численность общностей вузов УрФО на 2023 г. – сотрудников, имеющих ученую степень, включая внешних совместителей (расчет автора) [15]
Table 2. The number of employees of the Ural Federal District universities in 2023 with an academic degree, including external part-time workers (author's calculation)

Регион	НПР*, чел.			АУР**, чел.		
	Докторов наук	Кандидатов наук	Общность в целом***	Докторов наук	Кандидатов наук	Общность в целом***
Свердловская обл.	897	5630	8812	277	518	3698
Челябинская обл.	775	2813	5364	207	368	2281
Тюменская обл.	435	1647	3229	96	187	1653
ХМАО	184	808	1612	30	103	541
Курганская обл.	54	367	602	11	49	219
Итого по округу	**2345**	**11 265**	**19 619**	**621**	**1225**	**8392**

* Совокупность профессорско-преподавательского состава и научных работников.
** Совокупность руководящих работников, включая деканов (директоров институтов), заведующих кафедрами и административных работников.
*** В том числе без ученой степени. Сведения о сотрудниках филиалов учтены в данных самостоятельных вузов.

Заметна существенная разница между данными Росстата и Минобрнауки по УрФО: численность вузовских докторов наук практически в 2,5 раза превышает численность докторов наук-исследователей, численность вузовских кандидатов наук – в 3,7 раза соответственно. Из такого соотношения можно сделать парадоксальное предположение о низкой исследовательской активности остепененных представителей вузовских общностей. Данное соотношение является следствием преимущественной ориентации вузов округа на реализацию образовательной миссии университетов над научной, что свойственно «университетам 1.0», а не более современным версиям 2.0 и 3.0, ориентированным на науку и внедрение ее результатов в общественные практики [19].

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 127–140
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 127–140

Показательно и соотношение остепененных работников академических организаций и вузов: численность докторов наук в вузах в 3,9 раза выше по сравнению с их численностью в УрО РАН. Для кандидатов наук такое соотношение составляет 7:1. Полагаем, что таким образом проявляется наложение научно-образовательных общностей: докторов наук – работников академических организаций приглашают в вузы чаще, чем кандидатов.

Научно-исследовательская активность вузовских образовательных общностей в показателях РИНЦ. Сравнить степень проявления научно-исследовательской активности научно-образовательных общностей в региональном разрезе возможно через анализ наукометрических показателей РИНЦ. Данный инструмент отражает результат множественных форм научной деятельности и одновременно наглядно показывает неравномерность вклада общностей разных субъектов РФ и акторов разных типов в развитие научного пространства макрорегиона.

Табл. 3 отражает соотношение числа вузов УрФО научные сообщества которых имеют не менее 50 индексированных в РИНЦ публикаций всех типов за пятилетний период, и среднего числа публикаций в расчете на одного автора.

*Таблица 3.*Численность вузов по регионам, имеющих не менее 50 индексированных публикаций, и среднее число публикаций в расчете на одного автора, по регионам УрФО, на основании статистики РИНЦ (расчет автора) [17][3]
*Table 3.*The number of universities by region with at least 50 indexed publications, and the average number of publications per author, by region of the Ural Federal District, based on RSCI statistics (author's calculation)

Регион	Количество самостоятельных вузов в регионе	Вузы, имеющие более 50 публикаций	Публикации, среднее значение
Свердловская область	23*	19	9,17
Челябинская область	13	12	8,95
Тюменская область	5	5	8,22
ХМАО	5	4	8,53
Курганская область	2	2	13,04
УрФО, всего	**48**	**42**	**9,58**

* С 01.04.2025 Российский государственный профессионально-педагогический университет присоединен к Уральскому государственному педагогическому университету (приказ Минпросвещения РФ от 20.12.2024 № 988).

Как видим, почти все вузы УрФО преодолели методологические ограничения РИНЦ. Вместе с тем размер вуза и его принадлежность к вузам зоны «ядра» или полупериферии не являются фактором, определяющим высокий уровень публикационной активности его авторов в РИНЦ. В Свердловской обл. больше всего публикаций на одного автора приходится в Уральском государственном аграрном университете – 26,2, а общее число публикаций вуза в РИНЦ за 5 лет составляет 20 985, в то время как в УрФУ этот показатель равен 8,32 и 58 703 публикации в РИНЦ [20; 21]. Аналогична ситуация и для вузов остальных регионов УрФО.

Объясняется такое положение длительной ориентацией вузовских сообществ на лидерские позиции в мировой науке и публикации в изданиях, входящих в международные базы WoS/Scopus, индексируемых в РИНЦ лишь отчасти. *«Наука действительно стала международной, а не на словах, как раньше. Это самое главное, что пошел процесс признания нас, и*

[3] Методологическое пояснение РИНЦ: «Показатели рассчитываются по публикациям организации за 5 лет (2019–2023), за исключением h-, g- и i-индексов, которые учитывают все публикации организации, и КБПР, который учитывает публикации только за 2023 г. Показываются только организации, имеющие не менее 50 публикаций за 5 лет (2019–2023). Дата последнего обновления показателей: 18.01.2025».

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 127–140
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 127–140

то, что мы в мир вышли массово, а не один-два-три человека» (Э, м., д-р н., проф., ВУ[4]*).* Особенно это заметно при рассмотрении взаимовлияния вузовских и академических сообществ, исследовательские практики которых ведутся в естественно-научных и инженерно-технических отраслях, а также в фундаментальной науке. Заметна и специфика небольших вузов: они характеризуются более тесными межличностными коммуникациями представителей вузовских и отраслевых общностей, что оставляет больше возможностей для совместной научной деятельности. Это справедливо для тех областей научного знания, где публикационная политика ориентирована на максимальную доступность разработок. Вместе с тем существует и достаточно широкий сегмент научных тематик, где преобладает стремление к реализации практических задач при минимальной публикационной активности. В этом случае имеет значение ограничитель в виде необходимости сохранения коммерческой тайны, о чем говорят представители вузовского сообщества. *«Если взять старую книжку какого-нибудь там шестьдесят какого-нибудь года выпуска по моей специальности. Колоссальная разница [с современной отраслевой литературой]. Если сейчас во всем коммерческая тайна, ничего не раскрывается, тогда – всё прямо подробно-подробно всё-всё-всё расписывалось». (И, ж., асс., аспирант).*

Консолидация научно-образовательных общностей. Элементами консолидации, детерминирующими субъектность научно-образовательных общностей, целесообразно считать групповую целостность, автономность в выборе исследовательских треков, способность к самоидентификации и самоорганизации.

Групповая целостность рассматривается как разновидность общностной целостности и проявляется через общностнообразующие признаки, центральный из которых – научный интерес и близость целей в научной деятельности, в том числе достижение успеха как результат последней. Основной дифференцирующий признак, благодаря которому формируются внутриобщностные группы и характер взаимодействия между ними, – разница в объеме и качестве научного капитала и способах его реализации.

Отличительный признак групповой целостности – стабильное воспроизводство научно-образовательных общностей и их академической культуры. Особая роль в этом процессе принадлежит общности АУР. *«Надо находить вот такой баланс, равновесие между традициями, поскольку университет всегда строится на традициях и на предшествующем опыте, и в движении вперед» (АУР, м., канд. н., ВУ).* На общности управленцев лежит ответственность за обеспечение формализации коммуникаций между вузовским, академическим и отраслевым сегментами научного пространства через выстраивание договорных отношений.

Одновременно эта же общность в значительной части является основным источником противоречий, возникающих на стыке необходимости выполнения научных показателей организацией в целом и целевыми установками конкретных научных коллективов и людей. Как результат, возникает проблема в воспроизводстве отдельных научных направлений и научных школ. *«Люди не хотят заниматься наукой. Не то что они совсем не хотят, нет. Статей полно, индекс Хирша высокий, активность высокая. Один и тот же автор <…> и про одно, и про другое, про третье пишет. На основе каких-то мелких тематик. <…> Статьи инте-*

[4] Пол респондента: мужской – м., женский – ж. Ученая степень: кандидат наук – канд. н., доктор наук – д-р н. Управленческий уровень: высший – ВУ, средний – СУ, низший – НУ. Педагогические должности: профессор – проф., доцент – доц., старший преподаватель – ст. п., ассистент – асс. (*Сокращения автора*).

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 127–140
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 127–140

ресные, добротные, грамотные, но вот это прыганье с одного места на другое... У нас нет ни одной защиты давным-давно. Ни докторской, ни кандидатской» (Э, ж., канд. н., доц.). Данная ситуация более характерна для «нересурсных» научных направлений, не включенных в перечни критически значимых для социально-экономического развития страны. Однако низкая результативность аспирантуры и докторантуры в масштабах УрФО свидетельствует о сохранении проблем и общностного самовоспроизводства, и целостности научных общностей[5].

Автономность в выборе исследовательских треков – одна из имманентно присущих научным общностям характеристик. Принуждение в выборе исследовательских тем для НПР, академических и отраслевых исследователей определяется, как правило, через формальные показатели: количество печатных листов, уровень публикаций, объемы привлеченных финансов и т. п., но не содержанием конкретных исследовательских треков. *«Твоя карьера вообще ни от кого не зависит. Ты можешь сам определить тему научного исследования и по крайней мере горизонтальная карьера, то, что связано с экспертностью твоей, она вообще ни от кого не зависит. В отличие от любого другого человека, который включен в другой какой-то коллектив, где ты целиком зависишь от начальства <…>, здесь очень высокая степень свободы» (НПР, ж., канд. н., доц.).*

Автономность научно-образовательных общностей проявляется и в виде замкнутости исследователей на представителей собственной организации в процессе создания творческих научных коллективов. Показательно эмпирическое исследование М. В. Валеевой: не менее 83 % сотрудников УрФУ осуществляли совместную научную работу с коллегами своего вуза, с коллегами из институтов УрО РАН – 43 %, с исследователями из других организаций – только 29 % [25, с. 113].

Способность к самоидентификации – характеристика, присущая разным формам группового соотнесения с проявлениями культуры основной деятельности – образовательной, научной, управленческой и другой, с научными направлениями, объемом валидированного социального капитала и др. Для научных сообществ она выступает как принадлежность к корпоративной культуре, для студенчества – как соотнесение себя с будущей интеллектуальной элитой, для общностей НПР и АУР – к профессиональной деятельности и статусам. Особенности самоидентификации на уровне локальных групп проявляются в виде противоречий, связанных с конкретикой научно-образовательной деятельности и обеспечивающими ее ресурсами. Типичны ситуации для НПР. С одной стороны, *«бедный преподаватель, на которого сваливается увеличенная нагрузка, <…> его роль абсолютно не определена. Он кто? Светоч знаний, он репетитор, он коуч, он организатор, менеджер, проверяльщик? <…> Или все-таки ученый? <…> Наука вопреки, а не благодаря. Все научные достижения – памятник людям надо ставить» (Э, ж., канд. н., НУ, доц.).* С другой стороны, тот же эксперт говорит о множестве практико-ориентированных сотрудников вузов, активно участвующих в хоздоговорной исследовательской работе, зачастую имеющих собственные МИП и ИП. *«Преподавание для них хобби. Это не способ зарабатывания денег, они здесь работают, потому что им нравится нести свет знаний. Они себя считают альтруистами, и половина из них даже не знают, сколько капает в кошелек» (И, м., ст. п.).* В противовес

[5] В 2023 г. в Челябинской обл. выпущено 233 аспиранта, из них 16 с защитой диссертации [22]; в Тюменской обл. – 204 и 9 соответственно [23]; в Свердловской обл. – 358 и 31 соответственно [24].

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 127–140
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 127–140

этому нередки ситуации, когда хоздоговорная наука теряет актуальность для отраслевых субъектов. *«Они вроде бы и имеют деньги, но они как-то подстроились под эту рыночную ситуацию, и вот эти объемы хоздоговорных заказов резко пошли на спад» (АУР, м., д-р н., СУ, проф.),* что приводит к разбалансировке уже сложившихся научных коллективов.

Приведенные суждения показывают, что самоидентификация в совокупности с возможностью контролировать объем ресурсов общности или группы отражается на способности к самоорганизации в пространстве НИР. Такая способность обеспечивает и формальные объединения ученых (профсоюзы, научные ассоциации, СНО, молодежные советы и т. п.), и, что еще более важно, объединения неформальные, на основе совпадающих целей и научных интересов, благодаря чему формируются творческие коллективы грантов, других инициативных проектов, развиваются научные школы.

Заключение. Структура университетского научного пространства Уральского макрорегиона характеризуется многоуровневостью, полисубъектностью, мозаичностью, неоднородностью и недостаточной связанностью его акторов между собой. Представляется, что научная субъектность вузовских научно-образовательных общностей – НПР, студенчества и АУР – максимально активно проявляется в научном пространстве самих вузов, менее активно – в сегменте академической науки и слабо – в сегменте отраслевой науки. Одним из продуктивных способов наращивания влияния университетского научно-образовательного сообщества во «внешнем контуре» университетского научного пространства могут служить экосистемные модели его организации в силу их способности обеспечить межобщностное взаимодействие разнородных субъектов.

Очевидно, что макрорегион не может развиваться без университетской науки, как и университетская наука – без социального пространства науки макрорегиона. Вопросы состоят в том, как их взаимодействие осуществляется на практике и в чем выражается социальное участие вузовских научно-образовательных общностей в развитии науки, что является новой исследовательской задачей. Ответы на эти вопросы могут дать ключ к пониманию путей оптимизации их взаимодействия в социальном поле университетской науки макрорегиона и определить параметры модели университетской научной экосистемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нархов Д. Ю. Факторы взаимодействия вузовских образовательных общностей в университетском научном пространстве: теоретические основания // Вестн. ННГУ им. Н. И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2025. № 4 (80). С. 122–130. DOI: 10.52452/18115942_2025_4_122

2. Горшков М. К., Шереги Ф. Э., Тюрина И. О. Воспроизводство специалистов интеллектуального труда: социологический анализ. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-413-0.2023

3. Томилин О. Б. Тупики университетского менеджериализма: концептуальный анализ // Университетское управление: практика и анализ. 2024. Т. 28, № 1. С. 125–143. DOI: 10.15826/umpa.2024.01.009

4. Дежина И. Г., Пономарев А. К. Университеты в условиях перехода к новой модели технологического развития // Управление наукой: теория и практика. 2023. Т. 5, № 4. С. 55–70. DOI: 10.19181/smtp.2023.5.4.3

5. Козырева Е. А., Хоронько Л. Я. Социальное партнерство как условие развития регионального университетского комплекса // Мир науки. 2018. Т. 6, № 4. URL: https://mir-nauki.com/PDF/54PDMN418.pdf (дата обращения: 05.02.2026).

6. Амбарова П. А., Шаброва Н. В. Студенты как партнеры научных проектов в российских вузах: возможности и барьеры // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 3. С. 56–75. DOI: 10.19181/snsp.2024.12.3.3

7. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Научно-педагогические работники в современной России: теория и биография социальной общности. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2024.

8. Нархов Д. Ю. Взаимодействие вузовских образовательных общностей в университетском научном пространстве // Высшее образование в России. 2024. Т. 33, № 2. С. 9–30. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-2-9-30

9. Иванченко О. С. Типология стратегий профессиональной самореализации молодых ученых // Вестн. ЮРГТУ (НПИ). Сер. Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 3. С. 41–52. DOI: 10.17213/2075-2067-2023-3-41-52

10. Зборовский Г. Е., Нархов Д. Ю. Взаимодействие поколений вузовских образовательных общностей в пространстве университетской науки // Социол. исслед. 2025. № 7. С. 94–109. DOI: 10.31857/S0132162525070099

11. Семенов Е. В. Научное производство как объект управления // Управление наукой: теория и практика. 2025. Т. 7, № 4. С. 31–53. DOI: 10.19181/smtp.2025.7.4.2

12. Пилипенко А. Э., Денисов Р. А. Научно-исследовательская деятельность студенческой молодежи: факторы влияния и инструменты активизации // Caucasian Science Bridge. 2023. Т. 6, № 4 (22). С. 66–76. DOI: 10.18522/2658-5820.2023.4.6

13. Ковалев В. В., Дятлов А. В. Субъектность академического сообщества в условиях менеджеристского управления // Наука. Культура. Общество. 2024. № 2 (30). С. 37–51. DOI: 10.19181/nko.2024.30.2.3

14. Наука, инновации и технологии // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/science (дата обращения: 28.12.2025).

15. Форма № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» // Минобрнауки России. URL: https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/ (дата обращения: 12.06.2025).

16. Мониторинг деятельности образовательных организаций высшего образования РФ 2025 // ГИВЦ. URL: https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo (дата обращения: 01.12.2025).

17. Сравнение показателей организаций по регионам // Library.ru. URL: https://elibrary.ru/org_compare.asp (дата обращения: 28.12.2025).

18. Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками (по категориям; по субъектам Российской Федерации, движение персонала) (с 2000 г.) // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/science (дата обращения: 29.07.2025).

19. Зборовский Г. Е. Стратегии развития образовательных общностей в вузах Уральского макрорегиона: предпосылки и возможности реализации // Изв. УрФУ. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2018. Т. 24, № 1. С. 163–172.

20. Анализ публикационной активности организации. Уральский ГАУ // Library.ru. URL: https://www.elibrary.ru/org_profile.asp?id=7536 (дата обращения: 27.08.2025).

21. Анализ публикационной активности организации. УрФУ // Library.ru. URL: https://www.elibrary.ru/org_profile.asp?id=290 (дата обращения: 25.08.2025).

22. Основные показатели деятельности аспирантуры в Челябинской обл. // Территориальный орган ФСГС по Челябинской обл. URL: https://74.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Основные%20показатели%20деятельности%20аспирантуры_2023.pdf (дата обращения: 27.08.2025).

23. Тюменская область: время и цифры (к 80-летию образования): визуал. стат. сб. // УФСГС по Тюменской обл., Ханты-Мансийскому авт. окр. – Югре и Ямало-Ненецкому авт. окр. URL: https://clck.ru/3NsyHU (дата обращения: 27.08.2025).

24. Научно-техническая деятельность организаций за 2023 год // УФСГС по Свердловской обл. URL: https://66.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/НТД%20организаций%20пресс-релиз_СО%20(корректировка)_996895_1098940.pdf (дата обращения: 27.08.2025).

25. Валеева М. В. Исследование эффективности работы научного коллектива: социологический анализ на примере Уральского федерального университета // Управление наукой: теория и практика. 2021. Т. 3, № 1. С. 106–119. DOI: 10.19181/smtp.2021.3.1.6

Информация об авторе

Нархов Дмитрий Юрьевич – кандидат социологических наук (2015), доцент (2018). доцент кафедры организации работы с молодежью Института физической культуры, спорта и молодежной политики Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Автор 163 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология высшего образования, науки, молодежи, методология науки, коммуникации.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 12.02.2026; принята после рецензирования 12.03.2026; опубликована онлайн 23.06.2026.

REFERENCES

1. Narkhov, D.Yu. (2025), “Factors of interaction of higher educational communities in the university scientific space: theoretical foundations”, *Vestnik of Lobachevsky State Univ. of Nizhni Novgorod. Ser. Social Sciences*, no. 4 (80), pp. 122–130. DOI 10.52452/18115942_2025_4_122

2. Gorshkov, M.K., Sheregi, F.E. and Tyurina, I.O. (2023), *Vosproizvodstvo spetsialistov intellektual'nogo truda: sotsiologicheskii analiz* [Reproduction of intellectual labor specialists: sociological analysis], FCTAS RAS, Moscow, RUS. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-413-0.2023

3. Tomilin, O.B. (2024), “Stalemates of University Managerialism: Conceptual Analysis”, *Univ. Management: Practice and Analysis*, vol. 28, no. 1, pp. 125–143. DOI: 10.15826/umpa.2024.01.009

4. Dezhina, I.G. and Ponomarev, A.K. (2023), “Universities in transition to a new model of technological development”, *Science Management: Theory and Practice*, vol. 5, no. 4, pp. 55–70. DOI: 10.19181/smtp.2023.5.4.3

5. Kozyreva, E.A. and Horonko, L.Ya. (2018), “Social partnership as a prerequisite for the development of a regional university complex”, *World of Science. Pedagogy and psychology*, vol. 6, no. 4, available at: https://mir-nauki.com/PDF/54PDMN418.pdf (accessed 05.02.2026).

6. Ambarova, P.A. and Shabrova, N.V. (2024), “Students as partners of research projects in Russian universities: opportunities and barriers”, *Sociologicheskaya nauka i social’naya praktika*, vol. 12, no. 3, pp. 56–75. DOI: 10.19181/snsp.2024.12.3.3

7. Zborovsky, G.E. and Ambarova, P.A. (2024), *Nauchno-pedagogicheskie rabotniki v sovremennoi Rossii: teoriya i biografiya sotsial'noi obshchnosti* [Scientific and pedagogical workers in modern Russia: theory and biography of a social community], Gumanitarnyi un-t, Yekaterinburg, RUS.

8. Narkhov, D.Yu. (2024), “Interaction of Educational Communities of Higher Education in the University Scientific Area”, *Higher Education in Russia*, vol. 33, no. 2, pp. 9–30. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-2-9-30

9. Ivanchenko, O.S. (2023), “Typology of Strategies for Professional Self-Realization of Young Scientists”, *Bulletin of the South Russian State Technical Univ. Ser. Socio-economic Sciences*, vol. 16, no. 3, pp. 41–52. DOI: 10.17213/2075-2067-2023-3-41-52

10. Zborovsky, G.E. and Narkhov, D.Yu. (2025), “Interactions of higher school educational communities generations within the realm of university sciences”, *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no. 7, pp. 94–109. DOI: 10.31857/S0132162525070099

11. Semenov, E.V. (2025), “Scientific production as an object of management”, *Science Management: Theory and Practice*, vol. 7, no. 4, pp. 31–53. DOI: 10.19181/smtp.2025.7.4.2

12. Pilipenko, A.E. and Denisov, R.A. (2023), "Research activity of students: factors of influence and tools of activation", *Caucasian Science Bridge*, vol. 6, no. 4 (22), pp. 66–76. DOI: 10.18522/2658-5820.2023.4.6

13. Kovalev, V.V., Diatlov, A.V. (2024), "Subjectivity of the academic community in the conditions of managerialist management", *Science. Culture. Society*, no. 2 (30), pp. 37–51. DOI: 10.19181/nko.2024.30.2.3

14. "Science, innovation and technology", *Federal State Statistics Service*, available at: https://rosstat.gov.ru/statistics/science (accessed 28.12.2025).

15. Form no. VPO-1 "Information about an organization engaged in educational activities in higher education programs – bachelor's degree programs, specialty programs, master's degree programs", *Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation*, available at: https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/ (accessed 12.06.2025).

16. "Monitoring the activities of educational institutions of higher education in the Russian Federation 2025", *GIVC*, available at: https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo (accessed 01.12.2025).

17. "Comparison of indicators of organizations by region", *Library.ru*, available at: https://elibrary.ru/org_compare.asp (accessed 28.12.2025).

18. "Number of personnel engaged in scientific research and development (by category; by subjects of the Russian Federation, personnel movement) (since 2000)", *Federal State Statistics Service*, available at: https://rosstat.gov.ru/statistics/science (accessed 29.07.2025).

19. Zborovsky, G.E. (2018), "The Strategies for the Development of Educational Communities in Urals Universities: Prerequisites and Possibilities of Implementation", *Izvestia Ural Federal Univ. J. Ser.1. Issues in Education, Science and Culture*, vol. 24, no. 1, pp. 163–172.

20. "Analysis of the organization's publication activity. Ural SAU", *Library.ru*, available at: https://www.elibrary.ru/org_profile.asp?id=7536 (accessed 27.08.2025).

21. "Analysis of the organization's publication activity. UrFU", *Library.ru*, available at: https://www.elibrary.ru/org_profile.asp?id=290 (accessed 25.08.2025).

22. "The main indicators of postgraduate studies in the Chelyabinsk region", *Federal State Statistics Service. Chelyabinsk region*, available at: https://74.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Основные%20показатели%20деятельности%20аспирантуры_2023.pdf (accessed 27.08.2025).

23. "Tyumen region: time and figures (on the 80th anniversary of education)", *Federal State Statistics Service. Tyumen region, Khanty-Mansi autonomous okrug – Yugra and Yamalo-Nenets autonomous okrug*, available at: https://clck.ru/3NsyHU (accessed 27.08.2025).

24. "Scientific and technical activities of organizations in 2023", *Federal State Statistics Service. Sverdlovsk region and Kurgan region*, available at: https://66.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/НТД%20организаций%20пресс-релиз_СО%20(корректировка)_996895_1098940.pdf (accessed 27.08.2025).

25. Valeeva, M.V. (2021), "Research of the effectiveness of the research team: sociological analysis on the example of the Ural Federal University", *Science Management: Theory and Practice*, vol. 3, no. 1, pp. 106–119. DOI: 10.19181/smtp.2021.3.1.6

Information about the author

Dmitry Yu. Narkhov – Can. Sci. (Sociology, 2015), Docent (2018), Associate Professor at the Department of Youth Work, Institute of Physical Culture, Sports, and Youth Policy, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. The author of 163 scientific publications. Area of expertise: sociology of higher education, science, and youth, scientific methodology, communications.

No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 12.02.2026; adopted after review 12.03.2026; published online 23.06.2026.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 141–151
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 141–151

Языкознание
Linguistics

Оригинальная статья
УДК 81
http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-3-141-151

Перевод в эпоху цифрового многоязычия: сохранение лингвокультурной идентичности как вызов глобализации

***Светлана Владимировна Киселева*[1]✉, *Джон Ваганович Туманян*[2]**

[1, 2]*Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия*

[1]✉*svkiseljeva@bk.ru, https://orcid.org/0000-0002-3814-1111*
[2]*tumanyand@inbox.ru*

Введение. В статье анализируется влияние цифровых технологий на сохранение лингвокультурной идентичности в процессе перевода, а также выявляются проблемы и возможности, возникающие в условиях глобального многоязычия. Цель исследования заключается в изучении особенностей использования цифровых ресурсов и платформ для перевода и оценки их влияния на точность передачи смыслов и культурных кодов текста. Научная новизна работы – в комплексном подходе к изучению цифрового перевода как средства формирования глобального смыслового пространства при сохранении лингвокультурной идентичности и в разработке рекомендаций по адаптации текстов в цифровой среде, что расширяет существующие представления о взаимодействии технологий и культуры в переводческой практике.

Методология и источники. Методологическая основа работы включает сравнительный анализ возможностей современных онлайн-переводчиков, контент-анализ цифровых текстов и наблюдение за практикой перевода в социальных сетях и мультимедийных платформах.

Результаты и обсуждение. В рамках исследования решаются следующие задачи: выявление специфики цифровых инструментов перевода, анализ рисков стандартизации и утраты культурных особенностей, оценка роли переводчика как посредника между глобальным языковым пространством и локальными культурными реалиями, а также исследование образовательного потенциала цифровых технологий для подготовки специалистов в области межкультурной коммуникации.

Заключение. Результаты показывают, что цифровые инструменты обеспечивают высокую скорость перевода и доступность контента, но при этом создают риски упрощения языковых форм и частичной утраты национальных культурных элементов, что требует вмешательства профессионального переводчика.

Ключевые слова: перевод, цифровые ресурсы, лингвокультурная идентичность, многоязычие, глобализация, межкультурная коммуникация

Для цитирования: Киселева С. В., Туманян Д. В. Перевод в эпоху цифрового многоязычия: сохранение лингвокультурной идентичности как вызов глобализации // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 141–151. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-3-141-151

© Киселева С. В., Туманян Д. В., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 141–151
DISCOURSE. 2026 vol. 12, no. 3, pp. 141–151

Original paper

Translation in the Age of Digital Multilingualism: Preserving Linguistic and Cultural Identity as a Challenge to Globalization

***Svetlana V. Kiseleva*[1]✉, *John V. Tumanyan*[3]**

[1, 2]*Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia*

[1]✉*svkiseljeva@bk.ru, https://orcid.org/0000-0002-3814-1111*

[2]*tumanyand@inbox.ru*

Introduction. The article analyzes the impact of digital technologies on the preservation of linguistic and cultural identity in the translation process, and identifies the problems and opportunities that arise in the context of global multilingualism. The purpose of the study is to study the features of using digital resources and platforms for translation and to assess their impact on the accuracy of the transmission of meanings and cultural codes of the text. The scientific novelty of the research lies in an integrated approach to the study of digital translation as a means of forming a global semantic space while preserving linguistic and cultural identity and in developing recommendations for adapting texts in a digital environment, which expands existing ideas about the interaction of technology and culture in translation practice.

Methodology and sources. The methodological basis of the work includes a comparative analysis of the capabilities of modern online translators, content analysis of digital texts, and observation of translation practices on social networks and multimedia platforms.

Results and discussion. The research solves the following tasks: identifying the specifics of digital translation tools, analyzing the risks of standardization and loss of cultural characteristics, assessing the role of the translator as an intermediary between the global language space and local cultural realities, as well as exploring the educational potential of digital technologies for training specialists in the field of intercultural communication.

Conclusion. The results show that digital tools ensure high translation speed and accessibility of content, but at the same time pose risks of simplification of language forms and partial loss of national cultural elements, which requires the intervention of a professional translator.

Keywords: translation, digital resources, linguistic and cultural identity, multilingualism, globalization, intercultural communication

For citation: Kiseleva, S.V. and Tumanyan, Jo.V. (2026), “Translation in the Age of Digital Multilingualism: Preserving Linguistic and Cultural Identity as a Challenge to Globalization”, *DISCOURSE*, vol. 12, no. 3, pp. 141–151. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-3-141-151

Введение. Современная эпоха характеризуется стремительным развитием цифровых технологий, которые оказывают глубокое воздействие на все сферы человеческой деятельности, включая лингвистику и переводоведение. Цифровая трансформация общества сопровождается изменением способов производства, распространения и интерпретации текста, что требует переосмысления традиционных представлений о языковой коммуникации и переводческой деятельности.

Как известно, в условиях цифровой глобализации язык перестает быть исключительно национальным кодом и все чаще становится инструментом мгновенного межкультурного взаимодействия. Глобальные цифровые платформы, онлайн-коммуникация, машинный перевод и нейросетевые системы породили новое языковое пространство, где границы между

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 141–151
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 141–151

культурами становятся все более условными. Однако именно в этом пространстве парадоксальным образом обостряется вопрос о сохранении лингвокультурной идентичности как основы самобытности, культурной памяти и исторической преемственности народов. Унификация интерфейсов, алгоритмическая стандартизация языковых моделей и доминирование англоязычного контента формируют тенденцию к нивелированию национально-специфических особенностей дискурса, что ставит перед переводчиком задачу сохранения культурно маркированных смыслов в условиях технологической медиатизации коммуникации.

Актуальность настоящей статьи определяется необходимостью осмыслить трансформации переводческой практики в контексте цифровой эпохи, когда перевод перестает быть исключительно лингвистической операцией и превращается в сложный культурно-технологический процесс. Если ранее внимание исследователей сосредотачивалось преимущественно на сопоставлении языковых систем, то сегодня перед переводоведением встают иные задачи – понимание того, как цифровые технологии изменяют саму природу перевода, структуру коммуникативных актов и восприятие текста в межкультурном контексте. Особую значимость приобретает анализ взаимодействия человеческого и алгоритмического факторов в переводе, а также выявление механизмов адаптации культурно значимых концептов в условиях автоматизированной обработки текста.

Научная новизна исследования заключается в рассмотрении перевода как пространства сохранения лингвокультурной идентичности в цифровой среде, где смысл формируется на пересечении языковых, технологических и идеологических параметров. Объектом исследования выступает переводческая деятельность в условиях цифровой коммуникации, предметом – механизмы репрезентации и трансформации лингвокультурных смыслов в процессе межъязыкового и межкультурного переноса.

Методология и источники. Методологическую основу исследования составляют принципы сравнительного, системного и междисциплинарного анализа, позволяющие объединить лингвистический, культурологический и технологический подходы. Используются элементы контент-анализа цифровых текстов, дискурсивного анализа переводческих практик и наблюдения за функционированием цифровых платформ, оказывающих влияние на межъязыковую коммуникацию. Применяется также элемент сопоставительного анализа оригинальных и переводных фрагментов, что позволяет выявить случаи семантической редукции, прагматического смещения и трансформации оценочных компонентов значения.

Значительное место в материалах исследования занимают хранилища образовательного контента, цифровые платформы, базы данных языковых ресурсов, архивы речевых материалов и мультимедийные коллекции, которые позволяют анализировать динамику языкового оборота, репрезентацию культурных практик и трансляцию идентичностей в онлайн-среде. В рамках данного исследования под цифровыми текстами понимаются тексты, функционирующие в среде сетевой коммуникации: публикации и комментарии в социальных сетях (X/Twitter[1], TikTok, Instagram[2]), пользовательский контент мультимедийных платформ, а также тексты, создаваемые и распространяемые в условиях сетевого дискурса. Особое

[1] Социальная сеть, запрещенная на территории Российской Федерации.
[2] Социальная сеть, запрещенная на территории Российской Федерации, принадлежит экстремистской организации.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 141–151
DISCOURSE. 2026 vol. 12, no. 3, pp. 141–151

внимание уделяется англоязычному сетевому сленгу как динамическому пласту лексики, в котором языковая форма тесно связана с культурными установками, ценностными ориентирами и идентификационными практиками цифровых сообществ, а его перевод представляет собой сложную задачу интерпретации культурно обусловленных смыслов.

Результаты и обсуждение. Как очень точно указывают Г. М. Литвинова, Ю. Н. Кольцова и М. Н. Есакова [1], проблематика лингвокультурной идентичности в переводе приобретает особое значение именно сейчас, когда массовое использование машинных и автоматизированных переводов порождает эффект унификации языка и стирания культурных различий. Вместе с тем в условиях глобального многоязычия сохраняется стремление к передаче аутентичных культурных смыслов, без чего невозможен полноценный диалог культур. Таким образом, возникает необходимость поиска баланса между технологической универсализацией и культурной спецификой, между скоростью и точностью, между алгоритмом и человеческим пониманием.

Следует заметить, что проблема лингвокультурной идентичности в переводе относится к числу ключевых и в то же время наиболее сложных аспектов современной лингвистики и переводоведения. Сложность ее анализа заключается в многослойности самого понятия идентичности, которое одновременно охватывает когнитивные, культурные, языковые и социальные уровни человеческого опыта. В научном дискурсе конца XX – начала XXI в. наблюдается смещение акцента от понимания языка как замкнутой системы к его рассмотрению в качестве динамического механизма репрезентации культурных смыслов [2]. Именно в этом контексте возникает необходимость осмысления перевода не только как межъязыкового, но и как межкультурного процесса, затрагивающего глубинные пласты национальной картины мира.

Понятие «лингвокультурная идентичность» в лингвистике соотносится прежде всего с идеей неразрывной связи языка и культуры, которую разрабатывали Э. Сепир [3] и Б. Л. Уорф [4]. Так, Г. К. Кулбашева отмечает, что согласно этим концепциям, язык представляет собой не только средство коммуникации, но и способ категоризации мира, формирующий определенный тип мировидения [5]. Таким образом, при переводе происходит не просто перенос значения с одного языка на другой, но и соотнесение различных способов концептуализации действительности. Именно здесь проявляется то, что можно назвать «точкой пересечения идентичностей»: переводчик вынужден соотносить собственную культурную принадлежность с идентичностью автора оригинала и ожиданиями реципиента перевода [6].

Современная лингвистика, развивающаяся на стыке когнитивного, коммуникативного и культурологического подходов, рассматривает идентичность как процессуальное и многоуровневое образование. Она проявляется в языковом сознании, в выборе лексики, грамматики, стилистики, прагматических стратегий. В переводе эти элементы оказываются особенно значимыми, поскольку именно через них передаются не только фактические сведения, но и культурные ценности, идеологические установки, ментальные модели. Перевод, таким образом, становится не просто средством межъязыковой передачи, а инструментом репрезентации культурного кода.

Следует подчеркнуть, что в условиях цифровой эпохи вопрос идентичности приобретает дополнительное измерение. Глобальные цифровые платформы создают иллюзию универ-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 141–151
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 141–151

сальности языка и взаимопонимания, однако эта универсальность зачастую достигается ценой нивелирования культурных различий. Нейросетевые переводчики, обученные на статистических корпусах, способны передавать лексико-грамматическую структуру, но не обладают механизмами для воспроизведения культурных импликаций и национально-специфических смыслов. Данные тенденции соотносятся с исследованиями цифровой коммуникации, в которых подчеркивается нормативность и алгоритмическая обусловленность речевых моделей в среде автоматизированного взаимодействия, в частности в чат-бот-коммуникации [7].

Следует согласиться с мнением С. В. Киселевой о том, что если рассматривать чат-бота от салона красоты, то коммуникация будет проходить на стыке двух дискурсов: сетевого и косметологического. Важным методом изучения особенностей дискурса может стать корпусный анализ текстов, функционирующих в данном дискурсе [8]. Этот метод позволяет повысить эффективность исследовательской деятельности за счет автоматизации процессов отбора, обработки и анализа данных [2]. Корпусный анализ поможет выявить самые частотные коллокаты и составить фрейм основного понятия для определения лингвистической картины объекта [9]. В результате цифровизация переводческой практики и автоматизация межкультурного взаимодействия ставят перед исследователями задачу переосмысления роли идентичности в коммуникации, где участие ИИ усиливает риск утраты индивидуальности и аутентичности текста, делая сохранение лингвокультурной идентичности одним из ключевых вызовов глобализации.

В англоязычном сетевом дискурсе ряд лексических единиц функционирует не только как средство номинации, но и как маркер культурной идентичности, отражающий эмоциональные реакции, ценностные нормы и социальные механизмы цифровых сообществ. При переводе таких единиц на русский язык перед переводчиком встает задача передачи не только денотативного значения, но и культурного кода, без которого адекватное понимание текста оказывается затрудненным. Рассмотрим несколько характерных примеров.

На уровне эмоциональной идентичности показательным является слово *cringe*, широко распространенное в англоязычном интернет-дискурсе. Оно репрезентирует сложную эмоциональную реакцию, включающую элементы вторичного стыда, неловкости и иронической дистанции по отношению к поведению другого человека. Например, пользователи соцсетей оставляют подобные комментарии: «*That speech was pure cringe*, *This video is so cringe it hurts*, *I can't watch this, it's cringe»* [10].

Обратимся к словарям. Так, например, в англоязычной лексикографической традиции данное значение фиксируется как эмоционально-оценочное: *cringe* обозначает чувство острого смущения или неловкости, возникающее при наблюдении социально неуместного поведения. В словарях приводятся подобные примеры: «*When I hear my own voice played back I just sit there cringing; When I think of the clothes I used to wear at the time, I cringe!»* [11]. А в российской лексикографии заимствованная форма **кринж** уже получила словарную фиксацию. Так, в Лингвокультурологическом словаре заимствований современного русского языка под редакцией Т. А. Голиковой кринж определяется как «чувство сильной неловкости или стыда за чье-либо поведение, обычно в ироническом или оценочном контексте» [12], что отражает перенос не только значения, но и культурной модели восприятия. Например, в пользовательских комментариях социальных сетей фиксируются высказывания типа: «*Это был*

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 141–151
DISCOURSE. 2026 vol. 12, no. 3, pp. 141–151

такой кринж, что стало неловко за автора» [13], где данная единица выражает вторичный стыд и ироническую дистанцию, что подтверждает перенос не только семантики, но и культурной модели восприятия, характерной для англоязычного интернет-дискурса.

Корпусные данные ruTenTen и Sketch Engine показывают, что слово *cringe* и его русскоязычный эквивалент *кринж* регулярно сочетается со словами, имеющими значение усиления и негативной оценки (*so cringe, painfully cringe, extremely cringe*) [14], что подтверждает его функцию маркера эмоциональной и групповой идентичности в цифровых сообществах. В практике машинного перевода, например Google Translate, данная единица, как правило, нейтрализуется до вариантов «*съеживаться*» или «*раболепствовать*», что приводит к утрате оценочно-мемного и идентификационного компонента значения (рис. 1).

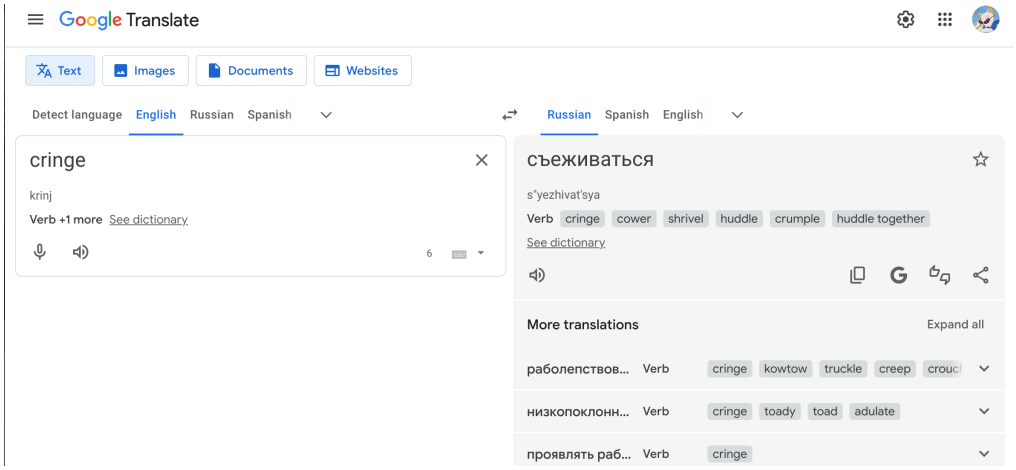


Рис. 1. Пример нейтрализации культурно-оценочного значения слова *cringe* в машинном переводе (Google Translate)
Fig. 1. Example of neutralization of evaluative meaning of the word *cringe* in machine translation (Google Translate)

На уровне ценностных норм цифровой коммуникации показательным является слово *toxic*, активно используемое для характеристики деструктивных моделей поведения в онлайн-среде. В англоязычной лексикографической традиции данная единица в переносном значении определяется как «*крайне вредный, разрушительный или психологически травмирующий*» применительно к межличностным отношениям и социальным практикам, что указывает на ее нормативно-оценочный характер. В словарях приводят подобные примеры: «*my toxic personality trait is that i enjoy leading people on*» [15].

В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой прилагательное **токсичный** определяется прежде всего в прямом значении как «*ядовитый, содержащий токсины*» [16]. Однако в современном употреблении, зафиксированном в словарях цифровой речи, наблюдается устойчивое развитие переносного значения – «*разрушающий психологическое или коммуникативное взаимодействие*», например, пользователи говорят: «*Я стараюсь избегать общения с токсичными людьми, потому что они портят настроение*» [17]. Анализ контекстов цифровых корпусов англоязычного интернет-дискурса (в частности, ruTenTen) показывает, что *toxic* характеризуется устойчивой сочетаемостью с номинациями социальных ролей и форм взаимодействия (*toxic people, toxic environment, toxic masculinity*), что позволяет рассматривать данную лексему как маркер ценностных норм и групповой идентичности в цифровых сообществах [18]. В практике машинного перевода, например через Яндекс Пере-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 141–151
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 141–151

водчик, подобные употребления нередко редуцируются до нейтральных эквивалентов (рис. 2), что ослабляет нормативно-оценочный и культурный компонент значения [19].

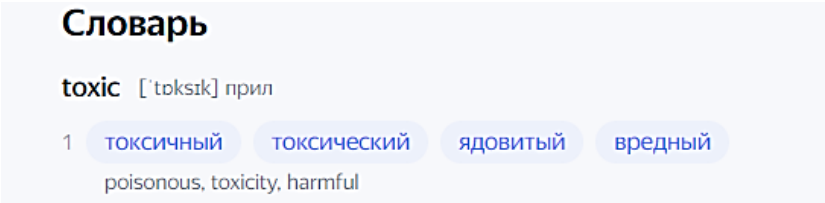


Рис. 2. Пример нейтрализации значения слова *cringe* в системе Яндекс Переводчик
Fig. 2. Example of neutralization of the word *cringe* in Yandex Translate

Особое место в цифровом дискурсе занимает слово *cancel* и производное от него выражение *cancel culture*, обозначающие практику публичного осуждения и символического исключения индивида из цифрового сообщества за несоответствие доминирующим нормам и ценностям. В англоязычной лексикографической традиции глагол *to cancel* в переносном употреблении используется в значении «прекратить публичную поддержку лица или продукта вследствие социального или морального неодобрения», что отражает нормативно-оценочный характер данной единицы. В словарях приводят подобные примеры: «*writers are more afraid than ever of being canceled on social media*» [20]. В цифровой коммуникации выражение *cancel culture* функционирует как социально и идеологически нагруженный концепт. Так, в англоязычных публикациях и пользовательских комментариях социальных сетей регулярно фиксируются высказывания типа: *He was cancelled after those tweets*, *This is another example of cancel culture*, *Celebrities are afraid of being cancelled*, *Cancel culture is destroying public debate*, где слово *cancel* используется не в прямом значении «отменять», а для обозначения механизма публичного символического исключения [21].

Анализ контекстов цифровых корпусов англоязычного интернет-дискурса, выполненный с применением методов корпусной лингвистики, описанных И. О. Райскиной и И. О. Дубняковой [6] (в частности, ruTenTen), показывает, что *cancel* и *cancel culture* характеризуются устойчивой сочетаемостью со словами идеологической и оценочной семантики (*online backlash, public outrage, social pressure, accountability*). Так, в корпусе фиксируются контексты типа: «*The public backlash led to his cancellation*», «*Cancel culture is often driven by online outrage and social pressure*» (ruTenTen), что позволяет рассматривать данные единицы как маркеры социально-нормативных установок цифровых сообществ [14].

В русскоязычном интернет-дискурсе данный концепт закрепляется преимущественно в форме заимствования **культура отмены**, а также глагольной формы **канселить**, что свидетельствует о переносе не только лексической формы, но и соответствующей культурно-дискурсивной модели. Например, в пользовательских комментариях социальных сетей фиксируются высказывания типа: «*Очередной скандал – снова культура отмены в действии*» или «*Его просто канселили в соцсетях после этого интервью*», где данные единицы используются для обозначения практики публичного символического исключения. В практике машинного перевода (рис. 3) выражение *cancel culture* нередко редуцируется до нейтральных эквивалентов «*отменить*» или «*бойкотировать*», которые не отражают идеологической и дискурсивной специфики данного феномена, что приводит к частичной утрате лингвокультурной идентичности исходного текста [19].

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 141–151
DISCOURSE. 2026 vol. 12, no. 3, pp. 141–151

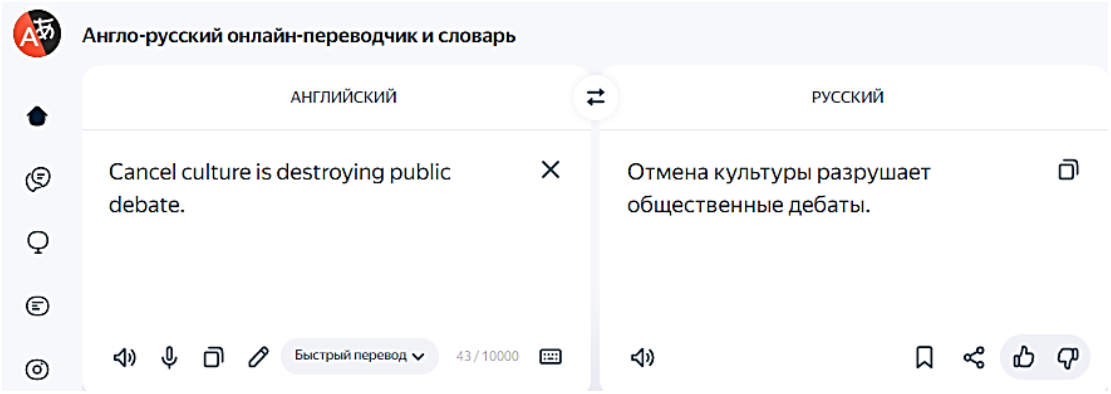


Рис. 3. Пример редукции значения выражения *cancel culture* в машинном переводе
Fig. 3. Example of semantic reduction of *cancel culture* in machine translation

Проанализированные примеры демонстрируют, что передача лингвокультурной идентичности в условиях цифрового перевода носит многоуровневый характер и затрагивает эмоциональные, нормативные и социально-идеологические компоненты значения. Автоматизированные переводческие системы, ориентированные преимущественно на формально-семантический уровень, оказываются ограниченными в воспроизведении культурных кодов сетевого дискурса, что подчеркивает ключевую роль переводчика как медиатора между глобальным цифровым пространством и локальными культурными моделями.

Развитие цифровых технологий радикально изменило не только способы коммуникации, но и саму природу переводческой деятельности. Перевод в XXI в. уже невозможно рассматривать исключительно как операцию поиска эквивалентов между языковыми системами: он представляет собой сложный социокультурный и когнитивно-технологический процесс, в котором взаимодействуют человек и цифровые алгоритмы. Эти изменения открывают новые возможности, но одновременно ставят перед исследователями методологические и этические вопросы, связанные с переосмыслением статуса переводчика и критериев переводческой эквивалентности.

Заключение. Результаты проведенного анализа позволяют утверждать, что современный переводчик выступает в новой профессиональной роли медиатора цифровой культуры, обладающего не только языковой компетенцией, но и способностью к метарефлексии. Он должен уметь критически осмысливать алгоритмические решения, распознавать идеологию цифровых данных, реконструировать культурный контекст в условиях его фрагментации. Вследствие этого переводчик превращается в фигуру, соединяющую гуманитарное знание и технологическую рациональность, в субъекта, способного обеспечивать сохранение культурного многообразия в эпоху глобальной унификации смыслов.

Принципиально важно, что в условиях алгоритмизации коммуникации переводчик все чаще оказывается включен в гибридную модель взаимодействия «человек – система искусственного интеллекта». Это меняет сам характер профессиональной ответственности: перевод становится актом не только межъязыкового переноса, но и критической фильтрации цифровых интерпретаций. Способность выявлять редукции, семантические смещения и идеологические искажения, возникающие в автоматизированной обработке текста, становится частью профессиональной компетенции. Тем самым усиливается аналитическая и культурно-интерпретативная функция переводческой деятельности.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 141–151
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 141–151

Перспективы дальнейших исследований в данном направлении связаны с необходимостью выработки новой этико-когнитивной модели перевода, учитывающей специфику цифровой среды. Требуется разработка подходов, которые позволят интегрировать искусственный интеллект в переводческий процесс без потери культурной аутентичности текста. Особого внимания заслуживает анализ когнитивных стратегий восприятия текста в условиях мультимодальности, а также изучение того, как цифровая форма влияет на интерпретацию культурных коннотаций. Актуальным представляется и исследование трансформации профессиональной идентичности переводчика в условиях платформенной экономики и глобальных цифровых экосистем.

Важно также исследовать, как национальные переводческие школы адаптируются к цифровой реальности и каким образом формируются новые стандарты переводческой этики в контексте взаимодействия человека и алгоритма. В этом аспекте особую значимость приобретает междисциплинарный подход, объединяющий лингвистику, когнитивистику, медиатеорию и исследования цифровой культуры.

Подводя итог, можно заключить, что лингвокультурная идентичность в переводе остается ключевой категорией, определяющей качество и глубину межкультурной коммуникации. В цифровом мире, где язык все чаще подвержен стандартизации и алгоритмической унификации, именно перевод становится пространством сопротивления нивелированию смыслов и способом сохранения культурного различия. Цифровые технологии при всей своей эффективности не отменяют, а, напротив, усиливают значимость человеческого фактора, напоминая о том, что язык – это не просто инструмент передачи информации, а форма существования культуры. Следовательно, сохранение лингвокультурной идентичности через перевод – не только профессиональная, но и гуманитарная задача, от решения которой зависит будущее языкового и культурного многообразия человечества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Литвинова Г. М., Кольцова Ю. Н., Есакова М. Н. Речевая культура переводчика: учеб. пособие. СПб.: Дом книги, 2020.

2. Литвинова Е. М. Краткий курс лекций по теории перевода: учеб. пособие. Ч. 2. М.: МГТА, 2011.

3. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / пер. с англ.; общ. ред. и вступ. ст. А. Е. Кибрика. М.: Прогресс: Универс, 1993.

4. Уорф Б. Л. Наука и языкознание/ пер. с англ. Е. С. Курбяковой, В. П. Мурат // Новое в лингвистике: сб. ст. Вып. 1. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. С. 169–183.

5. Кулбашева Г. К. Гипотеза лингвистической относительности Сепира–Уорфа и проблема взаимодействия мышления и языка // Молодой ученый. 2024. № 52.1 (551.1). С. 32–34.

6. Райскина В. А., Дубнякова О. А. Современные методы корпусной лингвистики при анализе текста (на примере корпуса BFM) // Актуальные вопросы современной науки. 2015. № 40. С. 146–154.

7. Киселева С. В., Смирнова А. А. Особенности чат-бот-коммуникации: лингвистический аспект // Актуальные вопросы лингвистики, межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков в вузе: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 7 апреля 2023 г. / Урал. гос. горный ун-т. Екатеринбург, 2023. С. 162–166. DOI: 10.21440/978-5-8019-0521-1-2023-162-166

8. Киселева С. В., Смирнова А. А., Трофимова Н. А. «Чат-бот-коммуникация» как объект лингвистического исследования в системе цифровых коммуникаций // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 3. С. 128–146. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-3-128-146

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 141–151
DISCOURSE. 2026 vol. 12, no. 3, pp. 141–151

9. Baker M. Translation and Conflict: A Narrative Account. London: Routledge, 2006.

10. Видео пользователя @thespiritmachine «Guess his zodiac sign» // TikTok. URL: https://vt.tiktok.com/ZSaNAHbqx/ (дата обращения: 23.11.2025).

11. Cringe // Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/cringe (дата обращения: 23.11.2025).

12. Голикова Т. А. Лингвокультурологический словарь заимствований современного русского языка. 2000–2020 гг.: 1500 слов и выражений. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2021.

13. Кринж: объясняем значение слова простыми словами // Я знаю. Проект KP.ru. URL: https://www.kp.ru/edu/molodezhnyj-sleng/krinzh/ (дата обращения: 10.02.2026).

14. Corpus of Contemporary American English (COCA). URL: https://www.english-corpora.org/coca/ (дата обращения: 23.11.2025).

15. Oxford English Dictionary. URL: https://www.oed.com (дата обращения: 23.11.2025).

16. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2006.

17. Toxic // Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/toxic (дата обращения: 23.11.2025).

18. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. М.: Воениздат, 1973.

19. Функциональный поворот в лингвистических исследованиях / Н. Н. Белозерова, Н. В. Дрожащих, Е. В. Купчик и др. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2023.

20. Cancel // Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/cancel (дата обращения: 23.11.2025).

21. Публичный пост пользователя @bitofina от 06.02.2026 // Twitter (X). URL: https://x.com/bitofina/status/2019584888874143921?s=20 (дата обращения: 10.02.2026).

Информация об авторах

Киселева Светлана Владимировна – доктор филологических наук (2010), профессор кафедры английской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор 138 научных публикаций. Сфера научных интересов: история английского языка, лексикология английского языка, теоретическая грамматика, когнитивная лингвистика (когнитивная семантика, когнитивная терминология).

Туманян Джон Ваганович – магистрант (2-й курс) Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор двух научных публикаций. Сфера научных интересов: переводоведение, межкультурная коммуникация, цифровой дискурс, машинный перевод.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 20.02.2026; принята после рецензирования 01.04.2026; опубликована онлайн 23.06.2026.

REFERENCES

1. Litvinova, G.M., Kol'tsova, Yu.N. and Esakova, M.N. (2020), *Rechevaya kul'tura perevodchika* [Translator's speech culture], Dom knigi, SPb., RUS.

2. Litvinova, E.M. (2011), *Kratkii kurs lektsii po teorii perevoda. Part 2* [A short course of lectures on translation theory. Part 2], MGTA, Moscow, RUS.

3. Sapir, E. (1993), *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu i kul'turologii* [Selected works in linguistics and cultural studies], in Kibrik, A.E. (ed.), Progress, Univers, Moscow, RUS.

4. Whorf, B.L. (1960). "Science and linguistics", Transl. by Kurbyakova, E.S., Murat, V.P., *Novoe v lingvistike* [New in linguistics], vol. 1, Izd-vo inostrannoi literatury, Moscow, USSR, pp. 169–183.

5. Kulbasheva, G.K. (2024), "The Sapir-Whorf hypothesis of linguistic relativity and the problem of interaction between thinking and language", *Young Scientist*, no. 52.1 (551.1), pp. 32–34.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 141–151
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 141–151

6. Raiskina, V.A. and Dubnyakova, O.A. (2015), "Modern corpus linguistics methods in text analysis (based on the BFM corpus)", *Aktual'nye voprosy sovremennoi nauki*, no. 40, pp. 146–154.

7. Kiseleva, S.V. and Smirnova, A.A. (2023), "Chat-bot communication features: linguistic aspect", *Aktual'nye voprosy lingvistiki, mezhkul'turnoi kommunikatsii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov v vuze* [Topical issues of linguistics, intercultural communication and foreign language teaching in higher education], *Proc. of the VI Int. Sci. and Practical Conf.*, Ekaterinburg, RUS, 7 Apr. 2023, pp. 162–166. DOI: 10.21440/978-5-8019-0521-1-2023-162-166

8. Kiseleva, S.V., Smirnova, A.A. and Trofimova, N.A. (2022), ""Chatbot Communication" as an Object of Linguistic Research in the System of Digital Communications", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 3, pp. 128–146. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-3-128-146

9. Baker, M. (2006), *Translation and Conflict: A Narrative Account*, Routledge, London, UK.

10. "Video by @thespiritmachine "Guess his zodiac sign"" (2025), *TikTok*, available at: https://vt.tiktok.com/ZSaNAHbqx/ (accessed 23.11.2025).

11. "Cringe", *Cambridge Dictionary*, available at: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/cringe (accessed 23.11.2025).

12. Golikova, T.A. (2021), *Lingvokul'turologicheskii slovar' zaimstvovanii sovremennogo russkogo yazyka. 2000–2020 gg.: 1500 slov i vyrazhenii* [Linguocultural Dictionary of Borrowings in Modern Russian: 2000–2020. 1500 Words and Expressions], Direkt-Media, Moscow–Berlin.

13. "Cringe: we explain the meaning of the word in simple words", *Ya znayu. Proekt KP.ru* [I know. The project KP.ru], available at: https://www.kp.ru/edu/molodezhnyj-sleng/krinzh/ (accessed 10.02.2026).

14. *Corpus of Contemporary American English (COCA)*, available at: from https://www.english-corpora.org/coca/ (accessed 23.11.2025).

15. *Oxford English Dictionary*, available at: from https://www.oed.com (accessed 23.11.2025).

16. Ozhegov, S.I. and Shvedova, N.Yu. (2006), *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language], Azbukovnik, Moscow, RUS.

17. "Toxic", *Cambridge Dictionary*, available at: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/toxic (accessed 23.11.2025).

18. Schweitzer, A.D. (1973), *Perevod i lingvistika* [Translation and linguistics], Voenizdat, Moscow, USSR.

19. Belozerova, N.N., Drozhashchikh, N.V., Kupchik, E.V. et al. (2023), *Funktsional'nyi povorot v lingvisticheskikh issledovaniyakh* [The functional turn in linguistic studies], TyumGU-Press, Tyumen, RUS.

20. "Cancel", *Cambridge Dictionary*, available at: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/cancel (accessed 23.11.2025).

21. "Public post by @bitofina 6 Feb. 2026" (2026), *Twitter (X)*, available at: https://x.com/bitofina/status/2019584888874143921?s=20 (accessed 10.02.2026).

Information about the authors

Svetlana V. Kiseleva – Dr. Sci. (Philology, 2010), Professor at the Department of English Philology and Translation, Saint Petersburg State Economic University, 30-32 Griboyedov Channel emb., St Petersburg 191023, Russia. The author of 138 scientific publications. Area of expertise: history of the English language, lexicology of the English language, theoretical grammar, cognitive linguistics (cognitive semantics, cognitive terminology).

John V. Tumanyan – Master's student (2nd year), Saint Petersburg State Economic University, 30-32 Griboyedov Channel emb., St Petersburg 191023, Russia. The author of 2 scientific publications. Area of expertise: translation studies, intercultural communication, digital discourse, machine translation.

No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 20.02.2026; adopted after review 01.04.2026; published online 23.06.2026.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 152–165
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 152–165

Оригинальная статья
УДК 81-23
http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-3-152-165

Специфика англоязычных коммуникативных практик в цифровой коммуникации

***Яссин Шариф Саид Аль-Баяти*[1]✉, *Лариса Анатольевна Кочетова*[2]**

[1]*Университет Имама Джафара Аль-Садика, Киркук, Ирак*
[1]*Дирекция религиозного образования и исламоведения, Багдад, Ирак*
[2]*Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия*
[2]*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия*
[1]✉*Yassien_shareef@ijsu.edu.iq, https://orcid.org/0000-0001-7219-0235*
[2]*kochetova@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-5278-7373*

Введение. Актуальность работы обусловлена интересом лингвистики к описанию функциональных разновидностей дискурса, в частности коммуникативных практик современного английского языка, обусловленных ситуативно-режимным параметром дискурса.

Методология и источники. Исследование основано на междисциплинарном подходе, интегрирующем качественно-ориентированные лингвистические методы, в частности интерпретативный метод, а также теории социальных сетей, диффузии инноваций и теории речевых сообществ. Эмпирический анализ опирается на данные подкорпуса текстов электронной коммуникации, являющегося частью British National Corpus (BNC2014), общим объемом около 5 млн слов.

Результаты и обсуждение. Цифровая коммуникация характеризуется собственными дискурсивными нормами, определяющими коммуникативное поведение его участников. Специфика коммуникативных практик цифровой среды определяется потребностями в оригинальной подаче информации и формировании социально-языковой идентичности в виртуальных коммуникативных сообществах, которые выражаются языковыми инновациями, отражающими содержательно-формальные, тонально-прагматические и жанрово-стилистические характеристики цифрового опосредованного общения. Маркерами конструирования социально-языковой идентичности и оригинальности выступают неологизмы, переключение регистров и стилей, нарушения орфографических, грамматических и стилистических норм, а также активное использование мультимодальных ресурсов, включая эмодзи, мемы и GIF-изображения, выступающие средствами фатического общения и выполняющие преимущественно развлекательную функцию. Делается вывод о том, что цифровой дискурс представляет собой сложный коммуникативный феномен, трансформирующий современный английский язык при сохранении его функциональной целостности. Обсуждаются теоретические и прикладные последствия полученных результатов для социолингвистики, цифровой грамотности и языкового образования, подчеркивающие необходимость признания цифровых коммуникативных практик как легитимных и социально обусловленных форм языкового выражения.

Заключение. Предложенная методика может использоваться для дальнейшего изучения жанров сетевого дискурса и их коммуникативных характеристик в контексте глобализации.

© Аль-Баяти Я. Ш. С., Кочетова Л. А., 2026
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 152–165
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 152–165

Ключевые слова: цифровая коммуникация, сетевой дискурс, мультимодальность, языковые инновации, тональность, вирутальные речевые сообщества

Для цитирования: Аль-Баяти Я. Ш. С., Кочетова Л. А. Специфика англоязычных коммуникативных практик в цифровой коммуникации // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 152–165. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-3-152-165

Original paper

Linguistic Specificity of English-Language Communicative Practices in Social Media and Messaging Platforms

***Yassien Shareef Saed Al-Bayati*[1]✉, *Larisa A. Kochetova*[2]**

[1]*Imam Ja'afar Al-Sadiq University, Kirkuk, Iraq*
[1]*Directorate of Religious Education and Islamic Studies, Bagdad, Iraq*
[2]*Volgograd State University, Volgograd, Russia*
[2]*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*
[1]✉*Yassien_shareef@ijsu.edu.iq, https://orcid.org/0000-0001-7219-0235*
[2]*kochetova@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-5278-7373*

Introduction. The relevance of this study stems from linguistics' interest in describing ethe functional varieties of discourse, particularly the communicative practices of modern English, shaped by the situational-regime parameter of discourse.

Methodology and sources. The study is based on an interdisciplinary approach integrating qualitative linguistic methods, particularly the interpretive method, as well as social network theories, the diffusion of innovations, and speech community theory. The empirical analysis draws on data from a subcorpus of electronic communication texts, part of the British National Corpus (BNC2014), comprising approximately 5 million words.

Results and discussion. It has been established that digital communication is characterized by its own discursive norms that determine the communicative behavior of its participants. The specific nature of digital communicative practices is determined by the need for original information presentation and the formation of sociolinguistic identity in virtual communicative communities, which are expressed through linguistic innovations reflecting the substantive-formal, tonal-pragmatic, and genre-stylistic characteristics of digitally mediated communication. Neologisms, register and style switching, violations of spelling, grammar, and stylistic norms, as well as the active use of multimodal resources, including emojis, memes, and GIFs, serve as means of phatic communication and serve a primarily entertaining function, serve as markers of sociolinguistic identity and originality. It is concluded that digital discourse is a complex communicative phenomenon that is transforming modern English while preserving its functional integrity. The theoretical and practical implications of the findings for sociolinguistics, digital literacy, and language education are discussed, highlighting the need to recognize digital communicative practices as legitimate and socially determined forms of linguistic expression.

Conclusion. The proposed methodology can be used for further study of online discourse genres and their communicative characteristics in the context of globalization**.**

Keywords: digital communication, online discourse, multimodality, linguistic innovation, tonality, online speech communities

For citation: Al-Bayati, Ya.Sh.S. and Kochetova, L.A. (2026), “Linguistic Specificity of English-Language Communicative Practices in Social Media and Messaging Platforms”, *DISCOURSE*, vol. 12, no. 3, pp. 152–165. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-3-152-165

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 152–165
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 152–165

Введение. Язык функционирует как динамическая система, находящаяся под влиянием различных факторов, к числу которых относятся технологические изменения, формирующие новые каналы обмена сообщениями. Развитие цифровой коммуникации, изменение ее режима ускорили как темпы, так и заметность языковых изменений, а социальные сети, цифровые платформы и мессенджеры обеспечили условия, в которых английский язык постоянно модифицируется вследствие скорости информационного обмена, вовлечения в него широкого круга пользователей, краткости и мультимодальности сообщений. Анализ цифрового дискурса лежит на пересечении (не) языковых ресурсов, общества и технологии [1]. Исследователи отмечают, что изменения, вызванные цифровой трансформацией, затрагивают все уровни языковой системы [2; 3]. С одной стороны, словарный состав языка быстро пополняется за счет появления номинаций, отражающих реалии новых технологических и социальных практик, широкого использования аббревиатур и акронимов, способствующих языковой экономии в условиях ускоренного обмена сообщениями. С другой стороны, нарушаются дискурсивные нормы, поскольку письменные формы коммуникации приобретают сходство с устной речью, а визуальные элементы – эмодзи, GIF-файлы и мемы участвуют в построении смысла. Такие конфигурации размывают границы между устной и письменной речью, а также между формальным и неформальным регистрами общения. К числу важнейших проблем социолингвистики В. И. Карасик относит определение социально-языковой идентичности виртуального коммуникативного сообщества и языковой политики в условиях глобализации [4, с. 285]. В условиях глобализации влияние цифровых медиа на коммуникативные практики становится универсальным явлением. Вирусные выражения, мемы и хэштеги распространяясь с высокой скоростью, подвергаются семантической адаптации внутри сетевых сообществ, образуя локализованные микроязыки, встроенные в глобальную структуру английского языка. Обусловленные интернетом изменения в английском языке описаны в работе Д. Кристала. Ученый отмечает пополнение словарного состава английского языка, а также увеличение числа неполных предложений и нестандартных грамматических моделей, подчеркивая необходимость постоянного пересмотра лингвистических справочных материалов для учета непрерывных трансформаций в использовании цифрового языка [5].

Влияние цифровой коммуникации на коммуникативные практики неоднократно становилось предметом исследования. На основе смешанных методов изучалось коммуникативное поведение канадских подростков на примере текстов мгновенных сообщений и постов в социальных сетях. Результаты показали наличие высокой доли сокращений, акронимов и нестандартной орфографии, что указывает на преобладание неформальных способов выражения, обеспечивающих коммуникативную эффективность [6]. Авторы определили цифровые платформы как основной фактор лингвистических инноваций среди молодых пользователей и подчеркнули необходимость лонгитюдных исследований, посвященных изучению их влияния на языковые нормы в долгосрочной перспективе.

Воздействие цифровой коммуникации на практику письменной речи изучалось на основе качественного интервьюирования студентов университетов [7]. Результаты показали увеличение доли разговорных стилистических средств и размывание границ между формальным и неформальным регистрами, в том числе и в академических контекстах. Исследование объясняет данные тенденции влиянием социальных сетей и подчеркивает важность

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 152–165
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 152–165

обучения цифровой грамотности в целях использования приемлемого регистра в различных коммуникативных ситуациях.

В коммуникативных практиках многоязычных пользователей социальных сетей используются частые переключения кодов и гибридные языковые формы, что указывает на то, что социальные сети способствуют языковому разнообразию и инновациям [8]. Исследование эмодзи как семиотического ресурса в цифровом дискурсе представлено в работе М. Данези [9]. В центре внимания находятся функции, связанные с выражением эмоций, тональной модуляцией и контекстным уточнением. Эмодзи рассматриваются как форма цифрового языка тела, компенсирующая ограничения письменного взаимодействия. Подчеркивается аналитическая ценность изучения взаимодействия между визуальными и текстовыми режимами в изучении языковых изменений.

Внимание ученых сосредоточено также на проблематике возникновения микроязыков в онлайн-игровых сообществах [10]. Опираясь на этнографические методы, авторы продемонстрировали возникновение специализированных лексических систем, конструирующих социально-групповую идентичность и поддерживающих внутригрупповую коммуникацию. Результаты подтвердили способность цифровых платформ генерировать лингвистические субкультуры и продемонстрировали адаптивность языка к новым коммуникативным условиям.

Интернет-мемы как механизмы лингвистической и культурной передачи информации изучались в работе Р. Милнера. Контент-анализ сообщений выявил быстрое распространение таких выражений, как *OK*, *boomer* и *YOLO*, связав практику создания мемов с изменениями в публичном дискурсе. Мемы определяются как фактор, ускоряющий языковые изменения, что делает важным исследование социокультурных контекстов, формирующих коммуникацию на их основе [11].

Основываясь на тезисе о ситуативно-режимном параметре как основном факторе трансформации дискурсивных норм, изменении способов конструирования социально-языковой идентичности и самоидентификации участников сетевого общения, в статье на основе корпусного анализа англоязычных текстов в социальных сетях и мессенджерах рассматриваются основные коммуникативные характеристики цифровой коммуникации.

Методология и источники. Исследования коммуникативных практик в цифровой среде занимают центральное место в прикладной лингвистике, социолингвистике и дискурсивных исследованиях в связи с растущим влиянием цифровой коммуникации на коммуникативное поведение, выражение идентичности и конструирование смысла. Компьютерная коммуникация характеризуется признаками, отличными от традиционных устных и письменных регистров. В целях концептуализации гибридного коммуникативного режима, характеризующегося гибкостью, неформальностью и новаторством, Д. Кристал [5] ввел понятие «сетевого языка» (Netspeak). Последующая диверсификация цифровых платформ и интеграция в текстовые сообщения мультимодальных ресурсов, включая изображения, эмодзи и видео, привели к принятию термина «цифровой дискурс» для учета структурной сложности и функциональной изменчивости в онлайн-коммуникативных практиках [12].

Изучение закономерностей речевой деятельности в цифровой коммуникации носит междисциплинарный характер и опирается на теоретические основы теории социальных сетей, теории диффузии инноваций и теории речевых сообществ, которые предоставляют

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 152–165
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 152–165

объяснительные рамки для возникновения, распространения и стабилизации моделей коммуникативного поведения в онлайн-средах. Теория социальных сетей, сформулированная Дж. А. Барнсом в 1954 г., выдвигает на первый план влияние межличностных связей и конфигураций сетей на индивидуальное поведение участников общения. Эта концепция предполагает, что модели взаимодействия внутри сетей регулируют циркуляцию информации, идей и коммуникативных практик [13]. В социолингвистических исследованиях этот подход поддерживает интерпретацию языковых вариаций и изменений как процессов, встроенных в социальную структуру, а не как результатов изолированного индивидуального выбора. Теория социальных сетей структурирует изучение распространения языковых инноваций внутри и между онлайн-сетями, при этом аналитический фокус направлен на влиятельных пользователей, участвующих во внедрении и нормализации новых языковых форм.

В цифровой среде теория социальных сетей предлагает эффективный аналитический инструмент для изучения распространения языковых инноваций на платформах социальных сетей. Архитектура платформ генерирует крупномасштабные, плотно связанные сети, в которых пользователи усваивают новые языковые формы, взаимодействуя со сверстниками, участвуя в сообществе, подвергаясь влиянию инфлуенсеров. С. Вассерман и К. Фауст [14] демонстрируют, что высокая плотность сети ускоряет распространение языковых инноваций, обеспечивая быструю циркуляцию сокращений, сленга и стилистических новаций. Применение данной концептуальной модели помогает выявить точки влияния, ответственные за внедрение и стабилизацию новых языковых форм, способствующих ускоренному изменению языка в цифровой коммуникации.

Теория диффузии инноваций, предложенная Э. Роджерсом в 1962 г., объясняет временные закономерности распространения новых идей, моделей поведения и практик в социальных системах. Модель определяет последовательные этапы внедрения: знание, убеждение, решение, реализация и подтверждение, а также выделяет категории пользователей, от новаторов до отстающих [15]. Данная концептуальная модель обладает высокой аналитической ценностью для исследований языковых изменений в социальных сетях, где лингвистические инновации возникают и распространяются ускоренными темпами. Теория диффузии инноваций направляет отслеживание отдельных языковых инноваций, включая акронимы, неологизмы и выражения, основанные на мемах. Анализ отслеживает перемещение языковых форм от первых пользователей к более широким группам пользователей, отражая последовательные этапы диффузии в цифровой среде.

В цифровой коммуникации лексические инновации, включающие аббревиатуры, сокращения и акронимы, характеризующие коммуникативный стиль пользователей, часто зарождаются среди новаторов и инфлуенсеров, включая знаменитости, блогеров с большим числом подписчиков. Такие участники легитимизируют возникающие лингвистические формы, повышая их привлекательность для более широкой аудитории. В логике модели распространение инноваций среди большинства пользователей сигнализирует о нормализации и их включении в повседневное использование языка. Применение этой модели позволяет систематически отслеживать жизненные циклы инноваций и проясняет механизмы, посредством которых социальные сети усиливают скорость языковых изменений.

Теория речевых сообществ, разработанная в рамках социолингвистических исследований такими исследователями, как У. Лабов и Д. Хаймс, сосредоточена на коллективах, объ-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 152–165
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 152–165

единенных общими нормами и ожиданиями, регулирующими использование языка. У. Лабов [16] концептуализирует речевое сообщество как группу, члены которой поддерживают общие языковые нормы посредством постоянного взаимодействия. В рамках этой теории языковая вариативность возникает из социально организованных практик, а не из изолированного индивидуального поведения. Теория речевых сообществ поддерживает исследование ориентированных на сообщество коммуникативных практик, специфичных для платформы. Онлайн-коллективы, включая фандомы (сообщества фанатов) и группы геймеров, функционируют как речевые сообщества, характеризующиеся общими дискурсивными нормами и репертуарами языковых средств.

В цифровых средах эта модель объясняет формирование онлайн-сообществ, структурированных вокруг общих интересов, идентичностей или видов деятельности и отмеченных отличительными языковыми конвенциями. Платформы социальных сетей включают в себя множество сообществ, характеризующихся использованием специализированного сленга, стилистических моделей и норм взаимодействия. Применение этой теории способствует анализу динамики взаимодействия на микроуровне и проясняет, как локализованные цифровые практики объединяются в более широкие траектории языковых изменений.

В исследовании используется смешанный метод, преимущественно качественный, для изучения коммуникативных практик цифровой коммуникации в социальных сетях и мессенджерах. Методологическая основа, объединяющая теорию социальных сетей, теорию диффузии инноваций и теорию речевых сообществ, позволяет анализировать структурные закономерности наряду с социальными механизмами, формирующими использование языка в цифровой среде. Исследование происходит в рамках описательно-аналитического подхода, направленного на выявление повторяющихся лингвистических особенностей в цифровой коммуникации и интерпретацию их социолингвистической значимости. Стратегия смешанных методов сочетает качественный анализ дискурса с количественным частотным корпусным анализом и контекстуальной интерпретацией данных.

Источником эмпирического материала послужил *The British National Corpus* (BNC2014) [17] в состав которого входит подкорпус текстов электронной коммуникации. Общий объем корпуса составляет более 5 млн слов, он включает 2381 текстовый фрагмент. Дизайн исследования имеет ряд ограничений. Объем корпуса ограничивается англоязычным контентом, что снижает возможность обобщения результатов. В будущих исследованиях можно будет увеличить объем данных, включить лонгитюдные исследования или рассмотреть многоязычные и неанглоязычные цифровые среды.

Междисциплинарный подход позволяет проводить многоуровневую интерпретацию использования цифрового языка, связывая лингвистический выбор на микроуровне с социальной динамикой на макроуровне, формирующей языковые изменения.

Анализ данных проводился в несколько этапов, сочетающих параметризацию, количественное измерение и интерпретацию. На начальном этапе анализировались список слов корпуса и ключевые слова корпуса для выявления отличительных языковых характеристик.

Второй этап включал количественный частотный анализ, направленный на оценку распределения и распространенности выявленных особенностей в различных жанрах. Статистическое сравнение помогло выявить доминирующие тенденции и специфические для каждого жанра лингвистические конфигурации.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 152–165
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 152–165

Качественный контент-анализ дискурса использовался для интерпретации коммуникативных функций и социальных значений, связанных с повторяющимися особенностями коммуникативных практик. Аналитический фокус был сосредоточен на средствах формирования социально-групповой идентичности, эмоционально-стилевого формата межличностного взаимодействия и соблюдении дискурсивных конвенций в цифровом общении. Таким образом, валидность была усилена за счет триангуляции качественной интерпретации и количественного измерения, а также соответствия результатов установленным теоретическим моделям и предыдущим эмпирическим данным.

Результаты и обсуждение. ***Содержательно-формальные характеристики коммуникативных практик цифрового дискурса.*** Отличительной формальной характеристикой цифровой коммуникации является полимодальность, основанная на гетерогенных семиотических ресурсах, включающих эмодзи, GIF-файлы и мемы. В электронной коммуникации эмодзи выполняют прагматические функции, сигнализируя о коммуникативной тональности общения, часто фатической, шутливой или юмористической, уточняя коммуникативные намерения, смягчая коммуникативные действия, угрожающие лицу участников коммуникации. Среди наиболее употребляемых эмодзи упомянем такие иконические знаки, как улыбающееся лицо ☺, сердечко ♥, поднятый к верху большой палец 👍. В текстовых сообщениях GIF-файлы функционируют как анимированные визуальные реакции, которые используются для быстрой передачи эмоций, оценок или выражения юмористического действия более эффективно, чем только вербальные средства, формируя развлекательность цифровой коммуникации, создавая привлекательный контент и поддерживая социально-групповую идентичность посредством общих и культурных отсылок. Мемы функционируют как сжатые культурные артефакты, передающие сложные значения посредством минимального вербального материала. Таким образом, в цифровом дискурсе формирование смысла все больше зависит от скоординированного взаимодействия визуальных и текстовых элементов. Полимодальная интеграция коммуникативных форм компенсирует снижение доли вербальной составляющей, вынося прагматическую выразительность за пределы одних лишь лингвистических форм.

Содержательные характеристики сетевого дискурса отражают его тематику, которая обозначается хештэгами, выступающими ориентирами для пользователей. Хештэги способствуют созданию сетевых сообществ, объединяемых по различным критериям. Это могут быть группы, формирующиеся для обсуждения определенных актуальных тем или конкретных событий: *#ThrowbackThursday (#TBT), #jboogielovephotographyphoto, #kymanimarley, #wailers, #centralbrowardregionalpark, #newjersey#easytolove, #mtvbrasilbless* и др. В этом случае хештэги выполняют ориентационную функцию, позволяя пользователям присоединяться к наиболее популярным дискуссиям. Некоторые группы объединяют пользователей в соответствии с определенным увлечением, хобби или интересом: *#newsliteracy, #digitalliteracy, #wecandoit, #portraiofpoliticalbritain, #drinktime*; знаками социального статуса *#dolcegabanna*; острыми социальными и психологическими темами *#letitgo, #loveisanopedoor, #keepcalm, #publictransport, #goingdeaf* и др. Другие хэштеги представляют собой знаки-фразы, вызывающие интерес и выполняющие аттрактивную функцию, например: *#givemechocolate, #passmethecoffee, #katedoesnotshare, #rewindplease, #justkeepswimming, #iamabigchildreally, #enlishisstrange, #hardworkpaysoff*.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 152–165
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 152–165

Прагматика переключения кодов в виртуальных коммуникативных сообществах. Анализ выявляет специфические для сообщества коммуникативные практики, сосредоточенные в группах по интересам, включая игровые и фандомные сети. Значимым семиотическим ресурсом выступает орфография, которая может имитировать устную речь, выражать различные эмоции, например, шутливое недовольство сценическими костюмами музыкальной группы: *#Dreamcatcher have such solid songs but can someone please get them better dresses pleeeease; смягчать побуждение подписаться на собственную страничку в сети: thanks to everyone for spreading the word! love you all! joss xo:) did i show you this?*:) *x come join us at my very own label page pleeeeease:) xoxox look out, the yes sir boss record is sounding sooo good! i cant wait for the world to dance around like crazy to there sounds*:); *so much bubble tea when I get back to Cardiff oh honey oh tapiocaaaaa Omg steam, our family id having a crisis – just let me play Rollercoaster Tycoon 2 in offline mode pleeeeeeease You can do it!!* Нестандартные конструкции не препятствуют интерпретации сообщений в цифровой среде. Вместо этого такие формы функционируют как функциональные и социально значимые стратегии, соответствующие конвенциям платформы и общим ожиданиям пользователей.

Платформы социальных сетей формируют коммуникативное пространство, в которых существуют многочисленные пересекающиеся речевые сообщества, каждое из которых вносит свой уникальный вклад в непрерывное развитие коммуникативной практики. Специализированный сленг и технический жаргон служат для подтверждения принадлежности к группе и формирования социально-языковой идентичности ее членов. Модели распространения лингвистических инноваций в соответствии с теорией диффузии инноваций сводятся к тому, что новые выражения, как правило, возникают среди высокоактивных или влиятельных участников сетевого общения до того, как они получат более широкое распространение. Вирусные механизмы, особенно затрагивающие мемы и хэштеги, сжимают циклы распространения сообщений, обеспечивая быстрый переход от локального использования к массовому употреблению.

Результаты подтверждают, что социальные сети ускоряют языковые изменения и активно перестраивают процессы, посредством которых социально-групповые конвенции общения и дискурсивные нормы обретают стабильность и признание. На первый план выходит яркость и оригинальность подачи информации как способ формирования социально-языковой идентичности (о прагматике социально-языковой идентичности см. [4]). В следующем отрывке автор сетевой рецензии дает оценку фильму-катастрофе: *the drama quite 'funny'. Clearly low budget, characters that are so one dimensional you simply don't really care what happens; cliche'd scenes, are they gonna drown? Get smashed by a falling tree? Mm, I wonder. Except I don't actually care. Some of the devastation scenes are passably well done – you get the drift of what a devastated town/area is going to look like so – ok. Mostly, the film just lacks the warmth and class of Twister. Review CGI extravaganza. Richard Armitage has not the gravitas for a leading man but it's a reasonable summer disaster movie.* Автор не только выражает свою позицию, давая общую оценку фильма, его сюжета и игры актеров, но и передает свое отношение к происходящему на экране, переключаясь на обиходную тональность (неполные предложения, разговорные грамматические формы, имитация диалога). Лингвистические структуры отражают разговорную речь, отдавая приоритет непосредственности, эффективности и выразительности, а не соблюдению формальных грамматических норм. Акцентируется, что фильм не предполагает

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 152–165
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 152–165

эмоциональной вовлеченности зрителя и обладает исключительно зрелищными характеристиками. Подчеркивается интердискурсивная составляющая фильма (*cliche'd scenes*), это один из множества похожих фильмов-катастроф. Имплицитный смысл отрывка, выражающий позицию автора, сводится к возможности его просмотра, чтобы скоротать время.

Лексические инновации в сетевом дискурсе. Результаты показывают, что структура онлайн-сетей играет очень важную роль в ускорении языковых изменений. Распространение вирусных фраз и выражений, основанных на мемах, демонстрирует, как тиражирование сообщений во взаимосвязанных цифровых сетях способствует закреплению новых языковых форм. Эти закономерности отражают значимость социальных связей, а не только дизайна платформы, в формировании языковой эволюции. Сетевые пользователи с большей вероятностью принимают и воспроизводят инновационные языковые формы, укрепляя их легитимность и способствуя их более широкому распространению. Наблюдаемые лингвистические закономерности тесно соответствуют теории распространения инноваций. Новые формы часто возникают среди новаторов, включая инфлюенсеров и их последователей, а также в специализированных онлайн-сообществах, прежде чем распространиться среди более широких сегментов пользователей. Расширение лексики дополнительно иллюстрирует динамику инноваций в цифровой среде. Быстрое прохождение этапов распространения подчеркивает ускоряющее влияние социальных сетей на изменение языка. Цифровые инфраструктуры обеспечивают мгновенную видимость и тиражирование, резко сокращая время внедрения, которое традиционно занимало достаточно длительные периоды. Таким образом, лингвистические инновации развиваются в условиях сжатых циклов распространения, изменяя темп эволюции языка в рамках цифровой коммуникации. Лексические изменения следуют за функциональным спросом, указывая на то, что коммуникативная необходимость, а не технологический детерминизм, движет эволюцией языка. Таким образом, цифровые платформы ускоряют лексическое развитие, сохраняя при этом системную лингвистическую организацию.

С точки зрения теории речевых сообществ, анализ показывает, что онлайн-платформы объединяют множество пересекающихся речевых сообществ, характеризующихся определенными типами дискурсивного поведения. Специфический для сообществ сленг, модели переключения кодов и микроязыки широко распространены в фандомах и игровых группах. Коммуникативные практики выступают в качестве маркеров идентичности, укрепляя сплоченность внутри группы и общую культурную компетентность.

Использование языка в сетевых сообществах демонстрирует стратегическую адаптацию в зависимости от платформы, аудитории и контекста взаимодействия, что указывает на высокий уровень социолингвистической осведомленности. Подобная адаптивность подтверждает позицию, выдвинутую П. Эккертом и С. Макконнелл-Гинетом [18], которые рассматривают языковое поведение как результат участия в социальных практиках, а не как следствие фиксированных социальных классификаций.

Корпусный анализ показывает, что сетевому дискурсу свойственны различные лексические инновации, поскольку социальные сети и мессенджеры выступают в качестве мощных двигателей лингвистических инноваций. Высокая частота сокращений, акронимов и случаев нестандартного написания встречается в неформальных взаимодействиях, подтверждая закономерности, отмеченные в более ранних исследованиях [5; 6]. Такие формы отра-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 152–165
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 152–165

жают адаптивные реакции на возможности платформ, включая быстрый обмен, оперативность и пространственные ограничения. Лингвистическое поведение, наблюдаемое в цифровых контекстах, соответствует скорее креативной экономике, чем коммуникативному упадку, что подтверждает характеристику «сетевого языка» Кристала [5] как гибридного и адаптивного коммуникативного режима.

Важной характеристикой сетевого общения являются сокращения и акронимы, такие как *LOL* (laughing out loud), *BRB* (be right back), *OMG* (Oh, my God) и *FOMO* (fear of missing out), *BTW* (by the way), *IDK* (I don't know), *TY* (thank you), *tbh* (to be honest), являющиеся ситуативными маркерами общения на короткой коммуникативной дистанции. Концентрация использования сокращений возрастает на платформах, отдающих предпочтение быстрому взаимодействию, что только усиливает тенденции к экономии символов: *Pls, plz (please), thx, thnx (thanks), sry (sorry), btw (beyween), Uni (university), Mo- (Monday)* и др. Например: *WHERE DO I BEGIN *Cracks knuckles* Tbh I feel like as long as T-ara is mentioned in some capacity, you cover hook songs nicely*. Так, аббревиатура *LOL* насчитывает 1 424 (269,11) употреблений в корпусе и встречается в 228 из 2 381 текстов; аббревиатура *omg* имеет частоту 643 (121,51) и встречается в 96 текстах из 2 381; *btw* – 142 (26,84) в 88 из 2 381 текстов; *IDK* имеет наименьшую частоту 53 (10,02) в 18 из 2 381.

Лексические элементы, возникшие в цифровом контексте, демонстрируют все большую интеграцию в повседневную устную и письменную речь на английском языке. Наблюдаемые закономерности в корпусных данных подтверждают предыдущие исследования, указывающие на то, что языковые практики, опосредованные цифровыми технологиями, выходят за рамки онлайн-среды и способствуют более широким лексическим изменениям. Так, аббревиатуры проникают в тексты прессы: ***Btw*** *Approximately 1 % of babies are born with some form of FASD. ** International FASD Awareness Day is on September 9. For more information, visit www.Nofas-uk.org or www.Fasdnetwork.org*. В следующем газетном тексте используется сокращенная форма gov вместо government *'Flood victims' new year hopes go up in smoke ' The gov claim there's no money for floods, yet there was plenty going up in smoke for the new year celebrations*.

Сетевой дискурс способствует формированию пластов неологической лексики. Слова *fam* (family/friends), *salty* (upset) и *lit* (exciting), возникшие на платформах социальных сетей, даже вошли в некоторые словари. Они часто отражают современные культурные тенденции и динамичный характер языка в цифровую эпоху и могут распространиться по всему миру за считанные дни. Например: *Hahah whatever floats your boat! He" s no Molliano either! Yep, becomes manager at one point – How weird, I've just spent the last hour re-living the delights of Dream Team ... One more day until my holiday starts ... Can't wait for a bit of sunshine and time with the fam*:).

С другой стороны, в условиях глобального взаимодействия английский язык в социальных сетях вбирает в себя элементы других языков. Датское слово *hygge*, обозначающее уют, и *déjà vu* (французское слово, обозначающее чувство, что нечто подобное происходило ранее) не только обогащают английский язык, но и вследствие глобализации проникают в другие языки. Так, *hygge* активно культурно осваивается в русском языке, например: «Тренд на спокойствие и уют: датское хюгге и корейские хилинг-книги».

Лингвокреативность пользователей выражается в образовании новых слов на основе имеющихся словообразовательных моделей английского языка. Так, в английском языке распространена модель N+y, в которой образованное прилагательное имеет значение склон-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 152–165
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 152–165

ности к чему-либо, сходства с чем-либо. В следующем отрывке неологизм coconut имеет значение «с запахом кокоса, пахнущий как кокос»: *Five Stars Beautiful smell. Great quality. Not as* ***"coconuty"*** *as I'd hoped. Makes for a very nice shave though. Brilliant shaving cream. This has become some what of a go-to shaving cream*.

Особое распространение в сетевом дискурсе получает словосложение (блендинг), например: *grapefruitaholic, mockumentary, inkaholic, Pi-aholic*: В жанре отзыва о фильме неологический бленд *mocumentary* образован сложением двух слов *mocking* (подделывать) и *documentary* (документальный фильм), что означает псевдо документальный фильм: *Potentially a really good disaster movie with great FX and moments of genuine tension, ruined by the unnecessary* ***mockumentary*** *format*: принтер, в котором быстро заканчиваются чернила в картридже, характеризуется как *incaholic: Stars good value Three Stars excellent product As good as you expect from genuine Canon Cartridges Everything you expect from an genuine Canon ink cartridge, just wish these things lasted a little longer, my printer has so far o never not been Low on Ink, I think it's and* ***inkaholic***.

Быстрое распространение слов, их тиражирование приводят к тому, что слова закрепляются в массовом сознании членов дискурсивного сообщества, пополняя словарный состав языка. Часто употребляемые, получившие широкое распространение в дискурсивных практиках лексемы, определяются различными институциональными субъектами как главные слова года. Так, в 2025 г. словом года по версии Оксфордского словаря лексема *brainrot*, означающая интернет-контент низкого качества.

Заключение. Цифровой дискурс функционирует одновременно как социальная практика и экспериментальное пространство, демонстрируя креативность, адаптивность и структурную сложность языка в рамках опосредованного цифровыми технологиями взаимодействия. Коммуникативные особенности цифровой коммуникации отражают изменения дискурсивных норм, способов социально-языкового позиционирования, демонстрируют тенденции к оригинальной подаче информации.

Корпусные данные сигнализируют о структурных сдвигах в современном английском языке. Интеграция теории социальных сетей, теории диффузии инноваций и теории речевых сообществ проясняет закономерности языковых изменений в социальных сетях и мессенджерах, создает объяснительную модель возникновения, циркуляции и стабилизации языка в цифровом пространстве и помещает наблюдаемые тенденции в контекст дискуссий об изменении языка, опосредованном цифровыми технологиями.

Таким образом, развитие английского языка в цифровой коммуникации отражает особенности сетевого взаимодействия. Социальные сети ускоряют распространение языковых инноваций, одновременно позволяя экспериментировать, формировать социально-групповую идентичность и творчески выражать себя. Интеграция теоретических моделей с эмпирическими данными подтверждает интерпретацию изменений в цифровом языке как социально и структурно обусловленных, а также тесно связанных с технологическими возможностями. Распространяясь через онлайн-сети с высокой скоростью, часто зарождаясь среди инфлюенсеров (влиятельных пользователей) и внутри специализированных речевых сообществ, языковые инновации далее подхватываются широкой аудиторией. Выявленные тенденции не свидетельствуют о деградации языка, а отражают его стратегическую адаптацию, лингвокреативность и реги-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 152–165
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 152–165

стровую гибкость, обусловленные коммуникативными задачами и возможностями цифровых платформ. Сокращения, неологизмы, эмодзи и выражения, связанные с сообществом, функционируют как индикаторы лингвистической креативности, оригинальности подачи информации и социально-языковой идентичности, а не как маркеры языковой эрозии. Языковые изменения в цифровой среде происходят посредством социально организованных процессов, циркулируя через сети, сообщества и влиятельных участников, а не в результате случайных вариаций.

Развитие английского языка в цифровой коммуникации демонстрирует выраженную лингвистическую адаптивность, обусловленную социальным и технологическим факторами. Продолжающаяся трансформация платформ будет и дальше создавать условия для лингвистических экспериментов, движимых творчеством пользователей и меняющимися коммуникативными требованиями.

Результаты вносят вклад в продолжающиеся дискуссии о взаимосвязи между цифровой коммуникацией, языковыми стандартами и развитием грамотности. Результаты исследования указывают на размывание границ между формальным и неформальным регистрами, при этом конвенции цифровой коммуникации все больше проникают в другие типы общения и офлайн-практику письменной речи. Полученные данные не свидетельствуют о снижении уровня языковой компетенции. Напротив, носители языка демонстрируют гибкость регистра и контекстную чувствительность, адаптируя языковой выбор к коммуникативной цели и аудитории.

Полученные данные имеют важное значение для лингвистики, образования и цифровой грамотности. Будущие исследования могут иметь больший эмпирический охват за счет лонгитюдных исследований, расширенных наборов данных и межъязыковых или межкультурных сравнений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bou-Franch P., Garcés-Conejos Blitvich P. Analyzing Digital Discourse: New Insights and Future Directions. Cham: Palgrave Macmillan, 2019.

2. Галичкина Е. Н. Компьютерная коммуникация: лингвистический статус, знаковые средства, жанровое пространство: дис. … д-ра филол. наук / ВГСПУ. Волгоград, 2012.

3. Интернет-коммуникация как новая речевая формация / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. 5-е изд., стер. М.: Флинта, 2025.

4. Карасик В. И. Языковые картины бытия. М.: Гос. ИРЯ им А. С. Пушкина, 2020.

5. Crystal D. Language and the Internet. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001. DOI: https://doi.org/10.1017/CBO9781139061197

6. Tagliamonte S. A., Denis D. Linguistic ruin? LOL! Instant messaging and teen language // American Speech. 2012. Vol. 87, № 1. P. 3–34. DOI: 10.1215/00031283-2008-001

7. Baron N. S. Always on: Language in an online and mobile world. Oxford: Oxford Univ. Press, 2008. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780195313055.001.0001

8. Androutsopoulos J. Moments of sharing: Entextualization and linguistic repertoires in social networking // J. of Pragmatics. 2014. № 73 (1). P. 4–18. DOI: https://doi.org/10.1016/j.pragma.2014.02.002

9. Danesi M. The semiotics of emoji: The rise of visual language in the age of the internet. London: Bloomsbury, 2017.

10. Entextualization and resemiotization as resources for identification in social media / S. Leppänen, S. Kytölä, H. Jousmäki et al. // The Language of social media: communication and community on the internet / ed. by Ph. Seargeant, C. Tagg. Basingstoke: Palgrave, 2013. P. 112–138.

11. Milner R. M. The World Made Meme: Public Conversations and Participatory Media. London: MIT Press, 2016. DOI: https://doi.org/10.7551/mitpress/9780262034999.001.0001

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 152–165
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 152–165

12. Georgakopoulou A. Computer-mediated communication // Pragmatics in Practice / J.-O. Östman, J. Verschueren (eds.). Amsterdam: John Benjamins Publ., 2011. P. 93–110.

13. Barnes J. Class and Committees in a Norwegian Island Parish // Human Relations. 1954. № 7. P. 39–58. DOI: http://dx.doi.org/10.1177/001872675400700102

14. Wasserman S., Faust K. Social Network Analysis: Methods and Applications. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1994. DOI: https://doi.org/10.1017/CBO9780511815478

15. Rogers E. M. Diffusion of Innovations. 5th ed. NY: Free Press, 2003.

16. Labov W. Sociolinguistic patterns. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1972.

17. British National Corpus (BNC2014). URL: https://cqpweb.lancs.ac.uk/ (дата обращения: 15.12.2025).

18. Eckert P., McConnell-Ginet S. Think practically and look locally: Language and gender as community-based practice // Annual Review of Anthropology. 1992. Vol. 21. P. 461–490. DOI: https://doi.org/10.1146/annurev.an.21.100192.002333

Информация об авторах

Аль-Баяти Яссин Шариф Саид – кандидат филологических наук (2021), преподаватель кафедры английского языка Университета Имама Джафара Аль-Садика, ул. Международного аэропорта, C36001, г. Киркук, Республика Ирак; служащий Дирекции религиозного образования и исламоведения, ул. Сабе Абкар, 10054, Багдад, Республика Ирак. Автор десяти научных публикаций. Сфера научных интересов: лингвокультурология, стилистика, дискурс, корпусная лингвистика.

Кочетова Лариса Анатольевна – доктор филологических наук (2013), профессор (2021), профессор кафедры теории и практики перевода и лингвистики Волгоградского государственного университета, Университетский пр., д. 100, Волгоград, 400062, Россия; профессор кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 100 научных публикаций. Сфера интересов: лингвокультурология, стилистика, дискурс, корпусная лингвистика.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 10.03.2025; принята после рецензирования 14.04.2025; опубликована онлайн 23.06.2025.

REFERENCES

1. Bou-Franch, P. and Garcés-Conejos Blitvich, P. (2019), *Analyzing Digital Discourse: New Insights and Future Directions*, Palgrave Macmillan, Cham, CHE.

2. Galichkina, E.N. (2012), “Computer communication: linguistic status, symbolic means, genre space”, Dr. Sci. (Philology) Thesis, VSSPU, Volgograd, RUS.

3. Kolokol'tseva, T.N. and Lutovinova, O.V. (eds.) (2025), *Internet-kommunikatsiya kak novaya rechevaya formatsiya* [Internet communication as a new speech formation], 5th ed., Flinta, Moscow, RUS.

4. Karasik, V.I. (2020), *Yazykovye kartiny bytiya* [Linguistic pictures of life], Pushkin Institute, Moscow, RUS.

5. Crystal, D. (2001), *Language and the Internet*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK. DOI: https://doi.org/10.1017/CBO9781139061197

6. Tagliamonte, S.A., Denis, D. (2012), “Linguistic ruin? LOL! Instant messaging and teen language”, *American Speech*, vol. 87, no. 1, pp. 3–34. DOI: 10.1215/00031283-2008-001

7. Baron, N.S. (2008), *Always on: Language in an online and mobile world*, Oxford Univ. Press, Oxford, UK. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780195313055.001.0001

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 152–165
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 152–165

8. Androutsopoulos, J. (2014), "Moments of sharing: Entextualization and linguistic repertoires in social networking", *J. of Pragmatics*, no. 73 (1), pp. 4–18. DOI: https://doi.org/10.1016/j.pragma.2014.02.002

9. Danesi, M. (2017), *The semiotics of emoji: The rise of visual language in the age of the internet*, Bloomsbury, London, UK.

10. Leppänen, S., Kytölä, S., Jousmäki, H. et al. (2013), "Entextualization and resemiotization as resources for identification in social media", *The Language of social media: communication and community on the internet*, in Seargeant, Ph., Tagg, C. (eds.), Palgrave, Basingstoke, UK, pp. 112–138.

11. Milner, R.M. (2016), *The World Made Meme: Public Conversations and Participatory Media*, MIT Press, London, UK. DOI: https://doi.org/10.7551/mitpress/9780262034999.001.0001

12. Georgakopoulou, A. (2011), "Computer-mediated communication", *Pragmatics in Practice*, Östman, J.-O., Verschueren, J. (eds.), John Benjamins Publ., Amsterdam, NDL, pp. 93–110.

13. Barnes, J. (1954), "Class and Committees in a Norwegian Island Parish", *Human Relations*, no. 7, pp. 39–58. DOI: http://dx.doi.org/10.1177/001872675400700102

14. Wasserman, S. and Faust, K. (1994*), Social Network Analysis: Methods and Applications,* Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK. DOI: https://doi.org/10.1017/CBO9780511815478

15. Rogers, E.M. (2003), *Diffusion of Innovations*, 5th ed., Free Press, NY, USA.

16. Labov, W. (1972), *Sociolinguistic patterns*, Univ. of Pennsylvania Press, Philadelphia, USA.

17. *British National Corpus (BNC2014)*, available at: https://cqpweb.lancs.ac.uk/ (accessed 15.12.2025).

18. Eckert, P. and McConnell-Ginet, S. (1992), "Think practically and look locally: Language and gender as community-based practice", *Annual Review of Anthropology*, vol. 21, pp. 461–490. DOI: https://doi.org/10.1146/annurev.an.21.100192.002333

Information about the authors

Yassien Shareef Saed Al-Bayati – Can. Sci. (Philology, 2021), Lecturer at the Department of English, Education College, Imam Ja'afar Al-Sadiq University, Kirkuk International Airport St., C36001, Kirkuk, Iraq Republic; Employee, Directorate of Religious Education and Islamic Studies, Sabe Abkar St. 10054, Baghdad, Iraq Republic. The author of ten scientific publication. Area of expertise: linguoculturology, stylistics, discourse, corpus linguistics.

Larisa A. Kochetova – Dr. Sci. (Philology, 2013), Professor (2021), Professor at the Department of Theory and Practice of Translation and Linguistics, Volgograd State University, 100 Universitetsky ave., Volgograd 400062, Russia; Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 100 scientific publications. Area of expertise: linguoculturology, stylistics, discourse, corpus linguistics.

No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 10.03.2025; adopted after review 14.04.2025; published online 23.06.2025.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 166–178
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 166–178

Оригинальная статья
УДК 811.134.2
http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-3-166-178

Отражение образа страны и власти в публичном дискурсе чилийского президента Габриэля Борича в лингвопрагматическом аспекте

Ирина Владимировна Заалишвили

НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия
selivanova-irina@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0003-1578-0620

Введение. Статья посвящена изучению средств репрезентации образа Чили в рамках публичного дискурса президента Габриэля Борича, речи которого представляют собой обновленную риторику молодых политических лидеров, оперативно реагирующих на происходящие изменения и запросы общества. Научная новизна работы заключается в изучении средств формирования образа обновленной Чили в условиях культурного и этнического разнообразия страны и быстрого развития в социально-экономическом плане на материале публичных речей Г. Борича за последние три года (2023–2025). Актуальность исследования – в возрастающем интересе к проблемам речевого воздействия в рамках латиноамериканского политического дискурса в лингвопрагматическом или социолингвистическом ракурсе.

Методология и источники. Теоретико-методологическую базу составили исследования в области лингвокультурологии, имиджеологии, политической лингвистики и лингвопрагматики. В качестве эмпирического материала выступили 250 речей президента Г. Борича с декабря 2023 г. по сентябрь 2025 г.

Результаты и обсуждение. В результате исследования были выявлены языковые средства создания образа Чили, который включает в себя три составляющие: а) образ страны; б) образ нации (народа); в) образ власти (политической элиты и президента). Создается образ сильной и процветающей страны, трудолюбивого и честного народа, ответственного и понимающего государственного лидера. Вербализация эмоций позволяет сблизиться с аудиторией и показать вовлеченность лидера в процессы управления.

Заключение. В современном социополитическом контексте, отмеченном необходимостью интенсификации межэтнического диалога в пределах национальных границ и укрепления международного статуса Чили, публичные речи Г. Борича обладают значительным персуазивным потенциалом. Реализация коммуникативных целей обеспечивается комплексом языковых средств воздействия – идеологемами, метафорами и вербализацией эмоций. Трансляция чувств оратора и обращенность к переживаниям адресата служат дополнительным каналом установления контакта с аудиторией. В эмоциональном спектре преобладают две доминанты: гордость за национальные достижения и скорбь, обусловленная трагедиями общегосударственного масштаба.

Ключевые слова: дискурс власти, президентский дискурс, публичный дискурс, Габриэль Борич, Чили, вербализация эмоций, речевое воздействие

Для цитирования: Заалишвили И. В. Отражение образа страны и власти в публичном дискурсе чилийского президента Габриэля Борича в лингвопрагматическом аспекте // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 166–178. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-3-166-178

© Заалишвили И. В., 2026
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 166–178
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 166–178

Original paper

Reflecting the Image of the Nation and Authority in the Public Discourse of Chilean President Gabriel Boric: a Linguopragmatic Approach

Irina V. Zaalishvili

Higher School of Economics, Moscow, Russia
selivanova-irina@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0003-1578-0620

Introduction. The article explores the representation of Chile in the public discourse of President Gabriel Boric, whose speeches embody the renewed rhetoric of a younger generation of political leaders attuned to societal change and public demands. The study's originality lies in its analysis of how the image of a "renewed Chile" is constructed within the context of the nation's cultural and ethnic diversity and its rapid socio-economic development, based on Boric's public addresses from 2023 to 2025. The relevance of this research is underscored by the growing scholarly interest in persuasive strategies in Latin American political discourse, particularly from linguo-pragmatic and sociolinguistic perspectives.

Methodology and sources. The theoretical and methodological framework draws on research in linguoculturology, image studies, political linguistics, and linguopragmatics. The empirical material comprises 250 speeches delivered by President Boric between December 2023 and September 2025.

Results and discussion. The analysis reveals the linguistic means employed to construct Chile's image, articulated through three dimensions: (a) the country, (b) the nation (the people), and (c) power (the political elite and the president). Within this framework, Chile is depicted as a strong and prosperous state, its people as hardworking and honest, and its leader as responsible and empathetic. The strategic use of emotional expression fosters closeness with the audience and highlights the leader's active engagement in governance.

Conclusion. In today's sociopolitical context – marked by the need to intensify interethnic dialogue within national borders and enhance Chile's international standing – Gabriel Boric's public speeches display significant persuasive power. His communicative goals are supported by a triad of linguistic means: ideologemes, metaphors, and the verbalization of emotion. By articulating his own emotions and appealing to those of his listeners, Boric creates an additional channel for audience engagement. Two dominant motifs thus emerge in this emotional landscape: pride in the nation's achievements and grief over national tragedies.

Keywords: discourse of power, presidential discourse, public discourse, Gabriel Boric, Chile, verbalization of emotions, speech influence

For citation: Zaalishvili, I.V. (2026), "Reflecting the Image of the Nation and Authority in the Public Discourse of Chilean President Gabriel Boric: a Linguopragmatic Approach", *DISCOURSE*, vol. 12, no. 3, pp. 166–178. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-3-166-178

Введение. Изучение латиноамериканского дискурса является быстро развивающимся направлением современного языкознания. В зарубежной [1; 2] и отечественной литературе уделяется внимание в первую очередь средствам речевого манипулирования [3–6] и особенностям формирования латиноамериканской идентичности [7–9]. В рамках настоящей статьи анализируются особенности репрезентации образа Чили, включающего три взаимосвязанных компонента: образ страны, образ народа, а также образ власти (президента и политической элиты). Цель исследования – описать семантическое наполнение данных компонентов

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 166–178
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 166–178

на основе анализа официальных речей главы государства. Актуальность и научную новизну настоящей статьи определяет обращение к новому, еще не изученному в зарубежной и отечественной романистике материалу – публичным выступлениям Г. Борича, самого молодого президента в истории Чили.

Методология и источники. Методологическую основу исследования образует междисциплинарный подход, интегрирующий методы семантического, дискурсивного и лингвопрагматического анализа, что позволяет исследовать функционирование языковых единиц в социополитическом контексте. Эмпирическую базу составляет корпус официальных речей президента Чили за период с декабря 2023 г. по сентябрь 2025 г. (250 текстов).

Результаты и обсуждение. Образ страны (государства) все чаще становится предметом анализа в научной литературе по политологии и лингвистике [10–12]. По Е. Б. Шестопал, в самом общем виде образ страны – это спорадически возникшее «отражение страны в массовом и индивидуальном сознании», а имидж – «специально сконструированное и растиражированное отражение» государства [13, с. 12]. В рамках настоящей статьи под *образом страны* понимается способ упрощенного структурирования политической реальности, в соответствии с которой должны приниматься решения внутри- и внешнеполитического характера [10, с. 149].

В публичных речах Г. Борича создается образ сильной и развитой в экономическом и социальном плане страны, ставшей важным политическим игроком на международной арене и примером для региона:

Esto no es casualidad, son años de trabajo serio y comprometido de la comunidad científica, de activistas, de ciudadanos, de autoridades a través de una política de Estado que nos permiten hoy ser un ***referente regional*** *en estas materias y transformar a Chile en un hub tecnológico también en América del Sur. – Это не случайно; это годы серьезной и самоотверженной работы научного сообщества, активистов, граждан и властей в рамках государственной политики, которая позволила нам сегодня стать* ***региональным эталоном*** *в этих областях, а также превратить Чили в технологический хаб Южной Америки* (13.01.2025).

Чили выступает в качестве стабильного государства, в котором смена власти осуществляется в соответствии с демократическими принципами правления, уважаются права и свободы граждан, господствуют справедливость и порядок, ведется борьба с преступностью:

A todos los delincuentes les digo desde acá que ***la mayoría de los chilenos y chilenas quiere vivir en paz, seguros y tranquilos****, y que ustedes son una pequeña minoría que perturba esa paz y esa tranquilidad. Como Estado no vamos a permitir que eso siga sucediendo. – Всем преступникам с этой трибуны я говорю, что* ***большинство чилийцев хотят жить в мире, безопасности и спокойствии****, а вы – лишь ничтожное меньшинство, нарушающее этот мир и спокойствие. Как государство, мы не позволим этому продолжаться* (23.08.2025).

Искоренение насилия во всех его проявлениях – важнейшая политическая задача действующего правительства:

En Chile ha habido muchas matanzas de trabajadores. Algunas intencionales, otras accidentales. [...] *Queremos decir que la* ***violencia*** *no tiene justificación, menos aun cuando el gobierno la ocupa contra su propio pueblo. – В Чили было много убийств рабочих. Некоторые были совершены преднамеренно, другие – случайно.* [...] *Мы хотим заявить, что* ***насилие***

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 166–178
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 166–178

не может быть оправдано, тем более когда правительство использует его против собственного народа (21.08.2025).

В образе врага выступают исключительно социально-экономические вызовы (коррупция, преступность, наркоторговля), борьба с которыми требует совместных усилий (в рамках концептуальной оппозиции «свои – чужие»). При этом подчеркивается, что решение проблем должно происходить не только путем заключения преступников в тюрьму, но и путем развития культуры и социальной сферы общества:

La batalla a la ***delincuencia*** *se la vamos a ganar y se la vamos a ganar persiguiéndolos, encarcelándolos cuando sea necesario, pero además ocupando nuestro patrimonio. Porque* ***ese 99 % de Chile que es trabajador, que se levanta temprano en la mañana, que se saca la cresta durante todo el año, quiere vivir en paz****... – Мы одержим победу над* ***преступностью****, мы одержим победу, преследуя их, заключая при необходимости в тюрьму, но также и проявляя заботу к нашему наследию. Потому что* ***99 % населения Чили – это трудолюбивые граждане, которые встают рано утром и трудятся не покладая рук круглый год, хотят жить в мире****...* (23.08.2025).

Инклюзивность выступает важной политической целью, которую ставит перед собой правительство Г. Борича:

Y es que el Chile que nosotros queremos construir es un Chile que se hace entre todos, que ***no puede dejar nadie atrás****.* ***No puede dejar atrás*** *a quienes han sufrido una enfermedad,* ***no puede dejar atrás*** *a quienes después de toda una vida de esfuerzo y de trabajo hoy día tienen necesidad de ser cuidados. Y* ***no puede dejar atrás*** *tampoco a las personas que cuidan. – И Чили, которую мы хотим построить, – это Чили, которая строится всеми, которая* ***никого не бросает****, которая* ***не бросает*** *тех, кто пострадал от болезни,* ***не бросает*** *тех, кто нуждается в заботе после целой жизни, посвященной работе. И она* ***не бросает*** *тех, кто заботится о других* (20.08.2025).

С помощью идеологем основ государственности (*Estado de Derecho*, *democracia*, *pluralismo*) и ценностно-культурного кода (*justicia*, *convivencia*, *justicia social*) подчеркивается принадлежность Чили к ряду демократических государств:

Por eso, cada paso que damos como país para reducir las desigualdades entre hombres y mujeres es una buena noticia y también es una manera de fortalecer la ***democracia****, porque la* ***democracia*** *no se entiende si no estamos todos y todas incluidos. – Поэтому каждый шаг, который мы предпринимаем как страна для сокращения неравенства между мужчинами и женщинами, – это хорошая новость, а также способ укрепить* ***демократию****, поскольку демократия не может быть достигнута, если она охватывает не всех* (11.08.2025);

En Chile creemos en el ***Estado de Derecho****, en la* ***democracia****, en la* ***justicia****, en el* ***respeto****. – В Чили мы верим в* ***верховенство закона****,* ***демократию****,* ***справедливость*** *и* ***взаимоуважение*** (21.08.2025).

Образ дома связан с идеей созидательной деятельности и поэтапного развития на основе единого фундамента (метафорическая модель «развитие страны – это строительство дома»):

Y es que de eso se trata vivir en sociedad y ese es el Chile que queremos ***construir****. Un país más justo, acogedor, amable. – В этом и заключается смысл жизни в обществе, и именно*

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 166–178
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 166–178

такую Чили мы хотим ***построить****. Более справедливую, гостеприимную и доброжелательную страну* (31.12.2024).

Зачастую доместическая и милитарная метафоры встречаются в одном смысловом отрезке текста. В частности, их сочетание в приведенном далее примере реализует прямой призыв к объединению чилийцев с целью строительства более справедливой страны и победы над преступностью:

Por eso, los invito, estimados y estimadas, a que tengamos optimismo, a que la esperanza le gane al miedo y a que ***todos juntos****,* ***unidos*** *detrás de objetivos comunes como son la paz,* ***ganarle*** *a la delincuencia, el encuentro, la familia, podamos* ***construir*** *un Chile más justo y feliz para todos y todas. – Поэтому я призываю вас, уважаемые дамы и господа, быть оптимистами, позволить надежде восторжествовать над страхом, и всем нам, объединившись вокруг общих целей, таких как мир,* ***одержать победу*** *над преступностью, а также на основе* ***единства*** *и семейных ценностей* ***построить*** *более справедливую и счастливую для всех Чили* (14.12.2023).

Пространственные метафоры связаны с идеей поступательного развития общества. Метафорическая модель «развитие страны – это общий путь» отсылает к идее достижения общих целей с учетом опыта предыдущих поколений:

Muchísimas gracias a quienes nos dejan, sabemos que vamos a ***seguir juntos caminando un mismo rumbo****, y muchísimas gracias a quienes* ***siguen****. Seguimos trabajando. – Большое спасибо тем, кто нас покидает. Мы знаем, что* ***продолжим идти вместе по этому же пути****. Большое спасибо тем, кто* ***идет*** *за нами. Мы продолжаем работать вместе* (21.08.2025).

Милитарные метафоры призывают к совместной борьбе против вызовов современности (бедности, преступности, климатических изменений и пр.) [14; 15]:

Seguiremos ***combatiendo*** *el delito y promoviendo barrios más seguros. – Мы продолжим* ***бороться*** *с преступностью и способствовать созданию более безопасных районов* (01.06.2025).

Политический нарратив «Чили – это надежный партнер на международной арене» укрепляет позиции страны и создает образ активно развивающейся экономики:

<...> nuestro Gobierno está implementando un conjunto de reformas orientadas a mejorar el clima de negocio, perfeccionar nuestro marco regulatorio, agilizar procesos administrativos, mejorar nuestros procesos aduaneros y logísticos, y digitalizar los trámites públicos para ***simplificar la operación de las empresas extranjeras en nuestro país****. – <...> наше правительство реализует ряд реформ, направленных на улучшение делового климата, совершенствование нормативно-правовой базы, оптимизацию административных процессов, упрощение таможенных и логистических процессов, а также оцифровку государственных процедур для* ***упрощения деятельности иностранных компаний в нашей стране*** (12.05.2025).

Чили смогла преодолеть ошибки прошлого, поэтому сегодня на нее можно рассчитывать. При этом упоминание в речах президента диктатуры А. Пиночета позволяет подчеркнуть ценность демократических идеалов для современного чилийского общества:

Chile es un país que ***progresa*** *porque* ***hemos sacado lecciones de nuestro pasado****… – Чили – это страна, которая* ***развивается****, потому что мы* ***извлекли уроки из нашего прошлого****…* (20.09.2023).

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 166–178
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 166–178

Таким образом, в публичном дискурсе президента Г. Борича конструируется образ сильного и экономически развитого государства, в котором гарантируются права и свободы граждан в первую очередь за счет идеологем государственности и ценностно-культурного кода. Оратор позиционирует себя в качестве сторонника укрепления международного сотрудничества, прежде всего в латиноамериканском регионе. В роли врага выступают негативные явления социально-экономический жизни общества, с которыми предлагается бороться совместными усилиями.

Апелляция к народу выступает одной из базовых характеристик латиноамериканского дискурса [5]. В настоящей статье под *образом нации (народа)* подразумеваются «вербализованные представления о проживающих на территории страны и за ее пределами гражданах» [12, с. 155]. В дискурсе Г. Борича создается образ сплоченной, самоотверженной и трудолюбивой нации, способной преодолеть любые сложности. Похвала и благодарность как вербальное средство открытого выражения одобрения действий адресата способствует гармонизации отношений между субъектами коммуникации, мотивирует следовать избранной модели поведения и сокращает дистанцию:

Así que, gracias por ese trabajo, por esa ***tremenda pega****. – Так что благодарю вас за этот труд, за этот* ***колоссальный труд*** (08.03.2025);

Por eso la pega que hacen las educadoras de párvulos… es ***tremenda****,* ***tremendamente valiosa****. – Поэтому работа, проделанная воспитателями дошкольных учреждений…* ***колоссальна и невероятно ценна*** (21.08.2025);

Por eso quiero ***reconocer*** *a las personas que, a lo largo del país, muchas veces de manera anónima, la mayoría de las veces de manera anónima, trabajan por hacer grande a nuestra patria. – Поэтому я хочу* ***отметить*** *тех людей, которые по всей стране, в большинстве случаев оставаясь в тени, работают, чтобы сделать нашу родину великой* (16.09.2025).

Трансляция ***идеи единства*** является одним из ключевых политических нарративов президента в связи с происходящими структурными изменениями в современном чилийском обществе, отличающимся своим этническим и культурным разнообразием. В частности, ***идея единства при решении проблем*** имеет особое значение для современной Чили, поскольку народ устал от политических распрей:

Pero, como Presidente de la República, mi convicción es que la mejor manera de enfrentar estas transformaciones y desafíos es y seguirá siendo desde ***un nosotros, desde un Chile común****. Si el sentido de la corriente actual es que cada uno se salve por sí solo, nosotros defenderemos que siempre es mejor* ***estar unidos****, escuchando a* ***todas las voces****, respetando a quienes piensan distinto, velando por el bienestar de* ***todas y todos****. – Но как президент республики я убежден, что наилучшим способом противостоять этим переменам и вызовам является и будет являться* ***наше единство****,* ***единая Чили****. Если сегодня предполагается, что каждый должен заботиться о себе сам, то мы будем отстаивать идею о том, что всегда лучше быть* ***едиными****, принимая во внимания* ***все мнения****, уважая инакомыслие, заботясь о* ***всеобщем*** *благосостоянии. Потому что здесь, на* ***нашей родине****,* ***нет лишних*** (31.12.2024).

Идея примирения идейных противников, столь значимая для чилийцев, переживших период диктатуры и активного противостояния различных политических партий, транслируется за счет идеологем интегративной семантики (в приведенном далее примере речь идет о противостоянии государства и народа мапуче):

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 166–178
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 166–178

En junio del 2023 ustedes recibieron una tarea tremendamente compleja que requería un tratamiento cuidadoso y prudente. Construir las bases para una solución de largo plazo al conflicto entre el Estado de Chile con el pueblo mapuche y proponer un camino para la ***paz****. – В июне 2023 года вам была поручена чрезвычайно сложная задача, требующая тщательности и осмотрительности. Заложить основы долгосрочного решения конфликта между чилийским государством и народом мапуче и проложить путь к* ***миру*** (06.05.2025).

Идея единства в рамках политического плюрализма является важным нарративом в любом демократическом режиме и основой политической жизни современной Чили (*pluralismo*, *consenso*, *democracia* и пр.):

Como chilenas y chilenos nos sentimos orgullosos de habernos unido para poder recuperar la ***democracia****, restaurar la República y rehacer el camino de ampliación de* ***derechos*** *y de* ***libertades*** *fundamentales que habían conquistado los fundadores de nuestra patria. – Мы, чилийцы, гордимся тем, что объединились ради восстановления* ***демократии****, возрождения Республики и продолжения пути по расширению основных* ***прав*** *и* ***свобод****, которые были завоеваны основателями нашей родины* (20.09.2023).

Идея единства в многообразии (*pluralidad*, *diversidad*, *riqueza y diversidad cultural*) также объясняется историческим прошлым Чили: на протяжении многих веков на территории этой страны противостояли представители различных наций и этносов, а в XX в. активную борьбу между собой вели политические партии:

En el marco de la unidad del Estado, este proyecto consagra, además, el principio de ***interculturalidad****, que reconoce y valora la* ***riqueza*** *y* ***diversidad cultural de nuestro país****... La* ***interculturalidad*** *es fundamental si queremos construir un Chile más justo e inclusivo, un Chile en donde todos y todas seamos y nos sintamos parte. – В контексте национального единства этот проект также закрепляет принцип* ***межкультурности****, который признает* ***культурное богатство и разнообразие нашей страны****... **Межкультурность** имеет основополагающее значение, если мы хотим построить более справедливую и всеобъемлющую Чили, Чили, в которой каждый чувствует себя частью единого целого* (19.06.2025);

Todos tenemos que aprender de las ***diferentes expresiones culturales*** *que viven en nuestra tierra y que están en todas partes. – Нам всем необходимо учиться на примере* ***различных культурных проявлений****, процветающих на нашей земле и существующих повсюду* (14.08.2025).

Идея величия нации помогает расположить к себе адресата и создать благоприятный образ страны через апелляцию к чувству национальной гордости с помощью лексем с положительным аксиологическим модусом (*gran país*, *gran pueblo*, *referente regional*, *nuestros éxitos* и пр.):

Les quiero decir algo, soy optimista respecto al futuro de Chile, tenemos ***un país hermoso****, tenemos un* ***pueblo*** *que es* ***sacrificado****,* ***esforzado****, que, en su gran mayoría, es* ***honesto*** *y* ***trabajador****. – Хочу вам кое-что сказать: я с оптимизмом смотрю на будущее Чили, ведь у нас* ***прекрасная страна****, у нас* ***преданный своему делу*** *и* ***готовый приложить усилия народ****, который в большинстве своем является* ***честным*** *и* ***трудолюбивым*** (14.12.2023).

В речах внешней адресации закономерно продвигается ***идея сотрудничества наций***:

Chile está interesado en ***colaborar*** *con todos los países… – Чили заинтересована в* ***сотрудничестве*** *со всеми странами…* (15.11.2023);

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 166–178
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 166–178

Para Chile la ***cooperación*** *es una práctica y una virtud necesaria para enfrentar los desafíos globales de nuestro tiempo… – Для Чили* ***сотрудничество*** *– это необходимое условие для решения глобальных проблем нашего времени…* (24.04.2025).

Идея о продолжении строительства наднациональной (латиноамериканской) идентичности занимает важное место в речах внешней адресации:

Quiero ir finalizando mi intervención diciéndoles que ***América Latina*** *tiene una oportunidad histórica para levantar la voz.* ***América Latina****,* ***nuestra América****,* ***nuestra América Iberoamericana*** *es un continente de paz. No tenemos nada que envidiarle a Europa. No tenemos nada que envidiarle al norte. Pero tenemos que ser capaces de alzar nuestra voz más fuerte de manera unida y esa unión no se produce solamente con retórica ni exceso de adjetivos. Esa unión se produce mediante acciones concretas que vayan directamente en bienestar de nuestros pueblos. – В заключении своего выступления я хочу сказать, что у* ***Латинской Америки*** *есть исторический шанс проявить себя.* ***Латинская Америка****,* ***наша Америка****,* ***наша Иберoамерика*** *– это континент мира. Нам не стоит завидовать Европе. Нам не стоит завидовать северу. Мы должны научиться сильнее отстаивать свои интересы, а это единство достигается не только риторикой или чрезмерными эпитетами. Это единство достигается конкретными действиями, которые приносят непосредственную пользу нашим народам* (24.04.2025).

Таким образом, идеологемы интегративной семантики служат основным инструментом трансляции *идеи многонационального единства* и одновременно ресурсом реализации символической роли главы государства как гаранта этого единства. Апеллируя к мужеству и самоотверженности простых граждан, президент создает положительный образ нации и стремится воодушевить ее на дальнейшие свершения. Призыв к международному сотрудничеству становится важным политическим нарративом в публичном дискурсе Борича, в рамках которого Чили претендует на ведущую роль в формировании латиноамериканской идентичности.

Одной из важнейших функций главы государства, вне зависимости от его политических воззрений, является оказание нравственного воздействия на общество путем трансляции ценностных ориентиров. В этой связи Габриэль Борич выступает в роли связующего звена между противоборствующими сторонами, представляет интересы всех граждан независимо от их местонахождения и партийной принадлежности:

<...> mi deber es velar por la integridad y el respeto de los derechos de ***todos los chilenos y chilenas****. – <...> мой долг заключается в обеспечении безопасности и соблюдения прав* ***всех чилийцев*** (21.08.2025).

Правительство Чили под руководством Габриэля Борича стремится к улучшению благосостояния населения, в связи с этим идейные различия не являются препятствием для работы. Решения принимаются в интересах граждан, а не в угоду политической борьбе:

Quiero decirles que hemos apostado por Coltauco y Coltauco ha respondido de primer nivel. Una cosa que me gustaría destacar es que con el alcalde somos de partidos distintos. El alcalde es de lo que se considera partidos de oposición, ***nosotros somos de otra visión política y, sin embargo, trabajamos juntos****. – Хочу сказать вам, что мы сделали ставку на Кольтауко, и Кольтауко превосходно справился со своей задачей. Хочу подчеркнуть, что мэр и я являемся представителями разных партий. Мэр принадлежит к партии, которая считается оппозиционной, то есть* ***у нас разные политические взгляды, и тем не менее мы работаем вместе*** (13.08.2025);

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 166–178
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 166–178

Oigan, acá está la esencia de nuestro Gobierno, de un gobierno progresista que ***logra una alianza entre la izquierda y la centroizquierda****, pero que trabaja para* ***todos los chilenos y chilenas****, sin importar los colores políticos. – Послушайте, в этом и заключается суть нашего прогрессивного правительства: оно* ***объединяет левые и левоцентристские силы****, но при этом работает для* ***всех чилийцев****, вне зависимости от их политических взглядов* (20.08.2025).

Усталость населения от политических распрей и необходимость ведения продуктивного диалога являются важным политическим нарративом чилийского президента:

La gente está cansada de vernos pelear, ver a una élite polarizada *cuando en la práctica la ciudadanía no lo está, la ciudadanía quiere respuestas, quiere soluciones. –* ***Люди устали видеть наши ссоры, видеть поляризованную элиту****, в то время как само общество вовсе не расколото, граждане ждут ответов и решений* (13.08.2025).

Идея преемственности власти подразумевает постепенное развитие государства на основе уже достигнутых успехов (высоко оценивается работа предшественников):

Así progresa Chile con visión de largo plazo, visión de Estado, ***construyendo sobre lo que hicieron nuestros antecesores****. No se empieza de cero y no puede ser que cada gobierno pretenda barrer con lo que se hizo antes. – Так развивается Чили с долгосрочным видением, подходом государства, при котором оно* ***опирается на то, что сделали наши предшественники****. Нельзя начинать с нуля, и неприемлемо, чтобы каждое новое правительство пыталось стереть то, что было сделано раньше* (13.08.2025).

Г. Борич создает образ политика, адекватно оценивающего действительность и ведущего честный диалог с аудиторией, за счет тактики признания существования проблемы (согласно терминологии О. Н. Паршиной):

Pero ***nos sigue faltando mucho****. Yo no me contento y sabemos que* ***los desafíos en Educación son gigantes****. – Тем не менее* ***нам еще многое предстоит сделать****. Я не хочу останавливаться на достигнутом, ведь все мы прекрасно понимаем, что еще продолжают существовать* ***серьезные проблемы в системе образования*** (28.08.2025).

Таким образом, с одной стороны, президент обращается к политическим элитам, призывая их отказаться от внутриполитической конфронтации и сосредоточиться на удовлетворении запросов современного чилийского общества, а с другой – прибегает к самопрезентации, формируя образ прогрессивного лидера, заботящегося о своих гражданах, отстаивающего демократические принципы правления и стремящегося к плодотворному сотрудничеству с политическими оппонентами.

В контексте описания образа президента с позиций лингвопрагматики представляется значимым раскрыть аспект вербализации эмоций в его официальных выступлениях. Изучение категории эмотивности в политическом дискурсе является активно развивающимся направлением в отечественном языкознании [16]. Эмоциональный компонент (наряду с аргументацией) играет ключевую роль при воздействии на аудиторию с целью привлечения ее внимания, получения поддержки или побуждения к действиям. К базовым эмоциям, обеспечивающим выживание субъекта, относятся радость, грусть, страх и гнев [17, с. 65]. В публичном дискурсе Г. Борича можно выделить *две группы эмоций* (радость/гордость и грусть), с помощью которых создается образ политика, проявляющего эмпатию к согражданам:

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 166–178
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 166–178

Estoy orgulloso *de lo que hemos hecho como gobierno, pero sobre todo,* ***estoy orgulloso*** *de Chile. <...> Estoy esperanzado del futuro. –* ***Я горжусь*** *тем, что мы сделали как правительство, но прежде всего* ***я горжусь*** *Чили. <...> Я с надеждой смотрю в будущее* (01.06.2025);

Yo quiero terminar mi mensaje diciéndoles que ***estoy profundamente orgulloso*** *de la patria. Después de haberla recorrido de norte a sur, de haber conversado con la diversidad de Chile, estoy muy esperanzado en Chile y su destino. – В конце своего выступления я скажу вам, что я* ***очень горжусь*** *своей родиной. После того как я пересек ее с севера на юг, после того как я пообщался с разнообразными людьми Чили, я с надеждой взираю на будущее нашей страны и ее судьбу* (18.09.2025);

Sé que el pueblo de Chile entero recibe esta noticia con ***pesar*** *y* ***dolor****. – Я знаю, что все чилийцы с* ***горечью*** *и* ***скорбью*** *приняли эту новость* (03.08.2025);

Tuve la oportunidad de estar en uno de los funerales, de conversar con todas las familias y es muy, muy ***doloroso*** *lo que pasó. – Я был на похоронах одного из них, смог пообщаться с родственниками погибших, и то, что произошло, вызывает* ***сильную боль*** (21.08.2025).

Сближение с аудиторией происходит также через описание фактов из личной жизни и собственных эмоций:

Por eso, para mí ***es bonito*** *poder recomendarles esto que* ***le estoy leyendo a mi hija****, para que conozca parte de la historia de las luchas por el trabajo en Chile. – Поэтому* ***я рад****, что могу порекомендовать вам* ***книгу, которую я сейчас читаю своей дочери****, чтобы она познакомилась с частью истории борьбы за права трудящихся в Чили* (21.08.2025).

Таким образом, вербализация эмоций в публичном дискурсе Г. Борича служит инструментом установления доверительных отношений и сближения с аудиторией. Достижения страны и ее граждан в различных областях выступают поводом для выражения радости и гордости, тогда как трагедии национального масштаба (гибель шахтеров, пожары, преступления и пр.) требуют демонстрации сочувствия. Обращение к личному опыту выступает механизмом деформализации публичной риторики и конструирования аутентичного образа главы государства, что приобретает особую значимость в современном политическом контексте, где общественный запрос на искренность и спонтанность публичного поведения государственного лидера зачастую преобладает над требованиями строгого соблюдения статусных норм.

Заключение. Публичный дискурс чилийского президента представляет собой яркий пример обновленной риторики политических лидеров XXI в. [3; 5; 18]. Его речи отличаются сдержанной экспрессивностью, стремлением установить доверительные отношения с аудиторией посредством иронии, отступлений от протокола и обращения к личному опыту. В современном социополитическом контексте, характеризующемся необходимостью интенсификации межэтнического диалога в национальных границах и укрепления статуса Чили на мировой арене, проанализированные выступления обладают высоким персуазивным потенциалом и достигают поставленных целей благодаря комплексу языковых средств (идеологемы, метафоры, вербализация эмоций).

В президентском дискурсе Г. Борича создается образ экономически мощной и развитой страны, способной выступать надежным партнером на мировой арене. Президент последовательно высказывается за укрепление межгосударственного сотрудничества и формирование латиноамериканской идентичности. В роли антагониста выступают такие явления, как преступность, коррупция и насилие, которые предлагается преодолевать совместными усилиями.

Восхваление нации (трансляция идеи величия) служит важным приемом для достижения психологического резонанса с адресатом и установления доверительных отношений. Эмоциональное сближение с аудиторией достигается также за счет вербализации эмоций – как оратора, так и слушателей, среди которых преобладают гордость за страну и ее достижения, а также скорбь в связи с трагедиями национального масштаба. Идея сохранения единства страны, представляющей собой общество с разнообразным культурным и этническим составом, является одним из ключевых политических нарративов президента (единство в многообразии, примирение идейных противников) и транслируется с помощью идеологем интегративной семантики (*nuestro gran país*, *nuestro pueblo*, *diversidad cultural*).

Образ власти, с одной стороны, включает упоминание распрей между представителями политической элиты, а с другой – формирует образ прогрессивного правительства во главе с самим президентом Габриэлем Боричем, который демонстрирует заботу и эмпатию по отношению к гражданам, поддерживает демократические принципы правления и выстраивает диалог между противоборствующими политическими силами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Grassetti J. El discurso político de Nayib Bukele en Twitter // Cuadernos del Centro de Estudios de Diseño y Comunicación. 2020. № 112. P. 205–224.

2. Slimovich A. Política y redes sociales en Argentina. El caso de los candidatos presidenciales de 2011 en Twitter // Signo y Pensamiento. 2016. Vol. 35, № 68. P. 86–100. DOI: https://doi.org/10.11144/Javeriana.syp35-68.prsa

3. Бочаров Е. В. Стратегия самопрезентации и речевые тактики в политическом дискурсе (на материале публичных выступлений политиков Латинской Америки в ООН) // Вестн. НГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22, № 1. С. 120–131. DOI: 10.25205/1818-7935-2024-22-1-120-131

4. Давтян Ю. В., Крюкова Е. В. Религиозная концептосфера современного политического дискурса в Латинской Америке // Вестн. САФУ. Лингвистика. 2022. Т. 22, № 5. С. 51–59. DOI: 10.37482/2687-1505-V204

5. Моисеенко Л. В. Популистский политический дискурс: диагностические признаки и лингвокогнитивные приемы создания // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. 2019. Т. 18, № 2. С. 105–117. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.10

6. Филаткина Г. С. Инструменты речевого манипулирования в политическом дискурсе Уго Чавеса (1999–2012) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2015. № 1. С. 14–29.

7. Ларионова М. В. Латиноамериканский цивилизационный дискурс: топонимы как паттерны культурной идентичности // Язык и культура. 2024. № 6. С. 32–57. DOI: 10.17223/19996195/67/2

8. Чеснокова О. С., Котеняткина И. Б., Гишкаева Л. Н. Дискурсивные практики национальной идентичности: гимн Аргентины как полипарадигмальная сущность // Вестн. СПбГУ. Язык и литература. 2024. Т. 21, № 4. С. 976–993. DOI: https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.412

9. Хейфец В. Л., Коновалова К. А. Латиноамериканская интеграция на фоне «правого поворота»: между иррелевантностью и поиском новых смыслов // Вестн. РУДН. Сер. Международные отношения. 2022. Т. 22, № 3. С. 447–463. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-3-447-463

10. Веретевская А. В., Хачатрян В. А. Образ России в дискурсе французских президентов: Франсуа Миттеран // Сравнительная политика. 2025. Т. 16, № 1. С. 147–166. DOI: 10.46272/2221-3279-2025-1-16-8

11. Раевская М. М., Селиванова И. В. Способы и средства трансляции образов страны/государства и нации в институциональном дискурсе современной испанской монархии // Вестн.

Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. № 1. С. 130–145. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-9

12. Селиванова И. В. Отражение образа страны в рождественском послании испанского монарха // Изв. Сарат. ун-та. (Нов. сер.) Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 153–157. DOI: 10.18500/1817-7115-2020-20-2-153-157

13. Шестопал Е. Б. Образы государств, наций и лидеров. М.: Аспект Пресс, 2008.

14. Раевская М. М., Селиванова И. В. Метафорическое моделирование действительности в дискурсе испанского монарха Филиппа VI // Вестн. НГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 1. С. 131–144. DOI: 10.25205/1818-7935-2023-21-1-131-144

15. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2013.

16. Зубкова О. С., Муллагалиев Н. К., Гараева М. Р. Эмотивность политического дискурса (на материале первых речей британских премьер-министров Д. Кэмерона, Т. Мэй, Б. Джонсона и Л. Трасс) // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2022. № 4. С. 114–130.

17. Ивашкина О. А. Вербализация эмоций в королевском дискурсе: гендерный аспект // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2024. Т. 24, № 6. С. 63–72. DOI: 10.37482/2687-1505-V390

18. Раевская М. М. Дискурс власти в современном мире: социально-ориентированная коммуникация испанской монархии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 4. С. 95–108.

Информация об авторе

Заалишвили Ирина Владимировна – кандидат филологических наук (2023), доцент Школы иностранных языков НИУ «Высшая школа экономики», ул. Мясницкая, д. 20, Москва, 101000, Россия. Автор 30 научных публикаций. Сфера интересов: фразеология испанского языка, методика преподавания испанского языка, лингвопрагматика, политический дискурс.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 24.09.2025; принята после рецензирования 30.03.2026; опубликована онлайн 23.06.2026.

REFERENCES

1. Grassetti, J. (2020), “El discurso político de Nayib Bukele en Twitter”, *Cuadernos del Centro de Estudios de Diseño y Comunicación*, no. 112, pp. 205–224.

2. Slimovich, A. (2016), “Política y redes sociales en Argentina. El caso de los candidatos presidenciales de 2011 en Twitter”, *Signo y Pensamiento*, vol. 35, no. 68, pp. 86–100. DOI: https://doi.org/10.11144/Javeriana.syp35-68.prsa

3. Bocharov, E.V. (2024), “Self-presentation strategy and speech tactics in political discourse (based on the public speeches of Latin American politicians at the UN)”, *Vestnik NSU. Ser. Linguistics and Intercultural Communication*, vol. 22, no. 1, pp. 120–131. DOI: 10.25205/1818-7935-2024-22-1-120-131

4. Davtyan, Yu.V. and Kryukova, E.V. (2022), “Religious Conceptual Sphere in the Modern Political Discourse of Latin America”, *Vestnik NArFU. Linguistics*, vol. 22, no. 5, pp. 51–59. DOI: 10.37482/2687-1505-V204

5. Moiseenko, L.V. (2019), “Populism in Political Discourse: Diagnostic Features and Linguo-Cognitive Techniques of Formation”, *Science J. of Volgograd State Univ. Linguistics*, vol. 18, no. 2, pp. 105–117. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.10

6. Filatkina, G.S. (2015), “Speech manipulation in the political discourse of Hugo Chávez (1999–2012)”, *Moscow Univ. Bulletin. Ser. 21. Public administration*, no. 1, pp. 14–29.

7. Larionova, M.V. (2024), "Latin American civilizational discourse: toponyms as patterns of cultural identity", *Language and culture*, no. 6, pp. 32–57. DOI: 10.17223/19996195/67/2

8. Chesnokova, O.S., Kotenyatkina, I.B. and Gishkaeva, L.N. (2024), "Discursive practices of national identity: the Argentine anthem as a multi-paradigmatic entity", *Vestnik of Saint Petersburg Univ. Language and Literature*, vol. 21, no. 4, pp. 976–993. DOI: https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.412

9. Jeifets, V.L. and Konovalova, K.A. (2022), "Latin American integration against the backdrop of a conservative wave: between irrelevance and the search for new meanings", *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 22, no. 3, pp. 447–463. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-3-447-463

10. Veretevskaya, A.V. and Khachatryan, V.A. (2025), "The image of Russia in the discourse of French presidents: François Mitterand", *Comparative Politics Russia*, vol. 16, no. 1, pp. 147–166. DOI: 10.46272/2221-3279-2025-1-16-8

11. Raevskaya, M.M. and Selivanova, I.V. (2025), "National image and identity in the institutional discourse of the modern Spanish monarchy", *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication J.*, no. 1, pp. 130–145. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-9

12. Selivanova, I.V. (2020), "Spain's Image Representation in the Spanish King's Christmas Messages", *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, vol. 20, no. 2, pp. 153–157. DOI: 10.18500/1817-7115-2020-20-2-153-157

13. Shestopal, E.B. (2008), *Obrazy gosudarstv, nacii i liderov* [Images of states, nations and leaders], Aspect Press Publ., Moscow, RUS.

14. Raevskaya, M.M., Selivanova, I.V. (2023), "Metaphorical modeling of reality in public discourse of the Spanish monarch Felipe VI", *Vestnik NSU. Ser. Linguistics and Intercultural Communication*, vol. 21, no. 1, pp. 131–144. DOI: DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-131-144

15. Chudinov, A.P. (2013), *Ocherki po sovremennoi politicheskoi metaforologii* [Essays on modern political metaphorology], Ural State Pedagogical Univ. Publ., Ekaterinburg, RUS.

16. Zubkova, O.S., Mullagaliev N.K. and Garaeva, M.R. (2022), "Emotivity of political discourse (based on the material of the first speeches of British prime ministers D. Cameron, T. May, B. Johnson and L. Truss)", *Theory of language and intercultural communication*, no. 4, pp. 114–130.

17. Ivashkina, O.A. (2024), "Verbalization of emotions in royal discourse: a gender aspect", *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, vol. 24, no. 6, pp. 63–72. DOI: 10.37482/2687-1505-V390

18. Raevskaya, M.M. (2021), "The discourse of power in the modern world: socially oriented communication of the Spanish monarchy", *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication J.*, no. 4, pp. 95–108.

Information about the author

Irina V. Zaalishvili – Can. Sci. (Philology, 2023), Associate Professor at the School of Foreign Languages, Higher School of Economics, 20 Myasnitskaya st., Moscow 101000, Russia. The author of 30 scientific publications. Area of expertise: Spanish phraseology, teaching foreign languages, linguopragmatics, political discourse.

No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 24.09.2025; adopted after review 30.03.2026; published online 23.06.2026

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 179–188
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 179–188

Оригинальная статья
УДК 811.111’42’38’271:001
http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-3-179-188

Стратегия тематического контроля в англоязычном научном диалоге

Оксана Николаевна Чалова

Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Беларусь

oksana-chalova@mail.ru, http://orcid.org/0009-0003-9811-4005

Введение. Статья посвящена выявлению особенностей реализации коммуникативной стратегии тематического контроля в научном диалоге как особой разновидности научного дискурса, способной заимствовать элементы разговорной коммуникации. Стратегия тематического контроля относится к типу организационных стратегий (в концепции О. С. Иссерс). Актуальность установления репертуара тактик, формирующих стратегию тематического контроля, и выявления специфики их осуществления обусловлена важностью решения как определенных теоретических вопросов (значимостью выявления и описания сущности такого феномена, как «вспомогательные стратегии»), так и практических задач, в частности необходимостью оптимизации общения, в том числе в научной сфере.

Методология и источники. Методологическую основу исследования составляют работы Е. Г. Задворной, О. С. Иссерс, М. Л. Макарова, T. A. van Dijk, H. P. Grice, M. T. Palmer и др. В качестве источников материала используются транскрипты современных (не старше 2000 г.) англоязычных устных научных дискуссий различной отраслевой принадлежности (преимущественно гуманитарной). Исследование проводится с опорой на контекстуальный анализ (ориентированный на выявление семантики коммуникативных единиц с учетом условий и обстоятельств общения) и коммуникативно-прагматический анализ (нацеленный на выявление прагматической нагрузки высказывания).

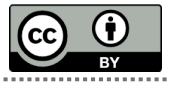
Результаты и обсуждение. В работе выявляется комплекс тактик, формирующих стратегию тематического контроля в научном диалоге, – тактика введения/объявления темы, развития/сохранения темы и завершения темы, каждая из которых реализуется посредством ряда приемов, варьирующихся с точек зрения кооперативности, аксиологической нагрузки и диалогической направленности.

Заключение. Формулируется вывод о разнообразии приемов реализации тактик, составляющих стратегию тематического контроля в научном диалоге, а также о разной роли этих тактик в продвижении речевого взаимодействия в сфере науки (о большей значимости тактик ввода и развития темы и более скромной роли тактики завершения темы).

Ключевые слова: научный дискурс, научный диалог, коммуникативная стратегия, стратегия тематического контроля, коммуникативная тактика, принципы кооперативного общения

Для цитирования: Чалова О. Н. Стратегия тематического контроля в англоязычном научном диалоге // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 179–188. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-3-179-188

© Чалова О. Н., 2026



Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 179–188
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 179–188

Original paper

The Thematic Control Strategy in the English Scientific Dialogue

Oksana N. Chalova

Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus

oksana-chalova@mail.ru, http://orcid.org/0009-0003-9811-4005

Introduction. The article is about identifying the features of the implementation of the communicative strategy of theoretical control in scientific dialogue, the latter being considered as a special form of scientific discourse capable of borrowing elements of everyday communication (including both tactical and strategic features) due to its status of oral public speech. The strategy of thematic control plays a very important role in the tactical-and-strategic system of scientific dialogue and belongs to the so-called organizational/dialogical strategies (O. S. Issers). The relevance to establish the spectrum of tactics of thematic control as well as to identify the specifics of their implementation is predetermined by the necessity to solve both certain theoretical issues (e. g. the importance to identify and describe the nature of the phenomenon of "additional strategies" in various types of discourse) and practical tasks (the need to optimize communication of any kind, primarily in the field of science).

Methodology and sources. The methodological basis of the research is made up of the works by E. G. Zadvornaya, O. S. Issers, M. L. Makarov, T. A. van Dijk, H. P. Grice, M. T. Palmer, etc. devoted to the study of scientific dialogue. Transcripts of modern (no older than 2000) English scientific discussions of various thematic orientation have been used as a source of material. The research is based on both the contextual analysis (focusing on identifying the semantics of communicative units with respect to the conditions and circumstances of communication) and communicative-pragmatic analysis (aiming at identifying the pragmatic load of an utterance).

Results and discussion. The paper identifies a set of tactics that form the strategy of thematic control in scientific dialogue (introducing/declaring the topic of the discussion, developing / preserving the topic, and completing/finishing the topic, each of which is implemented through a number of techniques that can be both cooperative and non-cooperative, axiologically marked or axiologically neutral, stimulating or responsive. The results of the analysis may allow linguists to expand and deepen their understanding of the tactical and strategic system of dialogical forms of communication.

Conclusion. The conclusion about a certain variety of the thematic control tactics as well as about different roles of these tactics in promoting speech interaction in scientific dialogue has been made.

Keywords: scientific discourse, scientific dialogue, communicative strategy, thematic control strategy, communicative tactics, principles of cooperative communication

For citation: Chalova, O.N. (2026), "The Thematic Control Strategy in the English Scientific Dialogue", *DISCOURSE*, vol. 12, no. 3, pp. 179–188. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-3-179-188

Ведение. Современная лингвистика проявляет устойчивый интерес к проблемам контроля диалогического взаимодействия, а именно к вопросам регулирования коммуникативной инициативы, управления пониманием адресата и, конечно, мониторинга тематики общения (В. Р. Абреу-Фамлюк [1], Е. Г. Задворная [2], О. С. Иссерс [3], Е. А. Кучугурная [4], М. Л. Макаров [5], Т. В. Матвеева [6], G. Brown [7], S. Carberry [8], T. A. van Dijk, W. Kintsch

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 179–188
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 179–188

[9], M. T. Palmer [10], D. Tannen [11], E. A. Schegloff, H. Sacks [12] и др.). Именно последний аспект – тематический – приобретает особую значимость в научном диалоге, под которым понимается речевое взаимодействие ученых на профессионально значимые темы на официальном научном форуме любого формата: будучи содержательно насыщенным видом коммуникации, направленным на максимально плодотворное обсуждение идей/гипотез/точек зрения, научный диалог располагает широкими возможностями для регулирования тематики общения, мониторинга предмета дискуссии, смены темы беседы. Эти возможности воплощаются в определенном наборе коммуникативных тактик, формирующих стратегию тематического контроля (под коммуникативной стратегией традиционно понимается линия речевого поведения, ориентированная на достижение определенной цели, а под тактикой – составная часть стратегии, направленная на реализацию конкретных задач, составляющих более общую цель взаимодействия).

Выявлению репертуара тактик, формирующих стратегию тематического контроля в научном диалоге, а также определению особенностей их реализации и посвящена настоящая работа. Актуальность подобного анализа обусловлена не только необходимостью рассмотрения соответствующих теоретических вопросов и важностью описания сути организационных коммуникативных стратегий (как вспомогательных (диалоговых) стратегий – способствующих эффективной организации «живого» речевого общения [3]), к числу которых относится и стратегия тематического контроля, но и важностью решения практических задач, а именно поиска путей и способов повышения эффективности коммуникации.

Методология и источники. В современной лингвистике коммуникативные аспекты регулирования тематики общения освещаются в трудах отдельных исследователей и на материале нескольких типов дискурса, например, медицинского, медийного, разговорного (М. С. Невзорова [13], О. А. Плотникова [14], Г. П. Грайс [15] и некоторых других). По отношению к научному дискурсу проблема тематического контроля практически не рассматривается, хотя обращение к ней могло бы расширить представления лингвистов о специфике управления речевым поведением коммуникантов в условиях институционального общения.

В свете изложенного объектом нашего анализа становится научный диалог, интерпретируемый в качестве особой разновидности научного дискурса, отличающейся относительно спонтанным характером реализации и способной, таким образом, пропускать в свое пространство элементы разговорной коммуникации, в том числе тактико-стратегические элементы.

Материалом исследования являются высказывания, направленные на введение, развитие и завершение темы обсуждения (порядка 150 единиц). Источниками материала служат стенограммы современных (не ранее 2000 г.) англоязычных научных дискуссий различной отраслевой направленности (с преобладанием гуманитарной) общим объемом 500 тыс. словоупотреблений. Английский язык был выбран в силу его статуса международного средства общения. Основной метод исследования – контекстуальный и коммуникативно-прагматический анализ.

Результаты и обсуждение. Как и для большинства видов диалогического общения, для научного диалога актуально выделение двух видов темы: а) глобальной/общей – задающей магистральное направление диалога и обычно назначаемой модератором/администра-тором общения (*It's entirely by coincidence, I'm sure, that we meet again for the second time in the*

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 179–188
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 179–188

Ronald Reagan Center to ***discuss ethical and social issues connected with Alzheimer's Disease and dementia***); б) локальной/частной – связанной с обсуждением отдельных аспектов глобальной темы и номинируемой посредством усилий любого из участников речевого взаимодействия в зависимости от текущих целей и задач общения, а также интересов и интенций конкретных коммуникантов (<…>*though I'm about to* ***talk about*** *something, Dr. Foster, that* ***you said a minute ago***). Смена локальных тем происходит по причине невозможности дальнейшего обсуждения вопроса (например, в силу его исчерпанности или неразрешимого характера) или разной степени релевантности конкурирующих тем.

С целью реализации тематического контроля (управления частной или общей темой) в изучаемом типе коммуникации применяются, по нашим наблюдениям, три основные тактики:

– тактика введения/объявления темы;

– тактика, направленная на развитие/сохранение темы;

– тактика, ориентированная на завершение/сворачивание темы.

Действие каждой тактики можно конкретизировать в виде перечня коммуникативных приемов, способствующих их осуществлению. При этом под коммуникативным приемом понимается речевое действие (или совокупность тесно связанных в прагматическом плане речевых действий), представляющее собой минимальный речевой вклад говорящего, направленный на достижение определенной цели взаимодействия.

1. Тактика ввода темы (объявление темы).

Как уже отмечалось, в научном диалоге целесообразно разграничивать два вида темы: магистральную и частную. Ввод магистральной темы (объявление темы) происходит в самом начале обсуждения с помощью трех основных приемов:

– номинация/напоминание темы обсуждения:

Today we'll be talking about *the questions of* ***conscience and futility****, but* ***mostly futility****, which has been discussed before and came up during our earlier discussions on professional ethics and some of the current problems and the bigger problems*.

Today's ***meeting concerns*** *three topics as* ***you know, I am sure****:* ***medical futility****,* ***conscience****, and* ***the past and future of public bioethics*** <…>;

– уточнение повестки дня, плана, целей и задач обсуждения:

The plan for this meeting *is simple. Today* ***we will try to finish old business****, and tomorrow we will look forward to the future on the Council's third term <…>.*

Our aim *is* ***not to enter into a comparative study*** *of any of the plans being put forward,* ***but*** *rather* ***to step back and look at the ethical problems*** *that should be faced by any plan <…>*;

– указание на особый характер темы/задач (на ее/их важность/актуальность/первостепенность и т. п.):

I've asked Ed to sit in this morning because ***the two topics for today*** *are of a* ***special interest*** *for us going forward*.

What we have in two sessions today is a return to these ***topics*** *to look at the human and moral significance of acquiring these new powers,* ***in this case****, over the aging process. And* ***the next case****, over some aspect of human memory. And this is a* ***much more difficult task****.*

Данные приемы отличаются следующими особенностями реализации: а) способностью к автономному использованию/самостоятельному функционированию (наиболее высокой

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 179–188
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 179–188

степенью автономности отличается прием «номинация темы»); б) способностью к объединению/комбинированию с другими приемами (очевидной склонностью к объединению с иными коммуникативными ходами обладает прием «указание на особый характер темы»). На наш взгляд, кластеризация/объединение приемов является более действенным способом очерчивания тематических границ дискуссии, акцентирования внимания адресата на предмете обсуждения (*This is our second session entitled «**Ethical Caregiving in Our Aging Society: Caregiving Perspective»**. In this session and the next, we've invited practitioners and students of caregiving to help us **think about** two **general matters**: first, **how our work to-date relating to** the actual activities of caregivings, caregiving for persons with dementia, this session, and second, to the public policy aspects of the subject of giving care for the elderly and the frail, the subject this afternoon*).

Что касается локальной/частной темы, то она может назначаться в любой момент речевого взаимодействия любым коммуникантом. Смена локальных тем обычно осуществляется косвенно (имплицитно), т. е. путем постановки очередного вопроса для уточнения позиции аргументатора. Однако в ряде случаев частная тема вводится прямо/эксплицитно посредством специальных метакоммуникативных действий, четко маркирующих переход обсуждения от одной проблемы к другой. При таком раскладе очередная тема вводится либо беспрепятственно (в ситуации исчерпанности предыдущего вопроса: *I think **this is pretty much it**. This slide summarizes the principle therapies we have available. So **let's talk about the biology** <…>* или *Let's hold further discussions and **turn** the floor over **to Father Fahey***), либо вступает в конкуренцию с предшествующей локальной темой (вытесняет ее или временно откладывает), ср.:

*So, again, **rather than spend time talking about these two essays**, which you can read for yourself, **I'm going to move on to** what I think are the limitations of this kind of analysis and then on to some concluding thoughts, so that there will be some time for conversation*.

*Let me **shift to** think about what I do take beyond the "who pays?" question is **the other very important question**, which is the real question, which is: how much are we obliged to give people?*

*So **the question** about how to get surgeon-specific information into these kinds of databases is **complicated and difficult**. **The other question** is about whether there has been innovation <…>*.

Как показывают примеры, «конкуренция» двух тем («старой» и «новой») может быть обусловлена несколькими факторами: исчерпанностью «старой» темы, а также разной степенью актуальности/релевантности «новой» и «старой» темы, сложностью «старой» темы и т. п. Научный диалог существенно ограничивает использование прямых и резких способов ввода локальной темы, реализующихся на метакоммуникативном уровне, поскольку в условиях открытости/незавершенности предыдущей темы такие способы могут быть интерпретированы как попытка нарушить категорию релевантности принципа кооперации, а также важный принцип научной речи – информативности.

Таким образом, если ввод магистральной темы в научном диалоге осуществляется, как правило, по инициативе модератора дискуссии (или ведущего докладчика/аргументатора), а используемые им коммуникативные приемы соответствуют всем принципам конструктивного и толерантного общения, то частная/локальная тема может задаваться любым участником научного диалога, а применяемые им приемы в определенной степени могут отступать от основных принципов кооперативного и вежливого общения (хотя однозначная оценка приема как кооперативного или некооперативного возможна только с учетом целого ряда факторов).

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 179–188
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 179–188

2. Тактика развития/сохранения темы.

Так же, как и тактика ввода темы, тактика развития темы в научном диалоге может реализовываться на метакоммуникативном уровне, т. е. посредством специальных приемов, а именно приема дополнения/расширения, направленного на уточнение/продолжение конкретного вопроса, например:

Just to add *to what Frank said <…>.*

So, in conclusion, let me ***return to the case*** *of Raoul that I presented at the beginning of my comments <…>.*

Maybe a ***further comment or two****.*

Для характеристики специфики осуществления тактики развития темы важен, с нашей точки зрения, учет следующих параметров реплик, способных реализовывать данную тактику: а) диалогическая ориентация реплики; б) направленность на развитие локальной или магистральной темы; в) наличие/отсутствие аксиологического компонента в структуре реплики.

Учет первого критерия позволяет обнаружить, что тактика развития темы может достигаться как в составе инициирующих/стимулирующих реплик, так и ответных/реактивных. Если тактика развития темы осуществляется в структуре инициирующей реплики, то ее основное назначение состоит в получении дополнительной информации от адресата (*Could I just ask* ***you to walk us through it a little bit****?*). Если тактика развития темы реализуется в составе реактивной реплики, то она нацелена не на получение, а на предоставление данных, маркирует стремление говорящего внести собственный вклад в обсуждение конкретной проблемы (*Now* ***let's return*** *to the case of the 83-year-old woman with the anoxic encephalopathy. This was very striking to me and not at all uncommon <…>*). Оба вида реплик представлены в научном диалоге достаточно широко, что говорит об их важности в достижении стратегии тематического контроля.

Не менее серьезным критерием оказывается такой параметр, как «направленность реплики на развитие локальной или магистральной темы». В качестве примеров контекстов, ориентированных на продвижение магистральной темы, можно рассматривать следующие фрагменты речевого взаимодействия, ср.:

I want to ***come back to the agenda*** *<…>.*

Let me just briefly ***describe what*** *they did and how it* ***relates to the agenda*** *that I see here.*

В приведенных контекстах факт нацеленности реплик на продвижение магистральной темы является очевидным: субъект речи обращает внимание окружающих на связь вводимого им высказывания с общей темой беседы, напоминает о ее тематических рамках, чем способствует реализации в научном диалоге категории отношения, лежащей в основе принципа кооперации Г. П. Грайса.

Примерами реплик, направленных на продвижение частной темы, могут служить следующие контексты, ср.:

So, again, I'd ***return to the point Diana made****, that people have a sense of obligation.*

I want to ***return to a statement Dan Foster made*** *about his experiences reinforced by Rebecca's observation <…>.*

I want ***to come back to some of the questions you were raising****,* ***Leon****, to make just a couple of points.*

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 179–188
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 179–188

В данном случае автор реплики, завладев коммуникативной инициативой, предлагает продолжить обсуждение предыдущей («старой») частной темы: в каждом из приведенных примеров высказывание говорящего направлено на продолжение темы, ранее предложенной другим участником дискуссии, и маркирует взятие коммуникативной инициативы (слушающий превращается в субъекта речи).

Таким образом, развитие как магистральной, так и частной темы может осуществляться за счет коммуникативных усилий любого участника научного диалога, но обычно со стороны не столько модератора, сколько отвечающего (ведущего докладчика/аргументатора) или другого участника взаимодействия, в сферу интересов которых входит развитие данной темы.

Помимо этого, реплики, направленные на реализацию тактики развития темы, могут быть дифференцированы на основании их аксиологической (оценочной) маркированности. Если безоценочные действия (см. примеры выше) являются нейтральными не только в аксиологическом, но и в директивном плане, то вторые призваны акцентировать значимость развиваемой темы (что наделяет высказывание оценочными свойствами) и косвенно указывать на необходимость ее обсуждения (что обусловливает директивную направленность реплики), ср.:

But what I wanted to ask you about, it's not so much a question as to ask you ***to say a little bit more about*** *the political implications of those* ***very interesting questions*** *you raise on <…>.*

The second question I had was something that ***you said*** *that I found* ***very interesting and provocative****, so much so that I wonder if it was a slip of the tongue or if I misunderstood you <…>. Did you mean that or were you saying that both the left and the right love progress?*

Итак, тактика развития темы реализуется посредством приема расширения, может осуществляться как в стимулирующих, так и в ответных репликах, иметь направленность на продвижение глобальной или локальной темы, а также актуализироваться в составе аксиологически нейтральных или аксиологически маркированных реплик.

3. Тактика завершения/окончания темы.

В изучаемом виде общения целесообразно различать два приема завершения темы: сворачивание темы (кооперативный прием) и отказ от темы (некооперативный прием). Первый направлен на прекращение обсуждения конкретной проблемы. Второй подразумевает запрет на любое развитие вопроса.

Прием сворачивания осуществляется с опорой на прямые ссылки на исчерпанность темы, на достаточность/полноту/интерпретируемость/релевантность ответа:

I'm sorry I went on so long but ***I will stop there****.*

We need to aggressively change our language and ***stop talking about saving lives and stop talking about how devices*** *and so forth are all, you know, these wondrous things because they save lives.*

Инициатором подобных приемов может стать как администратор/модератор дискуссии (***Thank you*** *very much, David, for* ***your very extensive discussion and response to questions****. Thank you very much, Ben.* ***Right on the point***), так и любой другой эксперт:

– спрашивающий (в этом случае прием сворачивание реализуется, как правило, посредством ссылок на удовлетворительный характер ответа), ср.:

I think that's ***the right interpretation of that****.*

I see*. Thank you.*

So I ***appreciate*** *all* ***your comments***;

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 179–188
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 179–188

– отвечающий/говорящий (маркеры окончания ответной реплики одновременно служат индикаторами сворачивания темы), ср.:

I just think ***that's it****.*

<…> ***that's all****. Thank you.*

I'm ***done****.*

Как видим, прием сворачивания темы, осуществляемый со стороны администратора или спрашивающего, часто носит оценочный характер, в то время как аналогичный прием, реализуемый усилиями отвечающего, обычно не отмечен в аксиологическом плане.

Что касается отказа/уклонения от темы, то в научном диалоге он представляет собой достаточно редкое явление в силу своего некооперативного характера, несоответствия установке на содержательное развитие диалога и обусловлен всего несколькими факторами: а) отсутствием релевантности/актуальности/значимости темы или интереса к ней (*I mean that probably is* ***irrelevant to this particular discussion***); б) отсутствием необходимости развивать тему, например, в случае возможности более подробного ознакомления с данной темой в результате обращения к соответствующим источникам (*Those of you who want to get into any of* ***these ideas in further detail*** *could* ***use the book "Sick To Death And Not Going To Take It Anymore!" where these ideas are developed a little further***); в) незнанием/неосведомленностью аргументатора, ср.:

Well, you are raising a hugely important ***issue****, which* ***I don't know a lot about****, because* ***that's not my field*** *<…>.*

I'm ***not an endocrinologist****, so I* ***can't speak more to that****.*

Как указания на отсутствие релевантности, так и ссылки на незнание воспринимаются адресатом в качестве запрета на развитие темы, что приводит к исключению определенного вопроса из повестки. Важное различие между ссылками на нерелевантность темы и незнание говорящего состоит в аксиологической (негативной) направленности первых и нейтральном оценочном статусе вторых.

Заключение. Таким образом, стратегия тематического контроля в англоязычном научном диалоге реализуется посредством трех основных тактик (введения темы, развития темы и завершения темы), каждая из которых воплощается в определенном наборе приемов. Эти приемы могут реализовываться в зоне кооперативности или некооперативности, осуществляться в речевых партиях модератора, отвечающего или спрашивающего, характеризоваться наличием/отсутствием аксиологических компонентов. В заключение отметим, что специфика актуализации стратегии тематического контроля в англоязычном научном диалоге также заключается в более частотном использовании приемов, направленных на введение и развитие темы, чем на ее завершение, что связано с установкой изучаемого типа общения на содержательное обсуждение вопросов.

Перспективным видится исследование особенностей реализации других организационных стратегий в научном диалоге (в частности стратегии управления пониманием и регулирования коммуникативной инициативы) как особого вида вспомогательных стратегий, обеспечивающих возможность диалогического взаимодействия.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 179–188
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 179–188

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абреу-Фамлюк В. Р. Интерпретирующие речевые акты в структуре диалогического дискурса (на материале русского, английского и французского языков): дис. … канд. филол. наук / Мин. гос. лингвист. ун-т. Минск, 2022.

2. Задворная Е. Г. О релевантности/нерелевантности информации в диалогическом дискурсе // Материалы ежегодной науч. конф. преподавателей и аспирантов ун-та, 15–16 апр. 2021 г.: в 5 ч. Минск: МГЛУ, 2021. Ч. 2. С. 54–56.

3. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

4. Кучугурная Е. А. Побуждение к коммуникации в разговорно-бытовом общении (на материале современного испанского языка) // Жизнь языка в культуре и социуме: сб. ст. / Минск: МГЛУ, 2021. С. 289–293.

5. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003.

6. Матвеева Т. В. Как поддержать разговор: для тех, кто хотел бы совершенствовать… Пермь: ЗУУНЦ, 1995.

7. Brown G. Speakers, Listeners and Communication: Explorations in Discourse Analysis. Cambridge, NY: Cambridge Univ. Press, 1995.

8. Carberry S. Plan Recognition in Natural Language Dialogue. Cambridge: MIT Press, 1990.

9. Van Dijk T. A., Kintsch W. Strategies of Discourse Comprehension. NY: Academic Press, 1983.

10. Palmer M. T. Controlling conversation: turns, topics and interpersonal control // Communication Monographs. 1989. Vol. 56, iss. 1. P. 1–18. DOI: https://doi.org/10.1080/03637758909390246

11. Tannen D. Talking Voices: Repetition, Dialogue, and Imagery in Conversational Discourse. Cambridge; NY: Cambridge Univ. Press, 1989.

12. Schegloff E. A., Sacks H. Opening up closings // Ethnomethodology / ed. by R. Turner. Middlesex: Penguin, 1974. P. 233–264.

13. Невзорова М. С. Коммуникативное поведение равностатусных субъектов медицинского дискурса (на материале английского языка): дис. … канд. филол. наук / ВолГУ. Волгоград, 2017.

14. Плотникова О. А. Стратегии контроля диалогического взаимодействия в интервью: дис. … канд. филол. наук / ОмГУ им. Ф. М. Достоевского. Омск, 2007.

15. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика / под общ. ред. Е. В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.

Информация об авторе

Чалова Оксана Николаевна – кандидат филологических наук (2013), доцент (2016), доцент кафедры теории и практики английского языка Гомельского государственного университета им. Франциска Скорины, ул. Советская, д. 104, Гомель, 246028, Беларусь. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: лингвопрагматика, диалоговедение, функциональная стилистика.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 10.10.2025; принята после рецензирования 30.01.2026; опубликована онлайн 23.06.2026.

REFERENCES

1. Abreu-Famlyuk, V.R. (2022), “Interpretive speech acts in the structure of dialogic discourse (based on the material of the Russian, English and French languages)”, Can. Sci. (Philology) Thesis, Minsk State Linguistic Univ., Minsk, BLR.

2. Zadvornaya, E.G. (2021), “On the relevance/non-relevance of information in dialogic discourse”, *Materialy ezhegodnoi nauchnoi konferentsii prepodavatelei i aspirantov universiteta* [Proc. of the Annual

Sci. Conf. of Teachers and Graduate Students of the Univ.], Minsk State Linguistic Univ., Minsk, BLR, part 2, pp. 54–56.

3. Issers, O.S. (2008) *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech], Izd-vo LKI, Moscow, RUS.

4. Kuchugurnaya, E.A. (2021), "The urge to communicate in everyday conversation (based on the material of modern Spanish)", *Zhizn' yazyka v kul'ture i sotsiume* [The life of language in culture and society], Minsk State Linguistic Univ., Minsk, BLR, pp. 289–293.

5. Makarov, M.L. (2003), *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of discourse theory], Izd-vo Gnozis, Moscow, RUS.

6. Matveeva, T.V. (1995), *Kak podderzhat' razgovor: dlya tekh, kto khotel by sovershenstvovat'* [How to keep up a conversation: for those who would like to improve], ZUUNC, Perm, RUS.

7. Brown, G. (1995), *Speakers, Listeners and Communication: Explorations in Discourse Analysis*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, NY, USA.

8. Carberry, S. (1990), *Plan Recognition in Natural Language Dialogue*, MIT Press, Cambridge, UK.

9. Van Dijk, T.A. and Kintsch, W. (1983), *Strategies of Discourse Comprehension*, NY, Academic Press, USA.

10. Palmer, M.T. (1989), "Controlling conversation: turns, topics and interpersonal control", *Communication Monographs*, vol. 56, iss. 1, pp. 1–18. DOI: https://doi.org/10.1080/03637758909390246

11. Tannen, D. (1989), *Talking Voices: Repetition, Dialogue, and Imagery in Conversational Discourse*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, NY, USA.

12. Schegloff, E.A. and Sacks, H. (1974), "Opening up closings", *Ethnomethodology*, in Turner, R. (ed.), Penguin, Middlesex, UK, pp. 233–264.

13. Nevzorova, M.S. (2017), "Communicative behavior of equal-status subjects of medical discourse (in English)", Can. Sci. (Philology) Thesis, VolSU, Volgograd, RUS.

14. Plotnikova, O.A. (2007), "Strategies for controlling dialogic interaction in interviews", Can. Sci. (Philology) Thesis, OmSU, Omsk, RUS.

15. Grice, G.P. (1985), "Logic and speech communication", *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 16. Lingvisticheskaya pragmatika* [New in foreign linguistics. Vol. 16. Linguistic pragmatics], in Paduchev, E.V. (ed.), Moscow, Progress, RUS, pp. 217–237.

Information about the author

Oksana N. Chalova – Can. Sci. (Philology, 2013), Docent (2016), Associate Professor at the Department of Theory and Practice of the English Language, Francisk Skorina Gomel State University, 104 Sovetskaya str., Gomel 246028, Belarus. The author of more than 100 scientific publications. Area of expertise: pragmalinguistics, studies of the dialogue, functional stylistics.

No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 10.10.2025; adopted after review 30.01.2026; published online 23.06.2026

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 189–203
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 189–203

Оригинальная статья
УДК 81.33
http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-3-189-203

Разработка инструмента автоматизации перевода английских звукоизобразительных единиц на русский язык

***Егор Олегович Голованов*[1]✉, *Елена Анатольевна Шамина*[2]**

[1]*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия*
[2]*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия*
[1]✉*geo.hotline@gmail.com, https://orcid.org/0009-0000-0210-3490*
[2]*e.shamina@spbu.ru, https://orcid.org/0000-0001-5274-1001*

Введение. Статья посвящена разработке инструмента автоматизации перевода художественных текстов, предназначенного для работы с звукоподражательной лексикой. Отличительной особенностью инструмента является его подход к отбору переводческих эквивалентов – алгоритмы предлагают эквиваленты, ориентируясь не на их лексическую близость к оригиналу или частотность, но на звуковую изобразительность. Вследствие стремительного развития средств автоматизированного и машинного перевода решение проблемы перевода элементов звуковой изобразительности представляется в настоящий момент особенно важным.

Методология и источники. Теоретическим фундаментом исследования являются постулаты фоносемантики, изложенные в работах С. В. Воронина, а также описания звукоподражаний для русского языка, приведенные в трудах С. С. Шляховой. Статья рассматривает автоматизированный перевод звукоизобразительных единиц на примере английских глаголов движения, перечисленных в работе Н. К. Хеймонен. Перечни русских эквивалентов для данных глаголов отбирались авторами вручную с использованием ряда англо-русских словарей.

Результаты и обсуждение. Результатом исследования является функционирующий инструмент, представленный в виде веб-приложения. Инструмент выполняет перевод звукоизобразительных элементов текста с английского языка на русский посредством ранжирования их переводческих эквивалентов по звукоизобразительному признаку. Под звукоизобразительным признаком понимается сходство оригинала и его перевода с звукоизобразительной точки зрения. Вычисление этого сходства стало возможным благодаря использованию уникального подхода – сравнения звукоподражательных формул оригинального слова и его переводов с использованием метрики расстояния Левенштейна. Помимо ранжирования эквивалентов статья описывает структуру базы данных, а также организацию работы веб-приложения.

Заключение. Разработанный инструмент успешно справляется с поставленной задачей, а уникальные методы отбора переводческих эквивалентов которые он использует, успешно восполняют отсутствие на рынке готовых решений для перевода звукоизобразительной лексики, обеспечивая потенциал данной технологии.

Ключевые слова: звукоизобразительность, звукоподражание, художественный перевод, глаголы движения, Python

© Голованов Е. О., Шамина Е. А., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 189–203
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 189–203

Для цитирования: Голованов Е. О., Шамина Е. А. Разработка инструмента автоматизации перевода английских звукоизобразительных единиц на русский язык // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 189–203. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-3-189-203

Original paper

Development of an Automation Tool for Translating English Phonosemantic Lexis into Russian

***Egor O. Golovanov*[1]✉, *Elena A. Shamina*[2]**

[1]*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*
[2]*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia*
[1]✉*geo.hotline@gmail.com, https://orcid.org/0009-0000-0210-3490*
[2]*e.shamina@spbu.ru, https://orcid.org/0000-0001-5274-1001*

Introduction. This article deals with development of an automation tool for translating fiction texts. The tool is designed to work with sound-symbolic vocabulary. A distinctive feature of the tool is its approach to selecting translation equivalents: the algorithms propose equivalents based on their sound symbolic features. Owing to the rapid development of automated and machine translation technologies, it is the time to address the problem of translating iconic vocabulary.

Methodology and sources. The theoretical foundation of the study is based on the principles of phonosemantics formulated in the works of S. V. Voronin, as well as descriptions of onomatopoeia presented in the studies of S. S. Shlyakhova. The article examines automated translation of sound-symbolic vocabulary through the use of motion verbs listed in the work of N. K. Kheimoinen.

Results and discussion. The result of the study is a functioning tool in the form of a web application. The tool translates sound-symbolic elements from English into Russian by ranking their translation equivalents according to the degree of similarity between the original word and its translation from the perspective of sound symbolism. The calculation of this similarity becomes possible due to a unique approach – comparing the onomatopoeic formulas of the original word and its translations using the Levenshtein distance.

Conclusion. The developed tool successfully accomplishes its task. Moreover, the unique methods it employs for selecting translation equivalents demonstrate the strong potential of this technology.

Keywords: phonosemantics, onomatopoeia, fiction translation, motion verbs, Python

For citation: Golovanov, E.O. and Shamina, E.A. (2026), “Development of an Automation Tool for Translating English Phonosemantic Lexis into Russian”, *DISCOURSE*, vol. 12, no. 3, pp. 189–203. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-3-189-203

Введение. В последние годы научное сообщество наблюдает стремительное развитие нейросетевых технологий, которому сопутствует совершенствование машинного и в том числе автоматизированного перевода. Если использование машинного перевода при работе с художественными текстами до сих пор вызывает оживленную дискуссию среди специалистов по переводу, то автоматизированный перевод, в котором основную работу выполняет человек, используя при этом узкоспециализированные инструменты, спроектированные и разработанные для облегчения труда переводчика, является не только нормой, но и рекомендуемым подходом к переводу художественных текстов и не только. Существующие на дан-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 189–203
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 189–203

ный момент инструменты автоматизированного перевода не являются идеальными. Так, например, многие из них (электронные словари и глоссарии, память переводов), предлагая эквиваленты на языке перевода, ориентируются преимущественно на частотность данных эквивалентов, их лексическое соответствие оригиналам и, в случае с продвинутыми инструментами, на близлежащий контекст. В то же время художественный текст, будучи многогранным и нетривиальным феноменом, обладает такими аспектами, которые не учитываются существующими на данный момент инструментами автоматизированного перевода. К ним следует отнести среди прочих литературные и культурные аллюзии [1], метафоры, основанные на мультимодальных синестетических переносах [2], и фоносемантические свойства вербальных составляющих текста, которые могут свидетельствовать об общей экспрессивности произведения или являться показателями авторского идиостиля [3]. Создание же качественного и адекватного литературного произведения требует от переводчика взаимодействия со всеми особенностями, которые заложил автор оригинала в произведение [4]. Об одной из таких особенностей, а именно о звуковой изобразительности художественного текста, и пойдет речь в настоящей статье. Так как перевод звукоизобразительных элементов текста не всегда является простой и понятной задачей даже для высококвалифицированного литературного переводчика (проблемы фоносемантики крайне редко поднимаются в переводческом дискурсе – ср. [5]), авторы статьи предприняли попытку разработки инструмента автоматизированного перевода, целью которого является помощь переводчику именно с подбором корректных с точки зрения звуковой изобразительности переводческих эквивалентов.

Методология и источники. Фоносемантика – это лингвистическая дисциплина на стыке фонетики и семантики, постулаты которой были впервые оформлены в 1982 г. в работе выдающегося советского и российского лингвиста С. В. Воронина «Основы фоносемантики». Основоположник фоносемантики характеризует ее следующим образом: «*фоносемантика* – это дисциплина, имеющая своим предметом звукоизобразительную (т. е. звукоподражательную и звукосимволическую) систему языка, изучаемую с позиций пространственных и временных» [6, с. 4]. Он же указывает на ее теоретическое значение и на прагматические (эвристические) возможности [6, с. 192–197].

Благодаря главенствовавшему в лингвистике XX в. направлению структурализма, звуковую изобразительность долгое время относили к языковым «маргиналиям», из-за чего исследования этого явления практически не проводились [6, с. 13]. Тем не менее уже во второй половине XX в. исследователи доказали межъязыковой характер звуковой изобразительности, закрепив таким образом ее статус в качестве языковой универсалии (ср. [7]). В конце века проходит первый международный симпозиум по иконичности в языке и литературе, который с тех пор проводится каждые два года, а результаты фоносемантических исследований публикуются в самых престижных научных изданиях. Таким образом, можно сделать вывод о том, что результатом «маргинализации» звукоизобразительности на протяжении большей части XX в. является тот факт, что исследования иконичности выделились в самостоятельную дисциплину крайне поздно, вследствие чего фоносемантика до сих пор является активно развивающимся лингвистическим направлением.

С. В. Воронин определяет звуковую изобразительность следующим образом: «*звукоизобразительность* есть свойство слова, заключающееся в наличии необходимой, повторя-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 189–203
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 189–203

ющейся и относительно устойчивой непроизвольной связи между фонемами слова … и признаком объекта-денотата» [6, с. 166], т. е. постулируется непроизвольная связь между звучанием и значением слова. Среди исследователей-фоносемантистов принято выделять два основных вида звукоизобразительности: звукоподражание и звукосимволизм. Характеризуя их, С. В. Воронин указывает, что *звукоподражания* (или ономатопы) – это слова, которые подражают звукам окружающей действительности (*выть, звенеть, громыхать* и т. п.), *звукосимволизмы* же отражают признаки объектов в любой из сенсорных модальностей человека, кроме слуховой: зрение, обоняние, вкус, осязание, ощущение (*овал, лакать, шершавый, фуфло* и т. п.) [6, с. 88]. М. А. Флаксман, уточняя классификацию С. В. Воронина, находит четыре способа иконического соотношения между означающим и означаемым, сохраняя базовое деление иконических вербальных единиц на звукоподражания и звукосимволизмы [8].

Определив сущность звукоизобразительности и установив ее основные виды, необходимо выяснить, какими именно единицами должен оперировать инструмент, осуществляющий автоматизированный перевод таких важных, но неочевидных на первый взгляд элементов художественного текста. В данном вопросе мнения исследователей фоносемантики определенным образом расходятся. Так, в ранних работах С. В. Воронина можно встретить определение *фонемотипа*, который подразумевает ряд фонем, обладающих общим или схожим звукоизобразительным значением [6, с. 124–125]. А. П. Журавлев в работе «Фонетическое значение» утверждает, что носителем звукоизобразительного значения является не только звук, но и графема, и вводит термин *звукобуква*, т. е. «написанный звук» [9, с. 18], который также иногда называют *графоном*. С. С. Шляхова предлагает считать носителем звукоизобразительного значения «морфему определенного акустико-артикуляторного значения» [10], а зарубежные исследователи иконичности нередко называют носителями звукоизобразительного значения буквально любые произносительные сущности: фонему, слог, дифференциальный признак или тон, которые выходят за рамки конститутивной функции не несущих никакого лексического значения единиц и начинают выражать какие-либо оттенки смысла [11, с. 228]. В настоящем исследовании носителем звукоизобразительного значения признается фонотип, единица, выделенная в более поздних трудах С. В. Воронина, пришедшая на смену фонемотипу. *Фонотип* понимается как группа звуков, объединенная на основе того или иного признака и неразрывно связанная с каким-либо звукоизобразительным значением [12, с. 102–103]. Ярким примером фонотипа можно признать, например, группу глухих фрикативных согласных, которая представлена в английском и русском языках звуками [f], [ʃ], [s], [x] и обычно ассоциируется с шумовой характеристикой объекта или процесса (*shuffle, hiss, шуршать, свистеть, хохотать* и т. п.).

В силу многообразия возможных фонетических значений (см. ранее), при разработке инструмента автоматизированного перевода было решено сконцентрировать усилия на единицах одной конкретной лексико-семантической группы – английских *глаголах движения* и их переводах на русский язык. Выбор этой группы во многом обусловлен высокой частотностью входящих в нее лексем: невозможно представить художественный текст, в котором глаголы движения встречаются редко. Кроме того, наблюдения показывают, что глаголы движения, которые должны быть классифицированы как звукосимволизмы из-за концептуальной принадлежности денотата, по своей природе являются звукоподражательными, так как боль-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 189–203
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 189–203

шинство движений, совершаемых в водной или воздушной среде, сопровождаются звучанием (ср. *шлепать, стукать, топать, scratch, stomp, flop*), акустические особенности которого зависят от характера движения [13]. Можно предположить, что «двойственный» звукоизобразительный характер глаголов движения предопределяет их экспрессивность и, как следствие, востребованность в литературе, что делает эту лексико-семантическую группу ценным референтным материалом для сравнительного переводческого анализа.

Источником лексического материала послужили списки английских глаголов движения, представленные в работах Л. Ф. Лихомановой [14] и Н. К. Хеймонен [15], а также их русскоязычные эквиваленты, зарегистрированные в словаре В. К. Мюллера [16] и англо-русском веб-словаре Мультитран [17].

Рассматривая звукоизобразительную природу глаголов движения, необходимо обратиться к универсальной классификации ономатопов, разработанной С. В. Ворониным. Данная классификация разделяет звукоподражания на несколько крупных классов: инстанты, континуанты, фреквентативы, инстанты-континуанты, фреквентативы-инстанты, фреквентативы-континуанты, фреквентативы-инстанты-континуанты [6, с. 39–70]. *Инстанты* представляют собой звуки, которые воспринимаются человеческим ухом как единичный удар. Они передают стуки, щелканья и прочие отрывистые звуки (*clap, tick, стук, топ*). *Континуантам* характерно длительное, слитное звучание. Чаще всего они связаны с гулом, пищанием, протяжными шумовыми и тоновыми звуками (*meow, hiss, мычать, шипеть*). *Фреквентативы* являют собой диссонанс, т. е. последовательность быстрых ударов, которые не полностью сливаются в процессе восприятия, и обозначают вибрацию, дрожание, резкие движения (*roar, crash, реветь, крошить*). *Инстанты-континуанты* – это сложные звучания, в которых удару сопутствует тон или шум. Они передают резкое движение, падение и столкновения предметов (*bomb, slap, бамс, шлепнуться*). *Фреквентативы-инстанты* и *фреквентативы-континуанты* – такие же сложные звучания, в которых диссонансу сопутствует тон, шум или удар. Они означают хрустяще-трещащие звуки, шорох, скрежет и лязганье (*crumple, creak, хрустеть, шуршать*). *Фреквентативы-инстанты-континуанты* – комплексные звучания, в которых встречаются все три звучания низшего порядка: диссонанс, удар и тон или шум (*strum, бренчать*).

Каждый из приведенных классов ономатопов в английском языке получил формульное представление, разработанное С. В. Ворониным. Формулы представляют собой совокупности фонотипов, элементы которых расположены в определенной последовательности, наилучшим образом отражающей устройство слов того или иного класса звукоподражаний [6]. Аналогичные формулы, но уже для русского языка, приводит в работе «Тень смысла в звуке» С. С. Шляхова [18]. Необходимо отметить тот факт, что формулы звукоподражаний для русского и для английского языка нередко совпадают. В рамках разработки автоматизированного инструмента, освещаемого в настоящей статье, формулы звукоподражаний русского языка были сопоставлены формулам звукоподражаний для английского. Кроме того, с опорой на работу М. А. Флаксман «Словарь английской звукоизобразительной лексики в диахроническом освещении» [19, с. 13–17], оказалось возможным определить своеобразные *ядра* каждой из формул, т. е. фонотипы, играющие наиболее важную роль в проявлении звуковой изобразительности данного слова. Представим формулы звукоподражаний для английского и русского языков, а также их ядра.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 189–203
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 189–203

1. Инстанты:

– *английский*: $\frac{\text{PLOS}(+\text{SON}^{lat/nas/den})}{\text{AFFR}} + \mathbf{VOC} + \mathbf{PLOS}$;

– *русский*: $\frac{\text{PLOS}}{\text{AFFR}} + \mathbf{VOC} + \frac{\mathbf{PLOS}}{\mathbf{AFFR}}$.

Ядро: звукоподражание должно завершаться гласным фонотипом, за которым следует фонотип смычного или аффрикаты, кроме того, в английском языке необходимо, чтобы гласный фонотип обладал свойством краткости.

2. Континуанты:

а) тоновые континуанты:

– *английский*: $(\text{CONS}(+\text{SON}^{\text{lat/lab}})+)\mathbf{V\bar{O}C}(+\text{PLOS})$;

– *русский*: $(\text{PLOS}+)\mathbf{VOC}(+\text{PLOS})$.

Ядро: необходимо наличие гласного фонотипа, кроме того, в английском языке необходимо, чтобы гласный фонотип был долгим, в обоих языках приветствуется редупликация.

б) шумовые континуанты:

– *английский*: $(\text{FRIC} + (\text{SON}^{\text{lat/lab}}) + \text{VOC}+)\frac{\mathbf{FRIC}}{\mathbf{SIB}}$;

– *русский*: $\left(\text{PLOS} + \text{VOC} +\right)\mathbf{FRIC}^{\mathbf{wk}}\left(+\text{VOC}\right)$, $\left(\text{PLOS} +\right)\mathbf{FRIC}^{\mathbf{str}}\left(+\text{VOC} + \text{FRIC}^{str}\right)$.

Ядро: наиболее важен фонотип фрикативного согласного.

3. Фреквентативы:

– *английский*: $\frac{\text{PLOS}}{\text{AFFR}}+\text{VOC}+\mathbf{R}$;

– *русский*: $\text{PLOS}(+\text{VOC}) + \mathbf{R}$.

Ядро: наиболее важен фонотип вибранта, который обыкновенно располагается в конце ономатопа.

4. Инстанты-континуанты;

– *английский*: $\frac{\mathbf{PLOS}\left(+\text{SON}^{\text{lat/lab}}\right)}{\mathbf{AFFR}} + \text{VOC} + \frac{\mathbf{SON}\left(+\text{PLOS}\right)}{\text{FRIC}}$,

$\frac{\mathbf{PLOS}\left(+\text{SON}^{\text{lat/lab}}\right)}{\mathbf{AFFR}} + \text{VOC} + \frac{\mathbf{SON}\left(+\text{PLOS}\right)}{\mathbf{FRIC}}$, $\mathbf{FRIC}\left(+\text{SON}^{\text{lat/lab}}\right) + \left(\text{VOC} +\right)\mathbf{PLOS}$,

$\mathbf{FRIC}(+\text{SON}^{\text{lat/lab}}) + \text{VOC} + \mathbf{SON}^{\mathbf{nas}}(+\text{PLOS})$;

– *русский*: $\mathbf{PLOS}(+\text{SON}) + \text{VOC} + \mathbf{SON}$, $\mathbf{PLOS}\left(+\text{VOC}\right) + \mathbf{FRIC}$,

$\frac{\mathbf{FRIC}^{\mathbf{wk}} + \mathbf{SON}^{\mathbf{lab/lat}}}{\mathbf{AFFR} + \mathbf{FRIC}^{\mathbf{wk}}} + \text{VOC}(+\text{FRIC}^{\text{wk}}) + \mathbf{PLOS}^{\mathbf{wk}}$, $(\text{FRIC}^{\text{str}}+)\mathbf{FRIC}^{\mathbf{str}} + \text{VOC} + \mathbf{PLOS}^{\mathbf{wk}}$,

$\frac{\mathbf{FRIC}^{\mathbf{wk}}}{\mathbf{AFFR}} + \mathbf{SON}$, $\mathbf{FRIC}^{\mathbf{str}} + \mathbf{PLOS}^{\mathbf{str}} + \text{VOC} + \mathbf{SON}^{\mathbf{lab}}$.

Ядро: наибольший вес имеют смычные, сонорные и глухие щелевые фонотипы.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 189–203
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 189–203

5. Фреквентативы-инстанты;

– *английский*: $(\text{CONS}+)\mathbf{R}+\text{VOC}(+\text{SON}^{\text{nas}})+\mathbf{PLOS}$;

– *русский*: $\frac{\text{FRIC}}{\text{PLOS}}+\mathbf{R}+\text{VOC}\left(+\text{FRIC}\right)+\mathbf{PLOS}$.

Ядро: данному классу звукоподражаний присущи фонотипы смычных и фонотипы вибрантов.

6. Фреквентативы-континуанты;

– *английский*: $\left(\text{CONS}+\right)\mathbf{R}+\mathbf{V\bar{O}C}\left(+\text{CONS}\right)$, $\mathbf{FRIC}\left(+\text{SON}^{\text{lat/lab}}\right)+\text{VOC}+\mathbf{R}$, $\mathbf{R}+\text{VOC}+\mathbf{FRIC}$;

– *русский*: $\text{PLOS}+\text{VOC}+\mathbf{R}$, $\mathbf{FRIC}^{\mathbf{wk}}+\text{VOC}+\mathbf{R}(+\text{PLOS})$, $\mathbf{FRIC}^{\mathbf{str}}+\text{VOC}+\mathbf{R}$.

Ядро: наиболее важным является фонотип вибранта, а также фонотип фрикативного согласного (шумовой континуант), кроме того, для английского языка важен фонотип долгого гласного (тоновый континуант).

7. Фреквентативы-инстанты-континуанты.

– *английский*: $\text{PLOS}+\mathbf{R}+\text{VOC}+\frac{\text{FRIC}}{\mathbf{SON}^{\mathbf{nas}}}(+\text{PLOS})$;

– *русский*: $\mathbf{PLOS}+\mathbf{R}+\text{VOC}+\mathbf{SON}^{\mathbf{lab/nas}}$, $\frac{\mathbf{PLOS}}{\text{FRIC}^{\text{wk}}}+\mathbf{R}+\text{VOC}+\frac{\mathbf{FRIC}^{\mathbf{wk}}}{\text{AFFR}}$, $\mathbf{FRIC}^{\mathbf{wk}}+\text{VOC}+\mathbf{R}+\mathbf{PLOS}^{\mathbf{wk}}$.

Ядро: вибрант, сонорный, шумный щелевой, смычный.

Перечислив формулы звукоподражаний для русского и английского языков, представляется необходимым уточнить их чтение. Та или иная формула являет собой лишенную формообразующих суффиксов значимую часть звукоподражания. Последовательность звуков, образующих акустическую оболочку звукоподражания, строится при помощи символа «+». Круглые скобки («()») указывают на факультативность находящихся внутри них фонотипов. В общей последовательности такие фонотипы могут быть пропущены без ущерба для звуковой изобразительности. Символ обелюса («÷») сообщает, что в данной части формулы может быть использован любой из двух приведенных фонотипов (или любая из двух последовательностей фонотипов). Символы верхнего индекса («son^{lab}») указывают на ту или иную особенность фонотипа, например, *латеральный*, *лабиальный* или *назальный* сонорный согласный).

После детального рассмотрения теоретических оснований исследования, представляется возможным перейти к описанию этапов разработки инструмента автоматизации перевода. (краткое изложение основных этапов исследования представлено в работе [20]).

Результаты и обсуждение. Прежде всего, каждый английский глагол движения (из списка Н. К. Хеймонен) снабжается фонематической транскрипцией, словарным толкованием, исчерпывающим набором переводческих эквивалентов, отобранных вручную экспертом-лингвистом в рамках имеющихся словарных толкований, а также фонематическими транскрипциями для каждого из отобранных переводческих эквивалентов. Итоговые наборы данных (английский глагол, его транскрипция, толкование, эквиваленты на русском языке, а также транскрипции эквивалентов) вносятся в базу данных, откуда инструмент по запросу пользователя получает всю необходимую для своих вычислений информацию.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 189–203
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 189–203

Для хранения вышеперечисленных данных была избрана СУБД (система управления базами данных) *SQLite*. Данная СУБД была выбрана благодаря тому факту, что *SQLite* является легко развертываемой и легко встраиваемой однофайловой системой, которая не требует отдельно запущенного процесса для получения или записи данных, и все операции производятся посредством простых функций, выполнение которых может быть инициализировано в рамках *Python*-скрипта. Структура базы данных включает четыре таблицы: *words*, *translations*, *relations*, а также *classes*.

Таблица *words* предназначена для хранения основной информации по тому или иному английскому слову или словосочетанию и содержит следующие поля: *id* (int, primary key), *word* (varchar(255)), *class* (int, foreign key), *meaning* (varchar(255)), *transcription* (varchar(255)). Наиболее важным является поле *id*, которое хранит уникальный идентификатор лексической единицы. С помощью данного идентификатора инструмент получает список переводческих эквивалентов и их транскрипций из таблицы *translations* для той или иной лексической единицы английского языка. Не менее важным является поле *class*, которое хранит уникальный идентификатор класса из таблицы classes. С помощью данного идентификатора инструмент определяет, к какому именно классу звукоподражаний принадлежит английское слово или словосочетание, и какие формулы из ранее приведенных к нему применимы.

Таблица *translations* предназначена для хранения переводческих эквивалентов на русском языке, а также их фонематических транскрипций. Таблица обладает следующими полями: *id* (int, primary key), *translation* (varchar(255)), *transcription* (varchar(255)). Наиболее важным является поле *id*, которое хранит уникальный идентификатор переводческого эквивалента. Данный идентификатор обеспечивает двустороннюю связь между эквивалентом и оригинальным словом.

Таблица *relations* связывает слова или словосочетания из таблицы *words* с их переводами из таблицы *translations* и являет собой таблицу связей. Таблица содержит следующие поля: *word_id* (int, foreign key) и *translation_id* (int, foreign key). Значения в *word_id* указывают на строки таблицы *words*, а значения в *translations_id* – на строки таблицы *translations*. Таким образом формируется двухсторонняя связь. Лексические единицы на английском языке и их переводы не могут существовать в рамках одной таблицы и нуждаются в таблице-посреднике (*relations*), потому что, как показывает практический опыт, переводческие эквиваленты для разных слов или словосочетаний на английском языке регулярно повторяются. Таким образом, хранение переводческих эквивалентов в отдельной таблице позволяет избегать дублирования данных, что облегчает разработку приложения и экономит память устройства.

Заключительная таблица *classes* предназначена для хранения перечня звукоподражательных классов и обладает следующими полями: *id* (int, primary key), *class_name* (varchar(255)). Поле *id* хранит уникальные идентификаторы классов, обеспечивающие связь таблицы *words* (по полю *class*) непосредственно с таблицей *classes*.

Помимо хранения лексических единиц и их переводов необходимо рассмотреть хранение и использование упомянутых ранее фонотипов. Вследствие того, что набор фонотипов статичен и не занимает большого объема памяти (в отличие от множества английских глаголов и их эквивалентов на русском языке), хранение фонотипов осуществляется посредством обыкновенного *Python*-словаря, который импортируется основным скриптом и не требует при этом отдельного запроса к базе данных (таблица).

ID	Символы транскрипции	Формульное представление
0	a, i, o, e, u, ы	VOC (гласный)
1	b, d, g	$PLOS^{str}$ (смычный звонкий)
2	p, t, k	$PLOS^{wk}$ (смычный глухой)
3	v, z, ž, j	$FRIC^{str}$ (фрикативный звонкий)
4	f, s, š, x	$FRIC^{wk}$ (фрикативный глухой)
5	c, č	AFFR (аффриката)
6	r	R (вибрант)
7	m	SON^{lab} (сонорный губной)
8	n	SON^{nas} (сонорный носовой)
9	l	SON^{lat} (сонорный боковой)

В основе работы автоматизированного инструмента лежит *Python*-скрипт, который получает на вход слово, словосочетание или предложение на английском языке, обнаруживает в нем лексическую единицу, которая уже существует внутри базы данных, после чего ранжирует ее переводческие эквиваленты, ориентируясь на близость их фонематических транскрипций к одной из звукоподражательных формул оригинального слова. Итогом работы инструмента становится ранжированный список переводческих эквивалентов для каждой обнаруженной лексической единицы, в котором чем выше располагается слово, тем более близким оно является по своим звукоизобразительным свойствам к оригиналу.

Итоговый инструмент автоматизации перевода английских звукоизобразительных единиц представляет собой комплексное веб-приложение, состоящее из нескольких компонентов: клиентская сторона, программный интерфейс (API), *Python*-скрипт фоносемантического анализа, а также база данных *SQLite*. Формат веб-приложения имеет следующие достоинства: простота разработки, четкое разграничение элементов (интерфейс существует отдельно от аналитических скриптов), высокая доступность (инструмент можно развернуть на удаленном сервере, обеспечив к нему доступ из глобальной сети Интернет). Последовательная работа инструмента представлена на приведенных далее рисунках. Так, на рис. 1 изображены основные компоненты, образующие собой инструмент.

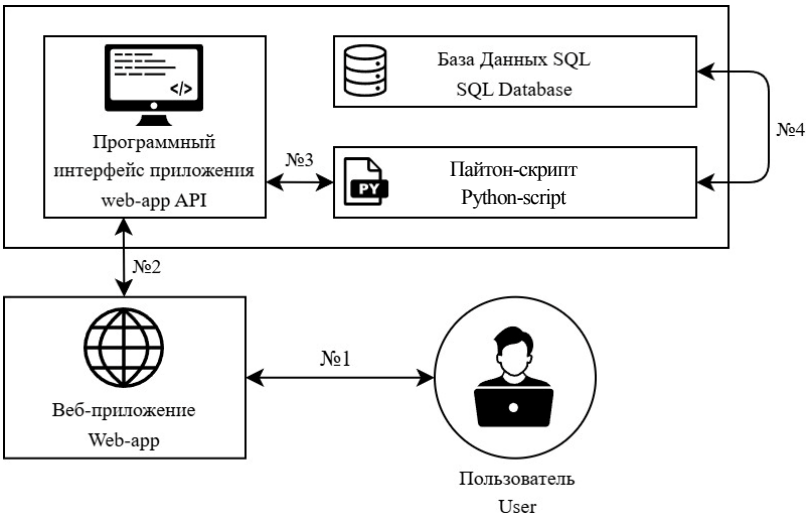


Рис. 1. Схема автоматизированного инструмента
Fig. 1. Automated tool design

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 189–203
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 189–203

Шаг 1 (рис. 1): пользователь получает доступ к инструменту посредством того или иного веб-браузера и вводит в текстовое поле лексическую единицу для последующего анализа. Из-за того, что инструмент имеет встроенный обработчик запросов на естественном языке, в роли лексической единицы может выступать как любой английский глагол или словосочетание, так и целое предложение или даже полноценный текст.

Клиентская сторона веб-приложения написана на языке программирования *JavaScript* с использованием фреймворков *Vue.js* и *QuasarFramework*. Данная комбинация инструментов позволяет создать современные и удобные пользовательские интерфейсы с минимальными трудозатратами.

Шаг 2 (рис. 1): клиентская сторона веб-приложения забирает введенный пользователем текстовый материал, производит его валидацию и отправляет программному интерфейсу веб-приложения в формате *POST*-запроса.

Программный интерфейс веб-приложения представлен простейшим веб-контроллером, написанным на языке программирования *Python* с использованием фреймворка *Flask*. Данная комбинация инструментов обеспечивает простоту разработки и, что особенно важно, позволяет избежать более распространенных решений, выполненных на языке программирования *PHP*. Таким образом, область разработки инструмента требует использования только двух языков программирования (*Python* и *JavaScript*), а не трех.

Шаг 3 (рис. 1): программный интерфейс веб-приложения обрабатывает запрос, полученный от клиента, т. е. проводит повторную валидацию данных, после которой запускает *Python*-скрипт фоносемантического анализа.

Python-скрипт фоносемантического анализа осуществляет непосредственно перевод звукоизобразительных единиц, т. е. производит ранжирование переводческих эквивалентов оригинала в зависимости от их звуковой изобразительности. Шаги, выполняемые инструментом на данной стадии, представлены на рис. 2.

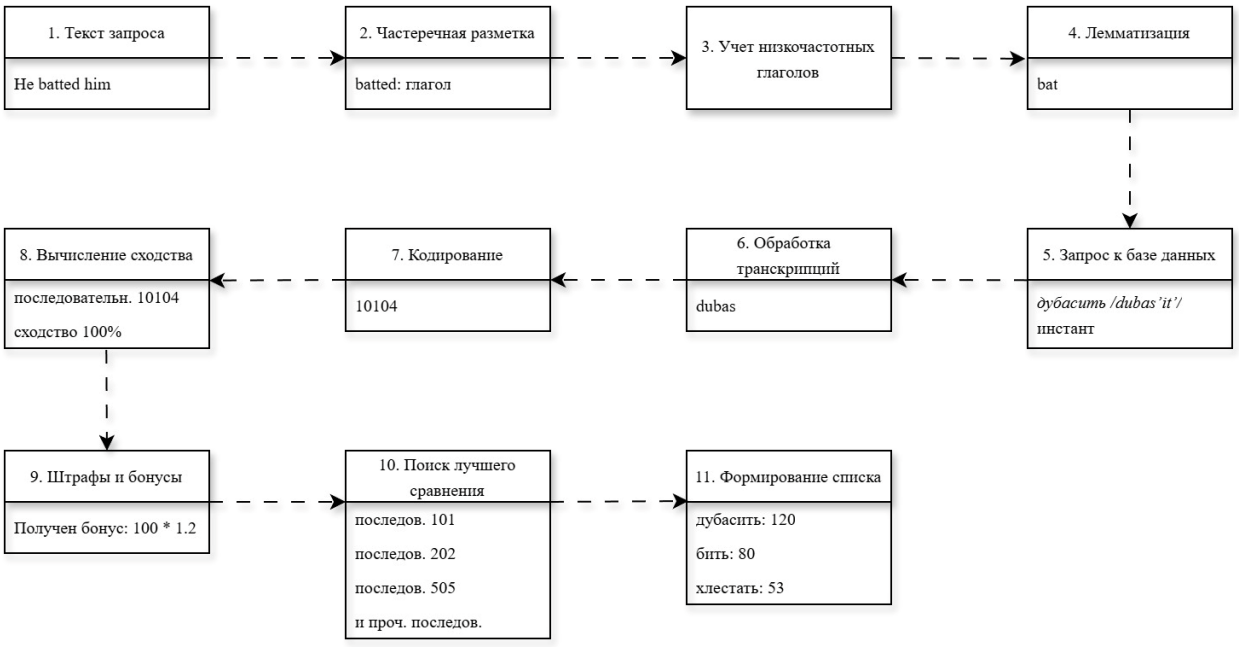


Рис. 2. Шаги скрипта фоносемантического анализа
Fig. 2. Phonosemantic analysis steps

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 189–203
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 189–203

Представляется необходимым рассмотреть, какие именно операции выполняет скрипт *фоносемантического анализа*, чтобы определить наиболее соответствующие по типу звукоизобразительности русскоязычные эквиваленты исходных английских глаголов движения.

Блок 1: входными данными *Python*-скрипта является текстовый ввод пользователя, прошедший все этапы валидации (слово, словосочетание, предложение, текст), в данном случае – *she batted him*.

Блок 2: перед измерением звуковой изобразительности необходимо обнаружить в текстовом вводе пользователя все лексические единицы, с которыми работает инструмент (в настоящей версии это глаголы движения). С использованием тяжеловесной языковой модели, предоставленной библиотекой *spaCy*, производится частеречная разметка текстового ввода. Таким образом скрипт оставляет для последующих операций только необходимые части речи, т. е. глаголы, в данном случае – *batted*.

Блок 3: нередки случаи, когда языковая модель ошибочно распознает глагол в качестве существительного (пример: *barrel* (сущ.) и *to barrel* (гл.)) или другой части речи. Чтобы обойти некорректную частеречную разметку и «заставить» инструмент смотреть на то или иное слово исключительно в качестве глагола, предусмотрена специальная проверка. Так, когда ни один глагол в запросе пользователя найден не был, скрипт проверяет, является ли первое слово в последовательности частицей *to*. Если частица *to* найдена, последующему слову сразу же присваивается глагольный статус.

Блок 4: обнаруженные глаголы подвергаются операции лемматизации, которая осуществляется с использованием библиотеки *spaCy*. Результатом данной операции становятся леммы (словарные формы) обнаруженных глаголов. Во избежание повторения словарных форм результаты лемматизации записываются внутрь множества (структура данных «множество» хранит только уникальные элементы).

Блок 5: данный блок соответствует **Шагу 4** работы инструмента (рис. 1). Скрипт фоносемантического анализа обращается к базе данных, осуществляя поиск по таблице *words* тех слов, которые совпадают с леммами глаголов внутри множества. Таким образом скрипт отделяет глаголы движения от словарных единиц прочих лексико-семантических групп. Далее, инструмент, используя *id* обнаруженных в базе глаголов движения, получает список их переводческих эквивалентов из таблицы *translations*. По завершении данного блока скрипт располагает следующей информацией о каждом глаголе движения: слово, транскрипция, класс звукоподражания, толкование, список переводческих эквивалентов и их транскрипций.

Блок 6: производится предобработка фонематических транскрипций переводческих эквивалентов – удаляются формообразующие суффиксы и символы палатализации. Данная операция оправдана тем фактом, что небольшое число формообразующих суффиксов является общим для большого числа слов. Кроме того, формообразующие суффиксы не способствуют возникновению звуковой изобразительности (по крайней мере, того типа, что является предметом рассмотрения в настоящем исследовании). Палатализация же не учитывается в имеющихся формулах звукоподражаний (ср. [6; 16]), из-за чего в настоящей версии инструмента ее приходится игнорировать. Таким образом, удаление данных элементов сродни очистке транскрипций от шумов.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 189–203
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 189–203

Блок 7: предобработанные транскрипции переводческих эквивалентов кодируются по словарю фонотипов (табл. 1) и превращаются в простые числовые последовательности (/*dubas/* (*дубасить*) → 10104).

Блок 8: вычисление сходства между числовой последовательностью эквивалента и формулами того класса звукоподражаний, к которому принадлежит оригинальное слово, с использованием расстояния Левенштейна. Рассмотрим работу данного блока на конкретном примере. Последовательность 10104 (*дубасить*), формула $\frac{\text{PLOS}}{\text{AFFR}} + \mathbf{VOC} + \frac{\mathbf{PLOS}}{\mathbf{AFFR}}$, вариации формулы, закодированные с использованием словаря фонотипов: 101, 202, 505, 102, 105, 201, 205, 501, 502. Вариация формулы 101 целиком входит в числовую последовательностью эквивалента 10104, следовательно, сходство равно 100 %. Вариация 102 неполностью входит в числовую последовательность 10104, необходимо сделать одну замену, следовательно, сходство равно 67 %.

Блок 9: применение системы штрафов и бонусов. Если *ядро* формулы присутствует в числовой последовательности эквивалента, сходство получает двадцатипроцентный бонус. Если *ядро* отсутствует, то сходство получает двадцатипроцентный штраф. Ядро формулы $\frac{\text{PLOS}}{\text{AFFR}} + \mathbf{VOC} + \frac{\mathbf{PLOS}}{\mathbf{AFFR}}$ – это 0 (гласный фонотип) и 1 (звонкий смычный) или 2 (глухой смычный) или 5 (аффриката). Последовательность 10104 эквивалента *дубасить* включает 0 и включает 1, значит, вариация 101 со сходством 100 % получает бонус и становится 120 %. Вариация 102 со сходством 67 % тоже получает бонус, т. к. принадлежит к этой же формуле, и становится 80,4 % (67*1,2). Размер штрафа/бонуса можно изменить вручную для каждой из формул.

Блок 10: поиск вариации, сравнение числовой последовательности с которой показывает наилучшее сходство. 120 % (вариация 101) больше, чем 80,4 % (вариация 102), значит эквивалент *дубасить* имеет 120 баллов звуковой изобразительности (конвертация процентов в баллы здесь условная и не играет важной роли).

Блок 11: составление списка переводческих эквивалентов, их звукоизобразительных баллов и его сортировка. Так, например, *дубасить* имеет 120 баллов, *ударять* – 80, а *хлестать* – 53.

Получившейся список передается программному интерфейсу веб-приложения, который отправляет его клиентской стороне, после чего в окне веб-браузера можно увидеть каждый из обнаруженных глаголов движения, их транскрипции и толкования, в рамках которых отбирались переводы, а также таблицы со списками эквивалентов, отсортированных по убыванию схожести звукоизобразительности этих эквивалентов и английского глагола движения, использованного в оригинальном тексте. Окончательное решение о выборе того или иного русскоязычного эквивалента остается за переводчиком.

Заключение. Представленный автоматизированный инструмент – помощник переводчика – использует уникальные методы отбора переводческих эквивалентов, а предлагаемые им варианты перевода обладают достаточной степенью звуковой изобразительности. Разработанный инструмент способен впоследствии стать полезным пополнением в арсенале любого литературного переводчика, так как умеет визуализировать звуковую изобразитель-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 189–203
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 189–203

ность лексических вариантов перевода, чем помогает специалисту выбрать из предложенного списка именно тот эквивалент, который наилучшим образом соответствует потребностям перевода и особенностям текста.

В дальнейшем планируется продолжить разработку инструмента в нескольких направлениях, в том числе: расширить область работы инструмента на другие группы звукоизобразительной английской лексики; автоматизировать первичный отбор переводческих эквивалентов по их лексической близости к оригиналу; автоматизировать транскрибирование отобранных переводческих эквивалентов; включить в используемый алгоритм учет ближайшего контекста иконической лексической единицы, подлежащей переводу; оптимизировать формулы классов русскоязычных звукоподражаний для наиболее точного сопоставления с англоязычными моделями звукоподражательных слов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Силинская Н. П. Аллюзии в художественном тексте как проблема перевода (на материале романов А. Брэдли и их переводов на русский язык) // Тез. докл. XLVIII Междунар. филол. науч. конф., СПб., 18–19 марта 2019 г. / СПбГУ. СПб., 2019. URL: https://conference-spbu.ru/en/conference/40/reports/11196/ (дата обращения: 10.01.2026).

2. Шамина Е. А. К вопросу о восприятии синестетических метафор в литературном тексте: экспериментальное исследование // Искусство звука и света: Галеевские чтения – 2023: материалы XX Междун. науч.-практ. конф. «Прометей-2023», Казань, 30 июня – 4 июля 2023 г. / Казань: Изд-во АНРТ, 2023. С. 347–351.

3. Беседина Е. И. К вопросу о функционировании звукоизобразительных глаголов движения (на материале романа Брайана Джейкса «Воин Редволла») // Актуальные проблемы языкознания. 2019. Т. 1. С. 239–243.

4. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник. М.: Высш. шк., 1990.

5. Shamina E. A., Besedina E. I., Veselova M. V. By Any Other Name Would It Smell Just as Sweet? Or How to Learn to Translate Iconic Lexis // The Magic of Innovation: Outlook for Linguistics and Language Teaching in the Present Context. 2024. Vol. 6, № 2. P. 635–641. DOI: 10.24833/2949-6357.2024.ShBV.2

6. Воронин С. В. Основы фоносемантики. 2-е изд., стереотип. М.: ЛЕНАНД, 2006.

7. Magnus M. What's in a word? Studies in Phonosemantics: Dr. Sci. (Philosophy) Thesis / NTNU. Trondheim, 2020.

8. Флаксман М. А. Классификация звукоизобразительной лексики по способу имитации // LIII Междунар. филол. науч. конф. им. Л. А. Вербицкой: тез. докл. СПб., 25–31 марта 2025 г. / СПбГУ. СПб., 2025. С. 994–995.

9. Журавлев А. П. Фонетическое значение. Л.: ЛГУ, 1974.

10. Шляхова С. С. О состоянии фоносемантики в России. Статья третья. Российские фоносемантические школы и центры // Вопросы психолингвистики. 2020. № 2 (44). С. 124–145. DOI: 10.30982/2077-5911-2020-44-2-124-145

11. Nuckolls J. B. The case for sound symbolism // Annual Review of Anthropology. 1999. Vol. 28. P. 225–252. DOI: https://doi.org/10.1146/annurev.anthro.28.1.225

12. Voronin S. V. Iconicity. Glottogenesis. Semiosis: sundry papers. SPb.: St. Petersburg State Univ., 2005.

13. Шамина Е. А. Звукоподражательная валентность глаголов движения (на материале английского языка) // 50-я Междунар. филол. науч. конф. им. Л. А. Вербицкой: тез. докл., СПб., 15–23 марта 2022 г. / СПбГУ. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022. С. 306–307.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 189–203
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 189–203

14. Лихоманова Л. Ф. Семантическая филиация английских звукоизобразительных глаголов движения: автореф. дис. ... канд. филол. наук / ЛГУ. Ленинград, 1986.

15. Хеймонен Н. К. Звукоподражательная валентность английских глаголов движения: дипломная работа бакалавра / СПбГУ. СПб., 2019.

16. Мюллер В. К. Самый полный англо-русский словарь с современной транскрипцией. М.: АСТ, 2020.

17. Мультитран. URL: https://www.multitran.com/ (дата обращения: 07.05.2026).

18. Шляхова С. С. Тень смысла в звуке. Введение в русскую фоносемантику: учеб. пособие. Пермь: Изд-во ПГПУ, 2003.

19. Флаксман М. А. Словарь английской звукоизобразительной лексики в диахроническом освещении. СПб.: Изд-во РХГА, 2016.

20. Шамина Е. А., Голованов Е. О. Звукоизобразительные глаголы движения в художественной литературе: виртуальный помощник переводчика // Современные исследования звучащей речи 2025: сб. науч. ст. Минск: Изд-во БГУИЯ, 2024. С. 58–63.

Информация об авторах

Голованов Егор Олегович – аспирант кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор трех научных публикаций. Сфера научных интересов: компьютерная лингвистика, фоносемантика, перевод.

Шамина Елена Анатольевна – кандидат филологических наук (1988), доцент кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7–9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор более 70 научных публикаций. Сфера научных интересов: фонетика, методика преподавания иностранных языков, фоносемантика.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 27.01.2026; принята после рецензирования 01.04.2026; опубликована онлайн 23.06.2026.

REFERENCES

1. Silinskaya, N.P. (2019), “Allusions in fiction as a translation problem (based on A. Bradley's novels and their translations into Russian)”, *XLVIII Int. Sci. Philological conf.*, SPb., RUS, 18–19 March 2019, available at: https://conference-spbu.ru/en/conference/40/reports/11196/ (accessed 10.01.2026).

2. Shamina, E.A. (2023), “On the issue of perception of synesthetic metaphors in a literary text: an experimental study”, *The Art of Sound and Light: Galey Readings – 2023*, *Proc. of the XX Int. Sci. and Practical Conf.*, (Prometheus-2023), Kazan, RUS, 30 June – 4 July 2023, pp. 347–351.

3. Besedina, E.I. (2019), “On the issue of iconic verb functioning in James Brian Jacques’s novel "Redwall"”, *Current Issues of Linguistics – CIL*, vol. 1, pp. 239–243.

4. Komissarov, V.N. (1990), *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [Translation theory (linguistic aspects)], Vysshaya shkola, Moscow, USSR.

5. Shamina, E.A., Besedina, E.I. and Veselova, M.V. (2024), “By Any Other Name Would It Smell Just as Sweet? Or How to Learn to Translate Iconic Lexis”, *The Magic of Innovation: Outlook for Linguistics and Language Teaching in the Present Context*, vol. 6, no. 2, pp. 635–641. DOI: 10.24833/2949-6357.2024.ShBV.2

6. Voronin, S.V. (2006), *Osnovy fonosemantiki* [Fundamentals of phonosemantics], LENAND, Moscow, RUS.

7. Magnus, M. (2020), “What’s in a word? Studies in Phonosemantics”, Dr. Sci. (Philosophy) Thesis, NTNU, Trondheim, NOR.

8. Flaksman, M.A. (2025), “Classification of iconic vocabulary based on the method of imitation”, *LIII Int. Sci. Philological Conf.*, SPb., RUS, 25–31 March 2025, pp. 994–995.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 189–203
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 189–203

9. Zhuravlev, A.P. (1974), *Foneticheskoe znachenie* [Phonetic meaning], Leningrad State Univ., Leningrad, USSR.

10. Shlyakhova, S.S. (2020), "On phonosemantics in Russia. Article #3. Russian phonosemantic science schools and centres", *J. of Psycholinguistics*, no. 2 (44), pp. 124–145. DOI: 10.30982/2077-5911-2020-44-2-124-145

11. Nuckolls, J. B. (1999), "The case for sound symbolism", *Annual Review of Anthropology*, vol. 28, pp. 225–252. DOI: https://doi.org/10.1146/annurev.anthro.28.1.225

12. Voronin, S.V. (2005), *Iconicity. Glottogenesis. Semiosis: sundry papers*, SPbU, SPb., RUS.

13. Shamina, E.A. (2022), "Onomatopoeic valency of motion verbs in English", *50th Int. Sci. Philological Conf*., SPb., RUS, 15–23 March 2022, pp. 306–307.

14. Likhomanova, L.F. (1986), "Semantic filiation of English onomatopoeic verbs of motion", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, Leningrad State Univ., Leningrad, USSR.

15. Kheimonen, N.K. (2019), "Onomatopoeic valency of English verbs of motion", Bachelor's Thesis, SPbSU, SPb., RUS.

16. Myuller, V.K. (2020), *Samyi polnyi anglo-russkii slovar' s sovremennoi transkriptsiei* [The most complete English-Russian dictionary with modern transcription], AST, Moscow, RUS.

17. *Multitran*, available at: https://www.multitran.com/ (accessed 07.05.2026).

18. Shlyakhova, S.S. (2003), *Ten' smysla v zvuke. Vvedenie v russkuyu fonosemantiku* [The Shadow of Meaning in Sound: An Introduction to Russian Phonosemantics], PGPU, Perm, RUS.

19. Flaksman, M.A. (2016), *Slovar' angliiskoi zvukoizobrazitel'noi leksiki v diakhronicheskom osveshchenii* [Dictionary of English sound-symbolic vocabulary in diachrony], Izd-vo RHGA, SPb., RUS.

20. Shamina, E.A. and Golovanov, E.O. (2025), "Iconic verbs of motion in fiction writing: the translator's virtual assistant", *Sovremennye issledovaniya zvuchashchej rechi* [Contemporary Studies of Oral Speech], Belorussia State Univ. of Foreign Languages, Minsk, BLR, pp. 58–63.

Information about the authors.

Egor O. Golovanov – Postgraduate Student at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 3 scientific publications. Area of expertise: computational linguistics, phonosemantics, translation.

Elena A. Shamina – Can. Sci. (Philology, 1988), Associate Professor at the Department of Phonetics and Foreign Language Teaching Methodology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of more than 70 scientific publications. Area of expertise: phonetics, foreign language teaching methodology, phonosemantics.

No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 27.01.2026; adopted after review 01.04.2026; published online 23.06.2026.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 204–219
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 204–219

Оригинальная статья
УДК 81'27:13
http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-3-204-219

Языковая ситуация и культурная идентичность Русского Севера: перспективы междисциплинарного исследования

***Любовь Александровна Ульяницкая*[1]✉, *Любовь Сергеевна Московчук*[2], *Олег Николаевич Гусев*[3], *Андрей Арнольдович Шумков*[4]**

[1, 2, 3, 4]*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия*
[1]✉*ulianitckaia_liubov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0163-3243*
[2]*lsmoskovchuk@etu.ru, https://orcid.org/0000-0002-0756-4189*
[3]*spokapitel@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0005-8960-4218*
[4]*noizen@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7326-4371*

Введение. Понятие «Русский Север» описывает историко-культурный регион с дискуссионными границами, нередко соотносимый с термином «Европейский Север». Регион характеризуется полиэтничностью и контактным взаимодействием русского и финно-угорских народов, что обусловило формирование сложной, многослойной культурной идентичности, в которой сочетаются общерусские и локально-этнические элементы, проявляющиеся в специфике историко-культурного развития и языковых практик населения.

Методология и источники. Методологическую основу исследования составляют нарративный и диалогический подходы, систематический анализ научных текстов, сравнительно-сопоставительный метод, логико-методологическая реконструкция, методы лингвогеографии, социолингвистики и диалектологии. Эмпирическую базу образуют публикации по проблемам культурной идентичности в исследованиях Русского Севера и языковой ситуации в полиэтнических регионах.

Результаты и обсуждение. Русский Север в социолингвистическом и культурно-философском аспектах представляет собой зону длительного межэтнического и межъязыкового контакта, где взаимодействие русского и финно-угорских языков привело к формированию билингвизма, спровоцировало языковой сдвиг и послужило основой для становления гибридной идентичности населения; лингвистические исследования (включая изучение субстратной лексики, топонимии и диалектов) подтверждают глубокое влияние финно-угорского наследия на русские говоры региона, при этом современная языковая ситуация характеризуется сосуществованием доминирующего русского языка с уязвимыми и исчезающими языками коренных народов (вепсским, ижорским, водским, карельским и др.), функционирующими в условиях ограниченного использования.

Заключение. Перспективы исследования языковой ситуации и культурной идентичности Русского Севера связаны с расширением эмпирической базы за счет новых источников, включая цифровые языковые корпусы, я-документы (дневники, автобиографии, личные письма), учебную литературу для билингвальных регионов и материалы повседневной коммуникации. Эти данные позволят более точно отслеживать динамику идентичности в реальных социальных и институциональных практиках.

© Ульяницкая Л. А., Московчук Л. С., Гусев О. Н., Шумков А. А., 2026
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 204–219
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 204–219

Ключевые слова: Русский Север, культурная идентичность, гибридная идентичность, третье пространство культуры, коренные народы, финно-угорская группа языков, билингвизм, диалектология, социолингвистика

Для цитирования: Языковая ситуация и культурная идентичность Русского Севера: перспективы междисциплинарного исследования / Л. А. Ульяницкая, Л. С. Московчук, О. Н. Гусев, А. А. Шумков // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 204–219. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-3-204-219

Original paper

The Linguistic Situation and Cultural Identity of the Russian North: Prospects for Interdisciplinary Research

***Liubov A. Ulianitckaia*[1]✉*, Lyubov S. Moskovchuk*[2]*, Oleg N. Gusev*[3]*, Andrey A. Shumkov*[4]**

[1, 2, 3, 4]*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*
[1]✉*ulianitckaia_liubov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0163-3243*
[2]*lsmoskovchuk@etu.ru, https://orcid.org/0000-0002-0756-4189*
[3]*spokapitel@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0005-8960-4218*
[4]*noizen@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7326-4371*

Introduction. The concept of the "Russian North" represents a historical and cultural region with debatable boundaries, often associated with the term "European North. The region is characterized by multi-ethnicity and close contact between Russians and Finno-Ugric peoples, which has led to the development of a complex, multilayered cultural identity that combines pan-Russian, local, and ethnic elements, manifested in the specific historical and cultural development and linguistic practices of the population.

Methodology and sources. The methodological basis of the study consists of narrative and dialogic approaches, systematic analysis of scientific texts, comparative and contrastive methods, logical and methodological reconstruction, and methods of lingual geography, sociolinguistics, and dialectology. The empirical base consists of publications on issues of cultural identity in studies of the Russian North and the linguistic situation in multiethnic regions.

Results and discussion. The Russian North, in sociolinguistic and cultural-philosophical aspects, represents a zone of long-term interethnic and interlingual contact, where the interaction of Russian and Finno-Ugric languages led to the formation of bilingualism, provoked language shift, and served as the basis for the development of a hybrid identity among the population. Linguistic research (including studies of substrate vocabulary, toponymy, and dialects) confirms the profound influence of the Finno-Ugric heritage on the region's Russian dialects. The current linguistic situation is characterized by the coexistence of the dominant Russian language with vulnerable and endangered indigenous languages (Veps, Izhorian, Votic, Karelian, and others), functioning under conditions of limited use and partial preservation.

Conclusion. Future research into the linguistic situation and cultural identity of the Russian North relies on expanding the empirical base with new sources, including digital language corpora, self-documents (diaries, autobiographies, personal letters), educational literature for bilingual regions, and everyday communication materials. These data will allow for more accurate tracking of identity dynamics in real social and institutional practices.

Keywords: Russian North, cultural identity, hybrid identity, third cultural space, indigenous peoples, Finno-Ugric language group, bilingualism, dialectology, sociolinguistics

For citation: Ulianitckaia, L.A., Moskovchuk, L.S., Gusev, O.N. and Shumkov, A.A. (2026), "The Linguistic Situation and Cultural Identity of the Russian North: Prospects for Interdisciplinary Research", *DISCOURSE*, vol. 12, no. 3, pp. 204–219. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-3-204-219

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 204–219
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 204–219

Введение. Понятие «Русский Север» не имеет универсального, законодательно закрепленного определения, так как это не столько административная единица, сколько историко-культурный феномен. В силу того, что формирование этого края происходило в тесном взаимодействии с остальной европейской частью страны, понятие «Европейский Север» точнее передаёт его сущность и значение, хотя на практике оба термина нередко выступают как взаимозаменяемые [1]. Вопрос о границах этого региона является открытым, не имеет единогласного решения и трактуется как в узких строгих рамках, так и в более «расплывчатых» и широких. Ряд исследователей считает, что не следует ограничивать понятие «Русский Север» пределами бывшей Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний, а распространить его значительно шире и включить в границы территории северо-восток бывшей Санкт-Петербургской губернии, а также бывшей Новгородской и Тверской, и северной части Костромской губернии [2, с. 4]. В настоящее время, как правило, под Русским Севером подразумевают территорию от междуречья Волги и Сухоны до Белого и Баренцева морей, включающую современные Архангельскую, Вологодскую, Мурманскую области, север Ленинградской области, а также Республику Карелия и Республику Коми. Западную и восточную границы составляют контактные зоны русских с карелами и коми народами. Культура этих этносов, развивавшаяся под сильным севернорусским влиянием, сохранила национальную специфику, как отчасти сохранили ее и расселенные среди русских небольшие группы вепсов, ижоры, води и ингерманландских финнов. Ярко выраженную этническую специфику имеют на востоке Русского Севера пермские народы: коми-зыряне, пермяки и удмурты [1]. Это объясняется как более поздним вступлением в контакты с севернорусским населением, так и особенностями социально-экономического развития. На юге граница довольно размыта и представляет собой «транзитный» ареал между севернорусской и среднерусской зонами.

Такая полиэтничная и подвижная в своих границах среда закономерно порождает сложную, многослойную структуру культурной идентичности, где общерусские, локальные и финно-угорские элементы формируют уникальные механизмы самовосприятия. Осмысление этого феномена требует обращения как к историко-культурным основам региона, так и к языковым практикам его жителей.

Методология и источники. Исследования культурной идентичности сталкиваются с фундаментальной трудностью ее строгого определения. Как отмечает В. С. Малахов, вокруг термина «идентичность» сложилась парадоксальная ситуация «слепой веры» в его ясность, тогда как на деле понятия «культурная», «этническая» и «национальная» идентичность используются как взаимозаменяемые, хотя за каждым стоит разная теоретическая традиция [3].

В рамках социогуманитарного знания онтологический вопрос об идентичности как социальной категории рассматривается с трех основных методологических позиций. С точки зрения примордиализма, идентичность обладает объективной природой, и постулируется К. Гирцем через культурно-психологическую данность происхождения, языка, обычаев [4]. В рамках инструментализма П. Брасса, идентичность создается и используется лидерами групп для конкуренции за власть и ресурсы [5]. Конструктивистский подход Б. Андерсона предполагает определение идентичности через «воображаемые сообщества» [6]. Однако каждый из этих ставших уже классическими подходов в отдельности не позволяет описать сложную многомерную структуру культурной идентичности, включающую различные,

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 204–219
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 204–219

подчас гетерогенные формы коллективного самоопределения, а также динамику идентичности людей, существующих в условиях культурного пограничья и гибридных пространств, что требует выхода за рамки монодисциплинарных моделей.

Методологическую основу исследования составляют нарративный и диалогический подходы, позволяющие рассматривать культурную идентичность как динамический процесс, разворачивающийся в условиях «текучей современности» (З. Бауман). Сложность и многомерность исследуемого явления обусловливают необходимость комплексной междисциплинарной методологии, интегрирующей философский, культурологический, лингвистический и социоантропологический инструментарий.

Для полноценного анализа языковой ситуации и культурной идентичности на Русском Севере необходимо обратиться к методологии социолингвистики, диалектологии и лингвогеографии. Мы предлагаем рассматривать регион как пространство активных контактов между литературным русским языком, говорами русского языка и финно-угорскими языками, анализируя степень витальности языков коренных народов и такие явления, как переключение и смешение кодов, языковой сдвиг и формирование гибридных идиомов. В свою очередь диалектологический подход через изучение речевых практик в конкретных локальных сообществах позволяет зафиксировать особые черты используемых информантами языков и диалектов, а лингвогеографические методы позволяют построить изоглоссы распространения изучаемых идиомов.

В работе применяются следующие методы, основанные на принципах междисциплинарности и системного анализа: систематический анализ научных текстов, позволяющий выявить ключевые концептуальные подходы к изучению культурной идентичности и языковой ситуации Русского Севера; сравнительно-сопоставительный метод, используемый для систематизации различных исследовательских позиций; логико-методологическая реконструкция, направленная на построение иерархической модели идентичности; а также методы лингвогеографии, социолингвистики и диалектологии. Эмпирическую базу составляют публикации по проблемам культурной идентичности в исследованиях Русского Севера и языковой ситуации в полиэтнических регионах.

Результаты и обсуждение. С точки зрения социолингвистики и философии культуры Русский Север – это в первую очередь уникальная зона длительного и интенсивного межэтнического, межъязыкового и межкультурного контакта, территория – «плавильный котёл», где на протяжении почти двух тысячелетий взаимодействовали носители языков индоевропейской и уральской семей. Эти контакты носили не эпизодический характер, а представляли собой глубинную интеграцию, затронувшую все уровни культуры, языковой системы и коммуникативного поведения. В этом регионе отчетливо наблюдается процесс языковой и культурной ассимиляции, распространения билингвизма, постепенного языкового сдвига, где местный субстрат сыграл ключевую формообразующую роль в создании гибридной идентичности жителей Русского Севера.

Лингвистические исследования Русского Севера. Лингвистически значимо, что славянское заселение южной части Фенноскандии, исследуемого нами региона, происходило не на «пустом месте», а на территории с уже сложившейся богатой языковой традицией, созданной носителями финно-угорских языков. Исследованию финно-угорского субстрата

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 204–219
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 204–219

на территории Русского Севера посвящено значительное количество трудов, в которых описываются топонимические и диалектные особенности, проявляющиеся в русских народных говорах. Основополагающий вклад в изучение этого вопроса внес выдающийся российский лингвист, член-корреспондент РАН А. К. Матвеев. Опираясь на полевые материалы созданной им в 1961 г. топонимической экспедиции Уральского университета, ученый разработал новые методы сбора и интерпретации топонимии. Итогом его многолетней работы стала фундаментальная четырехтомная монография «Субстратная топонимия Русского Севера» [7], в которой автор не только систематизировал серьезный пласт финно-угорских названий (рек, озер, урочищ), но и реконструировал на их основе древнейшие этнокультурные процессы, включая выделение особого «мерянского типа» топонимии, связывающего Север с центральными областями России.

Продолжателями этой традиции выступили его ученики и коллеги. С. А. Мызников в докторской диссертации и последующих работах провел фундаментальный этимологический и лингвогеографический анализ лексики финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада. О. В. Востриков посвятил отдельное учебное пособие систематизации финно-угорского субстрата в русском языке. Исследования О. А. Теуш [8] посвящены выявлению и анализу новых пластов коми заимствований в севернорусских говорах, в том числе в географической терминологии. Важный вклад в изучение прибалтийско-финского влияния внесли И. А. Кюршунова (анализ номинаций говорения в русских говорах Карелии) и Л. А. Феоктистова (этимология отдельных лексем). Н. В. Кабинина занимается вопросами финно-угорского субстрата в топонимике Русского Севера [9]. Т. И. Киришева защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук в 2006 г. по теме «Русская топонимия финно-угорского происхождения на территории Онежского полуострова» [10].

Всё это наглядно доказывает существующий и развивающийся научный интерес к языковой ситуации Русского Севера, а сложившиеся научные школы, занимающиеся разработкой этих вопросов, указывают на глубокую социолингвистическую и диалектальную традиции. Кроме Уральской ономастической школы (Екатеринбург), которую основал А. К. Матвеев, а сегодня возглавляют Е. Л. Березович и М. Э. Рут, Русским Севером также занимается ряд других российских школ. Например, Санкт-Петербургская (Ленинградская) школа этнолингвистики, в рамках деятельности которой с 1984 г. организуются систематические экспедиции по сбору памятников духовной культуры, включая заговоры и причитания в точной фонетической транскрипции, фиксируются также мифы, легенды, записывается бытовая народная речь. К 2023 г. состоялось уже 34 экспедиции в различные районы Русского Севера [11]. Разработчик программы экспедиции и основатель собрания-архива – профессор СПбГУ О. А. Черепанова (1936–2022). Другая школа сформировалась вокруг доктора филологических наук, заведующего отделом диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка Института лингвистических исследований РАН С. А. Мызникова. Исследования С. А. Мызникова, посвященные лексике финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада, позволяют не только установить этимологию, но и проследить ареалы распространения субстратной лексики. Ключевые труды основателя школы – монография «Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада», выявляющая типы финно-угорского субстрата (общеприбалтийско-финский, вепсский, карель-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 204–219
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 204–219

ский, водско-эстонский, саамский, коми) методом лингвогеографического анализа, а также «Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада», содержащий 66 карт по тематическим разделам (растительный и животный мир, демонология, рыболовство и др.) [12]. В традициях диалектологии ведет свою деятельность Петрозаводская школа, сформировавшаяся под руководством доктора филологических наук Н. В. Марковой (кафедра русского языка ПетрГУ). Ключевое внимание в работах школы уделяется анализу живых говоров и использованию материалов диалектологических экспедиций для создания научной базы. Главный объект их внимания – поморские говоры Карелии и побережья Белого моря, исследование которых показывает общность основных структурных черт поморских говоров на широкой территории и фиксирует уникальные лексемы, отсутствующие в академических словарях. Здесь зафиксировано фонетическое явление – полное оканье, а также яркие архаичные черты в лексике, связанные с морским промыслом, рыболовством и бытом.

Таким образом, все эти научные школы, несмотря на разницу в методах и акцентах, сходятся в осознании исключительной ценности живой народной речи. Комплексный анализ субстратной лексики, диалектной фонетики, топонимии и духовной культуры, проводимый в рамках этих школ, позволяет не только реконструировать древние этноязыковые контакты, но и сохранить для науки уникальное лингвистическое наследие Русского Севера.

Языковая ситуация Русского Севера. Русский Север представляет собой уникальную в лингвистическом отношении территорию: с одной стороны, здесь распространены русские говоры, восходящие к славянской ветви индоевропейской семьи, с другой – языки финно-угорской группы уральской семьи. Эпоха активной и длительной русификации привела к значительному сокращению ареалов исторически распространенных на данной территории финно-угорских языков и к формированию сложной языковой картины региона. Сегодня следы финно-угорских языков в первую очередь обнаруживаются в русских говорах – в виде субстратной лексики и топонимии. Тем не менее на периферии Русского Севера, до сих пор бытует несколько региональных языков коренных народов.

Славянская группа представлена прежде всего русским языком в его севернорусском наречии. Важно подчеркнуть, что это наречие не является монолитным: оно распадается на несколько крупных диалектных массивов, среди которых традиционно выделяют ладоготихвинские, вологодские, онежские, белозерские и поморские (архангельские) говоры [13]. Именно эти говоры составляют материальную основу так называемой «духовной культуры Русского Севера», поскольку особенности произношения, грамматики и лексики напрямую связаны с традиционными верованиями, обрядами и повседневным укладом местного населения. Особого внимания заслуживают вологодские говоры. Их ключевыми чертами являются полное оканье (различение безударных [о] и [а]), ёканье и, что особенно важно, наличие мощного вепсского субстрата [14]. И поморские (архангельские) говоры, демонстрирующие языковое единство на огромной территории, что проявляется в частности в двусоставных бытийных предложениях и архаичных падежных формах, объединяющих говоры Заонежья, Беломорья и Пудожья [15].

Финно-угорские языки Русского Севера представляют собой не пассивный «след прошлого» в виде лексического субстрата северных говоров, но живые – пусть и во многом уязвимые – языковые системы.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 204–219
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 204–219

Вепсский язык занимает среди них особое положение как один из наиболее архаичных. Диалектологическое членение выделяет три основных ареала: северный (Карелия), средний (Бабаевский, Вытегорский районы Вологодской обл.) и южный (Тихвинский, Бокситогорский районы Ленобласти). По классификации ЮНЕСКО вепсский язык квалифицируется как «уязвимый»: согласно переписи 2021 г., численность носителей сократилась до 925 человек (с 1380 в 2010 г.). Несмотря на это, именно в вепсской среде сегодня наблюдается наиболее оптимистичная динамика языкового активизма. В Подпорожском районе Ленинградской области успешно внедряется модель «языкового гнезда» – методики погружения детей в языковую среду без перевода, что позволяет формировать новое поколение носителей. Вепсская община проводит этнодиктанты, регулярно организует праздник «Древо жизни» в селе Винницы, а также обучает взрослых на курсах родного языка.

Ижорский язык находится в значительно более уязвимом положении – в «серьезной опасности» по шкале ЮНЕСКО. Перепись 2021 г. фиксирует около 116 ижорцев, говорящих на двух сохранившихся из четырех диалектов ижорского языка: сойкинском и нижнелужском. Как подчеркивает О. И. Конькова, российский этнограф, основательница и первый директор Центра коренных народов Ленинградской области [16], ижорский язык имел письменность в 1930-х гг., что на время приостановило его угасание, однако репрессии против национальных школ и последующая языковая политика отбросили этот процесс назад. Важную роль в сохранении языкового и культурного наследия ижоров сегодня играет местная община «Шойкула», объединяющая носителей языка и энтузиастов его возрождения. По инициативе общины в сельских поселениях устанавливаются двуязычные указатели, организуются языковые курсы и фольклорные мероприятия, что создает видимые маркеры присутствия ижорского языка в публичном пространстве и способствует передаче традиции новым поколениям.

Наиболее драматична судьба языка одного из древнейших коренных этносов на северо-западе российской территории – водского языка, находящегося на грани полного исчезновения. На сегодняшний день язык этого народа сохранился лишь у нескольких десятков представителей старшего поколения (не более двадцати человек), и бытует в двух деревнях Кингисеппского района Ленинградской области – Краколье и Лужицы [17]. Причины такого угасания типичны для многих малых языков: утрата межпоколенческой передачи, доминирование русского языка, исторические депортации. Несмотря на критическое состояние языка, в последние годы активистами и энтузиастами предпринимаются значительные усилия по его возрождению. Например, запущен проект «VADDA. Новая жизнь языка и культуры народа водь» [18], в рамках которого действует онлайн-курс водского языка, переизданы водские сказки в формате раскраски и снят фильм о быте и культуре вожан. В деревне Лужицы функционирует единственный в стране музей водской культуры. Водская общественная организация «Vađđa kiel» («Водский язык») координирует усилия по сохранению языка: проводятся языковые курсы в библиотеках Петербурга, факультативные занятия в школах Усть-Луги, а также фестивали водского языка.

Ингерманландский финский, сформировавшийся на территории Ингерманландии в результате миграции финского населения в XVII–XIX вв., происходит из юго-восточных диалектов финского языка. По классификации ЮНЕСКО, статус ингерманландского финского оценивается как «под существенной угрозой исчезновения», так как межпоколенческая передача

языка практически прервана. Традиционные ареалы проживания ингерманландских финнов охватывают ряд районов Ленинградской области (Всеволожский, Гатчинский, Ломоносовский, Волосовский, Кингисеппский, Тосненский, Кировский), однако вследствие дисперсного характера расселения ингерманландские финны во всех населенных пунктах проживания составляют меньшинство. Значительная часть ингерманландских финнов также проживает в Санкт-Петербурге [19]. В настоящее время языковые активисты предпринимают попытки возрождения языка через создание курсов в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, а также поддерживают традиции финского лютеранского пения и фольклорные коллективы.

Саамские языки, представленные на территории Русского Севера несколькими идиомами (прежде всего кильдинским саамским и бабинским саамским), распространены в Мурманской области. Количество носителей саамских языков не превышает 100 человек. Как отмечает профессор Мурманского арктического университета (МАУ) В. Б. Бакула, специалист по кильдинскому саамскому языку, ключевая проблема заключается в отсутствии полноценной языковой среды и утрате механизмов естественной передачи языка от поколения к поколению [20]. Вместе с тем в последние годы активизировались усилия по их ревитализации: в Мурманской области действует Центр поддержки языков коренных малочисленных народов Российской Федерации на базе МАУ, проводятся языковые курсы, выпускается учебная и художественная литература на кильдинском саамском. Языковые активисты используют цифровые платформы и социальные сети для популяризации языка, однако как и в случае с другими малыми языками региона, эти усилия сталкиваются с ограниченностью ресурсов и отсутствием системной государственной поддержки на местах.

Карельский язык на территории России представлен тремя основными наречиями: собственно карельским (северные и средние районы Карелии), ливвиковским (Олонецкая равнина, южная Карелия) и людиковским (Прионежье). Диалектное членение существенно затрудняет выработку единой письменной нормы, что на протяжении XX в. оставалось одной из ключевых проблем языкового планирования [21]. Согласно Всероссийской переписи 2021 г., численность карелов в России составляет около 32 000 чел., однако активных носителей языка значительно меньше. По оценкам исследователей, свободно владеют карельским языком не более 10–15 % этнических карелов, преимущественно представители старшего поколения (70+ лет). Несмотря на тревожную статистику, в карельской среде сегодня наблюдаются устойчивые формы языкового активизма, во многом сопоставимые с вепсскими. Ключевым достижением последних лет стало создание и функционирование «языкового гнезда» в селе Ведлозеро Пряжинского национального района Карелии, организованного на базе Карельской региональной общественной организации «Дом карельского языка».

Коми язык относится к пермской подгруппе финно-угорских языков уральской семьи. На территории Европейского Севера России он представлен двумя основными литературными формами: коми-зырянским (Республика Коми, Ненецкий автономный округ, Архангельская область) и коми-пермяцким (Коми-Пермяцкий округ Пермского края). По сравнению с другими финно-угорскими языками Русского Севера коми язык находится в относительно устойчивом положении благодаря официальному статусу государственного языка в Республике Коми, однако этим статусом наделен только коми-зырянский вариант, при этом на сегодняшний день отмечается начало языкового сдвига. По данным Всероссийской пе-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 204–219
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 204–219

реписи 2021 г., численность носителей коми-зырянского и коми-пермяцкого составляет около 200 000 чел., с перевесом в сторону коми-зырянского [22].

Длительное соседство русского и финно-угорского населения привело к формированию устойчивого билингвизма. Этот контакт порождает два ключевых явления. Во-первых, отмечается интерференция – неосознанный перенос языковых норм родного языка на русскую речь. Во-вторых, переключение кодов – скорее осознанный переход с одного языка на другой в зависимости от ситуации общения. На Русском Севере наблюдается не просто заимствование отдельных лексем, а сложная система переключения кодов, которую в контактологии принято называть «диагональным билингвизмом» – когда родной язык говорящего структурно отличается от доминирующего языка окружения. На практике это выражается по-разному в зависимости от конкретного этноса. В среде вепсов, проживающих в Ленинградской и Вологодской областях, старшее поколение еще использует этнический язык в быту, однако повседневная лексика, связанная с «внешним миром» (администрация, магазины, техника), уже используется по-русски; в речи наблюдается смешение кодов, когда в одной фразе соседствуют вепсские и русские синтаксические единицы. У ижорцев и води на территории Кингисеппского района Ленинградской области переключение кодов приобретает еще более явный характер. Носители, число которых исчисляется десятками, переходят на русский язык при обсуждении любых тем, выходящих за пределы узкого круга традиционного быта (огород, дом), а на родном языке говорят только о самом сакральном или о прошлом. Еще более сложная картина наблюдается у саамов Кольского полуострова. Саамско-русский билингвизм в XX в. прошел путь от массового бытового двуязычия к ситуации «языкового сдвига», при котором обращение к своему национальному языку выполняет не столько коммуникативную, сколько символическую функцию – маркера этнокультурной идентичности.

Изучение этих процессов невозможно без лингвистических экспедиций. Лингвистическая экспедиция представляет собой организованный выезд исследователей (лингвистов, диалектологов, этнографов, антропологов) в регион бытования живой народной речи с целью ее фиксации, систематизации и последующего анализа. В отличие от кабинетной работы с письменными источниками, экспедиция позволяет зафиксировать язык в его естественной среде – в ситуации спонтанного бытового общения, в контексте традиционных промыслов и повседневной семейной коммуникации. Экспедиции позволяют изучить лингвистический ландшафт – например, фиксировать, на каком языке написаны вывески на сельских магазинах, объявления на доске в администрации, информационные таблички у храма или кладбища. На Русском Севере этот метод выявляет яркий контраст: топонимические указатели на саамском или вепсском часто выполнены как имитация или дань этническому туризму, в то время как реальная межличностная коммуникация остается исключительно русскоязычной. Без выездных наблюдений такой разрыв между «декоративной» и «живой» языковой политикой был бы невидимым.

Важно подчеркнуть и обратный процесс: экспедиции не только позволяют получить языковой материал, но и влияют на языковое самосознание местных сообществ. Приезд профессиональных лингвистов, интерес к родному языку, публикации диалектных словарей и создание аудиоархивов часто становятся спусковым механизмом для языкового активизма. Таким образом, научная экспедиция перестает быть нейтральным инструментом наблюдения и становится фактором сохранения языкового разнообразия.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 204–219
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 204–219

Культурная идентичность как категория лингвофилософского исследования. Альтернативу монодисциплинарным моделям культурной идентичности предлагает нарративный подход, который позволяет описать динамику идентичности, не сводя ее к статичным свойствам. Как отмечает П. Рикёр в работе «Я-сам как другой», идентичность есть не статичное свойство, а нарративная структура самости, которая обеспечивает и постоянство характера и «приобретенных предрасположенностей», благодаря чему действие и действующий субъект связываются в единую историю [23].

Эта текучая неопределенность особенно проявляется в феномене гибридной идентичности. Традиционно гибридность понималась как удел маргиналов, но сегодня она все чаще становится категорией для анализа социокультурной динамики. М. М. Бахтин в работе «Формы времени и хронотопа в романе» показал, что всякая культура живет на границах: «Внутренней территории у культурной области нет: она вся расположена на границах, границы проходят повсюду, через каждый момент ее, систематическое единство культуры уходит в атомы культурной жизни, как солнце отражается в каждой капле ее. Каждый культурный акт существенно живет на границах: в этом его серьезность и значительность; отвлеченный от границ, он теряет почву, становится пустым, заносчивым, вырождается и умирает» [24, с. 25]. Поэтому гибридность может рассматриваться как универсальное свойство бытия культуры.

Диалогическая трактовка культурных границ, предложенная М. М. Бахтиным, получает развитие в постколониальной теории Хоми К. Бхабхи. Если у М. М. Бахтина акцент сделан на внутренней диалогичности самих культурных формаций, то Бхабха вводит понятие «третьего пространства» (Third Space) для обозначения промежуточной, лиминальной зоны, где происходит встреча и переосмысление культурных смыслов. Третье пространство не является ни одной из исходных культур, но возникает между ними, в зазоре перевода и переговоров. Именно в этом промежутке рождается новая гибридная идентичность, не сводимая ни к «чистому» истоку, ни к подражанию доминирующему образцу. Бхабха формулирует это следующим образом: «It is the 'inter' – the cutting edge of translation and negotiation, the in-between space – that carries the burden of the meaning of culture. … [B]y exploring this Third Space, we may elude the politics of polarity and emerge as the others of our selves» [25, p. 38–39].

Специфика современных российских исследований культурной идентичности может быть охарактеризована по трем направлениям. *Во-первых*, наблюдается отказ от жесткого противопоставления примордиализма и конструктивизма в пользу гибридных или синтетических моделей. Так, Н. А. Медушевский в статье «На стыке примордиализма и конструктивизма» [26] прямо фиксирует запрос на гибридную концепцию, сочетающую объективные категории с конструктивистским пониманием этничности как процессуального феномена. *Во-вторых*, языкоцентричность, которая проявляется в том, что язык понимается как активный конструктор и хранитель идентичности [27; 28]. *В-третьих*, литературоцентричность, так как художественная литература часто выступает объектом для исследований репрезентации гибридной и культурной идентичности [29; 30].

Философский и культурологический взгляд на проблему культурной идентичности получает развитие в работах Т. Д. Марцинковской, которая рассматривает идентичность как динамическую психическую систему с подвижными границами, функционирующую в ситуации транзитивности – состояния неопределенности, вызванного ускорением социальных

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 204–219
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 204–219

изменений, размыванием ценностно-нормативных границ и увеличением числа альтернатив поведения [31]. В такой ситуации устойчивость идентичности обеспечивается способностью к перестройке и диалектикой подвижных границ. Марцинковская подчеркивает, что именно культура выступает тем «неизменным», что позволяет человеку восстановить целостность восприятия мира: «Культура, эмоционально воспринимаемая как единое целое, дает укорененность и устойчивость, позволяя найти точки опоры в изменяющейся действительности и восстановить утраченную целостность восприятия мира и себя» [32, с. 75].

Из этого следует, что в динамичном и нестабильном мире культурная идентичность может выполнять стабилизирующую функцию и переносит акцент на способы поддержания связности «Я» в условиях постоянной трансформации. Отсюда следует, что изучение культурной идентичности, особенно в ее гибридных формах, в частности на Русском Севере, требует комплексной методологии, объединяющей когнитивные, лингвистические, социокультурные и философские измерения. Философия культуры может предложить здесь иерархическую модель синтеза: когнитивный уровень (который раскрывается, например, через категории толерантности к неопределенности и когнитивной сложности [33]), дискурсивно-лингвистический (например, лингвокультурные коды, переключение кодов, о чем упоминалось ранее), социокультурный (система ценностей, нормы, идеология) и философский (рефлексия, интеграция, концептуализация).

Заключение. Перспективы междисциплинарного и комплексного исследования культурной идентичности Русского Севера связаны с необходимостью расширения эмпирической базы за счет источников, недоступных традиционным опросам. Цифровые языковые корпусы, я-документы (дневники, автобиографии, личные письма), учебная литература для билингвальных регионов, социальные медиа и транскрипты устной речи могут дать материал для отслеживания реальной культурной идентичности и ее динамики в повседневных и институциональных практиках жителей рассматриваемых регионов. Также накопленный в многочисленных эмпирических (в первую очередь лингвистических и этнографических) исследованиях материал нуждается в философско-культурологической рефлексии, направленной на переход от описания разрозненных аспектов культурной идентичности к выработке категориального аппарата и построению целостной системы, отражающей специфику культурно-исторического развития России. Такой подход позволит не только описать, но и объяснить, как именно формируется культурная идентичность Русского Севера, как она удерживается и трансформируется в условиях транзитивности и гибридности, а также предложить обоснованные стратегии культурной политики в российских полиэтнических и мультикультурных обществах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пермиловская А. Б. Русский Север – специфический код культурной памяти // Культура и искусство. 2016. № 2. С. 155–163. DOI: 10.7256/2222-1956.2016.2.18345

2. Русский Север: ареалы и культурные традиции / ред.-сост. Т. А. Бернштам, К. В. Чистов. СПб.: Наука, 1992.

3. Малахов В. С. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. 2005. № 2. С. 43–53.

4. Geertz C. The Interpretation of Cultures. NY: Basic Books, 1973.

5. Brass P. Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison. London: Sage, 1991.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 204–219
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 204–219

6. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева. М.: Кучково поле, 2016.

7. Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера: в 4 т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015.

8. Теуш О. А. Новые материалы по коми-заимствованиям в говорах Русского Севера (Ленский район Архангельской области) // Финно-угорский мир. 2016. № 1 (26). С. 49–59.

9. Кабинина Н. В. Проблемы изучения финно-угорского топонимического субстрата на территории Русского Севера // Linguistica. 2015. Т. 55, № 1. С. 207–228. DOI: 10.4312/linguistica.55.1.207-228

10. Киришева Т. И. Русская топонимия финно-угорского происхождения на территории Онежского полуострова: автореф. дис. … канд. филол. наук / УрГУ. Екатеринбург, 2006.

11. Духовная культура Русского Севера в народной словесности: материалы экспедиций // Репозиторий СПбГУ. 2023. URL: https://dspace.spbu.ru/handle/11701/44514 (дата обращения: 05.05.2026).

12. Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада. Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб.: Наука, 2004.

13. Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Вып. III: Карты (часть 1). Лексика / ред. Р. И. Аванесов. М.: Наука, 1997.

14. Зорина Л. Ю. В Вологодской области филолог Людмила Зорина пятьдесят лет исследует местные говоры // Город Че. 15.10.2024. URL: https://www.gorodche.ru/society/5637052-v-vologodskoy-oblasti-filolog-lyudmila-zorina-pyatdesyat-let-issleduet-mestnye-govory/ (дата обращения: 05.05.2026).

15. Маркова Н. В. Грамматические диалектные черты заонежского диалекта // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 1. С. 63–71. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.434

16. Конькова О. И. Ижора. Очерки истории и культуры. СПб.: МАЭ РАН, 2009.

17. Конькова О. И. Водь. Очерки истории и культуры. СПб.: МАЭ РАН, 2009.

18. VADDA // URL: https://www.vadda.ru (дата обращения: 05.05.2026).

19. Муслимов М. З. Ингерманландский финский язык // Малые языки России: проект ИЯз РАН. URL: https://minlang.iling-ran.ru/lang/ingermanlandskiy-finskiy-yazyk (дата обращения: 05.05.2026).

20. Бакула В. Б. Проблемы формирования литературного языка кольских саамов // Финно-угорский мир. 2018. Т. 10, № 3. С. 13–22. DOI: 10.15507/2076-2577.010.2018.03.013-022

21. Бойко Т. П. Ливвиковское (олонецкое) наречие карельского языка // Малые языки России: проект ИЯз РАН. URL: https://minlang.iling-ran.ru/lang/livvikovskoe-oloneckoe-narechie-karelskogo-yazyka (дата обращения: 05.05.2026).

22. Коми-зырянский язык / Е. А. Айбабина, Л. М. Безносикова, Р. Блокланд и др. // Малые языки России: проект ИЯз РАН. URL: https://minlang.iling-ran.ru/lang/komi-zyryanskiy-yazyk (дата обращения: 05.05.2026).

23. Рикёр П. Я-сам как другой / пер. с фр. Б. М. Скуратова. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2008.

24. Бахтин М. М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 6–71.

25. Bhabha H. K. The Location of Culture. London: Routledge, 1994.

26. Медушевский Н. А. На стыке примордиализма и конструктивизма: осмысливая понятие «этнос». Ч. 1 // Власть. 2025. Т. 33, № 1. С. 228–233. DOI: 10.24412/2071-5358-2025-1-228-233

27. Ларионова М. В. Латиноамериканский цивилизационный дискурс: топонимы как паттерны культурной идентичности // Язык и культура. 2024. № 67. С. 32–57. DOI: 10.17223/19996195/67/2

28. Загрязкина Т. Ю. Аспекты культурной идентичности французов сквозь призму языка (на примере лексем pays-paysage-terroir-village) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27, № 1. С. 106–123. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-1-8

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 204–219
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 204–219

29. Бронич М. К. Проблема гибридной идентичности в американо-еврейской литературе // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 454–458. DOI: 10.18500/1817-7115-2021-21-4-454-458

30. Моркина М. А. Дисфункциональное отцовство в нарративах культурного пограничья: на примере современной шведской литературы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2026. Т. 19, вып. 1. С. 300–306. DOI: 10.30853/phil20260041

31. Марцинковская Т. Д. Идентичность в транзитивном и виртуальном пространстве // Вестн. РГГУ. Сер. Психология. Педагогика. Образование. 2018. № 4 (14). С. 11–20.

32. Марцинковская Т. Д. История, культура, развитие как образующие историко-генетической парадигмы // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11, № 4. С. 69–78. DOI: 10.17759/chp.2015110406

33. Ясин М. И., Рябиченко Т. А. Когнитивные предикторы гибридной и альтернативной идентификации в поликультурной среде: обзор зарубежных исследований // Современная зарубежная психология. 2021. Т. 10, № 3. С. 79–91. DOI: 10.17759/jmfp.2021100308

Информация об авторах

Ульяницкая Любовь Александровна – кандидат филологических наук (2019), доцент (2025), доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 50 научных публикаций. Сфера научных интересов: языковая политика, социолингвистика, языковые контакты, языковая интерференция.

Московчук Любовь Сергеевна – кандидат философских наук (2006), доцент (2013), доцент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 62 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия культуры, философия кино, кросскультурные исследования, аксиология, этика, философская антропология.

Гусев Олег Николаевич – аспирант кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор шести научных публикаций. Сфера научных интересов: философия языка, философия культуры, философские и социокультурные особенности билингвизма, переключение лингвокультурных кодов, переводоведение.

Шумков Андрей Арнольдович – доктор филологических наук (2009), доцент (2007), заведующий кафедрой иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: грамматика германских языков, общее языкознание, модели языка, переводоведение, теория языковых контактов.

Авторский вклад

Ульяницкая Любовь Александровна – обработка, анализ и интерпретация данных по языковой ситуации на Русском Севере и лингвистическим школам, изучающим его диалектальное разнообразие.

Московчук Любовь Сергеевна – разработка методологической базы исследования, обработка, анализ и интерпретация данных по концепту культурной идентичности в рамках лингвофилософского подхода.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 204–219
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 204–219

Гусев Олег Николаевич – разработка концепции и структуры исследования, первичный поиск релевантных источников по концепту культурной идентичности, подготовка рукописи к публикации.

Шумков Андрей Арнольдович – замысел, разработка концепции и структуры исследования, общее руководство.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 25.03.2026; принята после рецензирования 06.05.2026; опубликована онлайн 23.06.2026.

REFERENCES

1. Permilovskaya, A.B. (2016), "Russian North is a Specific Code of Cultural Memory", *Culture and Art*, no. 2, pp. 155–163. DOI: 10.7256/2222-1956.2016.2.18345

2. Bernshtam, T.A. and Chistov, K.V. (ed.). (1992), *Russkiy Sever: arealy i kulturnye traditsii* [The Russian North: Areas and Cultural Traditions], Nauka, SPb., RUS.

3. Malakhov, V.S. (2005), "Inconveniences with identity", *Voprosy Filosofii*, no. 2, pp. 43–53.

4. Geertz, C. (1973), *The Interpretation of Cultures*, Basic Books, NY, USA.

5. Brass, P. (1991), *Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison*, Sage, London, UK.

6. Anderson, B. (2016), *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, Transl. by Nikolaev, V., Kuchkovo pole, Moscow, RUS.

7. Matveev, A.K. (2015), *Substratnaya toponimiya Russkogo Severa* [Substrate Toponymy of the Russian North], in 4 vols., Izd-vo Ural. un-ta, Ekaterinburg, RUS.

8. Teush, O.A. (2016), "New material on the Komi borrowing in the dialects of the Russian north (Lensky district of Arkhangelsk region)", *Finno-Ugric World*, no. 1 (26), pp. 49–59.

9. Kabinina, N.V. (2015), "Problems in the study of the Finno-Ugric substrate toponymy of the Russian north", *Linguistica*, vol. 55, no. 1, pp. 207–228. DOI: 10.4312/linguistica.55.1.207-228

10. Kirisheva, T.I. (2006), "Russian Toponymy of Finno-Ugric Origin on the Territory of the Onega Peninsula", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, UrFU, Ekaterinburg, RUS.

11. "Spiritual Culture of the Russian North in Folk Literature: Expedition Materials" (2023), *Repository. St. Petersburg State Univ.*, available at: https://dspace.spbu.ru/handle/11701/44514 (accessed 05.05.2026).

12. Myznikov, S.A. (2004), *Leksika finno-ugorskogo proiskhozhdeniya v russkikh govorakh Severo-Zapada. Etimologicheskiy i lingvogeograficheskiy analiz* [Vocabulary of Finno-Ugric Origin in Russian Dialects of the North-West. Etymological and Linguogeographic Analysis], Nauka, SPb., RUS.

13. Avanesov, R.I. (ed.), (1997), *Dialektologicheskiy atlas russkogo yazyka. Tsentr Evrop-eyskoy chasti Rossii. Vypusk III: Karty (chast 1). Leksika* [Dialectological Atlas of the Russian Language. Center of the European Part of Russia. Issue III: Maps (Part 1). Vocabulary], Nauka, Moscow, RUS.

14. Zorina, L.Yu. (2024), "In the Vologda Region, Philologist Lyudmila Zorina has been Researching Local Dialects for Fifty Years", *GorodChe*, 15.10.2024, available at https://www.gorodche.ru/society/5637052-v-vologodskoy-oblasti-filolog-lyudmila-zorina-pyatdesyat-let-issleduet-mestnye-govory/ (accessed 05.05.2026).

15. Markova, N.V. (2020), "Grammatical dialect features of the Zaonezhye dialect", *Proc. of Petrozavodsk State Univ.*, vol. 42, no. 1, pp. 63–71. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.434

16. Konkova, O.I. (2009), *Izhora. Ocherki istorii i kultury* [The Izhorians. Essays on History and Culture], MAE RAS, SPb., RUS.

17. Konkova, O.I. (2009), *Vod'. Ocherki istorii i kultury* [The Votes. Essays on History and Culture], MAE RAS, SPb., RUS.

18. *VADDA*, available at: https://www.vadda.ru (accessed 05.05.2026).

19. Muslimov, M.Z. (n. d.), "Ingrian Finnish language", *Minor Languages of Russia. Institute of Linguistics of the RAS*, available at https://minlang.iling-ran.ru/lang/ingermanlandskiy-finskiy-yazyk (accessed 05.05.2026).

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 204–219
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 204–219

20. Bakula, V.B. (2018), "Problems of Formation of Literary Language of the Kola Saami", *Finno-Ugric World*, vol. 10, no. 3, pp. 13–22. DOI: 10.15507/2076-2577.010.2018.03.013-022

21. Boiko, T.P. (n. d.), "Livvi (Olonets) dialect of the Karelian language", *Minor Languages of Russia. Institute of Linguistics of the RAS*, available at https://minlang.iling-ran.ru/lang/livvikovskoe-oloneckoe-narechie-karelskogo-yazyka (accessed 05.05.2026).

22. Aibabina, E.A., Beznosikova, L.M., Blokland, R. et al. (n. d.), "Komi-Zyrian language", *Minor Languages of Russia. Institute of Linguistics of the RAS*, available at https://minlang.iling-ran.ru/lang/komi-zyryanskiy-yazyk (accessed 05.05.2026).

23. Ricœur, P. (2008), *Soi-même comme un autre*, Transl. by Skuratov, B.M., Izd-vo gumanitarnoy literatury, Moscow, RUS.

24. Bakhtin, M.M. (1975), "The Problem of Content, Material, and Form in Verbal Art", *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of Literature and Aesthetics], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, USSR, pp. 6–71.

25. Bhabha, H.K. (1994), *The Location of Culture*, Routledge, London, UK.

26. Medushevskiy, N.A. (2025), "Between Primordialism and constructivism: understanding the concept of ethnos part", *Power*, vol. 33, no. 1, pp. 228–233. DOI: 10.24412/2071-5358-2025-1-228-233

27. Larionova, M.V. (2024), "Latin American civilizational discourse: toponyms as patterns of cultural identity", *Language and Culture*, no. 67, pp. 32–57. DOI: 10.17223/19996195/67/2

28. Zagryazkina, T.Yu. (2024), "Aspects of French identity through the prism of language (using the example of the evolution of the lexemes pays-paysages-terroirs-villages)", *Bulletin of Moscow Univ. Ser. 19. Linguistics and Intercultural Communication*, vol. 27, no. 1, pp. 106–123. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-1-8

29. Bronich, M.K. (2021), "Hybrid identity in the American-Jewish literature", *Izvestiya of Saratov Univ. Philology. Journalism*, vol. 21, iss. 4, pp. 454–458. DOI: 10.18500/1817-7115-2021-21-4-454-458

30. Morkina, M.A. (2026), "Dysfunctional fatherhood in cultural liminality narratives: a study of contemporary Swedish literature", *Philology. Theory & Practice*, vol. 19, iss. 1, pp. 300–306. DOI: 10.30853/phil20260041

31. Martsinkovskaya, T.D. (2018), "Identity in transitive and virtual space", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 11 (4), pp. 11–20.

32. Martsinkovskaya, T.D. (2015), "History, Culture and Development as a Basis of Historical-Genetic Paradigm", *Cultural-Historical Psychology*, vol. 11, no. 4, pp. 69–78. DOI: 10.17759/chp.2015110406

33. Yasin, M.I. and Ryabichenko, T.A. (2021), "Cognitive predictors of hybrid and alternative identification in multicultural environment: review of foreign studies", *J. of Modern Foreign Psychology*, vol. 10, no. 3, pp. 79–91. DOI: 10.17759/jmfp.2021100308

Information about the authors

Liubov A. Ulianitckaia – Can. Sci. (Philology, 2019), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 50 scientific publications. Area of expertise: language policy, sociolinguistics, language contacts, language interference.

Lyubov S. Moskovchuk – Can. Sci. (Philosophy, 2006), Docent (2013), Associate Professor at the Department of Philosophy, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 62 scientific publications. Area of expertise: philosophy of culture, philosophy of cinema, cross-cultural studies, axiology, ethics, philosophical anthropology.

Oleg N. Gusev – Postgraduate Student at the Department of Philosophy, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of six scientific publications. Area of expertise: philosophy of language, philosophy of culture,

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 204–219
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 3, pp. 204–219

philosophical and socio-cultural features of bilingualism, switching linguistic and cultural codes, translation studies.

Andrey A. Shumkov – Dr. Sci. (Philology, 2009), Docent (2007), Head of the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 100 scientific publications. Area of expertise: grammar of Germanic languages, theoretical linguistics, language models, translation studies, language contacts.

Author's contribution

Liubov A. Ulianitckaia – processing, analysis and interpretation of data on the language situation in the Russian North and on the linguistic schools studying its dialectal diversity.

Lyubov S. Moskovchuk – development of the methodological framework of the study, processing, analysis and interpretation of data on the concept of cultural identity within the linguophilosophical approach.

Oleg N. Gusev – development of the concept and structure of the study, initial identification of relevant sources on the concept of cultural identity, preparation of the manuscript for publication.

Andrey A. Shumkov – the idea, development of the concept and structure of the study, general guidance.

No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 25.03.2026; adopted after review 06.05.2026; published online 23.06.2026.

В редакцию журнала «ДИСКУРС» необходимо представить:

● по e-mail discourse@etu.ru либо на электронном носителе:

➢ электронную копию статьи, подготовленную согласно разделам «Правила оформления текста статьи» и «Структура научной статьи». К публикации принимаются статьи на русском и английском языках;

➢ каждый рисунок отдельным файлом в формате тех редакторов, в которых они были подготовлены, согласно правилам оформления. Размещение рисунка в электронной копии статьи не освобождает от его представления отдельным файлом;

➢ сведения об авторах (на русском и английском языках).

Правила оформления текста статьи

Текстовый редактор – Microsoft Word версии не ниже 2003 г.

Формат бумаги – А4.

Параметры страницы: поля: верхнее 2.75 см, правое и левое по 2.25 см, нижнее 2.5 см; верхний колонтитул 1.7 см, нижний колонтитул 2 см.

Для создания *формул* используется редактор MathType.

Текст статьи: объем до 1 п. л. (20 000 – 40 000 знаков, включая пробелы), шрифт «Times New Roman» 12 pt; выравнивание по ширине; междустрочный интервал «Множитель 1.15»; автоматическая расстановка переносов.

Текст в таблицах печатается через одинарный интервал, шрифт «Times New Roman»; основной текст 10 pt, индексы 8 pt, подындексы 6 pt. Нумерационный заголовок содержит слово «Таблица» и ее номер арабскими цифрами. Номер и заглавие таблицы указываются на русском и английском языках.

Рисунки в электронном виде и подписи к ним создаются в черно-белом виде средствами Word или других программ [CorelDRAW, Visio, Adobe Illustrator, Excel (с предоставлением оригинала рисунка в электронном виде)]. Качество рисунков и фотографий (в форматах .jpg, .tif) должно быть не менее 300 dpi. На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица, если в статье их содержится более одного, должны быть пронумерованы (например: рис. 1, рис. 2, табл. 1, табл. 2).

Описание содержания рисунка, а также введенных на нем обозначений следует приводить в основном тексте статьи. Подпись под рисунком содержит его номер и название на русском и английском языках. Буквенные обозначения фрагментов рисунка ставятся под фрагментом перед нумерационным заголовком; в тексте ссылка на фрагмент ставится после нумерационного заголовка через запятую (например: рис. 1, *а*).

Структура научной статьи

Авторам рекомендуется придерживаться следующей структуры статьи:

• *Заголовочная часть*:

– УДК (выравнивание по левому краю);

– авторы (перечень авторов – ф. и. о. автора(-ов) полностью, инициалы ставятся перед фамилиями, после каждого инициала точка и пробел; инициалы не отрываются от фамилии, если авторов несколько, ф. и. о. разделяются запятыми);

– место работы каждого автора и почтовый адрес организации. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, а затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

– название статьи;

– аннотация – 200–250 слов, характеризующих содержание статьи;

– ключевые слова – 5–7 слов и/или словосочетаний, разделенных запятыми и отражающих содержание статьи;

• текст статьи;

• приложения (при наличии);

• список литературы (библиографический список);

• справка об авторах.

Англоязычная часть (по порядку расположения структурных элементов и оформлению соответствует русскоязычной части статьи):

– авторы (Authors);

– место работы каждого автора (Affiliation). Необходимо убедиться в корректном (согласно уставу организации) написании ее названия на английском языке. Перевод названия возможен лишь при отсутствии англоязычного названия в уставе. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

– название (Title);

– аннотация (Abstract);

– ключевые слова (Keywords);

– список литературы (References);

– справка об авторах.

Авторство и место в перечне авторов определяется договоренностью последних. При примерно равном авторском вкладе рекомендуется алфавитный порядок. Если авторов несколько, необходимо указать контактного автора по работе редакции со статьей.

Название статьи должно быть информативным, четко отражать ее содержание в нескольких словах. Хорошо сформулированное название – гарантия того, что работа привлечет читательский интерес. Следует помнить, что название работы прочтет гораздо больше людей, чем ее основную часть.

Аннотация представляет собой краткое описание содержания изложенного текста. Она должна отражать актуальность, постановку задачи, пути ее решения, результаты и выводы. Рекомендуется содержание аннотации представить в структурированной форме согласно структуре самой статьи: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

В аннотации не следует приводить ссылки и сноски, упоминать источники, использованные в работе, пересказывать содержание отдельных параграфов, упоминать цифры и формулы.

При написании аннотации необходимо соблюдать особый стиль изложения: избегать длинных и сложных предложений, излагать мысли максимально кратко и четко, составлять предложения только в настоящем времени и только от третьего лица.

В русскоязычном издании *Abstract* является для иностранных читателей основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в

ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по авторскому резюме оценивают публикацию, определяют свой интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т. д. Текст резюме должен быть связным и информативным; целесообразно при написании резюме использовать Past Indefinite и Present Perfect Tenses. Рекомендуемый объем – 200–250 слов.

Ключевые слова – набор слов, отражающих содержание текста в терминах объекта, научной отрасли и методов исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов/фраз – 5–7, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3.

Текст статьи структурируется в определенной последовательности: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

При необходимости авторы могут вводить дополнительные разделы, например *Обзор литературы* и т. п.

Благодарности – выражается признательность коллегам, которые оказывали помощь в выполнении исследования или высказывали критические замечания в адрес статьи. Однако необходимо заручиться согласием тех, кого планируете поблагодарить.

Источник финансирования – указываются источники финансирования (гранты, совместные проекты и т. п.).

Соблюдение этических стандартов – раздел необходим в том случае, если проводились опыты с участием животных или людей. Подробнее: http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/

Конфликт интересов – авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи. Например: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов». Если конфликт интересов возможен, то необходимо пояснение (см. http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/)

Возможен раздел *Информация о вкладе авторов* (по желанию указывается, какая часть работы при подготовке и написании статьи выполнена конкретным автором).

Приложения – при их наличии.

Библиографический список включает:

– заголовок «Список литературы»;

– библиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту статьи подряд, начиная с первого, выполненное по ГОСТ Р 7.0.5–2008.

В ссылках на материалы конференций обязательно указание даты и места их проведения; при ссылках на статьи в сборниках статей обязательно приводятся номера страниц, содержащих данный материал. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть *цифровой идентификатор* Digital Object Identifier (DOI), его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки. Проверять наличие DOI статьи следует на сайте http://search.crossref.org/ или https://www.citethisforme.com.

References (стиль Harvard): для зарубежных баз данных приводится полностью отдельным блоком, повторяя список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеются или нет в нем иностранные источники. Если в списке литературы есть ссылки на иностранные публикации, то они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите. В References совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ 7.0.5-2008. Библиографический список представляется с переводом русскоязычных источников на латиницу. При этом применяется транслитерация по системе BSI

(см. http://ru.translit.net/?account=bsi). Онлайн-помощник оформления библиографии (только статьи из газет или журналов): http://publishing-vak.ru/clearance-bibliography.htm

Авторская справка содержит: фамилию, имя, отчество (полностью) автора, ученую степень (год присвоения), ученое звание (год присвоения), должность по основному месту работы; указывается количество научных публикаций автора, сфера научных интересов (несколько слов, словосочетаний), e-mail; контактный телефон. Также требуется включать идентификационный номер исследователя ORCID (Open Researcher and Contributor ID), который отображается как адрес вида http://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx. При этом важно, чтобы кабинет автора в ORCID был заполнен информацией об авторе, имел необходимые сведения о его образовании, карьере, публикациях.

Перечень основных тематических направлений журнала

Философия (по научным специальностям):

5.7.1. Онтология и теория познания;
5.7.2. История философии;
5.7.3. Эстетика;
5.7.4. Этика;
5.7.5. Логика;
5.7.6. Философия науки и техники;
5.7.7. Социальная и политическая философия;
5.7.8. Философская антропология, философия культуры;
5.7.9. Философия религии и религиоведение (философские науки).

Социология (по научным специальностям):

5.4.1. Теория, методология и история социологии;
5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы;
5.4.5. Политическая социология;
5.4.6. Социология культуры;
5.4.7. Социология управления.

Филология (по научным специальностям):

5.9.6. Языки народов зарубежных стран;
5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Рукописи печатаются бесплатно.

Технические вопросы можно выяснить, написав на адрес discourse@etu.ru

Редакторы: *О. Н. Артунян, О. Р. Крумина, Е. А. Ушакова*
Компьютерная верстка *Е. С. Рыбец*

Editors: *O. N. Artunian, O. R. Krumina, E. A. Ushakova*
DTP Professional *E. S. Rybets*

Подписано в печать 19.06.26. Дата выхода в свет 26.06.26.
Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Times New Roman».
Уч.-изд. л. 29,12. Печ. л. 28,0. Тираж 300 экз. (1-й завод 1–150 экз.). Заказ 87.
Цена свободная.

Signed to print 19.06.26. Publication date 26.06.26.
Sheet size 60 × 84 1/8. Educational-ed. liter. 29,12. Conventional printed sheets 28,0.
Number of copies 300. Printing plant 1–150 copies. Order no. 87.
Free price.

Отпечатано в издательстве СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197022, С.-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф. Тел. / факс: +7 (812) 346-28-56

Published by ETU Publishing house
5F Professor Popov Str., St Petersburg 197022, Russia. Tel./Fax: +7 (812) 346-28-56